

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

D
147
P56
MAIN

А. А. Погоди́къ.

UC-NRLF

B 3 477 008

ИЗЪ ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРЕДВИЖЕНІЙ.

Издавіе СВВ. Археологическаго Листитута.

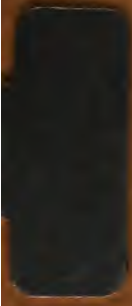
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина, Тельманна ул., д. № 5

1901.

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

940

THE UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

011

Рогодин, А. Л.
А. Л. Рогодинъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРЕДВИЖЕНІЙ.

Из исторіи славянскихъ передвиженій.

Изданіе СПб. Археологическаго Института.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. П. Лопухина. Тельжная ул., д. № 5.

1901.

6432056K ✓

936,
145

Напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго Археологическаго
Института.

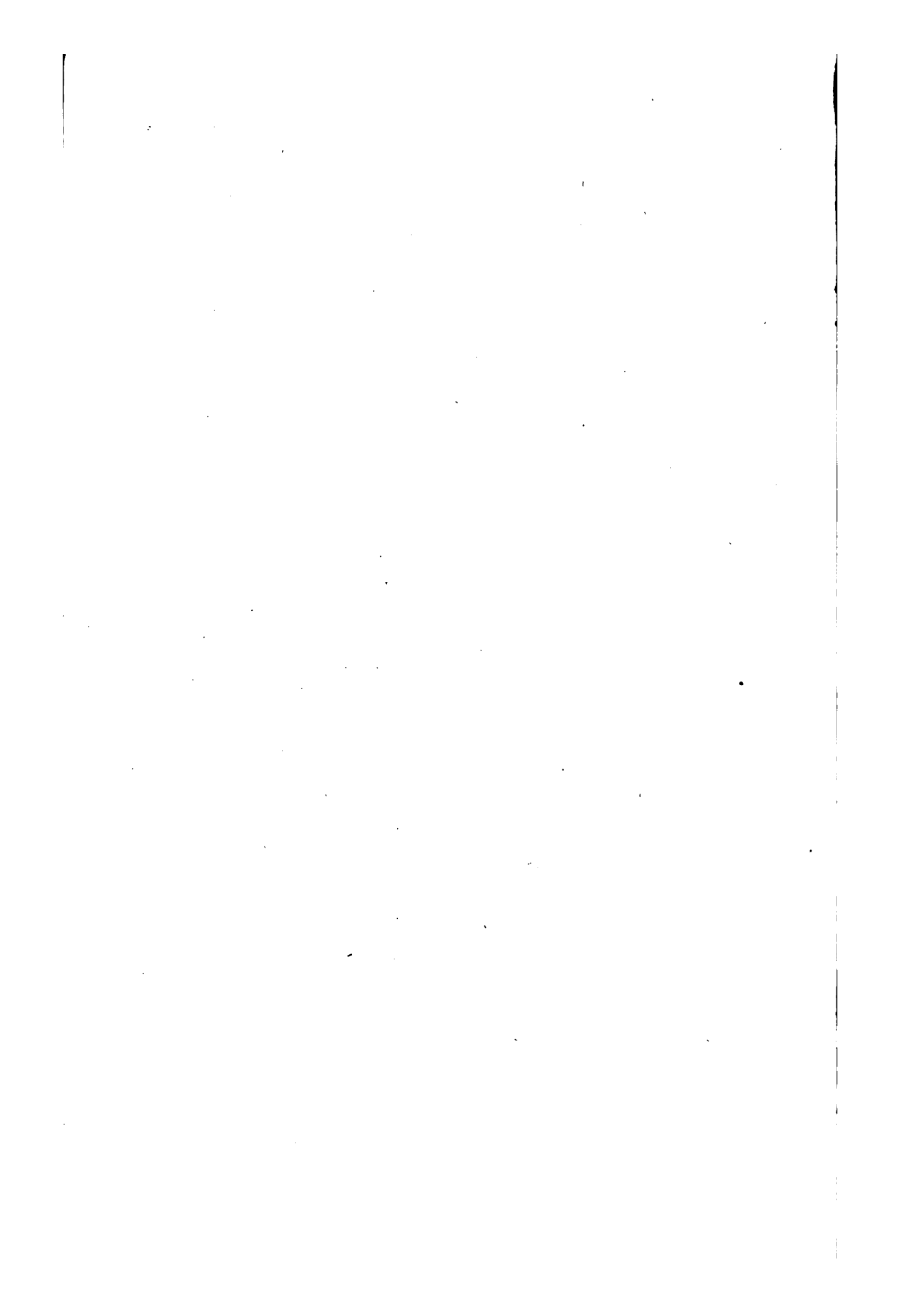
Директоръ *Н. Покровский.*

D147
P56
MAIN

Оглавленіе .

I. О задачахъ науки славянскихъ древностей	1
II. Венеды у Плинія, Тацита и Птолемея	5
III. Готы въ Россіи	20
IV. Славяне на Дунай ранѣ VI вѣка	25
V. Гунны	30
VI. Тюрки	44
VII. Славяне на Балканскомъ полуостровѣ въ VI вѣкѣ	49
VIII. Славянской вопросъ въ Греціи	74
IX. Родина славянскаго племени	85
X. Распространеніе славянъ на Западъ	112
XI. Заселеніе польскими славянами Польши и способъ ея колонизаціи	142
XII. Само	152
Указатель авторовъ	159
Указатель именъ и предметовъ	163

Предисловіе.

Задумавъ эту книгу, я предполагалъ положить въ основаніе ея курсъ лекцій, который я читалъ въ зимніе мѣсяцы 1898—1899 и 1900—1901 учебныхъ годовъ въ С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ. Однако, едва я приступилъ къ дѣлу, какъ увидѣлъ, что мнѣ необходимо сконцентрировать всѣ части своей работы вокругъ одного доминирующаго вопроса, и этимъ послѣднимъ сдѣлался въ моихъ глазахъ вопросъ о расселеніи славянскаго племени на Западѣ Европы. Тогда я понялъ, что цѣлый рядъ главъ мнѣ придется написать совсѣмъ заново, и что, съ другой стороны, многіе предметы, о которыхъ я говорилъ въ своихъ лекціяхъ, будутъ неумѣстны при такой постановкѣ вопроса. Вслѣдствіе этого моя книга сдѣлалась болѣе или менѣе подробнымъ, почти вездѣ самостоятельнымъ изслѣдованіемъ древнѣйшаго періода славянской исторіи. Но и теперь, когда я отказался отъ мысли просто переработать свой курсъ, я все-таки долженъ былъ остаться въ предѣлахъ извѣстной общедоступности, популярности изложенія, такъ какъ моя работа входитъ въ серіи лекцій преподавателей Археологическаго Института. Въ видахъ этой общедоступности я не могъ позволить себѣ подробныхъ чисто-филологическихъ изслѣдованій нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ несомнѣнное значеніе для науки славянскихъ древностей, иногда долженъ былъ приводить только нѣсколько фактовъ изъ обширнаго матеріала, порою сообщать такіа элементарныя вещи, которыя не могутъ быть интересны для специалистовъ-ученыхъ. Впрочемъ, я дол-

женъ признаться, что въ этихъ рамкахъ, которыя не давали мнѣ простора, я вижу отчасти выгоду для своей работы.

Монографіи, посвященныя тому или другому детальному вопросу, конечно не должны считаться съ требованіями доступности широкому кругу людей, желающихъ приступить къ изученію избранной ими науки. Мнѣ кажется, что для работъ болѣе общаго характера, къ какимъ я причисляю и мою книгу, это требованіе обязательно. Не популяризацію современнаго изученія древнѣйшей эпохи славянской жизни, но возможно популярное изложеніе собственныхъ размышленій по вопросамъ, съ нею связаннымъ: вотъ что я намѣтилъ себѣ, приступивъ къ исполненію своего замысла. Этимъ опредѣлился и планъ его. Древнѣйшія упоминанія о славянахъ еще подъ именемъ венедовъ, появленіе на ихъ позднѣйшей территоріи культурнаго народа готовъ, съ которымъ славянъ связала исторія уже раньше 4 в. по Р. Х.; нашествіе кочевыхъ гунновъ, въ культурѣ которыхъ большинство изслѣдователей думало видѣть славянскіе элементы: все это требовало освѣщенія и провѣрки, по крайней же мѣрѣ сопоставленія фактовъ и взглядовъ. Сюда присоединилась небольшая компилятивная глава о тюркахъ, которые въ лицѣ аваръ, а позже болгаръ такъ тѣсно связаны съ исторіей славянства. Наконецъ на арену исторіи выступили и сами славяне. Я счелъ за нужное, именно въ виду популярнаго характера моей книги, дать въ этой главѣ побольше простора источникамъ, привести цѣликомъ значительныя выдержки изъ сочиненій византійцевъ. Далѣе, несмотря на то, что вопросъ о славянскомъ элементѣ въ Греціи еще такъ недавно подвергся прекрасному изслѣдованію г. А. Васильева, мнѣ хотѣлось еще разъ разобраться въ немъ, внеся въ свой трудъ тотъ матеріалъ, который г. Васильевымъ, какъ историкомъ, не былъ утилизированъ. Покончивъ со славянами на Балканскомъ полуостровѣ, я приступилъ къ изученію ихъ распространенія на Западъ Европы. Но здѣсь мнѣ неминуемо пришлось столкнуться съ вопросомъ о томъ,

откуда же именно вышли славяне, т. е. что надо признавать за родину славянского племени. Я очень далеко от мысли, что далъ этому вопросу полное разрѣшеніе: здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо монографическое изслѣдованіе, но я все-же думаю, что сказать здѣсь кое-что свое, и что это *свое* оправдается позднѣйшими изслѣдованіями, которыя предпримуть люди болѣе меня свѣдущіе и настойчивые. Въ изученіи распространенія славянъ на Западъ я считалъ главной своей задачей сдѣлать вѣроятнымъ, что вся масса славянства двинулась одновременно. Такъ какъ единственный методъ доказательства я находилъ здѣсь въ разборѣ данныхъ языка бранденбургскихъ и мекленбургскихъ славянъ, языкъ же ихъ извѣстенъ намъ лишь по собственнымъ географическимъ именамъ, то я удѣлилъ на ихъ изученіе довольно много труда и времени, и здѣсь мнѣ пришлось отступить отъ моей задачи писать общедоступно. Распространяясь въ страны, окруженныя враждебнымъ германскимъ міромъ, славяне или попадали въ зависимость отъ него, или боролись съ нимъ. Въ обоихъ случаяхъ консервативное сохраненіе дѣдовскихъ традицій въ области народнаго быта было невозможно. Только польскіе славяне, свободно расселяясь на земляхъ, очищенныхъ ихъ соплеменниками, которые двинулись на Западъ и на Югъ, могли и при новомъ расселеніи сохранять старые обычаи, исконную группировку на народы и племена. Вотъ почему я посвятилъ нѣсколько страницъ на изложеніе тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришла польская наука въ области изученія крестьянства въ древней Польшѣ. Я не имѣлъ въ виду исчерпать этотъ вопросъ, сообщить послѣднія новости о немъ; то разрѣшеніе, которое дадутъ ему Бобжинскій и Бальцеръ, казалось мнѣ достаточнымъ для моей цѣли. Когда въ 7 вѣкѣ пробужденіе національнаго самосознанія среди славянъ привело къ образованію государства Само, я счелъ свой трудъ законченнымъ. Первый, такъ сказать эмбриональный, періодъ славянской жизни кончился, славяне родились для исторіи, и она уже вѣдаетъ съ этихъ поръ ихъ судьбы.

Выпуская въ свѣтъ свою книгу, я не могу не вспомнить съ глубокой признательностью о моихъ учителяхъ В. И. Ламанскомъ и А. И. Соболевскомъ, которымъ я обязанъ своей научной подготовкой. Съ первыхъ годовъ моего студенчества и до послѣднихъ дней А. И. Соболевскій никогда не отказывалъ мнѣ въ своей помощи и въ научныхъ, и въ житейскихъ дѣлахъ; ему я по преимуществу обязанъ направлениемъ своихъ интересовъ и тѣмъ научнымъ объективизмомъ, который я всегда ставилъ своей цѣлью при изслѣдованіи темныхъ вопросовъ старины, хотя, конечно, далеко не всегда мнѣ удавалось достигнуть его. А. А. Шахматова я благодарю и за научную помощь, и за постоянную нравственную поддержку въ періоды упадка вѣры въ себя и въ пользу своего дѣла. Имъ я хотѣлъ бы посвятить и свою книгу, но ладья, которую я выпускаю изъ своей гавани, такъ скромна и не замѣтна, что было бы неприлично прикрѣплять къ ея мачтѣ такой видный и крупный флагъ. За указанія и за помощь книгами я очень обязанъ С. Л. Пташицкому, Э. А. Вольтеру, П. А. Соколовскому и М. И. Кудряшову.

Многоуважаемаго директора Археологическаго Института, профессора Н. В. Покровскаго прошу принять мою искреннюю признательность за то содѣйствіе, которое онъ все время оказывалъ изданію моей книги. За хлопоты по ея печатанію большое спасибо В. И. Успенскому.

Оканчивая предисловіе, я долженъ извиниться передъ читателями за нѣкоторыя опечатки, которыя вкрались въ мою книгу вслѣдствіе недостатка чешскаго шрифта въ типографіи. Такимъ образомъ, на стр. 93 надо читать не *сіенас*, но *шіенас*, не *забас*, но *жабас*, не *зувинас*, но *жувинас*; наконецъ, не *зиздрас* или *зейдрас*, но *жиздрас*, на стр. 92 *мажас*, а не *мазас* и т. д. Въ остальныхъ замѣченныхъ мною случаяхъ опечатки не имѣютъ такого принципіальнаго значенія и легко могутъ быть исправлены самими читателями.

I.

О задачахъ науки славянскихъ древностей.

Въ эпоху, когда исторія еще ничего не знаетъ о славянахъ, какъ отдѣльномъ этнографическомъ цѣломъ, мы должны прибѣгать къ особымъ методамъ, чтобы освѣтить тотъ мракъ, въ который погружены ихъ древнѣйшія судьбы. Отдѣленные отъ греко-римскаго міра цѣлымъ рядомъ племень, съ которыми греки вступаютъ въ сношенія сравнительно поздно, а римляне лишь тогда, когда ходъ ихъ завоеваній привелъ ихъ въ непосредственную связь съ народами сѣвера и востока, т. е. въ первые вѣка до и послѣ Рождества Христова, славянская земля оставалась terra incognita до тѣхъ поръ, пока славяне сами не пришли въ соудство Византіи. Римляне узнали о славянахъ, потому что они пришли и разбили ихъ легіоны. Такъ говорилъ Карамзинъ, и въ этихъ гордыхъ словахъ есть доля правды. Уже значительно раньше VI вѣка, въ первыя столѣтія нашей эры, до римскихъ и греческихъ географовъ доходятъ смутныя извѣстія о славянахъ, которые живутъ гдѣ-то на Вислѣ, по сосѣдству съ чужеплеменными народами сарматовъ и бастарновъ, но эти извѣстія, полученные изъ вторыхъ рукъ, отъ германскихъ купцовъ, не отличаются ни точностью, ни подробностью и даже не сохраняютъ національнаго имени славянъ, говоря о какихъ-то *венетахъ*. Уже въ первыя столѣтія по Р. Х. на греческихъ и римскихъ надписяхъ Панноніи и Южной Россіи начинаютъ попадаться имена, въ родѣ *Антъ*, *Славъ* и т. д., которыя, должно быть, указываютъ на славянское происхожденіе лицъ, ихъ носившихъ, но первыя достовѣрныя свѣдѣнія о славянахъ начинаются лишь съ того времени, когда Византія ужаснулась, увидя передъ собой новаго врага, надвигавшагося безчисленными полчищами съ сѣвера, изъ-за Дуная. И въ это время славяне поражаютъ историковъ своей дикостью. Лишенные точно сформулированныхъ религіозныхъ представленій и жреческой касты, не вѣдающіе никакой политической организаціи, кромѣ развѣ союза мелкихъ родовыхъ князьковъ, дикіе до того, что, по разсказу одного писателя VI в., они пожирали человѣческое мясо: таковы были славяне при ихъ выступленіи въ исторіи въ началѣ VI вѣка. Такими же казались передъ тѣмъ гер-

манцы, гуны, а потомъ мадьяры и турки. Въ порывѣ перваго ужаса народы склонны преувеличивать дикость и некультурность неожиданнаго врага, явившагося Богъ вѣсть откуда, грозящаго разрушить тѣ пріобрѣтенія цивилизаціи, которыя теперь, въ минуту опасности, начинаютъ казаться особенно дорогими и близкими. Однако внимательный взоръ историка открываетъ среди этой видимой дикости черты древней культуры, слѣды давнишнихъ международныхъ сношеній, признаки исконнаго національнаго развитія.

Двинувшись на востокъ цѣлыми и многочисленными роями, славяне разсыпались по Европѣ; ихъ передовые отряды добрались до Эльбы и перешагнули чрезъ нее; полчища, которыя шли на югъ къ Дунаю и по Дунаю, захватили въ свои руки огромныя пространства на Балканскомъ полуостровѣ, всю нынѣшнюю Венгрію, и даже Италия должна была пріютить новыхъ пришельцевъ. Племенное, общеславянское развитіе національной культуры прекратилось: образовавшіяся новыя племенные группы зажили каждая своей особой жизнью, которая развертывалась на основѣ, унаслѣдованной отъ дѣдовъ, еще не вышедшихъ изъ общенія другъ съ другомъ на родинѣ славянскаго племени. Изучая обычаи и обряды, языкъ и мнѣя отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, мы можемъ возстановить ту культуру, которую имѣемъ право назвать общеславянской, выдѣливъ изъ нея тѣ заимствованные элементы, которые были внесены въ нее послѣ раздѣленія славянскихъ племенъ. Но эта общеславянская культура не представляется чѣмъ-то вполне самобытнымъ, отгороженнымъ китайской стѣной отъ чужеземныхъ вліяній. Европа уже давно кипѣла живой жизнью: на югѣ ея, въ припонтійскихъ степяхъ, бродили стада скиевъ и ихъ соплеменниковъ сарматовъ, а за ними тянулись ихъ повозки съ семьями и домашнимъ скарбомъ; соприкасаясь на Днѣпрѣ и на Донѣ съ греческими колоніями, скиевъ усваивали начала высшей греческой культуры, селились и въ Ольвіи на Днѣпрѣ и въ Танаидѣ на Донѣ, заводили торговныя связи съ отдаленнымъ востокомъ, куда шли ихъ караваны съ переводчиками, говорившими на семи языкахъ; на сѣверномъ склонѣ Кавказа сарматы заводили сношенія съ черкесами, по кавказскимъ проходамъ они спускались въ роскошныя долины Грузіи и доходили до Арменіи. Въ эпоху еще болѣе отдаленную, за VII—VIII вѣковъ до Р. Х., они добрались до Ассиріи и тамъ, подчинившись ея культурному вліянію и даже вступивъ въ родственныя связи съ ея династіей, отстаивали отъ Мидянъ Ниневію. На Кавказѣ же и на восточномъ и южномъ берегахъ Крыма скиевъ должны были приходиться въ сношенія съ евреями, которыя уже въ IV вѣкѣ до Р. Х. попадаютъ на берегахъ Чернаго моря, а въ I столѣтіи нашей эры, повидимому, уже жили въ Грузіи. Въ 80 году по Р. Х. евреевъ было въ Босфорскомъ царствѣ такъ много, что на двухъ керченскихъ надписяхъ уже идетъ рѣчь о синагогѣ Іудеевъ. Армяне и грузины, евреи и кавказскіе горцы: всѣ эти самобытные этническіе элементы вносили свою лепту въ ту восточно-европейскую культуру, носителями которой были иранскія племена скиевъ и сарматовъ. Но, кромѣ этихъ, такъ сказать туземныхъ элементовъ, въ ней участвовали и народы Восточнаго міра, въ которомъ со своей стороны переплетались уже съ древнѣйшихъ временъ жизни человѣчества всевозможныя культурныя нити. Персія вела живую торговлю съ припонтійскими родичами и доставляла скиеамъ предметы роскоши, серебряныя вазы съ орнаментомъ, выдающимъ ассиро-вавилонское художественное вліяніе, бронзовыя зеркала, чаши и оружіе: короче говоря, тѣ скиевскія древности, область распространенія которыхъ заходитъ далеко

въ Сибирь, на востокъ, а на западъ врѣзывается въ Венгрію и даже въ Баварію.

Скисская культура, испытавшая на себѣ столько разнообразныхъ вліяній, вобравшая въ себя столько различныхъ этническихъ элементовъ, казалась блестящей, высокой цивилизаціей сѣвернымъ сосѣдямъ иранцевъ, финнамъ, жившимъ въ эту пору въ средней полосѣ Россіи, и литовцамъ, сосѣдившимъ съ ними на востокъ. Прямымъ доказательствомъ этого является та масса иранскихъ словъ, которая вошла въ нарѣчія какъ восточныхъ, такъ и западныхъ финновъ. Вотъ такъ, называющій золото словомъ *зарни*, очень удивился-бы, еслибы узналъ, что это слово его предки заимствовали у скисовъ, такъ какъ и теперь осетины называютъ *золото* — *суһзәрнă*. Съ другой стороны осетины, потомокъ древнихъ алановъ и соплеменникъ геродотовскихъ савроматовъ, сохранилъ для серебра названіе (*ăzicm*), взятое его предками изъ языка финскихъ пермяковъ. Сотни иранскихъ словъ, опредѣленныхъ до сихъ поръ въ различныхъ финскихъ языкахъ, говорятъ намъ о томъ живомъ культурномъ обменѣ, который сблизжалъ уже нѣсколько вѣковъ до Р. Х. припонтійскія степи съ лѣсами и полями средней и сѣверной Россіи. вмѣстѣ съ новыми культурными понятіями на сѣверъ шли и новыя религіозныя представленія, слѣды которыхъ предстоитъ будущему изслѣдователю найти въ вѣрованіяхъ финскихъ племенъ. Пѣтухъ и голубь, эти священные птицы персидской религіи, посвященные свѣту и мраку, вошли вмѣстѣ съ суевѣріями, съ нимъ связанными, въ обиходъ Восточной Европы изъ Персіи, и до сихъ поръ, говоря о *красномъ пѣтухѣ*, мы повторяемъ старое вѣрованіе славянъ. Въ эпоху ирано-финскихъ культурныхъ сношеній славяне жили въ сторонѣ отъ иранцевъ, ихъ раздѣляли племена литовцевъ, которыя подверглись иранскому вліянію одновременно съ финнами, но въ значительно болѣе слабой степени. Важно отмѣтить, что нѣкоторыя изъ тѣхъ понятій, которыя къ финнамъ проникли съ иранскими названіями, въ этой-же формѣ перешли и къ литовцамъ; но ни одно изъ нихъ не достигло славянъ. Когда и эти послѣдніе испытали на себѣ культурное вліяніе иранскаго племени, оно уже передвинулось значительно на западъ и уже распространилось на сѣверъ, добравшись, вѣроятно, до самой Западной Двины.

Говоря о культурномъ мірѣ восточной Россіи, мы имѣемъ въ виду тотъ культурный обменъ, который соединялъ иранцевъ на югѣ Россіи съ финнами въ средней и приуральской полосѣ ея и съ литовцами, простиравшимися отъ Минской губерніи до бассейна Оки и занимавшими своими поселеніями теченіе Нѣмана, Зап. Двины и Березины съ ихъ притоками, а также сѣверные притоки Припяти. Въ этой области, по р. Припяти, славяне встрѣчались съ литовскими племенами, здѣсь они приходили въ культурное столкновеніе, но, вообще говоря, славяне стояли въ сторонѣ отъ скискаго культурнаго центра. Если его вліяніе и достигало ихъ, то все-же оно шло косвеннымъ путемъ, передавалось черезъ сосѣдей съ востока или съ юга, какъ въ Московскую Россію нѣмецкая культура входила черезъ Польшу, какъ и теперь черезъ государства Западной Европы мы знакомимся съ открытіями американской научной промышленности.

Съ юга славяне сосѣдили съ еракійскимъ племенемъ, занимавшимъ своими поселеніями теперешнюю Румынію и часть Венгріи и Галиціи, племенемъ, отмѣченнымъ въ своемъ нравственномъ быту многими оригинальными чертами и примыкающимъ въ области внѣшней культуры къ скисскому міру.

Стоя въ сторонѣ отъ восточнаго культурнаго міра, славяне не были соединены непосредственными путями и съ двумя другими культурными центрами древняго міра, греко-римскимъ и кельтскимъ Въ IV в. до Р. Х., въ ту эпоху, когда скинскія древности становятся извѣстны по раскопкамъ кургановъ, а скинскія имена начинаютъ встрѣчаться на южно-русскихъ греческихъ надписяхъ, отмѣчая этимъ культурную зависимость сѣверныхъ варваровъ отъ утонченной эллинской цивилизаціи, — въ эту эпоху южно-рейнскія кельтскія племена пережили особенный подъемъ своего политическаго могущества. Они создали самостоятельную культуру и самобытное искусство, питавшееся въ своихъ источникахъ струей греческаго художественнаго вліянія; этой культурѣ охотно подчинились ихъ восточные сосѣди, германцы, еще не успѣвшіе вступить на поприще исторіи. Какое сильное впечатлѣніе на германцевъ произвели воинственные кельты, сражавшіяся со щитами, украшенными дивными рисунками, видно изъ того, что нѣмцы назвали ихъ *героями*: нѣмецкое *Held* значитъ, въ сущности, *кельтъ*, а героя изъ древнихъ сагъ *Hilde*—*кельтка*. Очень много культурныхъ понятій изъ области обработки металловъ и земледѣлія, постройки крѣпостей и приготовленія оружія, наконецъ изъ области права перешло отъ кельтовъ къ германцамъ, а отъ нихъ къ славянамъ.

Все вышесказанное опредѣляетъ рамки нашихъ занятій. Намъ слѣдовало въ прошломъ году вскрыть тѣ жилы, по которымъ питались корни могучаго славянскаго дерева; теперь намъ предстоитъ освѣтить въ своемъ изслѣдованіи процессъ медленнаго роста этого дерева и его многочисленныхъ отпрысковъ; предстоитъ показать, какъ эти послѣдніе изъ едва замѣтныхъ ростковъ возросли до степени крупныхъ деревьевъ, которыя составили на долгое время лѣсъ славянской культуры, такъ пугавшій и саксовъ и папу. Короче говоря, славянскія древности кончаются тамъ, гдѣ начинается исторія славянскихъ народовъ, какъ таковыхъ. Образование чешскаго, польскаго и русскаго государствъ, относящееся почти къ одному времени, положить предѣлъ нашему изслѣдованію славянскихъ древностей.

II.

Венеды у Плинія, Тацита и Птолемея ¹⁾.

Несмотря на массу труда и остроумія, потраченных на выясненіе древнѣйшей исторіи славянъ и ихъ географическаго распространенія въ первые вѣка нашей эры, эти вопросы остаются такими же неясными, какими были лѣтъ за 50 тому назадъ. Можно сказать съ извѣстной достовѣрностью только то, что подъ венедями у этихъ писателей подразумѣваются дѣйствительно славяне, что римляне и греки познакомились со славянскимъ и литовскимъ міромъ черезъ нѣмцевъ, вѣроятно, черезъ нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ мѣхами и янтаремъ; о дальнѣйшемъ приходится только догадываться. Античные народы удивительно мало знали сѣверные края; на западъ ихъ свѣдѣнія, напр. во времена Геродота, не шли дальше Мароша. Этотъ историкъ, не щадившій трудовъ, чтобы пріобрѣсти самыя точныя свѣдѣнія о бытѣ, численности и происхожденіи скиѳовъ, сѣверныхъ сосѣдей греческихъ черноморскихъ колоній, самъ прибавляетъ въ своемъ описаніи Днѣпра, что эта рѣка извѣстна ему лишь на 40 дней пути; «выше неизвѣстны уже никому земли, черезъ которыя оныя протекаютъ». Спустя полтора вѣка лѣтъ послѣ Геродота, когда греки уже начали нѣсколько знакомиться съ Кавказомъ, сѣверъ Европы все еще оставался для нихъ

¹⁾ Изъ общихъ трудовъ по исторіи славянства можно назвать немногое. «Славянскія древности» Шафарика (1837, рус. пер. 1837—1838) имѣютъ теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только историческое значеніе; менѣе устарѣла книга Цейсса „Die Deutschen und ihre Nachbarstämme“, 1837. Въ настоящее время слѣдуетъ пользоваться книгами G. Krek'a „Einleitung in die slavische Literatur geschichte“, 2 изд. 1887, Müllenhoff'a „Deutsche Altertumskunde“, т. II-й. Только что вышелъ трудъ казанскаго профессора Н. И. Смирнова: „Древняя исторія южныхъ славянъ“ (Записки Казанскаго университета). У Крека очень богатая библиографія. Библиографическія свѣдѣнія встрѣчаются также въ изданіяхъ „Archiv für slavische Philologie“ (въ приложеніи къ тому 13 библиографія до 1892 года), у Jastrow'a въ Jahresberichte der Geschichtswissenschaft (до 1898 г.), въ послѣдніе годы въ изданіи пражскаго ученаго Л. Нидерле „Vestník slovanských starožitností“ (вышли 4 выпуска до 1900 года). О новѣйшихъ работахъ Нидерле см. мой отчетъ въ IV томѣ „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ“ (1900).

полнѣйшей terra incognita. Писатель III в., Аполлоній Родосскій, увѣряетъ насъ, что за Азовскимъ моремъ находится Сѣверный Океанъ. Это поразительное невѣжество, тѣмъ болѣе странное, что уже Аристотель жаловался на своихъ согражданъ, проводившихъ цѣлые дни въ болтовнѣ съ прїѣздами съ береговъ Фазиса или Борисеена, — это невѣжество проходитъ ряды вѣковъ. Въ Похвальной рѣчи Риму Эній Аристидъ (160 г. до Р. Х.) замѣчаетъ, что въ прежнее время Меотійское озеро представлялось на краю свѣта. Это время было, повидимому, недалеко отъ Энія. Такой серьезный человѣкъ, какъ историкъ Поливій (205—123), прямо утверждаетъ, что «пространство между Танаисомъ и Нарбонной, обращенное къ сѣверу», было неизвѣстно до его времени. «Можетъ быть, современемъ мы расскажемъ о немъ на основаніи разысканій», прибавляетъ онъ, а пока «нужно полагать, что всѣ говорящіе или пишущіе что-либо объ этихъ странахъ, сами ничего не знаютъ и рассказываютъ басни».

Римскіе народы оказали географической наукѣ громадныя услуги. По словамъ Страбона (въ началѣ нашей эры), «римляне открыли весь западъ Европы до рѣки Альбія (Эльбы) и страну по ту сторону Истра до рѣки Тираса (Днѣстра)». Однако эти свѣдѣнія все еще были очень неясными и туманными; самъ же Страбонъ признается, что страны къ сѣверу отъ Буга и Днѣстра почти совсѣмъ неизвѣстны.

Тѣмъ не менѣе сношенія между литво-славянскимъ и римскимъ мірами все-же существовали; за это ручается латинское слово *viverra* (у Плинія), означающее *бѣлку*, и заимствованное или у славянъ (*веприца*) или у литовцевъ (*vevere*). Подобнымъ образомъ греческое *καουάχης* стоитъ несомнѣнно въ связи съ сѣвернымъ названіемъ пушного звѣря *куница* (или *кіаине*)¹⁾. Находки римскихъ монетъ, которыя тянутся на сѣверъ съ береговъ Днѣпра и даже попадаютъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, показываютъ, что въ эпоху римскаго владычества на западѣ Европы международныя сношенія достигли и дальняго сѣвера. Проф. Антоновичъ, изслѣдовавшій этотъ матеріалъ по отношенію къ Волини, пришелъ къ заключенію, что направленіе кладовъ римскихъ монетъ шло черезъ Волинь отъ верховьевъ Буга къ Горыни и затѣмъ по теченію этой рѣки²⁾. Ранѣе I в. по Р. Х. монеты не встрѣчены здѣсь, и раньше этого времени даже имени *венецовъ* не встрѣчается у римскихъ писателей. Это фактъ многозначительный. По отношенію къ прибалтійскимъ провинціямъ свѣдѣнія о кладахъ римскихъ монетъ сгруппированы въ послѣдній разъ, кажется, финскимъ ученымъ Снельманомъ³⁾. По его словамъ, римскія монеты, мѣсто нахождения которыхъ можно точно опредѣлить, извѣстны донинѣ въ 30 мѣстахъ. На островѣ Эзелѣ до сихъ поръ найдено 10 римскихъ монетъ временъ Августа, Тиверія и др. всего до 56. Изъ Эстляндіи извѣстны три римскія монеты: именно, мѣдная денга Августа и 2 серебряные денарія Антонина Пія. Въ Лифляндіи нашли 9 монетъ, опять таки не раньше Августа. Даже въ Курляндіи, которая наиболѣе богата римскими кладами, нѣтъ никакихъ указаній на болѣе древнія сношенія прибалтійскихъ провинцій съ Римомъ. При той трудности переправъ и

¹⁾ Объ этомъ см. *A. Schrader Linguistisch—historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Waarenkunde Jena. 1886. стр. 36—87.*

²⁾ *Ю. Кулаковскій. Карта европейской Сарматіи по Птоломеею, Кіевъ. 1899. стр. 27—29*

³⁾ *A. H. Snellman. Itämeren suomalaiset itsenäisyytensä aikana. Helsinki 1896 стр. 13—15.*

при той недоступности славянскихъ болотъ, которыя съ такой наглядностью описаны Садовскимъ въ его классическомъ трудѣ: «Die Nadelstrassen der Griechen und Römer» (нѣм. перев. 1877 Iena), нельзя, кажется, и сомнѣваться, что купцами должны были являться люди, хорошо освѣдомленные съ условіями края, нѣсколько знающіе и мѣстные языки. Такими купцами римляне, повидимому, не были. Все заставляетъ насъ думать, что торговли велась черезъ посредство нѣмцевъ. Отъ нихъ и географы получили свои первые извѣстія о славянахъ венедахъ. Это имя, извѣстное намъ по безчисленному множеству географическихъ названій въ странахъ, гдѣ среди нѣмцевъ селились или сохранились славяне, въ формахъ *Wendisch, Windisch*, заставляетъ насъ думать, что именно славянъ нѣмецкіе купцы и за ними Тацитъ, Плиній и Птолемей подразумевали подъ *венедами*.

Первое, очень глухое упоминаніе о венедахъ на Балтійскомъ морѣ мы встрѣчаемъ уже у отца нашей исторіи, Геродота, въ V в., который сообщаетъ, что янтарь приходитъ съ рѣки Эридана отъ Венетовъ. Въ виду того, что намъ извѣстно, по изслѣдованіямъ химиковъ, что весь янтарь, дошедшій до насъ съ древнѣйшихъ временъ, уже отъ эпохи неолитической и изъ гробницъ первыхъ египетскихъ династій, происхожденія балтійскаго ¹⁾ (янтарь такихъ же приблизительно свойствъ, но въ небольшомъ количествѣ найденъ на Днѣпрѣ), то подъ Венетами слѣдуетъ подразумевать жителей прибалтійскихъ странъ. Рѣка Эриданъ могла быть такъ названа финикійскими торговцами: это слово семитическаго происхожденія, и въ самой Аттикѣ была рѣчонка Эриданъ; имя Венедовъ напомнило Геродоту знакомое ему имя иллирійскихъ Венетовъ, и онъ измѣнилъ слово *Венеды* по своему въ *Еветоі*. Изъ поэтовъ уже Софокль зналъ, что янтарь родится гдѣ-то далеко на сѣверѣ въ какой-то рѣкѣ у *Индовъ*, живущихъ у сѣвернаго океана. Если въ этихъ *индахъ* мы можемъ видѣть отзвукъ финикійскихъ разсказовъ о *виндахъ*, то мы имѣемъ здѣсь первое свидѣтельство не только о поселеніи славянъ у балтійскаго моря, но и о томъ, что славяне сошлись съ нѣмцами, изъ устъ которыхъ финикійцы и узнали германское названіе славянскаго племени. Это не должно удивлять насъ. Народныя переселенія далеко не такъ обычны и бурны, какъ мы склонны представлять себѣ. Если на южномъ Кавказѣ, этой аренѣ историческихъ смѣнъ народовъ и царствъ, существуетъ возможность донинѣ приурочить къ 15 мѣстностямъ географическія имена, занесенныя (въ числѣ 42) на клинообразныя надписи Ванскихъ царей за VII—VIII вѣковъ до нашей эры, то что же должно было происходить на тихихъ берегахъ Балтійскаго моря, удаленныхъ отъ политическихъ центровъ, невѣдомыхъ честолюбивымъ завоевателямъ. Мирное и безсознательное распространеніе во всѣ стороны въ естественныхъ предѣлахъ, непременно, должно было характеризовать первую до-историческую эру жизни славянскихъ и литовскихъ народовъ. По отношенію къ послѣднимъ это блестяще доказано въ трудахъ проф. Бецценбергера, который на основаніи словарныхъ данныхъ рѣшается утверждать, что за 5.000 лѣтъ до Р. Х. литовцы уже жили на берегу Балтійскаго моря при впаденіи въ него Нѣмана. Его мнѣніе, съ которымъ трудно спорить, основано на двухъ замѣчательныхъ фактахъ; первый изъ нихъ состоитъ въ томъ, что литовцы донинѣ называютъ моремъ (Юра) маленькую рѣчонку, которая, по утвержденію геологовъ, нѣкогда состав-

¹⁾ Ср. мою статью: „Распространеніе культуры въ доисторическія времена“. Ж. М. Н. Пр. 1900. № 6. стр. 266.

ляла устье Нѣмана. Они же до сихъ поръ называютъ словомъ *krantas*, означающимъ крутой, обрывистый берегъ, выступъ земли въ Куришагфѣ, который тянется отъ Мемеля до Винденбурга подъ водой на протяжении нѣсколькихъ саженъ отъ берега, и лѣтъ за 5.000 до Р. Х. дѣйствительно служилъ берегомъ¹⁾.

Передъ цифрой въ 5.000 лѣтъ блѣднѣютъ четыре-пять вѣковъ, которые насъ переносятъ къ славянамъ временъ Софокла и Геродота. Мнѣ кажется, что мы имѣемъ полное право видѣть уже тогда въ вѣнетахъ, индахъ именно славянъ, и это тѣмъ менѣе рисковано, что и Корнелій Непотъ рассказываетъ объ индахъ, занесенныхъ «силою бури изъ индѣйскаго океана» на берега западной Германіи. «*Indica aequora*», о которыхъ упоминаетъ писатель I в. до Р. Х. (95—24), совпадаютъ съ тѣмъ Венедскимъ заливомъ, о которомъ, спустя 200 лѣтъ, рассказываетъ Птолемей, называя однимъ изъ главныхъ народовъ Сарматіи венедровъ.

Мы все болѣе подходимъ къ началу нашей эры. Къ первымъ годамъ до или послѣ Р. Х. надо отнести оригиналъ практическихъ дорожныхъ таблицъ, изданныхъ гуманистомъ Певтингеромъ и представляющихъ географическій источникъ первой важности²⁾. Занесенныя на узкую ленту географическія названія не всегда точно указываютъ мѣстоположеніе племенъ: изъ нихъ мы можемъ заключить лишь то, черезъ какія племена приходилось пробѣжать путнику; границы же племенъ ничуть не интересовали составителя таблицъ. Отсюда и выходить, что иной разъ одно и то же племя дважды повторяется на лентѣ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слѣдующую схему: *Venadi Sarmatae, Alpes bastarnice. Blastarni. Venedi. Gaete. Dagaе*. Изъ этой схемы можно сдѣлать два вывода: съ одной стороны, тотъ, что славяне жили въ эту пору уже недалеко отъ Карпатъ, другой—тотъ, что ихъ сосѣдями служило иноземное, вѣроятно, германское племя бастарновъ, захватившее въ свои руки Карпатскія горы. Съ другой стороны славяне сосѣднили съ еракійскими народностями: *даками*, которые находились въ непрерывной враждѣ съ бастарнами, пережили необыкновенный подъемъ политическаго могущества при Буривистѣ и при Августѣ подвергались репрессаліямъ со стороны римлянъ. Какъ знать, какія были сношенія между даками и славянами? Когда при Буривистѣ, въ I в. до Р. Х., мы слышимъ о 200-тысячномъ войскѣ у даковъ, невольно приходитъ на умъ, что среди него могли затеряться и славяне, какъ они могли быть впоследствии въ полчищахъ Аттилы. Что касается

¹⁾ *Bemerkungen* къ работѣ Виленштейна, изданныя въ 1895 г., стр. 497 и сл. Работа Виленштейна носитъ заглавіе: „Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert.“ 1891. Изъ другихъ работъ, посвященныхъ древностямъ балтійскихъ племенъ, назову V. Thomsen'a. „Berögringer mellem de finske og de baltiske Sprog“ 1890. Э. Вольтера статьи въ изданіи Литовскаго катехизиса Н. Даукши (1886) и въ книгѣ: „Объ этнографической повѣдкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года“ (1887), статью свою „Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени“ („Вѣстникъ исторіи и археологіи“, вып. X, 1898 г.); рядъ статей разныхъ авторовъ въ журналахъ: „Mitteilungen der littauischen literarischen Gesellschaft“, „Altpreussische Monatschrift“, „Archiv für slavische Philologie“ и др. Для библиографическихъ справокъ можно пользоваться книгой С. Балтрамайтиса: „Сборникъ библиографическихъ матеріаловъ для географіи, этнографіи и статистики Литвы“ (1891), а для латышской книгой Е. Winkelman'a: „Biblioteca Livoniae historica“ (1878).

²⁾ О нихъ ср. статью *Fillipa* въ *Jahrbücher für classische Philologie*. т. 147 за 1897 годъ. О нихъ ниже.

жетовъ, то это воспоминаніе отъ того времени, когда геты, покоренные Лукулломъ, еще не входили въ составъ Мизіи ¹⁾).

На Певтингеровой таблицѣ венеды оказываются сосѣдями бастарновъ, загадочнаго племени, которое большинство новыхъ изслѣдователей признаетъ германскимъ. Не имѣя возможности да и надобности послѣ прекраснаго изслѣдованія Э. А. Брауна («Розысканія въ области готославянскихъ отношеній» 1899, стр. 99—117) останавливаться на вопросѣ о національности и мѣстожителъствахъ этого племени, я повторю мнѣніе названнаго ученаго о томъ, что «главная масса бастарновъ занимала сѣверовосточные склоны среднекарпатскаго хребта, заходя отчасти и за Бескиды. Они дѣлились здѣсь на *сидоновъ*, ближе къ верховьямъ Вислы, а *атмоновъ*, ближе къ верхнему Днѣстру». Въ послѣднее время была сдѣлана попытка найти изображеніе бастарновъ на археологическихъ памятникахъ. Берлинскій ученый Фуртвенглеръ въ книгѣ: «Intermezzi. Kunstgeschichtliche Studien» (1896) подвергъ подробному изслѣдованію римскій памятникъ въ Адамъ-Клисси (въ Добруджѣ) и нашелъ возможнымъ приписать его постройку римскому полководцу М. Крассу, преслѣдовавшему (29 г. до Р. Х.) бастарновъ до Добруджи и здѣсь разбившему ихъ. Тягъ варвара, изображенный на метопахъ этого памятника, вполне соответствуетъ представленіямъ античныхъ писателей о наружности и одеждѣ бастарновъ, вѣтвь которыхъ, именно *певкины*, къ тому же и жила въ Добруджѣ. Кто бы ни былъ варваръ, образъ котораго дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ вариацияхъ на метопахъ колонны, насъ не можетъ не интересовать его внѣшность. Это былъ высокорослый стройный человекъ съ длинными волосами, одна прядь которыхъ связывалась узломъ и закидывалась за ухо; слухъ объ этомъ обычаѣ германцевъ дошелъ и до Тацита (*Germania*, гл. 38). Одежда варвара не отличалась сложностью: его могучее тѣло прикрывалось накидкой, висѣвшей на плечахъ, и узкими штанами, доходившими иногда только до колѣнъ; вообще же, верхняя часть тѣла оставалась обнаженной, какъ объ этомъ рассказываютъ и Юлій Цезарь, и полтораста лѣтъ спустя Тацитъ. Фуртвенглеръ отмѣчаетъ тотъ любопытный фактъ, что германцы, съ которыми воевалъ Маркъ Аврелій (конецъ 2 в.), изображенія которыхъ сохранились на Марковой колоннѣ въ Римѣ, были уже настолько цивилизованы, что сражались одѣтыми: старый типъ попадаетъ сравнительно рѣдко, а большинство германцевъ одѣто въ закрытый короткій кафтанъ. Противъ датировки этого памятника, принятой Фуртвенглеромъ, очень сильное возраженіе выдвинулъ вѣнскій ученый Бендорфъ (*Jahreshefte des österreichischen Archäologischen Instituts in Wien. Band I 1898, стр. 112—138*), который доказываетъ, что колонна воздвигнута императоромъ Траяномъ по поводу его побѣды надъ даками и другими варварами, въ томъ числѣ, какъ признаетъ и Бендорфъ, германцами. Данныя, отмѣченныя Бендорфомъ (названіе города *Troaem Trajani* въ этомъ мѣстѣ, монета времени Траяна изъ Томъ съ изображеніемъ памятника въ Адамъ-клисси, нѣсколько попытокъ дать изображеніе императора Траяна на метопахъ), имѣютъ настолько убѣдительный характеръ, что невольно переходишь на его сторону. Но, во всякомъ случаѣ, одежда и внѣшность варваровъ (въ томъ числѣ и германцевъ) даетъ косвенное указаніе и на быть славянъ, которые въ культурномъ отношеніи врядъ-ли сильно отличались отъ еракійцевъ и бастарновъ, и которые сохранили

¹⁾ Подробности въ статьѣ моей: „Въ вопросу о еракійцахъ“. Спб 1890. Изв. „Вѣстника Археологіи и Исторіи“, вып. XIII.

смутное воспоминаніе о «вѣкахъ Трояновыхъ» и т. д. (ср. Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. 1872, стр. 76—81). Объясненіе этого факта, предложенное въ недавнее время профессоромъ Смирновымъ («Исторія южныхъ славянъ» Уч. Зап. Казанск. Унив. 1900, янв., стр. 27—29) и состоящее въ томъ, что «славяне застали еще на Балканскомъ полуостровѣ культъ Траяна и Зевса и приняли въ немъ участіе», носить нѣсколько искусственный характеръ и мало убѣдительно, пока не будетъ доказано, что Траянъ, дѣйствительно, пользовался религиознымъ почитаніемъ у даковъ и мизійцевъ, переселенныхъ на балканскій полуостровъ, какъ это утверждаетъ г. Смирновъ. Скорѣе, грозный царь, воздвигшій памятникъ со своими портретами на Дунаѣ, пережилъ самостоятельно въ памяти народовъ, пришедшихъ въ столкновение съ имперіей. Это были германцы, еракійцы, а отчасти и славяне.

Теперь намъ надо опять вернуться къ Певтингеровымъ таблицамъ, на которыхъ мы находимъ два раза имя Венедовъ. Эти таблицы представляють, какъ доказалъ Конр. Миллеръ, переработку карты міра, составленной при императорѣ Августѣ его другомъ Випсаніемъ Агриппой въ началѣ нашей эры. Передѣлка была совершена въ IV в. какимъ-то Касторіемъ, который ставилъ своей задачей составленіе дорожныхъ таблицъ путей Римской имперіи.¹⁾ Въ IV-мъ же вѣкѣ карта Агриппы является передъ нами и въ двухъ другихъ чрезвычайно важныхъ переработкахъ, служившихъ, вѣроятно, коротенькими учебниками и извѣстныхъ подъ именами: «*Dimensuratio provinciarum*» и «*Divisio orbis*» (К. Миллер. вып. VI, ст. 108—110). Къ своей картѣ Агриппа, должно быть, приложилъ и книгу; уцѣлѣвшія у древнихъ писателей (особенно, у Плинія) извлечения изъ нея очень старательно собраны въ 1878 году А. Ризе (Riese) въ изданіи: «*Geografi latini minores*». Какъ эти выписки, такъ и *Dimensuratio* показываютъ, что уже въ началѣ нашей эры римляне знали рѣку Вислу, называли ее *Vistla* и представляли себѣ ея теченіе почти перпендикулярнымъ съ юга на сѣверъ, гдѣ она впадаетъ въ море. Впрочемъ, направленіе береговъ этого моря римляне и греки представляли себѣ въ высшей степени смутно, а доходившіе до нихъ слухи и показанія прежнихъ географовъ (въ родѣ Тимея) противорѣчили одно другому. Поэтому, мы не можемъ предъявлять строгихъ требованій къ скуднымъ упоминаніямъ о венедлахъ у географовъ перваго вѣка.

Въ настоящемъ своемъ видѣ Певтингеровы таблицы представляють узкую, очень длинную ленту, на которой систематически отмѣчены горы, рѣки и дороги. Трудность пользованія ими усугубляется еще тѣмъ, что римскіе географы представляли себѣ востокъ наверху, а западъ внизу, и потому теперь вышло, что иногда нельзя отличить сѣверное направленіе отъ восточнаго; это особенно замѣтно на изображеніи Греціи, а также на графическомъ изображеніи теченія рѣкъ. Такимъ образомъ, на верхнемъ краю дорожной схемы Касторія вытнуты въ одинъ рядъ слѣдующія названія: послѣ германскихъ маркомановъ, квадовъ и ютунговъ идутъ *Bur Sarmate Vagi Solitudines sarmatarum Amaxobii sarmate Lupiones Sarmate Venadi Sarmatae Alpes Bastarnice* (надъ схематическимъ изображеніемъ горъ). *Blastarni* (надъ нимъ); отъ горъ проведена синяя линія къ Черному морю,

¹⁾ Изданы съ предисловіемъ, котораго я не могъ, къ сожалѣнію, достать, Конр. Миллеромъ подъ заглавіемъ: „*Weltkarte des Castorius, genannt die Peutingerische Tafel*“ 1888. Чрезвычайно важно другое изданіе того же ученаго: „*Die ältesten weltkarten*“ (6 выпусковъ. 1895—1898), изъ которыхъ 6-ой посвященъ древнѣйшимъ восстанавливаемымъ картамъ. Здѣсь же богатая библиографія.

долженствующая представлять рѣку (Днѣстръ) и названная fl. Agalingus; къ сѣверу отъ нея помѣщены Dacpetororiani (т. е. Daci Petororiani), къ югу Piti. Gaete. Dagaе. Venedi (на нижнемъ теченіи Дуная). Всѣ эти племена были совсѣмъ мало извѣстны римлянамъ: дороги прекращаются скоро за рѣкой Тисой у города Paralissa.

Какъ ни скуденъ матеріалъ, доставляемый таблицами, онъ очень важенъ: имя Вислы встрѣчается впервые у Помпонія Мелы, составившаго свое географическое руководство въ 40-хъ годахъ I в. по Р. X. ¹⁾ Онъ знаетъ эту рѣку подъ именемъ Vistula. Хотя это названіе передано здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ у Плинія, но его пониманіе Сарматіи, которая простирается отъ Вислы до Дуная (III, 4), цѣликомъ основано на Агриппѣ (Agrippa totum eum tractum ab Histro ad Oceanum... ad flumen Vistlam a desertis Sarmatiae prodidit. Riese. Geog. p. 4). Въ виду того, что такое пониманіе узаконилось въ римской специальной литературѣ, которая, какъ было указано очень много разъ, находилась въ сильной зависимости отъ географическихъ трудовъ Агриппы, я рѣшаюсь утверждать, что какъ это воззрѣніе на границы Сарматіи, такъ и самое названіе Вислы П. Мела почерпнулъ у своего предшественника. Послѣ этого имя Вислы передается въ такихъ формахъ ²⁾: *Vistla*, *Vistila*, *Visculus* (у Плинія), *Ὀβιστόβλα* (у греческихъ географовъ), *Visula* (у Аммиана Марцеллина, *Vistula* и *Viscla* (у Иордана, въ VI в.) Всѣ эти формы указываютъ на то, что сочетаніе *sl* было неудобно для произношенія римлянамъ или германскимъ купцамъ, которые служили посредниками въ передачѣ римскимъ ученымъ свѣдѣній о варварскомъ сѣверѣ, и потому приняло разнообразныя формы въ зависимости отъ того, какой согласный и гласный звуки были вставлены между *s* и *l*. Слѣдуетъ указать на англосаксонскую форму *Wistla* или *Vistla*.

Въ наукѣ давно уже существуетъ горячій споръ о томъ, какого происхожденія это загадочное слово, и какую форму надо считать основной: нѣмецкую *Weichsel* или славянскую *Висла*. Я думаю, что вообще этотъ вопросъ едва-ли допускаетъ какое-либо разрѣшеніе, такъ какъ этимологическое объясненіе географическихъ названій дѣло всегда очень рискованное, но все-же приведу нѣсколько образчиковъ толкованій. Подробнѣе они перечислены въ упомянутой книгѣ Л. Нидерле (стр. 91). Одни ученые находятъ въ словѣ *Висла* кельтійскій корень и сопоставляютъ это названіе съ ирландскимъ *usce. uisce* (вода), ³⁾ съ чѣмъ согласуется форма *Visculus*, *Viscla*. и чему противорѣчатъ какъ другія формы (*Vistula*, *Vistla*, *Visula*), такъ и упоминаемая въ X в. Константиномъ Багрянороднымъ *Βίσλα*. Другіе производятъ отъ корней, съ которыми названіе Вислы по смыслу или по звуку не имѣетъ ничего общаго (*vis* въ *вихрь*, * *vis* вода и т. д.). Наиболѣе правы, по моему мнѣнію, тѣ, которые признаютъ на сторонѣ германцевъ заимствованіе отъ славянъ; за это говорить слѣдующее: 1) въ формахъ съ *k* и *t* (*Viscla Vistla*) мы видимъ ту же смѣну

¹⁾ О немъ см. Hr. Wojc. Dzieduszycki Wiadomości starożytnych o geografii ziem polskich. 1887, стр. 279—289 (въ 19 томѣ Rozpraw Краковской Академіи Наукъ).

²⁾ Объ этомъ см. L. Niederle Staroveké Zprávy o zeměpisu východní Evropy se zřetelom na země slovanské. Praha. 1899, стр. 7.

³⁾ См. напр. статью акад. Веселовскаго: «Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій» (Изв. II Отд. Имп. Акад. Наукъ 1900, кн. I, стр. 13).

Надо впрочемъ замѣтить, что *usce* (изъ *uskio*) форма новая. ср. Stokes Wortschatz der Keltischen Spracheinheit. 1894, стр. 269.

k и *t* между *s* и *l*, какую находимъ и въ названіи *славянъ* (Σκλαβῆνοι Σθλαβῖνοι), на что указалъ уже Шафарикъ, и въ другихъ чуждыхъ римскому уху именахъ, напр.: *Bastlus*, *Bastulus* рядомъ съ *Basclus*, *Basculus* (I. Hanusz. Prace filologiczne, т. I, стр. 173) или нѣмецкій *Thiudigisclus*, гдѣ *gisclus* вмѣсто *gisl*. 2) въ нѣкоторыхъ говорахъ польскаго языка *Висла* имѣеть и нарицательное значеніе вообще большой, полной рѣки: такъ, Татране, желая указать на то, что ожидаемое никогда не случится, говорятъ, что оно настанеть, когда «Висла вылететь» (*Wisła wyleje*); 3) названіе рѣки Вислы чрезвычайно широко распространено въ славянскихъ странахъ въ разныхъ формахъ, начиная отъ *Висъ* и кончая *Ислочемъ*, *Свислочемъ* и др. Приведу нѣсколько примѣровъ. На разстояніи 3—4 верстахъ, въ болотахъ Минской губерніи, вытекають двѣ рѣчки, которыя потомъ принимаютъ противоположное направленіе. Это *Ислочь* и *Свислочь*. Обѣ онѣ впадаютъ въ *Березину*, но первый въ *Березину* Нѣманскую, а второй въ Днѣпровскую. Такія совпаденія не могутъ быть случайными. Отъ *Ислоча* нельзя отдѣлять *Иследзя*, который также впадаетъ въ нѣманскую Березину. Нѣманскій *Свислочь* находитъ параллель въ *Свислочи* припятскомъ. Далѣе мы видимъ *Вислицу* (въ бассейнѣ Припяти), *Вислочь* и *Вислоку*, а также *Висльновку* (въ бассейнѣ Вислы) и т. д. Одно изъ селеній лебскихъ кашубовъ называются *Швесльмомъ*, какъ думаетъ Гильфердингъ, изъ *Свислена*; во 11 вѣкѣ Адамъ Бременскій называетъ Вислой (*Wissula*) даже рѣку Везеръ ¹⁾.

Въ результатъ всего вышеизложеннаго получается тотъ выводъ, что Агриппа ввелъ въ географическую литературу римлянъ какъ названіе славянской рѣки Вислы въ удобной для римскаго произношенія формѣ, такъ и приуроченіе Венедовъ къ прикарпатскимъ областямъ и къ источникамъ Вислы. Последнее вытекаетъ изъ того, что европейскую Сарматію онъ ограничилъ Вислой, а Венеды для него Сарматы.

Плиніи даетъ для насъ мало новаго. Хотя онъ уже въ состояніи прослѣдить теченіе Дуная и указать точно на мѣсто его появленія, однако внутренность Германіи все еще представляется для него въ самыхъ туманныхъ очертаніяхъ, а сѣверные берега ея онъ описываетъ со словъ древнихъ, давно уже устарѣвшихъ географовъ. Да и интересуютъ они его очень мало, едва ли лишь не постольку, поскольку дѣло идетъ о янтарѣ, который со временъ Нерона сильно возшелъ въ моду у римлянъ. Желая описать крайніе предѣлы Европы (*extera Europa*), Плиніи переступаетъ черезъ Рифейскія горы, (можетъ быть, это Карпаты, а можетъ быть, и какія то мнѣйскія горы, существовавшія только въ воображеніи древнихъ географовъ — см. Нидерле 105—107), и достигаетъ берега Сѣвернаго Океана. Здѣсь, по преданію, раскинуто множество безыменныхъ острововъ. Одинъ изъ нихъ, лежащій передъ Скиѳіей, извѣстенъ Плинію и по имени (*Raugonia*) и по тому, что здѣсь весной собирается янтарь, выбрасываемый волнами моря. Но «остальные берега», прибавляетъ онъ: «окутаны неизвѣстностью» (*reliqua litora incertâ signata famâ*), мы знаемъ о нихъ лишь по сказкамъ. И дѣйствительно, Плиніи не стѣсняется передавать о прибрежныхъ жителяхъ разный традиціонный вздоръ: здѣсь выступаютъ передъ нами и гиппоподы съ лошадиными ногами, и какіе то фанезіи, прикрывающіе свое нагое тѣло длинными ушами.

¹⁾ К. Müllenhoff *Deutsche Altertumskunde*. Т. II (1887), стр. 208. Мюленгофъ признаетъ названіе Вислы славянскимъ. Такъ же думаютъ гг. Брукнеръ и Браунъ.

Послѣ этого Плиній сейчасъ же замѣчаетъ: «отсюда молва начинаетъ давать болѣе ясныя указанія». Слѣдуетъ перечисленіе германскихъ племенъ въ слѣдующемъ видѣ: племя Ингевоновъ, первое племя Германіи. «Здѣсь есть горы Сево, огромныя горы, не уступающія Рифеямъ; онѣ образуютъ величайшій заливъ, простирающійся до Кимбрійскаго мыса; зовется этотъ заливъ Коданскимъ (Codanus); онъ наполненъ островами, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна Скандинавія». Указавъ на размѣры этой послѣдней, Плиній прибавляетъ, что, по мнѣнію (opinione), вѣроятно ученыхъ, не меньше Энингрія, и вслѣдъ затѣмъ говоритъ: «нѣкоторые рассказываютъ, что здѣсь живутъ до рѣки Вистулы Сарматы Венеды, Скиры, Гирры. Называется Килипенскимъ заливомъ, а въ устьѣ его островъ Латрисъ. Вскорѣ другой заливъ Лагнусъ, смежный съ Кимврами. Кимврійскій мысъ, выдаваясь въ море, образуетъ полуостровъ, который называется Картрисъ»¹⁾.

Какъ ни трудно разобраться въ этой путаницѣ, для меня несомнѣнно то, что Плиній идетъ съ востока на западъ по направленію къ Даніи, и такимъ образомъ Sinus Codanus надо отождествить съ Данцигскимъ заливомъ, куда впадаетъ Висла; слѣдующіе два большіе залива (*Cylipenus* и *Lagnus*) совпадаютъ съ Штетинскимъ, гдѣ вливается Одеръ, и Любекскимъ, за которыми сейчасъ же начинается Данія (Кимврійскій перешеекъ). Вѣрность нашего приуроченія подтверждается тѣмъ, что Штетинскій заливъ, дѣйствительно, замыкается съ сѣвера двойнымъ островомъ *Usedom-Wollin*'омъ, соответствующимъ плиніевскому Латрису. Въ этомъ случаѣ славянъ можно было бы помѣстить приблизительно между Одеромъ и Вислой; имя Codanus, какъ указывали не разъ²⁾, сохранилось въ названія города Данцига (пол. *Gdansk* изъ Къданскъ); что касается прибавленія *Sarmatae*, то здѣсь можно бы видѣть прямо таки вліяніе карты Агриппы. Если далѣе на востокъ, за Вислу, Плиній не идетъ, то и это объясняется тѣмъ, что, находясь всецѣло подъ вліяніемъ Агриппы, котораго онъ такъ часто цитируетъ, онъ за Вислой видѣлъ уже Азію, страну совершенно неизвѣстную, о которой что то смутное рассказывали только торговцы янтаремъ, привозившіе этотъ даръ морей откуда то съ побережій Нѣмана (можетъ быть, изъ Полагена, гдѣ и теперь происходитъ добыча янтара). Кто жилъ за Вислой, его не интересовало, какъ мало трогало и его предшественника, Агриппу. Предполагая, что *Hiri* явилось опиской (*Müllenhoff*. II. 87), мы находимъ только *sciri*, вѣроятно, германское племя. Хотя уже въ III в. до Р. Х., на такъ называемый псефисмъ (приговоръ) ольвійцевъ въ честь Протогена³⁾ мы находимъ это имя въ числѣ племенъ, грозившихъ Ольвіи (Галатовъ, Оисаматовъ, Саударатовъ, Саевъ, Скиеовъ, Скировъ), однако у насъ нѣтъ никакихъ вѣскихъ основаній думать, что здѣсь передъ нами тѣ же скиры, что упоминаются у Плинія. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о скирахъ, начиная съ IV вѣка, когда племена испытывали уже много передвиженій, не даютъ намъ ничего для отвѣденія

¹⁾ Plinius. Hist. Nat. IV c. 27. Quidam haec habitari ad Vistulam usque fluvium a Sarmatis Venedis, Sciris, Hiris tradunt. Sinum Cylipenum vocari, et in ostio ejus insulam Latrin. Mox alterum sinum Lagnum, conterminum Cimbris. Promontorium Cimbrorum excurrens in maria longe peninsulam efficit, quae Cartris appellatur.

²⁾ См. напр. W. Kętrzyński. O słowianach, mieszkających niegdyś między Renem a Łabą Sałą i Czeską granicą. Kraków. 1899 стр. 65. Браунъ 260.

³⁾ В. Латышевъ относитъ его все болѣе рѣшительно къ 3, а не ко II-му вѣку до Р. Х. См. «Къ исторіи города Ольвіи» (Журн. М. Нар. Просв. февраль. 1890), а также «Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Археолог. Комиссіей» № 9 (1892), стр. 4.

точного мѣста скирамъ во времена Плинія. По мнѣнію г. Брауна (стр. 121), въ 4 вѣкѣ скиры были извѣстны еще въ первоначальной родинѣ на правомъ берегу Вислы или въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нея.

Переходимъ къ Тациту. Его «Германія» написана въ 98 году съ полемической цѣлью противопоставить слабымъ, изнѣженнымъ римлянамъ варваровъ, хранящихъ старую доблесть. Цѣли географическія и историческія отступаютъ здѣсь на задній планъ, и только благодаря своимъ болѣе свѣжимъ источникамъ, Тацитъ оказался въ состояніи обогатить наши скудныя свѣдѣнія нѣсколькими новыми данными. По словамъ Дзедушицкаго (стр. 305), источники Тацита были двойскаго рода: или это были данныя, почерпнутыя изъ какихъ-нибудь писемъ и памятниковъ, ведущихъ свое происхожденіе еще отъ временъ Августа и Тиверія, когда римскіе легіоны часто навѣщали Германію, или же это были свѣдѣнія, идущія изъ римскихъ пограничныхъ крѣпостей, отъ германцевъ, служащихъ въ римскомъ войскѣ, наконецъ, отъ тѣхъ галльскихъ, а особенно британскихъ мореплавателей, которые нерѣдко посѣщали берега Нѣмецкаго моря. Такія свѣдѣнія касались непосредственно только прибрежныхъ или пограничныхъ племенъ. О дальнѣйшихъ доходили глухіе слухи, и немножко лучше были извѣстны развѣ только внутреннія части полуцивилизованнаго и примиривагося съ Римомъ государства Маркомановъ. Въ послѣднее время г. Браунъ поставилъ очень высоко точность Тацитовыхъ показаній и воздалъ хвалу его добросовѣстности; но мнѣ кажется, что Дзедушицкій болѣе правъ, подвергая сомнѣнію и то, и другое. Знаменитое мѣсто въ гл. 46 о томъ, куда надо отнести венодовъ: къ германцамъ или къ сарматамъ, заключаетъ въ себѣ едва ли не глухой отзвукъ того же труда Агриппы, который такъ сильно отразился на Плиніи, и въ которомъ Тацитъ нашелъ упоминаніе о *Venedi Sarmatae*. Заподозривъ правильность этой цитаты, онъ воспользовался своими очень скудными знаніями о бытѣ этого племени и на основаніи кое-какихъ особенностей его причислилъ венодовъ къ германцамъ. Очевидно, въ его глазахъ сарматы представляли уже не политическую группу, какъ во времена Августа (поскольку можно судить по Анцирскому памятнику съ упоминаніемъ о царяхъ Сарматіи по ту и по эту сторону Дона), а этнографическое цѣное. Однако, въ опредѣленіи границъ Свевіи Тацитъ все еще придерживаемся римскаго, августовскаго дѣленія, какъ это отмѣчаетъ и самъ Э. А. Браунъ (стр. 109). Пользуемся его переводомъ гл. 46. «Тутъ конецъ Суевіи (т. е. въ данномъ случаѣ, *Germaniae Magnae* въ римскомъ смыслѣ, до Вислы). Что касается пеукиновъ, славянъ и финновъ, то я колеблюсь, причислить ли мнѣ ихъ къ германцамъ или къ сарматамъ. Нельзя отрицать, что пеукины—бастарны какъ по языку, такъ и по всему образу жизни принадлежатъ къ германцамъ: они живутъ въ грязи, и знатъ ихъ предается полному бездѣйствію ¹⁾. Ихъ внѣшній видъ нѣсколько обезображенъ частыми браками съ сарматками: (Болѣе похожи на сарматовъ) веноды: (они) сходятся съ ними (до извѣстной степени) и обычаями, ведя бродячую жизнь и живя грабежемъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, я ихъ также скорѣе отнесъ бы къ германцамъ, такъ какъ они умѣютъ строить дома, знаютъ употребленіе щитовъ и, будучи проворными пѣшеходами, охотно ходятъ пѣшкомъ: всѣхъ этихъ чертъ

¹⁾ *Sorbes omnium ac torpor prosegum*—туманное мѣсто, которое не допускаетъ точнаго перевода.

²⁾ *Venedi multum ex moribus traxerunt; nam quicquid inter Peucinos Fennos que silvarum ac montium erigitur, latrociniis pererrant.*

вѣтъ у сарматовъ, которые живутъ на телѣгахъ и на коняхъ. Что касается наконецъ финновъ, то это народъ очень дикій и бѣдный до безобразія: они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, и у нихъ нѣтъ даже опредѣленныхъ жилищъ (non arma, non equi, non penates). За ними уже начинается область баснословнаго».

Въ этой главѣ далеко не все согласуется съ истиной. Я представляю себѣ дѣло слѣдующимъ образомъ. Имѣя передъ глазами карту Агриппы, Тацитъ дошелъ по ней до певкиновъ (бастарновъ), наткнулся на вenedовъ—сарматовъ, указавъ по естественной связи мыслей на то, что его извѣстія о вenedскомъ бытѣ, крайне скудныя, не согласуются съ тѣмъ что мы знаемъ о сарматахъ, и потому завелъ рѣчь о финнахъ. Почему? Неужели потому, что онъ зналъ о сосѣдствѣ славянъ съ финнами, жившими въ лѣсахъ средней Россіи и доходившими до Днѣпра ¹⁾? Но во первыхъ, то, что онъ говоритъ о дикости финновъ, совершенно не согласуется съ той картиной финской культуры, которая восстанавливается въ яркихъ краскахъ по даннымъ языка ²⁾ и заставляетъ думать, что уже финноугорскій народъ зналъ овцу, а изъ оружія лукъ и стрѣлу, тогда какъ финны, еще не раздѣлившіеся на восточную и западную вѣтви, стояли уже настолько высоко въ культурномъ развитіи, что имъ надо приписать знакомство и съ земледѣліемъ, и съ скотоводствомъ. Если прибавить сюда, что финны издревле, и именно у германскихъ народовъ пользовались славой чародѣевъ, обладателей тайны лить металлы, кузнецовъ, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что подъ тацитовыми финнами подразумѣваются какія то сѣверныя племена, еще очень дикія, и вѣрнѣе всего, что это лопари, какъ въ VI вѣкѣ подъ Fenni подразумѣвались лопари, населявшіе Скандинавію (Müllenhoff II. 40). Однако, нельзя думать, что славяне сосѣдили съ лопарями во времена Тацита, хотя, какъ извѣстно, въ эпоху культурнаго соприкосновенія съ финнами они жили гороздо южнѣе, чѣмъ теперь (объ этомъ см. Wicklund. *Urlappische Lautlehre*. Helsingfors. 1896). По моему, загадка разрѣшается совсѣмъ просто. На основаніи древнѣйшихъ картъ міра мы можемъ утверждать, что римскіе географы представляли себѣ финновъ гдѣ то надъ Дакіей, пользуясь рассказами германцевъ о дикаряхъ къ сѣверо-востоку отъ нихъ ³⁾. Это подтверждается и другимъ фактомъ: у Птолемея мѣсто Скировъ заняли, какъ думалъ уже Цейсъ и подтверждаетъ г. Браунъ (стр. 117—118), финны (Φιννοί). Этого не могло бы быть, если бы и онъ не видѣлъ финновъ къ сѣверу отъ Карпатъ, по теченію Вислы. Потомъ финны пропадаютъ въ литературѣ до VI вѣка, новое подтвержденіе тому, что у Агриппы, а потомъ у его послѣдователей, Тацита и Птолемея, они попали въ списокъ племенъ случайно.

Черпать у Тацита указаніе на родину вenedовъ, по моему, ошибочно. Онъ нашелъ на картѣ вenedовъ къ сѣверу отъ Дуная и рядомъ съ бастарнами и прибавилъ, что они бродятъ съ цѣлью грабежа по горнымъ пространствамъ отъ Дуная до Финновъ, т. е. по прикарпатскимъ мѣстностямъ. Кого же они грабятъ? Если родину вenedовъ видѣть, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, въ этомъ quicquid inter Peucinos Fennosque

¹⁾ Этотъ выводъ Надеждина, основанный на изученіи названій рѣкъ, подлежитъ еще проверкѣ, и мнѣ кажется, что г. Браунъ напрасно взялъ его на вѣру (стр. 242)

²⁾ Чтобы не отвлекаться, укажу только на статью проф. Сетелъ «I. N. Smirnow's Untersuchungen über die östfinnen» Helsingfors. 1900.

³⁾ См. объ этомъ у K. Miller'a въ 6-мъ выпускѣ.

silvarum ac montium erigitur, то выходитъ, что венецы *latrociniis peregrant* свою собственную родину, что противно здравому смыслу. И такъ, въ конечномъ выводѣ я долженъ признаться, что въ моихъ глазахъ Тацитъ не прибавилъ къ древнѣйшей исторіи славянъ ничего новаго, чего нѣтъ и въ Певтингеровыхъ таблицахъ.

Слѣдующій географъ, на которомъ я долженъ остановить ваше вниманіе, знаменитый Птолемей, чью репутацію такъ испортилъ Мюлленгофъ, и чью честь постарался возстановить г. Браунъ. Въ концѣ I в. и началѣ II по Р. X. географическая наука испытала особенный подъемъ, благодаря громадному количеству свѣдѣній, притекавшихъ изъ вновь открытыхъ странъ. По мнѣнію одного французскаго ученаго ¹⁾, такого успѣха эта наука не дѣлала уже больше никогда, въ эту же пору открывались новыя страны въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ свѣта. Торговыя сношенія съ центральной Африкой, изъ которой получалась слоновая кость, и съ Китаемъ, откуда шелъ шелкъ, познакомили науку съ малоизвѣстными областями, о которыхъ ранѣе ходили баснословные слухи. Такъ, Птолемей, который во послѣдней половинѣ II вѣка передѣлывалъ географическій трудъ своего предшественника Марина Тирскаго, прямо указываетъ на то, что въ Китаѣ нѣтъ ни мѣдныхъ стѣнъ, ни чего-нибудь сверхъестественнаго и небывалаго. Врагъ нелѣпныхъ роказней, Птолемей изгналъ изъ своихъ трудовъ всякое баснословіе и замѣнилъ его точными цифрами градусовъ. Правда, даже тамъ, гдѣ подъ его руками былъ вполнѣ надежный матеріалъ, напр. при описаніи хорошо извѣстнаго ему Египта, онъ поступалъ схематически, опредѣляя долготы и широты его мѣстностей. Считая маленькіе извивы Нила въ 5 минутъ долготы, а большіе въ 10, онъ сообразовалъ съ ними положеніе городовъ, отстоящихъ отъ русла Нила, принятаго за 61° 55' долготы.

Отъ этого нѣсколько городовъ опредѣляются однимъ и тѣмъ же градусомъ долготы: именно, 21 мѣсто у Птолемея оказывается въ этомъ отношеніи въ одинаковыхъ условіяхъ. Въ опредѣленіи широты Птолемей не болѣе остороженъ: такъ какъ астрономическія наблюденія были сдѣланы въ очень немногихъ мѣстахъ, а мѣстностей Птолемей приводитъ множество, то ему оставалось вычислять ихъ относительное положеніе собственными средствами, и для этого онъ прибѣгъ къ цифрамъ, полученнымъ путемъ измѣренія дорогъ. Такимъ образомъ послѣ провѣрки Шварца ²⁾ оказалось, что цифры долготы у Птолемея преувеличены, а широта вообще меньше дѣйствительной. Таковы ошибки Птолемея даже тамъ, гдѣ онъ могъ провѣрять себя, но тамъ, гдѣ ему приходилось оперировать надъ матеріаломъ, имѣвшимъ значеніе первоисточника ³⁾ (итинераріи купцовъ), ему оставалось развѣ только принимать во вниманіе изгибы дороги на сушѣ и бури на морѣ, отвлекавшія мореплавателей отъ прямого пути (Браунъ стр. 346—350). Поэтому у Птолемея ученая комбинація дѣло самое обычное. Ею, какъ мнѣ кажется, объясняется и то, что этотъ географъ говоритъ о славянахъ. Передъ нами опять Висла, до которой доходятъ поселенія венецовъ, опять финны: словомъ, тотъ же аппаратъ, который былъ и у Тацита, и который сводится къ картѣ Агриппы (на карту въ родѣ Певтингеровой, какъ на одинъ изъ источниковъ Птолемея, указываетъ и

¹⁾ Vidal de la Blanche. Les voies de commerce dans la Géographie de Ptolémée. Académie des Inscriptions et Belles-lettres. 1896, стр. 456—483.

²⁾ Rheinisches Museum für Philologie. 1893, m. 48, стр. 257—274.

³⁾ См. G. Holz. Ueber die germanische Völkertafel des Ptolemäus. Halle.— 1894, тл. VII посвящена обзоръ источниковъ Птолемея.

г. Браунъ стр. 347); путемъ такой комбинаціи у Птолемея получилась слѣдующая схема: «Сарматію ограничиваютъ великія племена: венеды по всему Венедскому заливу, а къ сѣверу отъ Дакии Певкины и Бастерны», изъ меньшихъ племень, занимающихъ Сарматію по рѣкѣ Вислѣ, онъ знаетъ гутоновъ къ югу отъ венедовъ, затѣмъ финновъ, затѣмъ сулоновъ. Какъ указываетъ послѣдователь Птолемея, Маркіанъ Гераклеійскій (IV в.) венедскій заливъ простирается отъ рѣки Вислы на большое разстояніе (ἐπὶ πλείστον).

Итакъ, и здѣсь мы находимъ подтвержденіе уже извѣстнаго намъ, и потому, какъ резюмэ всего изложеннаго, я позволю себѣ утверждать, что въ началѣ нашей эры, по крайней мѣрѣ, уже при Плиніи и Птолемеѣ, славяне жили по берегу Балтійскаго моря, отъ Одера къ востоку до Вислы и, можетъ быть, за нее до Нѣмана. Къ западу отъ Одера начинались владѣнія Свевовъ, и славяне достигли Эльбы уже значительно позже, но все-же еще въ общеславянскую эпоху, какъ это видно изъ передачи латинскаго *Albis* (Эльба) въ разныхъ славянскихъ языкахъ: чеш. *labe*, лужиц. *lobjo*, пол. *laba*, серб. *lab* ¹⁾ Въ общеславянскую эпоху, т. е. въ то время, когда еще не образовались отдѣльные славянскіе языки, славяне узнали и *саксовъ* (ц. слав. *Сасинъ*, пол. *sasy*, полаб. *sossy*) и *датчанъ* (рус. *Донь*, пол. *dunski*, датскій), и *готовъ* (рус. *готе*) ²⁾. Нѣмецкіе ученые считаютъ недостовернымъ свидѣтельство Птолемея на томъ основаніи, что славяне не могли достигнуть моря раньше, чѣмъ восточные германцы очистили берега его (Гольцъ, стр. 52), или потому, что Φίννοι были, на самомъ дѣлѣ, не южными, а будто бы сѣверовосточными сосѣдями славянъ, и такимъ образомъ по мнѣнію ихъ, венедовъ надо поставить вмѣсто готовъ и наоборотъ. ³⁾ Но возраженіе Гольца, въ сущности, *petitio principii*, а Муха сбилось ошибочное появленіе финновъ на Вислѣ, причину котораго мы старались объяснить выше.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о происхожденіи имени Венедовъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что подъ этимъ именемъ германцы всегда подразумѣвали только славянъ, ⁴⁾ живущихъ къ востоку отъ нихъ, но откуда взяли его сами нѣмцы? Въ основѣ скандинавскаго *Vindir*, древненѣмецкаго *Winida* и заимствованныхъ изъ нѣмецкаго языка финскихъ названій Россіи ⁵⁾ (фин. *Venäjä*, эст. *Vene*, карел. *venedä* и др.) лежитъ форма *vento* (Браунъ, 333). Здѣсь совершилось подчиненіе суффиксамъ *ith* и *uth*, откуда объясняются и готское *winithos* (у Иордана царь готовъ, побѣдитель антовъ *Winitharius Winidaharjis*), и нѣм. *vinida*, и англосаксонское *Weonodland* (изъ *Winud*) и *Winedas*. Такое нарощеніе слова объясняется, какъ мнѣ кажется, лишь тѣмъ, что оно было чуждаго происхожденія и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, языкъ имѣлъ потребность влить это имя въ привычную форму, измѣнивъ его путемъ такъ называемой народной этимологіи ⁶⁾: отсюда произошло съ одной стороны отождествленіе его со знакомымъ словомъ *vento* «вѣтеръ» (откуда сканд.

¹⁾ Ср. Miklosich Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1886, стр. 220.

²⁾ См. А. И. Соболевскій. Vestnik slovanskych starozitnosti. 4 вып. стр. 22—23.

³⁾ К. Мух. Deutsche Stammsitze. Halle 1892, стр. 46.

⁴⁾ Kętrzyński. стр. 4 съ ссылкой на извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ.

⁵⁾ E. N. Setälä Yhteissuomalainen Aännehistoria. I. 66. 82. 93.

⁶⁾ Объ этомъ явленіи см. мою книгу: „Осн. вѣд. о происхожденіи общаго языкованія“.

Windir-славяне и *vind-auga* «windauge»), съ другой подчинение его родному суффиксу *ith* или *uth*. Поэтому мы имѣемъ полное право принимать за ту форму, въ какой германцы познакомились съ именемъ славянъ, не *vento*, а *vendo* или даже *vindo*. Я думаю, что это то же слово, которое встрѣчается весьма часто въ кельтскихъ географическихъ названіяхъ и значитъ въ кельтскомъ языкѣ: «бѣлый». Приведу нѣсколько примѣровъ ¹⁾: *Vindobona* (Вѣна, ср. *Ratisbona*), о которой у насъ еще будетъ рѣчь впереди, *Vindomagos* (переводится черезъ *Album Campum*), *Vindobriga* и др. Если мы обратимся къ изученію собственныхъ личныхъ именъ, дошедшихъ до насъ въ большомъ количествѣ на латинскихъ надписяхъ изъ Верхней Панноніи, Норика и Реціи, однимъ словомъ, изъ провинцій, населенныхъ кельтами, то мы увидимъ имя *Vindo*, *Vindona* на каждомъ шагу. Укажу на 3-ій томъ *Corpus Inscriptionum Latinarum*, гдѣ мы находимъ № 2796: *Vendo*. № 3380 *Vindonis filia* (то же № 5076), № 5105 *Vindonis filius*, № 5469. *et Vindoni filio*, № 5563 *et Vindae Ferti* f. № 4110 *Ulpia Vinda Viatori*. № 2497 *Vendoni uxori eius*. На одной надписи (№ 2963 изъ Далматіи) мы находимъ даже *Vinediae* C. f. *iucundae uxori*. Въ этихъ же мѣстахъ встрѣчается и этническое имя *Vindae*, которое несомнѣнно относится къ кельтамъ, а не къ славянамъ, какъ утверждали изъ яркаго чувства національнаго самолюбія Катанчичъ ²⁾ и его вѣрный послѣдователь Сасинець ³⁾. Главный городъ провинціи Винделиціи, населенной кельтами, назывался *Augusta Vindelicum* или, какъ полагаетъ Катанчичъ (I, стр. 111—112), *Augusta Vindorum*; есть и другія указанія на то, что этотъ народъ назывался Виндами. Изъ какого языка объясняются эти слова? Не изъ иллирійскаго, потому что тѣ же имена мы находимъ во множествѣ въ Британіи и Ирландіи (*Venedotia*, *Venta Silurum*, *Vindana*, *Vindedivii*, *Vindelis*, и мн. друг. Сасинець стр. 10, прим. ⁴⁾ 6), но изъ кельтскаго, гдѣ *vindos* значитъ бѣлый (ирл. *find*, кимвр. *gwint* и др. см. Stokes. стр. 265). Происхожденіе этого имени я объясняю тѣмъ, что кельты, краснорыжіе, какъ и германцы, называли русыхъ славянъ *бѣлыми*, и это имя осталось за ними (ср. Бѣлая Русь, Бѣлорусы и т. п.) и въ устахъ германцевъ. Первое арабское извѣстіе о славянахъ въ VII вѣкѣ прямо отмѣчаетъ ихъ бѣлокурость ⁵⁾; впоследствии арабы вообще называли славянскимъ (*Siklab*) типъ бѣлокурого европейца. ⁶⁾

Были-ли славяне автохтонами между Вислой и Одеромъ? Если мы вспомнимъ, что до сихъ поръ побережье Нѣмецкаго моря въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ такую глушь, такіа непроходимыя

¹⁾ D'Arbois de Jubainville *Les premiers habitants de l'Europe* т. II. 1894, стр. 264, 268.

²⁾ Позволяю себѣ обратить вниманіе на его важный для своего времени трудъ: *Istri adcolarum Geographia Vetus e monumentis epigraphicis, marmoreis, numis, tabellis edita*, 2 тома Вудае, 1826. Одна изъ раннихъ попытокъ изученія надписей.

³⁾ Авторъ совершенно ненаучнаго труда: *Záhady Déjepisné* (вып. 2. *Jornandes a Slované* 1886), принадлежащаго къ тому же роду фантастической исторіи, какъ „*Dzieje slowiańszczyzny północno-zachodniej do połowy XIII w.*“ В. Богуславскаго, „*Die Lygier*“ Кентшинскаго и т. п.

⁴⁾ Другія названія кельтскія съ *vindo* (*Vindobala*, *Vindonissa* и др.) указаны Гринбергеромъ въ статьѣ: „*Vindobona, Wienne*“ (*Sitzber. d. Wiener Akad.* т. 181, 1894 г.).

⁵⁾ А. Я. Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. Спб. 1870, стр. 2—6.

⁶⁾ Westberg. *Ibrahim-Ibn-Iakûbs. Reisebericht... aus dem Jahre 965*. SPb. 1898, стр. 136.

болота, что жители деревень, разбросанныхъ, среди нихъ, ведутъ совершенно изолированный образъ жизни (ср. Tetzner. Die Slowitzen und Lebakaschuben. Berlin. 1899), то мы придемъ къ заключенію, что заселеніе этихъ береговъ было дѣломъ мирнаго распространенія, а не завоеванія. Тѣмъ не менѣе, туземцы питаютъ глубокую привязанность къ своимъ жалкимъ болотамъ (Tetzner, стр. 36—37) и возвращаются къ нимъ отовсюду, куда бы ни занесла ихъ жажда наживы или необходимость. Говорить о невольной смѣнѣ населенія здѣсь трудно, предполагать самовольную—невозможно, а потому я позволяю себѣ утверждать, что побережье между Одеромъ и Вислой принадлежитъ къ древнѣйшимъ мѣстамъ славянской прародины.

III.

ГОТЫ ВЪ РОССІИ.

Литература: Grienberger. *Ermanariks völker* (Zeitschrift für Deutsches Altertum. т. 39, стр. 151—184. г. 1895). В. Г. Васильевскій. *Житіе Іоанна Готскаго* (Ж. М. Н. Пр. 1878 г. Янв.). Ф. Брунъ. *Черноморскіе готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ южной Россіи.* (Зап. Академіи Наукъ. т. 24. Спб. 1877). W. Tomaschek. *Die Goten in Thaurien.* 1881. Д. Вѣликовъ. *Христіанство у Готовъ.* Православ. Собесѣдникъ. 1886 (и отдѣльно Казань. 1887); историческое введеніе написано слабо. F. Braun. *Die letzten Schicksale der Krimgoten.* Spb. 90. Кромѣ того, труды Мюлленгофа и Цейса. Источники у В. В. Латышева: „Извѣстія древнихъ писателей о Скиѣи и Кавказѣ“ (томъ I. 1900).

Мы уже видѣли, что въ концѣ I-го в. по Р. Х. Римская имперія познакомила со славянами, о которыхъ ей сообщали германскіе торговцы янтаремъ. Къ серединѣ II в. славяне уже жили по берегамъ Балтійскаго моря, а въ половинѣ IV-го они уже составляли довольно сильную народность, разбившуюся на нѣсколько племенъ. Объ этомъ мы знаемъ изъ сдѣланнаго Іорданомъ извлеченія изъ утеряннаго сочиненія Кассіодора подъ заглавіемъ «*De origine actibusque Getarum*»¹⁾. Кассіодоръ, писавшій приблизительно въ началѣ VI в. по Р. Х., очень рано сталъ въ близкія отношенія къ готскому королю Теодориху; онъ могъ хорошо знать исторію готовъ. Свою книгу онъ посвятилъ идеѣ Теодориха о примиреніи германскаго и романскаго элементовъ: поэтому, ему надо было возвеличить готское прошлое, доказать глубокую древность готскаго племени. Этого можно было достигнуть, подмѣнивъ готъ гетами, и самъ Кассіодоръ глубоко повѣрилъ такой замѣнѣ. Если бы сочиненіе Кассіодора, составленное въ 12 томахъ (volumina), дошло до насъ, у насъ былъ бы драгоцѣнный источникъ для исторіи восточной

¹⁾ Лучшее изданіе Мюлленгофа и Момсена. О Іорданѣ (или Іорданѣ) см. у Эберта въ «*Geschichte d. christlichen Literatur im Mittelalter*» т. I.

Европы. Иорданъ получилъ это сочиненіе отъ своего друга, Касталлія, съ специальнымъ порученіемъ сдѣлать изъ этого огромнаго труда небольшую, удобочитаемую книжку. Въ 551 г. онъ докончилъ исполненіе этого плана. Иорданъ стоялъ такъ же, какъ и Кассіодоръ, въ очень близкихъ отношеніяхъ съ готскими королями: онъ былъ родомъ аланъ и находился въ родствѣ съ королевскимъ домомъ Амадовъ. Онъ преслѣдовалъ ту же тенденцію, что и Кассіодоръ, и отъ этого въ историческомъ отношеніи его трудъ значительно проигрываетъ; зато древнія генеологіи, древнѣйшія легендарныя сношенія племенъ у него сохранены тщательно, а они очень важны для насъ. За исключеніемъ очень незначительныхъ прибавокъ, Иорданъ составилъ свою компиляцію по сдѣланнымъ уже раньше выпискамъ; отъ этого въ его работѣ много пропусковъ, скачковъ и т. п. Въ послѣднее время указано, что многія народныя имена у Иордана приведены въ готской формѣ; одно мѣсто (перечисленіе народовъ, покоренныхъ Эрманарихомъ, 23 гл.) прямо написано по готски ¹⁾. Кому принадлежатъ эти готскія мѣста: римлянину Кассіодору или готу Иордану? Исторія Иордана начинается съ описанія сѣвера Европы, Британіи и Скандинавіи, откуда и явились готы, *velut ехашен ариум* (какъ пчелиный рой). Перечисливъ народы, жившіе въ Скандинавіи, и описавъ ихъ бытъ, Иорданъ переходитъ къ исторіи ихъ движенія на югъ. По его разсказу, готы при царѣ *Beric* переебрались изъ скандинавіи на берегъ Балтійскаго моря, покорили племя Ульмеруговъ, потомъ вандаловъ. При Птоlemeѣ мы находимъ готовъ еще на восточномъ берегу Вислы, вѣроятно, по близости отъ силезскихъ вандаловъ. «Когда возросло населеніе», разсказываетъ Иорданъ: «то пятый король послѣ Берига, Филимеръ, сынъ Гударика собралъ (народъ) на совѣтъ, чтобы двинуть оттуда войско готовъ вмѣстѣ съ ихъ семьями. Отыскивая удобнѣйшія мѣста для населенія, они добрались до скиѣскихъ странъ, которыя называютъ на своемъ языкѣ *Oium*. Оттуда они пошли къ племени спаловъ (откуда слово: сполинъ, исполинъ) и, побѣдивъ его, двинулись, «*ad extremam scythiae partem, quae Pontico maris vicina est*». Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали народныя пѣсни (*carmina*), на которыя ссылается и Иорданъ. Трудно рѣшить, до какого мѣста на востокъ добрались готы въ первую эпоху своего передвиженія: правда, онъ говоритъ (5 гл.), перечисляя три мѣстожителства готовъ, о ихъ поселеніи при Филимерѣ же около Азовскаго моря (*juxta Maeotidem*); но далѣе, вторымъ мѣстомъ поселенія готовъ онъ называетъ Дакію, Фракію и Мизію, по явному смѣшенію готовъ съ гетами; да кромѣ того, и въ амазонкахъ Иорданъ видитъ готскихъ женщинъ. Однимъ словомъ, скорѣе Иорданъ не правъ, чѣмъ правъ: монеты боспорскихъ

¹⁾ Гринбергеръ возстановляетъ извѣстный списокъ племенъ, покоренныхъ Германарихомъ въ серединѣ IV вѣка, слѣдующимъ образомъ: *Scythi thindos* (скиѣскіе народы), *inaxungis* (Анхунги), *Vasinobrogans* (*Wiesenbewohner*), *merens* (прил. *merja*, а не названіе народа Мера), *mordens* (также не Мордва), *imniscans* (жители полей, а не черемисы, какъ стараются видѣть многіе изслѣдователи), *rogastadzans* (сомнительно), *atha* (а) 1 (n) á *ubegenascolda* (s) (т. е. племена, подлежащая набору). Если въ этой попыткѣ кое-что и остается сомнительнымъ, то во всякомъ случаѣ стремленіе Гринбергера понять этотъ списокъ, какъ отрывокъ готскаго эпоса, оригинально и заслуживаетъ вниманія. Относительно слова *inaxungis* (т. е. *inaxungis*), въ которомъ еще г. Браунъ видитъ финское названіе олонецкаго края *Aunus*, то неправильность этого сопоставленія вполне доказана Снелъманомъ. См. объ этомъ въ моей статьѣ въ IV т. „Извѣстій“. Варианты къ этому списку племенъ по разнымъ рукописямъ приведены Даномъ въ его книгѣ: „Die Könige der Germanen“.

царей прекращаются только въ 336 г. Панегиристы императора Каракаллы разсказываютъ о побѣдѣ его надъ готами, при чемъ здѣсь уже несомнѣнно имѣются въ виду готы южно-русскіе, придунайскіе, которыхъ можно было смѣшать съ гетами (*et Gotti getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transiit, tumultuariis proeliis devicerat*). Исслѣдователи (Zeuss, за нимъ Tomaschek) соединяютъ эту встрѣчу римлянъ съ готами (по Бруну, ок. 215 г.) съ маркоманской войной (166—180), которая была вызвана крупнымъ передвиженіемъ племенъ на юго-востокъ. Но первыя извѣстія о силѣ готовъ мы находимъ только въ серединѣ III в. Въ концѣ 40 годовъ остъ-готы перешли Дунай и опустошили Мизію; импер. Филиппъ послалъ противъ нихъ Деція, но тотъ крутыми мѣрами вооружилъ противъ себя солдатъ, которые перешли на сторону Острогота, царя готовъ (Иорд. 16). Готы нашли еще много союзниковъ, напр.: карповъ, певкиновъ, тайфаловъ, астинговъ и др. Въ это время противъ нихъ возстали ихъ близкіе родственники гепиды, занимавшіе Дакію и возвысившіеся при царѣ Фастидѣ до того, что покорили сосѣднее племя Бургундовъ и захотѣли распространяться далѣе. Столкнувшись съ готами, гепиды потерпѣли пораженіе, а готы вернулись домой. Послѣ смерти Острогота, король Книва, раздѣливъ свое войско на двѣ части, отправился опять на разграбленіе Мизіи; этотъ походъ кончился взятіемъ Филиппополя и смертью Деція въ дунайскихъ болотахъ (251). Его преемникъ, Галлъ, обязался платить готамъ ежегодную подать. Въ 254 г. вступилъ на престолъ слабый импер. Валеріанъ; въ 255 г. готы, кажется, совершили свой первый морской походъ. Въ немъ участвовали и какіе-то вораны. Въ это время въ боспорскомъ царствѣ нарушилось правильное престолонаслѣдіе; власть перешла въ руки мало подготовленныхъ людей, которые уступили часть своихъ кораблей, такъ называемыхъ «камаръ», вмѣщавшихъ до 30 чел., готамъ. Готы отправились на этихъ судахъ, управлявшихся опытными мореплавателями, на восточный берегъ Чернаго моря, въ Питіунтъ (теперь Пицунда), но римляне сумѣли отбить варваровъ, которые оказались въ очень критическомъ положеніи, такъ какъ отпустили свои суда. Наконецъ, захвативъ мѣстные корабли, готы ушли на свои суда. Узнавъ о назначеніи Суксесіана, римскаго полководца, отразившаго готовъ въ 255 г., на новый постъ, они въ 256 г. снова отправились на Кавказъ и высадились около Фазиса, гдѣ ихъ смущали сокровища храма Артемиды. Потерпѣвъ и здѣсь неудачу, готы бросились на Питіунтъ, легко взяли и разграбили его, а потомъ направились къ Трапезунту; гарнизонъ города не замѣтилъ ихъ приближенія, и готы небольшими отрядами взобрались на городскія стѣны; разграбивъ Трапезунтъ, готы вернулись домой съ большой добычей.

Слѣдующій походъ готовъ приходится на 258 г. Здѣсь готы плыли уже на собственныхъ судахъ. Они рѣшили избрать не тотъ путь, который плавали вораны, но болѣе западный. Добравшись до Византіи сухимъ и морскимъ путемъ, готы наняли рыбацкія лодки, посадили на нихъ свою пѣхоту и двинулись на Халкедонъ, потомъ на Никею и другіе приморскіе города, которые опять таки страшно разорили. Въ 262—263 гг. готы вторгаются въ Малую Азію, разрушаютъ храмъ Артемиды Ефесской, но въ концѣ концовъ побѣждены. Другіе готы устремляются во Фракію, осаждаютъ Солунъ и пробиваются въ Ахаію, гдѣ опять-таки терпятъ пораженіе.

Въ походѣ 267 г. принимаютъ участіе восточные готы, въ томъ числѣ герулы, жившіе, какъ утверждаетъ Иорданъ, около Азовскаго моря; на пятистахъ судахъ они выплыли изъ него въ Черное море,

оттуда пробрались чрезъ Боспоръ Фракійскій въ Пропонтиду, разграбили нѣсколько острововъ, выжгли Аены, Коринѣи и Спарту. Походъ 268 г. является частью повтореніемъ предыдущаго: въ немъ участвуютъ герулы, остроготы, или грейтуни, визиготы, или тервинги, гепиды и наконецъ кельты, подъ которыми нѣкоторые изслѣдователи (напр. Васильевскій) готовы видѣть славянъ. Это нисколько не обязательно: кельты въ южной Россіи извѣстны уже во времена Птолемея; недавно академикъ Веселовскій привелъ въ связь съ этимъ рассказы нашей лѣтописи объ угличахъ. Какъ разъ на Днѣстрѣ упоминается городъ Корродунъ. Толкованіе Пасхальной хроники (*Kαλιόνες οἱ καὶ Σπαράδες*) можетъ говорить лишь за то, что ея составителю было непонятно, откуда взялись здѣсь кельты. Сборнымъ пунктомъ въ походѣ 268 г. было назначено устье Днѣстра, гдѣ было выстроено до 6000 судовъ. Въ походѣ участвовало до 320 тысячъ челоѣкъ: значить, часть войска шла пѣшкомъ. Вѣроятно, это былъ не набѣгъ, а настоящее переселеніе, такъ какъ въ войскѣ участвовали женщины и старики. Пѣшая рать пришла къ рѣкѣ Савѣ, къ городу Софій, но при Наиссѣ (Нипсѣ) была истреблена имп. Клавдіемъ, который получилъ титулъ *Gothicus*. Морская эскадра была частію потоплена бурей уже на Черномъ морѣ; другая часть еще долго грабила побережья Греціи и Малой Азіи. Послѣдній походъ, о которомъ дошли до насъ слухи, приходится на 275 г. Готы съ береговъ Азовскаго моря хлынули толпами на противоположащій мало-азиатскій берегъ; наконецъ императоръ Авреліанъ принужденъ былъ уступить готамъ Дакію. Есть основаніе думать, что въ это время готы были уже христіанами: въ отвѣтахъ епископа Григорія, умершаго около 270 г. на вопросы какого то духовнаго лица, мы читаемъ: «такъ какъ всѣ говорятъ въ одно слово, что варвары, вторгавшіеся въ наши предѣлы, не жертвуютъ идоламъ», то не слѣдуетъ считать ихъ пищу оскверненіемъ, губительнымъ для души. Этотъ выводъ о христіанствѣ готовъ категорически оспаривается Васильевскимъ, но церковный историкъ Созоменъ рассказываетъ, что во времена императора Галліена (ум. 268) началось распространеніе христіанскаго ученія среди варваровъ. «Когда въ то время несказанное множество смѣшанныхъ народовъ, переправившись изъ Фракіи, опустошало Азію, а другіе варвары дѣлали тоже самое въ другихъ мѣстахъ, противъ пограничныхъ римлянъ, то при этомъ многіе священники были уведены въ плѣнъ и стали жить между ними».

Подробнѣе рассказываетъ Филосторгій (ок. 425 г.): «въ царствованіе Валеріана и Галліена громадныя толпы съ задунайскихъ склоновъ вступили въ римскіе предѣлы и прошли по значительной части Европы. Потомъ, переправившись въ Азію, Галатію, Каппадокію, они взяли много плѣнныхъ, а въ числѣ ихъ и такихъ, которые принадлежали къ клиру. Благочестивые плѣнники, попавшіе въ среду варваровъ, обратили немалое число ихъ къ благочестію и склонили къ христіанскимъ вѣрованіямъ вмѣсто эллинскихъ. Къ этому плѣненію принадлежали и предки Урфилы»... Раньше Ульфилы у вестготовъ дѣйствовалъ Авдій, о которомъ см. въ изслѣдованіи Бѣликова (стр. 42—45).

Аванасій Великій (въ сочиненіи между 319—321) упоминаетъ о готахъ въ числѣ народовъ, къ которымъ уже достигла проповѣдь христіанства; онъ описываетъ ея дѣйствіе на дикую и грубую натуру варваровъ: принося жертвы своимъ идоламъ, они постоянно враждуютъ; принявъ христіанство, они тотчасъ обращаются къ земледѣлію. Въ первомъ Вселенскомъ соборѣ уже участвуетъ епископъ готовъ, имѣвшій мѣстопробываніе, вѣроятно, въ Томахъ.

Ко времени господства готовъ на Черномъ морѣ относится и ихъ утверждене на Таврическомъ полуостровѣ. Повидимому, уже къ концу III вѣка въ Боспорскомъ царствѣ преобладаетъ готскій элементъ, который ведетъ ожесточенную борьбу съ Херсонесомъ, сохранившимъ вѣрность имперіи.

Дальнѣйшая судьба таврическихъ и тьмутараканскихъ готовъ, которая тѣсно связана съ варяжскимъ вопросомъ, послужить предметомъ для нашихъ занятій въ концѣ года, когда будетъ идти рѣчь о призваніи варяговъ.

IV.

Славяне на Дунаѣ ранѣе 6-го вѣка.

Послѣ того, какъ мы выяснили, что имена Виндовъ, попадающіяся въ придунайскихъ странахъ въ первые вѣка нашей эры, относятся не къ славянамъ, а къ кельтамъ, самъ собой поднимается вопросъ: съ какого же времени можно говорить о славянахъ на Дунаѣ. Мы видѣли, что уже на Певтингеровыхъ таблицахъ венеды показаны къ сѣверу отъ нижняго Дуная; спустя пятьсотъ лѣтъ мы находимъ славянъ уже на среднемъ Дунаѣ, хотя источникъ, на который намъ слѣдуетъ здѣсь указать, не даетъ вполне ясныхъ указаній. Извѣстное мѣсто въ 5-ой главѣ «Готской исторіи» Иордана, посвященное географіи Скиеи, знаетъ славянъ къ востоку отъ Дакии или сѣверу-востоку отъ Карпатъ. Такъ можно понять слова Иордана, что у лѣваго склона Карпатъ, обращеннаго къ сѣверу, отъ истока рѣки Вислы живетъ, раскинувшись по огромному пространству, многочисленное племя венетовъ. Хотя имена этихъ послѣднихъ, какъ утверждаетъ нашъ историкъ, измѣняются въ зависимости отъ рода и мѣстожителства, однако онъ считаетъ нужнымъ указать, что они называются главнымъ образомъ славянами (Sclavini) и антами (Antes). Славяне живутъ отъ города Новаго и озера, которое называется Мурсѣйскимъ, до рѣки Днѣстра и на сѣверъ до Вислы. Города у нихъ замѣняются болотами и лѣсами. Что касается антовъ, сильнѣйшаго среди славянъ племени, то они живутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Черное море дѣлаетъ изгибъ, отъ Днѣстра до Днѣпра; между этими рѣками большое разстояніе ¹⁾. Озеро Мурсѣя было извѣстно уже Птолемею; оно находилось на рѣкѣ Дравѣ ²⁾. Однако надо имѣть въ виду,

¹⁾ *Introrsus illi Dacia est, ad coronae speciem arduis Alpibus emunita, juxta quorum sinistrum latus, quod in Aquilonem vergit, et a bortu Vistulae fluminis per immensa spatia Venetarum (Winidarum) natio populosa consedit. Quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclavini et Antes nominatur. Sclavini a civitate Novietunense et lacu, qui appellatur Mursianus, usque ad Danastrum, et in Boream Vistula tenus commorantur. Hi paludes silvasque pro civitatibus habent. Antes vero, qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt. Далѣе Иорданъ говоритъ о впаденіи Вислы въ Океанъ (т. е. въ Сѣверное море) и о народахъ, живущихъ по его берегу: Видиваріяхъ, «которые состоятъ изъ разныхъ народовъ» (ex diversis nationibus aggregati) и др. Это указываетъ на то, что Иорданъ шелъ въ направленіи съ запада на сѣверо-востокъ. По справедливому замѣчанію Шафарика, Иорданъ помѣщаетъ въ Потиссѣ и Семиградіи гепидовъ, а не славянъ.*

²⁾ Такъ думаютъ Рёслеръ (*Ueber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau. Wien. 1873, стр. 14*), Дрянновъ (*Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Москва. 1872, стр. 94*) и др. Ильменемъ совершенно неправильно признаетъ его Штукенбергъ.

что славяне появились у рѣки Дравы не раньше самаго конца VI вѣка, когда пришли въ столкновение съ баварцами. Что касается гепидовъ, то слова Иордана, что они живутъ къ западу отъ Дакии (in qua Scythia prima ab occidente gens sedit Gepidarum, quae magnis orinatisque ambitur fluminibus... Introrsus illi Dacia est) указываетъ на то, что онъ еще не зналъ о новыхъ жилищахъ этого племени, о чемъ рассказываетъ Прокопій: «Готты населяли изстари страну за Истромъ. Со временемъ гепеды заняли мѣста близъ Сингидона (Бѣлградъ) и Сирмїя (на Савѣ) по обѣимъ сторонамъ Истра, гдѣ и теперь имѣютъ осѣдлость». (Войн. съ вандал. I, 2). Такъ какъ изъ словъ Прокопія можно заключить, что это переселеніе совершилось при императорѣ Гоноріи (384—423), а Иорданъ кончилъ свой трудъ о готахъ въ 551 году (Ebert. Geschichte der christlich-lateinischen Literatur von ihren Anfängen bis zum Zeitalter Karls des Grossen I, 1889, стр. 557), то, вѣроятно, онъ пользовался здѣсь устарѣлыми источниками. Вообще слова Иордана о положеніи славянъ совершенно непонятны; если къ сѣверу они доходили до истоковъ Вислы (въ западныхъ Бескидахъ), на югъ и на западъ до рѣки Дравы, а на востокъ до Днѣстра, то они должны были обнимать своими мѣстожительствомъ всѣ Венгрію, что совершенно немыслимо для половины VI вѣка, и чему противорѣчатъ слова того же писателя о гепидахъ, владѣнія которыхъ доходили на востокъ до Тисы. Распространеніе венедровъ (славянъ и антовъ вмѣстѣ) совпадаетъ съ предѣлами западной части Скиѣи, какъ ее понимаетъ Иорданъ (отъ озера Мурсіанскаго до Днѣпра, а отъ него на востокъ за Каспійское море). О болгарахъ, союзникахъ славянъ, Иорданъ упоминаетъ въ другомъ сочиненіи, оконченномъ тоже въ 551 году („De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum“). Въ этомъ случаѣ здѣсь же лежалъ и городъ *Novio-dunum* и, дѣйствительно, въ Верхней Панноніи Птолемей отмѣчаетъ городъ этого наименованія, но среди весьма многочисленныхъ кельтскихъ Новіодуновъ (ср. D'Arbois de Jubainville II, стр. 256—257) мы находимъ одинъ въ Добруджѣ (тепер. Исакча). Насколько возможно сопоставлять его съ *civitas Novietunensis* Иордана, я сказать не рѣшаюсь. Вообще изъ словъ Иордана, мнѣ кажется, можно вывести лишь одно безспорное положеніе, что въ его время, т. е. въ 6 вѣкѣ, славяне подраздѣлялись на собственно славянъ и на антовъ. Это дѣленіе хорошо извѣстно и византійскимъ историкамъ: Прокопію, Агаѣю и другимъ.

Это дѣленіе славянъ на собственно славянъ (Σκλαβηνοὶ) и антовъ (Ἄνται), которое продержалось почти цѣлый вѣкъ (550—630, см. Грек, стр. 295), пробовали объяснить различными причинами. По словамъ Прокопія, узы тѣснѣйшаго родства соединяютъ два эти племени; даже имя они носили прежде одинаковое (καὶ μὴν καὶ ὄνομα Σκλαβηνοῖς τε καὶ Ἄνταις ἐν τῷ ἀνέκαθεν ἦν); у нихъ одинъ и тотъ же языкъ, они занимаютъ побережье одной и той же рѣки Истра, у нихъ одинаковые нравы (ἄτατοι καὶ ἀναρχοὶ ὥσπερ Σκλάβοι καὶ Ἄνται, по словамъ импер. Маврикія). Это надо помнить при разсужденіяхъ о дѣленіи племени на славянъ и антовъ. Ни на чемъ не основываясь, покойный академикъ Куникъ утверждалъ, что «анты, по происхожденію своему, и не были, дѣйствительно, славянами, а лишь династами азіатскаго (черкесскаго?), происхожденія, подчинившими себѣ Черноморскихъ славянъ въ 6 столѣтіи, и потому у византійскихъ писателей упоминались такъ же отдѣльно отъ славянъ, какъ болгары и русы» (Извѣстія Ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и славянахъ ч. I, 1878 г., стр. 147). Этотъ взглядъ проникъ и въ иностранную литературу, но Грушевскій совер-

шенно справедливо отмѣтилъ (Исторія України—Руси. т. I. 1898, стр. 99—108), что ни о такой династии, ни о политической организации, которая должна бы явиться плодомъ ея господства, мы ничего не знаемъ у антовъ; наоборотъ, Прокопій прямо подчеркиваетъ, что славяне и анты живутъ одинаково, демократическимъ строемъ; то же подтверждаетъ Маврикій. Въ угоду своему пристрастію къ западной вѣтви славянъ, В. Богуславскій (т. II, стр. 17) замѣчаетъ слѣдующее: «въ то время, какъ восточное славянство коснѣло въ простотѣ быта, основаннаго на общинномъ владѣніи, западное, принявъ строй, опиравшійся на дѣленіе населенія на два сословія, вступало на дорогу политическаго развитія и отличалось отъ восточнаго отдѣла сравнительной высотой своей культуры. Не на этомъ ли зиждется дѣленіе племени на славянъ и антовъ? Какъ бы то ни было, древніе основывали его не на различіи въ языкѣ». Противъ этого можно возразить, что они (напр., Прокопій) имѣли въ виду и эту разницу, но главнымъ образомъ имъ бросалось въ глаза географическое положеніе этихъ племенъ. Иорданъ знаетъ антовъ на лукѣ Чернаго моря между Днѣстромъ и Днѣпромъ, Прокопій говоритъ о безчисленныхъ народахъ антовъ, сидящихъ къ сѣверу отъ Азовскаго моря, и его слова ручаются за то, что колонизація славянъ достигла къ половинѣ VI вѣка уже Дона. А если это такъ, съ чѣмъ соглашается и г. Грушевскій, то въ антахъ можно видѣть предковъ всей восточной, русской вѣтви славянства, а не только ея украинской части. Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что г. Грушевскимъ руководило патріотическое желаніе начать исторію Украины съ возможно древнихъ временъ («Установлена вище тожність Антів із українсько—руськими племенами відкриває нам кілька фактив з найранійшої історії їх колонізації», говорить онъ на стр. 103). Г. Филевичъ («Исторія древней Руси» Варшава. 1896. т. I, стр. 330), говоря о принадлежности полянскаго, побожскаго и подольскаго славянства къ той крупной славянской вѣтви, которую византийцы обозначили общимъ именемъ антовъ, повидимому, не ограничиваетъ ими объемъ этого этнографическаго имени. Въ связи съ движеніемъ антовъ на западъ въ Дакію при императорѣ Прокопіи стоитъ можетъ быть, и русский элементъ въ Венгріи, анализу котораго посвящена книга И. П. Филевича (ср. особ. стр. 190—195).

Желая доказать древность славянъ на Дунаѣ, Дриновъ, горячій защитникъ этой теоріи, опирается на собственныя географическія и личныя имена будто бы славянскаго происхожденія (*Tsierna* и *Pelso*), на переживаніе имени Траяна въ легендахъ балканскихъ славянъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, наконецъ на распространеніе слова *каляда*¹⁾ изъ латин. *calendae* въ славянскихъ языкахъ. Но доказательность всѣхъ этихъ фактовъ давно уже опровергнута Крекомъ (стр. 275—284), а вслѣдъ за нимъ И. Н. Смирновымъ (Зап. Каз. Унив. 1900, январь, стр. 19—30), а потому намъ не для чего возвращаться къ этому вопросу.

¹⁾ *Калыдамъ* посвящено исчерпывающее вопросъ изслѣдованіе А. Н. Веселовскаго (Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VII. Румынскія, славянскія и греческія каланды. 1883). Для объясненія распространенія слова *каляда* въ славянскихъ языкахъ надо помнить, что уже въ IV в. по Р. Х. празднество январскихъ каландъ было обще всему греко-римскому міру, что при Юстиніанѣ оно было прурочено къ двѣнадцати дневному святочному циклу, отъ Рождества по Крещенію; что въ концѣ VI вѣка оно достигло такого значенія, что Трульскій соборъ долженъ былъ запретить его особеннымъ канонамъ.

Какую народность застали славяне, явившись въ Австрію, къ нынѣшней Вѣнѣ? Прежде всего, надо остановиться на разъясненіи отношенія древняго славянскаго названія Вѣны (ст.-чешск. *Wyednyje*, современ. польское *Wieden* изъ словацкаго *Vieden*) къ нѣмецкому *Wien*, изъ старой формы *Wienne*. Въ работѣ, посвященной этому вопросу въ 1894 году, Гринбергеръ пришелъ къ заключенію, что германцы заимствовали свое слово отъ славянъ самое позднее въ 9 вѣкѣ: иначе изъ славянской формы этого имени (*Wedni*) не могла бы получиться нѣмецкая, и что между кельтскимъ названіемъ этого города *Vindobona* и славянскимъ *Wedni* нѣтъ ничего общаго. Этотъ выводъ, поскольку онъ указываетъ на приоритетъ славянъ въ окрестностяхъ Вѣны, согласуется съ тѣмъ, что уже давно утверждалъ извѣстный ученый *Kaetmel* въ книгѣ „*Entstehung des österreichischen Deutschtums*“ (1879) и въ статьѣ: „*Die slavischen Ortsnamen im nordöstlichen Theile Niederösterreichs*“ (*Archiv für slav Philologie* т. VIII, стр. 256—281). Въ недавнее время тотъ же Гринбергеръ выставилъ совершенно противоположный взглядъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ 19 томѣ журнала: „*Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung*“ (стр. 520—534, 1898 г.) онъ утверждаетъ, что названіе Вѣны чисто германскаго происхожденія, какъ и всѣхъ рѣкъ въ окрестностяхъ ея, что по своему образованію названія эти указываютъ на связь съ рейнскими франками, которымъ онъ и приписываетъ честь основанія Вѣны. Большимъ промахомъ автора указанной статьи я считаю то, что онъ совершенно обошелъ славянское имя этого города. Въ построеніяхъ Гринбергера, пытающагося доказать германское происхожденіе слова *Wienne* (*Wionen*, род. пад. *Wionna*, откуда *Wionna*, мѣстн. пад. *Wionne*), гораздо больше искусственности, чѣмъ когда онъ же сопоставляетъ *Wienne* съ *Wedni*. Вообще, трудное и рискованное дѣло этимологически объяснять географическія названія, а въ данномъ случаѣ оно еще усложняется тѣмъ, что эти послѣднія становятся намъ извѣстными поздно, не ранѣе 8 вѣка. Мнѣ казалось бы, что слово *Wedni* никоимъ образомъ нельзя отдѣлять отъ кельтскаго *Vindobona*, но выяснитъ эту связь я не берусь. Для меня ясно только, что непосредственной передачи этого имени отъ кельтовъ къ славянамъ здѣсь не было; но посредниками не

Что касается Траяна, то въ дополненіе къ сказанному на стр. 10 укажу на распространеніе этого имени у славянъ. Морошвинъ въ своемъ „Славянскомъ именословѣ“ (1867) приводитъ это имя изъ документовъ чешскихъ (отъ 1183, 1184 и 1211 г.), польскихъ (1306 г.) и изъ *Memoriae populorum* Стриттера отъ 1073 и 1078 годовъ. У поморскихъ славянъ упоминается *Troin Trojanovic* (Перволюфъ Германизация балтійскихъ славянъ). Въ Польшѣ *Trojan* подъ 1065 годомъ (*Z. Gloger. Księga gzeszy polskich.* 1896, стр. 114), *Troyanowo* подъ 1222 г. и мн. др. (см. Бодуэнъ де Куртэнъ. О древне-польскомъ языкѣ, стр. 46 словаря). Объясненію имени Траяна въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ посвящена V глава въ изслѣдованіи В. Ф. Миллера: „Взглядъ на слово о полку Игоревѣ“ (1877). Исслѣдователь приходитъ къ выводу, что авторъ „Слова“ подразумѣвалъ подъ Траяномъ нѣчто въ родѣ царя Гороха, и что на него оказали сильное вліяніе болгарскіе книжные источники (ср. стр. 109). Не соглашаясь съ послѣднимъ, думаю, что, дѣйствительно, образъ Траяна къ XII в. утерять всякія реальныя черты и принялъ фантастическій характеръ.

Изъ мѣстныхъ именъ укажу на Траяновъ валъ въ Россіи, чешскія деревни *Trojanek* и *Trojanov* (S. Zaganski. *Geograficzne imiona słowiańskie.* Krakow. 1878, стр. 228), польскую деревню *Trojany* (уже въ 1449 г.) въ Мазовіи (W. Kętrzyński. *O ludności polskiej w Prusiech niegdyś Krzyżackich.* Lwow. 1882, стр. 427). *Trojany Czarne* (въ 1572 г.) въ Мазовіи близъ литовской границы (*ibid.* 524) Около Калиша въ Проску впадаетъ р. *Trojanowska*, въ Моравіи близъ горнаго хребта Яблунка сел. *Trojanowitz*, въ глуши Польска около притока Припяти Стохода дер. *Троляновка*. Этихъ именъ достаточно, хотя нашъ перечень далеко не полонъ.

были и романцы, такъ какъ романскіе языки твердо сохраняютъ сочетание—*nd*,—не превращая егò въ *d* (Meyer-Lübke. *Grammatik der romanischen Sprachen*. т. I. 1890, стр. 408—410).

Кэмелю принадлежитъ очень остроумное сближеніе, которое проливаетъ много свѣта на относительную древность германскаго и славянскаго элементовъ въ Австріи. Какъ извѣстно, обычный взглядъ соединяетъ чешское названіе Австріи *Rakousy* съ этническимъ названіемъ 'Рахатрио, упоминаемымъ у Птолемея. Городъ *Raabs* при слияніи нѣмецкой и Моравской Тайи, «знаменитое пограничное мѣсто, по которому Чехи и теперь еще называютъ Австрію», извѣстно въ документахъ 12 вѣка въ формахъ *Ratgoz*, *Rakez* и др. Кэмель сближалъ это названіе со славянскими словами: *rohogz*, чеш. *rohog* и т. д., что, очевидно, невѣроятно. Гринбергеръ со свойственной ему пронизательностью увидѣлъ въ формѣ *Ratgoz* нѣмецкій мѣстный падежъ множ. числа. Поэтому, «*рикушане* означаютъ первоначально не что иное, какъ люди изъ Раабса, или же лица, принадлежащія къ *Rätgöz*, по нѣмецки приблизительно такъ **Rätgözzinge*» (стр. 531, за 1898 г.).

Есть очень вѣское доказательство въ пользу того, что славяне появились на среднемъ Дунаѣ не путемъ мирнаго спорадическаго распространенія, но путемъ завоевательнаго переселенія, при чемъ они шли густой, сплошной массой. Такого движенія византійскіе историки не могли не замѣтить, и они его отмѣтили тотчасъ же, когда оно началось, т. е. съ 6 вѣка. За такой характеръ движенія ручается фактъ, впервые выдвинутый, если я не ошибаюсь В. И. Ягичемъ въ статьѣ: «Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen» (*Archiv f. Slav. Philol.* т. 17 за 1895 г.). Онъ отмѣтилъ отсутствіе рѣзкихъ діалектическихъ границъ среди южно-славянскихъ языковъ, гдѣ сербохорватскій языкъ постепенно переходитъ, съ одной стороны, въ словинскій, а съ другой въ болгарскій языкъ, и высказалъ увѣренность, что это явленіе можетъ объясняться лишь тѣмъ, что «хорваты и сербы были вовлечены уже въ то великое переселеніе славянскихъ племенъ, которое наполнило весь VI вѣкъ и завершилось къ началу VII-го; оба эти спеціальныя имени появляются лишь постепенно среди этническаго названія болѣе общаго характера; они образовали кристаллизационныя точки политическаго могущества, не включая въ себѣ, по крайней мѣрѣ первоначально, какой-нибудь этнической противоположности и не становясь обобщеніями»¹⁾.

Прежде, чѣмъ на аренѣ исторіи появились славяне, имъ расчистили дорогу на западъ новые пришельцы съ востока, тюркскія племена гунновъ и аваровъ. Поэтому для изслѣдователя славянскихъ древностей необходимо нѣкоторое знакомство съ ихъ древней культурой и судьбами.

¹⁾ По отношенію къ словинцамъ тотъ же взглядъ былъ развитъ въ 1896 году (*Archiv*, томъ 18) покойнымъ словинскимъ ученымъ В. Облакомъ. Раньше, хотя мимоходомъ, указалъ на это явленіе г. Калина во введеніи къ «Исторіи болгарскаго языка» (1891. т. 14 изслѣдованій Крак. Акад. Наукъ, стр. 192). Вотъ его слова: «такъ какъ группа словинская прибыла въ пору славянскаго переселенія на югъ одновременно съ другими славянами, то отсюда слѣдуетъ, что въ славянскомъ языкѣ сохранился тотъ типъ, который господствовалъ въ языкѣ славянъ на ихъ родинѣ передъ переселеніемъ на югъ» (здѣсь идетъ рѣчь о частномъ языковомъ явленіи).

V.

Г у н н ы.

Библиографія: Neumanu Die Völker des Südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipz. 1847. Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси. М. 1876. Его-же: Дополнительная полемика по вопросу болгаро-гунскому. 1889. Hunfalvy. Ethnographie von Ungarn. Budapest. 1877. Соответствующіе отдѣлы въ сочиненіяхъ о переселеніи народовъ Pallmann'a, Wietersheim'a и др. Статьи В. Г. Васильевскаго, Н. И. Веселовскаго въ «Жур. Мин. Нар. Просв.». Радловъ. Къ вопросу о уйгурахъ. Спб. 1898. (Гунны-турки). Въ журналѣ «Живая Старина» (1900, вып. III) помѣщенъ интересный очеркъ К. А. Иностранцева: «Хунь-ну и Гунны». Авторъ согласенъ съ синологомъ Гиртомъ, отождествляющимъ европейскихъ гунновъ съ китайскими гунну и приписывающимъ имъ тюрское происхожденіе ¹⁾.

Вопросъ о гуннахъ имѣетъ для насъ большое значеніе, такъ какъ имъ приписывается большая роль въ славянской исторіи. Они пронесли ураганомъ по Европѣ и произвели массу переворотовъ. Теперь на источники гуннской исторіи обращено особенное вниманіе, и по исторіи гунновъ европейскихъ есть основательныя изслѣдованія, а для изслѣдованія исторіи гунновъ азиатскихъ служатъ китайскіе источники, которые теперь изучаются особенно усердно.

По исторіи гунновъ европейскихъ главными источниками служатъ Иорданъ (6 в.), Аммианъ Марцелинъ (4 в.) и Прискъ (5 в.).

Исторія гунновъ начинается за 2 т. лѣтъ до Р. Х. Во времена древнѣйшей китайской династіи Xia (2205—1766) стало извѣстно имя *Нун-ти*. Китайскій анналистъ Ссе-ма-цзень рассказываетъ, что на

¹⁾ Статьи Гирта я, къ сожалѣнію, не могъ достать. Изложеніе ея я надѣюсь дать въ дополненіи къ этой книгѣ.

С.-З. Китая появился сильный кочевой народъ Гунну. Ужасъ на китайцевъ они наводили такой-же, какъ и на европейцевъ. Китайцы, ненавидѣвшіе гунновъ, называли ихъ собаками, взбунтовавшимися рабами. Слово это (Hiung-nu) по созвучію съ именемъ гунновъ вытѣснило это послѣднее и вошло во всеобщее употребленіе у китайцевъ. Европейцы поражались наружностью гунновъ, а китайцы называли ихъ красивыми. Если сравнить свидѣтельства китайцевъ о тюркскихъ племенахъ, то окажется, что ихъ поражали впалые глаза и носъ тюрковъ. Это указываетъ, по мнѣнію Неймана, на то, что гунны принадлежали къ одной расѣ съ китайцами, потому что о наружности гунновъ нѣтъ такихъ свидѣтельствъ. Но дѣло въ томъ, что тотъ народъ, въ которомъ Нейманъ видѣлъ тюрковъ, состоялъ изъ арийцевъ ¹⁾.

Послѣ паденія династія Xia (1766 до Р. X.) потомокъ ея, Шунъ-вей, бѣжалъ къ гуннамъ и здѣсь положилъ основаніе княжескому дому гунновъ. По словамъ китайскаго анналиста Ссе-ма-цзень «отъ Шунъ-вей до Тіумана (перваго историческаго князя этого дома) прошло тысяча лѣтъ; о событіяхъ этого времени мы ничего не знаемъ». Это было за 1000 лѣтъ до выступленія гунновъ въ исторіи Азии. Отсюда Нейманъ дѣлаетъ выводъ, что Шунъ-вей бѣжалъ на сѣверъ приблизительно въ 13 в. О бытѣ гунновъ сохранились довольно полныя свѣдѣнія. Китайцы рисуютъ ихъ народомъ суровымъ и дикимъ. Они занимаются скотоводствомъ и охотой на дикихъ звѣрей, пасутъ лошадей, ословъ, верблюдовъ, коровъ и овецъ. Ихъ пастбища расположены вдоль рѣкъ по заливнымъ лугамъ. Они постоянно кочуютъ, не зная ни городовъ, ни селъ; питаются кореньями. Что особенно важно въ культурно-историческомъ отношеніи—это то, что они знали и занимались земледѣліемъ, хотя и не правильно: постоянно на новыхъ земляхъ ²⁾. Останавливаясь гдѣ-нибудь на короткое время, они дѣлили землю на равные участки и воздѣлывали ее семьями. Такимъ образомъ могло происходить соединеніе кочевого, пастушескаго и земледѣльческаго быта. Такъ и впоследствии кочевые татары сѣяли и собирали хлѣбъ, а Мамай, собираясь въ походъ на русскихъ, разослалъ по своимъ улусамъ такой приказъ: «не пашите землю и не заботьтесь о хлѣбѣ; будьте готовы на русскіе хлѣбы» ³⁾ Иосафатъ Барбаро описываетъ татаръ кочевымъ народомъ, знакомымъ съ земледѣліемъ; такимъ же были и гунны. Но у гунновъ земледѣліе было не въ почетъ: они предпочитали питаться дикорастущими травами и полусырымъ мясомъ, которое размягчали тѣмъ, что садилась на него, какъ на сѣдло, скача верхомъ. Одежда ихъ состояла изъ шкуръ, которыя они носили до тѣхъ поръ, пока онѣ не сваливались. Особенно строго запрещалось мыть одежду или посуду: за это боги насылаютъ громъ и молнію. Женщины и дѣти переезжали съ мѣста одной кочевки на другое на повозкахъ.

Когда китайцы познакомились съ гуннами, у этихъ послѣднихъ не было никакого государственнаго строя, ни религіи, ни права; договоры состояли изъ устныхъ переговоровъ. Они не знали прочной власти, не соблюдали никакихъ брачныхъ церемоній и т. п. Въ битвѣ гунны съ искусствомъ опутывали ноги своихъ враговъ веревками такъ, что лишали ихъ возможности движенія.

¹⁾ См. объ этомъ указанную статью г. Иностранцева стр. 381.

²⁾ Объ этихъ формахъ быта см. мои статьи въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1900 г. (№ 12) и за 1901 (№ 1).

³⁾ См. объ этомъ въ «Дополнительной полемикѣ» г. Иловайскаго, стр. 5.

Къ 3 в. до Р. X. въ ихъ исторіи произошелъ крупный переворотъ. Около 207 г. въ Средней Азии возвысился князь Мао-тунъ. Это древнѣйшій гуннскій Атилла. Онъ перебилъ знать и всѣхъ сильнѣйшихъ людей племени, убилъ отца. Мао-тунъ покорилъ сѣв.-вос. Азію и уже грозилъ Китаю. Но его власть основывалась на личныхъ подвигахъ. Послѣ его смерти его государство, простиравшееся отъ Тибета на западъ, до Кореи на востокъ, распалось, и возникло два царства, сѣверное и южное, изъ которыхъ первое скоро пало вслѣдствіе вражескихъ нападений южныхъ гунновъ, соединенныхъ съ китайцами; съ сѣвера на него нападали динли ¹⁾ жившіе около Байкала. Тогда изъ сѣверной Гунніи началось переселеніе на С.-З., гдѣ было меньше враговъ. Сначала гунны заняли мѣста около Аральскаго моря, гдѣ теперь кочуютъ киргизы. Потомъ около половины 2 в. до Р. X. они устремились дальше, къ Каспійскому морю, и разбили аланъ, какъ рассказываетъ китайскій лѣтописецъ. На время историки замолкаютъ о гуннахъ, но скоро мы снова находимъ свидѣтельства о нихъ. Западныя писатели, Діонисій (въ „Описаніи земли“ конца 1-го и нач. 2 в.) рассказываетъ, что около Каспійскаго моря за скивами (аланами) живутъ гунны. Птолемей говоритъ о какомъ то племени хунновъ, живущемъ между бастарнами и роксоланами. Это опредѣленіе загадочное. Племя гунновъ могло, пожалуй, уже въ эту пору появляться на восточномъ берегу Дона, но на западъ во 2 вѣкѣ они еще не переходили. Гунны столкнулись съ аланами, которые превосходили ихъ культурнымъ развитіемъ.

Около 367 г. по Р. X. остготы въ лицѣ Эрманариха поднялись на недостижимую высоту. Вестготы же подъ своими предводителями Фритигерномъ и Атанарихомъ дѣлились на двѣ части. У нихъ еще не было царя, какъ у остготовъ. Ихъ предводитель назывался «царекъ», «судья» (regulus, iudex). Изъ военнаго предводительства у нихъ вытекала и гражданская власть,—между тѣмъ какъ у остготовъ «гех» былъ царемъ въ полномъ смыслѣ слова. Эрманарихъ подчинилъ себѣ цѣлый рядъ народовъ, населяющихъ Россію. Вѣроятно, ему подчинялась вся юго-западная Россія. При Эрманарихѣ начинается наше ствiе гунновъ на Европу. Существуетъ легенда несомнѣнно книжнаго происхожденія, будто гунны, охотясь, увидѣли лань, которая убѣжала въ болото. Охотившіеся побѣжали за ней и увидѣли по другую сторону рѣки (Дона) жилища другихъ народовъ. Такимъ образомъ, не думавши перебраться черезъ Донъ, гунны начали дѣлать набѣги. Эрманарихъ увидѣлъ себя не въ силахъ бороться съ новымъ врагомъ и покончилъ съ собою, бросившись на свой мечъ, какъ рассказываетъ Аммианъ. Иорданъ ²⁾ рассказываетъ иначе (и рассказъ его находитъ отраженіе въ Эддѣ), будто Эрманарихъ приказалъ казнить женщину Сванехильду (Swanhilde), жену одного остготскаго начальника, за нарушение вѣрности. Она была роксоланскаго происхожденія. Роксоланы поджидали случая отомстить Эрманариху и охотно подчинились гуннамъ при ихъ вторженіи. Въ дѣйствительности они недовольны были тою государственною системою, которую установилъ Эрманарихъ, и искали случая отложиться. По смерти Эрманариха его государство распалось на двѣ части. Одно осталось вѣрно его сыну Гунимунду, небольшая часть недовольныхъ избрала Винитара (у Аммиана Витемира).

¹⁾ Объ этихъ *динли* см. статью г. Груммъ-Гржимайло: „Почему китайцы рисуютъ демоновъ рыжеволосыми?“ (Журн. Мин. Нар. Пр. июль 1889 г.).

²⁾ Краткое изложеніе этихъ мифовъ въ I главѣ «Исторіи нѣмецкой литературы» Коха и Фохта (переводъ А. Погодина), 1899 г.

Гунимундъ перешелъ на сторону гунновъ и сталъ участвовать въ нападеніяхъ на Винитара, который велъ жаркія битвы съ гуннами. Винитару пришлось столкнуться съ другимъ племенемъ, съ антами, которые возстали противъ него и рѣшили бороться. Винитаръ схватилъ вождя ихъ Вох (Божь?) и распялъ его на крестѣ. Но это усмирение было не полное. Анты ждали случая отложиться. Вскорѣ произошла битва Винитара съ гуннами, съ ихъ вождемъ Баламиромъ, и Винитаръ здѣсь погибъ. Гунны пошли на западъ и напали на вестготовъ, которые оставались подъ начальствомъ Атанариха и Фритигерна. Атанарихъ былъ язычникъ, а Фритигернъ христіанинъ, и первый жестоко преслѣдовалъ христіанъ, особенно, подчиненныхъ Фритигерну. Гуннамъ не стоило большого труда подчинить вестготовъ. Вестготы обратились къ византийскому императору Валенту съ просьбою дать имъ пріютъ. Съ этого времени готы перестаютъ играть первенствующую роль въ жизни Южной Россіи, хотя ихъ остатки здѣсь сохранились до 19 вѣка.

Обратимся теперь къ тому, что говорятъ намъ главные источники по вопросу о происхожденіи и культурѣ гунновъ. Главными изъ нихъ являются Амміанъ Марцеллинъ, который, какъ склонны думать изслѣдователи его источниковъ и стила, вѣроятно лично видѣлъ гунновъ при ихъ появленіи въ Европѣ въ IV вѣкѣ, затѣмъ, около столѣтія спустя, въ V вѣкѣ Прискъ, участникъ посольства, отправленнаго въ 448 году византийскимъ императоромъ Θεодосіемъ Младшимъ къ Аттилѣ съ двумя цѣлями: явной, извѣстной посланнику Максимино и Приску, вѣроятно, помощнику или секретарю его, оставившему свои интересные мемуары, и тайной, заключшейся въ составленіи заговора для умерщвленія Аттилы.

Тайная цѣль посольства, невѣдомая официальнымъ посланникамъ, оказалась извѣстной гунскому царю, что поставило Максимино и Приска въ крайне двумысленное положеніе. Къ 5 вѣку относятся также историкъ Зосимъ, сообщающій въ 4 книгѣ своей *Historia nova* (написанной между 450—502 г.) нѣсколько очень цѣнныхъ извѣстій о гуннахъ, а также латинскіе поэты Клавдіанъ (самый конецъ 4 в.) и Аполлинарій Сидоній (около 460 г. по Р. Х.). Наконецъ въ 6 вѣкѣ источниками служить извѣстная «Исторія готовъ» Иордана и тѣ труды византийца Прокопія, въ которыхъ мы впервые встрѣчаемся и со славянами. Иорданъ отчасти пользуется Прискомъ, но у него много и своего; что касается Прокопія, то это наблюдатель очень добросовѣстный и точный. Вотъ въ общихъ чертахъ тотъ матеріалъ, съ которымъ мы должны познакомиться, чтобы имѣть возможность судить о культурѣ и внѣшнемъ обликѣ гунновъ, народа, замѣченнаго исторіей тотчасъ же при своемъ появленіи въ исторіи. Такимъ образомъ картина гуннской жизни представляется въ довольно яркихъ чертахъ. По китайскимъ и европейскимъ источникамъ можно прослѣдить на продолженіи нѣсколькихъ столѣтій теченіе гуннской жизни.

Вотъ какъ Прискъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ гуннами. Евнухъ Хрисаеій убѣждалъ Эдикона (посла Аттилы, который, вѣроятно, притворно, внушилъ евнуху мысль составить заговоръ противъ Аттилы) умертвить Аттилу ¹⁾. «Царь Θεодосій и магистръ Марціалій, посовѣтовавшись между собою по сему предмету, рѣшились отправить къ Аттилѣ посланникомъ Максимино, а не одного Вигилу. Подъ видомъ, что состоитъ въ званіи переводчика, Вигила имѣлъ порученіе сообразоваться съ волею Эдикона. Максимино, ничего не звавши о томъ,

¹⁾ Пользуясь переводомъ С. Г. Дестуниса.

что было ими замышлено, долженъ былъ представить Аттилѣ царское письмо. Царь извѣщалъ его, что Вигила былъ только переводчикомъ, что Максиминъ, человекъ знатнаго происхожденія и самый близкій къ царю, былъ достоинствомъ выше Вигилы». Далѣе Прискъ сообщаетъ содержаніе царской грамоты и переходитъ къ описанію путешествія посольства къ Аттилѣ. Путь лежалъ черезъ города Сардику (Софію, Срѣдецъ) и Наиссъ (Нишъ). Переправившись черезъ Истръ на однодревкахъ, выдолбленныхъ изъ деревьевъ, посольство проѣхало около 12 верстъ (70 стадій) и отправило гонцовъ къ Аттилѣ съ извѣстіемъ о своемъ прибытіи. Поздно вечеромъ отъ гуннскаго царя пріѣхало двое всадниковъ съ приказомъ ѣхать къ Аттилѣ, и посольство Максима на другой день выѣхало въ дальнѣйшій путь. «Къ девяти часамъ дня (т. е. къ 3 час. пополудни) мы прибыли къ шатрамъ Аттилы: ихъ было у него много. Мы хотѣли разбить свои шатры на одномъ холмѣ; но попавшіеся намъ на встрѣчу варвары запретили это дѣлать, говоря, что шатеръ Аттилы стоитъ на низменномъ мѣстѣ».

Въ это время «Эдиконъ, Орестъ, Скотта (Скотта-гуннъ, приближенный Аттилы, Эдиконъ и Орестъ—ѣхали вмѣстѣ съ Максиминомъ и Прискомъ) и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ скивовъ пришли къ намъ и спрашивали о цѣли нашего посольства. Столь странный вопросъ удивилъ насъ. Мы смотрѣли другъ на друга. Скивы, безпокая насъ, настоятельно требовали, чтобы мы дали имъ отвѣтъ». Византійское посольство, совершенно растерявшись отъ такой неожиданности, потребовало свиданія съ Аттилой. «Тогда скивы уѣхали къ Аттилѣ, и возвратились къ намъ безъ Эдикона. Они пересказали намъ все то, что было намъ поручено сказать Аттилѣ, и совѣтовали уѣзжать скорѣе, если намъ болѣе нечего сказать». Несмотря на всѣ увѣщанія посольства, приходилось уѣзжать. «Уже мы навьючили скотину и хотѣли, по необходимости, пуститься въ путь ночью, когда пришли къ намъ нѣкоторые скивы съ объявленіемъ, что Аттила приказываетъ намъ остановиться по причинѣ ночного времени. Къ тому же мѣсту пришли другіе скивы съ присланными къ намъ Аттилою рѣчными рыбами и быкомъ». На другой день они получили тотъ же приказъ удалиться, но Прискъ уладилъ дѣло: взявъ съ собою въ качествѣ переводчика нѣкаго Рустикія, который зналъ «скиевскій» языкъ, онъ отправился къ Скоттѣ, старался повліять на него обѣщаніемъ награды и дѣйствовалъ на его самолюбіе, выражая сомнѣніе, такъ же ли онъ силенъ при царѣ, какъ его братъ Онигисій. «Не сомнѣвайтесь, сказалъ Скотта, и я наравнѣ съ братомъ моимъ могу говорить и дѣйствовать при Аттилѣ». Попытка Скотты увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Аттила призвалъ къ себѣ посланниковъ. «Мы вошли въ его шатеръ, охраняемый многочисленною толпою варваровъ; Аттила сидѣлъ на деревянной скамьѣ. Мы стали нѣсколько поодаль отъ его сѣдалища, а Максиминъ, подошедъ къ варвару, привѣтствовалъ его». Гунскій царь отвѣчалъ на его привѣтствіе сухо, а потомъ, обратившись къ Вигилѣ (тому лицу, которое взяло на себя исполненіе заговора), принялся ругать его, не показывая однако, что ему извѣстно содержаніе заговора. Не давъ отвѣта на грамоту императора, Аттила велѣлъ Максимину подождать. Такимъ образомъ византійцамъ пришлось ѣхать вслѣдъ за царемъ вглубь Венгріи. На этотъ разъ варваръ перехитрилъ коварную византійскую политику.

Вслѣдъ за этимъ начинается интереснѣйшая часть мемуаровъ Приска: описаніе путешествія посольства въ связи съ изображеніемъ нравовъ мѣстныхъ жителей и гунновъ. Сюда относится извѣстное мѣсто о *медъ* и *камъ* у панонцевъ. «На слѣдующій день мы пустились

въ путь за Аттилою далѣ къ сѣверу. Мы шли дорогою гладкою, пролежавшею по равнинѣ, и дошли до рѣкъ судоходныхъ, изъ коихъ самыя большія послѣ Истра суть Дриконтъ, Тига и Тифиса. Мы переправились черезъ эти рѣки на однодревкахъ, употребляемыхъ береговыми жителями тѣхъ рѣкъ. Другія рѣки мы переѣзжали, на плотахъ, которые варвары возятъ на телѣгахъ, по той-причинѣ, что тѣ мѣста покрываются водою. Въ селеніяхъ отыскали намъ въ пищу вмѣсто пшеницы—просо, вмѣсто вина, такъ называемый у туземцевъ *медъ* (μέδος). Слѣдующіе за нами служители получали просо и добываемое изъ ячменя питье, которое варвары называютъ *камомъ* (κάμος). По близости отъ того селенія, гдѣ посольство угощали этими напитками, его застала страшная гроза, и спутники въ тревогѣ разбрелись въ разныя стороны. Случайно они всѣ сошлись въ одномъ селеніи; мы узнаемъ при этомъ, что жители этого селенія отличались большимъ гостеприимствомъ, и что свои дома они отапливали камышомъ. «Начальница того селенія—она была изъ женъ Влиды ¹⁾—прислала къ намъ кушанье и красивыя женщины для удовольворенія нашего. Это по скиески знакъ уваженія». На другой день посольство сдѣлало визитъ царицѣ. «Мы прошли семь дней дороги и остановились въ одномъ селеніи, потому что скиены, наши проводники, сказали намъ что Аттила ѣдетъ по той же дорогѣ, и что намъ надлежало ѣхать вслѣдъ за нимъ». Сюда пріѣхало и посольство изъ Рима. Соединившись здѣсь, оба посольства подождали, «покуда Аттила проѣхалъ впередъ; потомъ продолжали свой путь за нимъ вмѣстѣ со множествомъ народа. Переѣхавъ черезъ нѣкоторыя рѣки, мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Онъ былъ, какъ увѣряли насъ, великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградою, служащей болѣе къ украшенію, нежели къ защитѣ. Послѣ дома царскаго самый отличный былъ домъ Онигисія, также съ деревянною оградою, но ограда эта не была украшена башнями, какъ у Аттилы. Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ, имѣвшемъ послѣ Аттилы величайшую силу между скиеами». Эта баня, выстроенная однимъ архитекторомъ изъ Сирміума, изъ камня, вывезеннаго изъ Пеоніи («ибо у варваровъ, населяющихъ здѣшнюю страну, нѣтъ ни камня, ни лѣса»), показываетъ, какъ гунны были падки на усвоеніе высшей культуры. Вслѣдъ за тѣмъ Прискъ сообщаетъ чрезвычайно любопытную подробность: «при вѣздѣ въ селеніе, Аттила былъ встрѣченъ дѣвами, которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи или болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествова Аттилѣ, пѣли скиескія пѣсни».

Мало по малу ссора съ гуннами улеглась, когда пріѣхалъ доброжелатель византійцевъ Онигисій. Ловкій Прискъ думалъ повліять на Аттилу черезъ его женъ и отправился съ подарками къ женѣ его Крекѣ. «Аттила имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ владѣтелемъ Акацировъ и другихъ народовъ, занимающихъ припонтійскую Скиею. Внутри ограды было много домовъ: одни

¹⁾ Влида былъ братъ Аттилы.

выстроены из досок красиво соединенных, съ рѣзною работою; другіе из тесанныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начинаясь съ пола, они поднимались до нѣкоторой высоты (текстъ неясенъ). Здѣсь жила супруга Аттилы; я впущенъ былъ стоящими у дверей варварами и засталъ Креку, лежащую на мягкой постели. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу, противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды, для красоты. Подошедъ къ Крекѣ, я привѣтствовалъ ее, подаль ей подарки и выпелъ». Послѣ разныхъ отступленій, Прискъ рассказываетъ намъ о томъ, какъ его принципала Максимина и его самого Аттилы пригласилъ на пиръ. Описание этого послѣдняго занимаетъ въ переводѣ Дестуниса болѣе двухъ страницъ. Перескажемъ его вкратцѣ; тутъ есть тоже любопытныя подробности. Прежде, нежели сѣсть, всѣ помолились надъ чашей, поданной виночерпцемъ, и вкусивъ изъ нея (чего, Прискъ не упоминаетъ), пошли къ назначеннымъ мѣстамъ. «Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны; въ самой серединѣ сидѣлъ на ложѣ Аттила; позади его было другое ложе, за которымъ нѣсколько ступеней вели къ его постели. Она была закрыта тонкими и нестрыми занавѣсами, для красоты, подобными тѣмъ, какія въ употребленіи у римлянъ и эллиновъ для новобрачныхъ». Аттилы выпилъ по порядку за здравіе всѣхъ присутствовавшихъ, каждаго въ отдѣльности, при чемъ соблюдался строгій церемоніаль. Затѣмъ «подлѣ его стола были поставлены столы на трехъ, четырехъ или болѣе гостей, такъ, чтобъ каждый могъ брать изъ положеннаго на блюдѣ кушанья, не выходя изъ ряда сѣдалищъ». Передъ Аттилою поставили мясо на деревянной тарелкѣ, а грекамъ и римлянамъ были предложены отличныя кушанья на серебряныхъ блюдахъ. Послѣ каждаго блюда гости выходили изъ за своихъ скамеекъ, выпивали по кубку вина за здоровье Аттилы и садились на мѣсто. «Два варвара, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни, въ которыхъ превозносили его побѣды и оказанную въ бояхъ доблесть. Собесѣдники смотрѣли на нихъ; одни тѣшились стихотвореніями, другіе воспламенялись, вспоминая о битвахъ, а тѣ, которые отъ старости тѣломъ были слабы, а духамъ спокойны, проливали слезы. Послѣ пѣсней, какой-то скиѣ, юродивый, выступивъ впередъ, говорилъ рѣчи странныя, вздорныя, не имѣющія смысла, и разсмѣшилъ всѣхъ». Затѣмъ выступилъ горбунъ Зѣрконъ Маврусій и тоже смѣшилъ публику мѣшаниной изъ латинскихъ фразъ съ гунскими и готскими словами. Этими непритязательными забавами и окончился пиръ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней посольство было принято женою царя, Реканъ (вѣроятно, испорченное чтеніе вмѣсто Крека). Здѣсь мы опять встрѣчаемъ гунскій церемоніаль: «каждый изъ предстоящихъ, по скиѣской учтивости, привставъ, подавалъ намъ полную чашу, потомъ обнималъ и цѣловалъ выпившаго и принималъ отъ него чашу».

Этимъ исчерпывается тотъ культурно-историческій матеріаль, который мы находимъ въ книгѣ Приска.

У Иордана находится очень интересное описаніе типической наружности гунновъ, которое необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи этого племени. Описывая вѣншній и внутренній обликъ Аттилы, Иорданъ прибавляетъ, что онъ имѣлъ малый ростъ, широкую грудь, большую голову, маленькіе глаза, рѣдкую бороду, волосы съ просѣдью, приплюснутый носъ, темное лицо: однимъ словомъ, онъ отражалъ въ себѣ всѣ признаки своего племени. Въ дру-

гомь мѣстѣ Иорданъ даетъ такое описаніе наружности гунновъ ¹⁾: «у нихъ лицо устрашающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя точками вмѣсто глазъ. Самоувѣренность и мужество свѣтятся въ ихъ ужасномъ взглядѣ. Свирѣпость свою они упражняютъ надъ своими дѣтьми съ перваго же дня ихъ рожденія: младенцамъ мужскаго пола изрѣзываютъ желѣзомъ щеки, чтобы тѣ еще прежде, чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже приучались къ перенесенію ранъ. Послѣ юности, лишенной красоты, они старѣютъ безбородые, потому что глубокие рубцы отъ желѣза уничтожаютъ на лицѣ корни волосъ ²⁾. Они малы ростомъ, но ловки въ движеніяхъ и проворны на конѣ, широкоплечи, вооружены лукомъ и стрѣлами, съ толстымъ затылкомъ, всегда гордо поднятымъ вверхъ. По своей свирѣпости, это звѣрь въ образѣ людей». Третье мѣсто у Иордана, надъ которымъ особенно охотно останавливаются исследователи, видящіе у гунновъ вліяніе славянской культуры, рассказываетъ о похоронахъ, устроенныхъ Аттилѣ (гл. 49). Чтобы выразить свою печаль по умершемъ, гунны обрѣзали себѣ волосы (*crinium parte truncata*), царапали себѣ лицо, желая почтить покойнаго бойца не женскими воплями, но мужской кровью. Потомъ, поставивъ трупъ въ шелковой палаткѣ (*intra tentoria serica*), они устроили вокругъ конныя ристалища въ родѣ цирковыхъ, въ которыхъ приняли участіе только наиболѣе видные гунны (*de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, in modum circensium cursibus ambientes*); при этомъ они превозносили въ пѣсняхъ подвиги почившаго. Оплакавъ такимъ образомъ Аттилу, они справили на его могилѣ *stravam*, какъ это называютъ они сами, при чемъ, къ удивленію Иордана, пиръ прошелъ съ большимъ весельемъ; ночью они тайно погребли трупъ ³⁾.

Переходимъ къ Аммиану Марцелину. У него мы находимъ также описаніе и наружности гунновъ, и ихъ быта. Аммиан поражаетъ, во первыхъ, отсутствіе бороды у гунновъ, и онъ объясняетъ его тѣмъ изрѣзываніемъ щекъ у младенцевъ, которому Иорданъ въ послѣдствіи приписывалъ совсѣмъ другія цѣли. Если у Иордана надрѣзъ преслѣдуетъ, такъ сказать, педагогическую цѣль приученія ребенка къ страданіямъ, то, по мнѣнію Аммиана, это презервативъ противъ роста бороды въ зрѣломъ возрастѣ. Для приемовъ г. Иловайскаго характерно, что онъ вполне повѣрилъ Аммиану въ этомъ случаѣ, и съ торжествомъ сдѣлалъ отсюда выводъ въ свою пользу: «во всякомъ случаѣ, это свидѣтельствуетъ именно о борьбѣ съ сильной растительностью бороды, а не съ ея отсутствіемъ» (Разысканія, изд. 2, стр. 50). Почему же, въ такомъ случаѣ, у Аттилы, типичнаго представителя гунновъ, была жиденькая бородка, которая бросилась въ глаза Приска, вѣроятнаго источника Иордана и въ этомъ случаѣ ⁴⁾.

¹⁾ Пользуемся переводомъ г. Иловайскаго съ исправленіемъ В. Г. Васильевского.

²⁾ Это явленіе, которое г. Иловайскій принялъ на вѣру, считаетъ невозможнымъ Д. Н. Анучинъ.

³⁾ Въ виду важности этого мѣста приведемъ его въ подлинникѣ. *Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes luctum funerem mixte gaudio explicabant, noctique secreto cadaver terra recondunt.* Самый способъ погребенія въ трехъ гробахъ, съ оружіемъ мы оставимъ въ сторонѣ.

⁴⁾ Вообще, описаніе наружности гунновъ у Аммиана таково (переводъ Иловайскаго): «у нихъ плотные, крѣпкіе члены тѣла, толстый затылокъ; ужаснаго вида и сутулые, они похожи на двуногихъ животныхъ или на тѣ грубоизваянныя фигуры, которыя стоятъ по краямъ мостовъ».

Важнѣе и интереснѣе то, что Аммианъ Марцеллинъ рассказываетъ о культурѣ гунновъ. «При человѣческомъ, хотя и непривлекательномъ образѣ, они остаются такъ грубыми, что не нуждаются ни въ огнѣ, ни въ приготовленной пищѣ, они питаются кореньями дикихъ травъ и полусырымъ мясомъ животныхъ, которое они дѣлаютъ теплымъ посредствомъ недолгаго согрѣванія между своими бедрами и спиною лошади. У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отворачиваются ихъ, какъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ. Какъ кочевники, бродя по лѣсамъ, они съ колыбели привыкаютъ переносить холодъ, голодъ и жажду... Даже на пути они безъ крайней необходимости не входятъ въ попавшееся жильѣ, потому что не считаютъ себя безопасными подъ кровлею» (переводъ В. Г. Васильевскаго). Съ этой яркой картиной жизни кочевника согласуется то, что рассказываетъ современникъ Аммиана Зосимъ. Этотъ послѣдній съ какимъ-то ужасомъ рассказываетъ о вторженіи въ Европу гунновъ. По словамъ его, это «какое-то варварское племя; раньше не извѣстное и тогда внезапно появившееся». Онъ не знаетъ, что это за народъ: «слѣдуетъ ли называть ихъ царскими скинами, или признать за тѣхъ курносыхъ и безсильныхъ людей, которые, по словамъ Геродота, жили по Истру, или они перешли въ Европу изъ Азіи». Они явились вмѣстѣ съ конями, женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ и напали на придунайскія племена, которыя у Зосима фигурируютъ надъ старымъ географическимъ именемъ скиновъ. Историкъ продолжаетъ такъ: «гунны совсѣмъ не могли и не умѣли вступать въ правильную битву (оказывается, они не могли даже твердо стоять на ногахъ, потому что жили и спали на лошадяхъ), но, дѣлая объѣзды, вылазки и въ нужномъ случаѣ отступленія, выстрѣлами (изъ луковъ) съ лошадей перебили безчисленное множество скиновъ». Скины наконецъ не вынесли непрерывныхъ дѣйствій гунновъ, покинули свои мѣстожителства, бѣжали на другой берегъ Истра и умоляли императора Валента принять ихъ къ себѣ, «общая исполнять всѣ обязанности вѣрныхъ и надежныхъ союзниковъ» (В. Латышевъ. Извѣстія и т. д. стр. 800—801).

Поэты 5 в. Клавдіанъ и Ап. Сидоній не сообщаютъ ничего новаго. Первый упоминаетъ о томъ, что гунны презираютъ земледѣліе, живутъ и сражаются на коняхъ, считаютъ игрушкой рѣзать себѣ лицо и находятъ прекраснымъ клясться убитыми родителями (это мѣсто неясно: *occisos pulchrum jurare parentes*); наружность гунновъ Клавдіанъ считаетъ отвратительной, но въ ея описаніе онъ не вдается. Ап. Сидоній останавливается больше всего именно на этомъ ¹⁾: у гунновъ узкая голова, очень маленькіе глаза; «чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри»; въ остальномъ, наружность мужчинъ довольно красива: у нихъ широкая грудь и плечи, небольшой животъ; роста гунны средняго; съ малолѣтства они живутъ на конѣ.

Чтобы закончить нашъ обзоръ, остановимся еще на томъ, что сообщаетъ о гуннахъ Проконій Кесарійскій. О гуннахъ европейскихъ онъ упоминаетъ впервые въ томъ мѣстѣ, гдѣ рассказываетъ объ обычаяхъ какого-то загадочнаго племени эфеалитовъ, жившаго къ сѣверу отъ персовъ. Хотя, по его свѣдѣніямъ, эти эфеалиты и были народомъ гуннскаго племени, тѣмъ не менѣе они значительно отличались отъ

¹⁾ Цѣликомъ отрывокъ у Иловайскаго. Разысканія стр. 526—527 и въ болѣе точномъ переводѣ у Васильевскаго, стр. 101—102.

«извѣстныхъ намъ унновъ» (такъ гунновъ—лат. *Hunni*—называютъ греческіе историки): они были бѣлы тѣломъ, не поражали безобразностью лица, жили «не поскотски», но состояли подъ управленіемъ одного царя и составляли благоустроенное гражданство ¹⁾ (стр. 22—23 книги I-ой).

Перейдемъ къ оцѣнкѣ того, что писатели 5 и 6 вѣка говорятъ намъ о гуннахъ. Въ описаніи Приска кидается въ глаза тотъ фактъ, что дворъ Аттилы и его приближенныхъ построенъ совсѣмъ на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ сообщаетъ Аммианъ Марцеллинъ. Въ серединѣ 5 в. гунны, повидимому, уже отрѣшились, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ вождей, отъ того отвращенія къ жилымъ постройкамъ, о которомъ такъ краснорѣчиво повѣствуетъ писатель 4 в. Если масса продолжала жить «по скотски», выражаясь словами Прокопія, проводя весь свой вѣкъ на спинѣ коня, то Аттила и его близкіе, въ родѣ Онигисія, Скотты, и т. п., уже ввели въ свой обиходъ деревянный кровъ. Въ томъ описаніи дворцовъ Аттилы и его жены, въ которомъ изслѣдователи такъ охотно видѣли признаки исконно-славянской архитектуры (ср. Смирновъ Уч. Зап. Каз. Унив. 1900 г. янв. стр. 23 и слѣд.), передъ нами ярко обнаруживается тотъ огромный прогрессъ во внѣшней культурѣ, который гунны сдѣлали за какіе-нибудь 70—80 лѣтъ. Нельзя сомнѣваться, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о національномъ развитіи, такъ какъ простая масса гунновъ все еще поражаетъ историковъ своей дикостью; здѣсь сказывается только вліяніе сѣверной «деревянной» культуры на степную азиатскую. Но, повидимому, иначе дѣло обстоитъ съ нравственной стороной этой культуры, какъ она описана Прискомъ. Строгий церемоніаль, который соблюдаетъ Аттила и его народъ (вспомнимъ эпизодъ съ палатками), находится въ рѣзкой противоположности съ прямымъ утвержденіемъ Ам. Марцеллина, что гунны не были связаны никакими религиозными и обрядовыми представленіями (*nullius religionis vel superstitionis reverentia aliquando districti*: кн. 31, гл. 2, ст. 11). Въ словахъ историка слышится ужасъ культурнаго христіанина передъ нашествіемъ дикой языческой орды. Напротивъ, думается, что этикетъ, хранимый при гунскомъ дворѣ, насчитывалъ не какой-нибудь десятокъ лѣтъ; за нимъ лежали вѣка китайскаго вліянія на предковъ Аттилы и его воиновъ. Соединеніе стараго культурнаго начала, принесеннаго изъ степей средней Азіи, съ элементами сѣверной, скажемъ—готской цивилизациі: вотъ что создало ту интересную бытовую картину, которая набросана мастерской рукой Приска. И если это такъ, то невольно является вопросъ: что надо сдѣлать, чтобы превратить гунновъ въ славянъ, какъ это сдѣлалъ Д. И. Иловайскій? Для этого надо «отвести свидѣтелей», которые могутъ дать неблагоприятный для теоріи отзывъ, т. е. въ данномъ случаѣ умолчать, напр., о марцеллиновомъ описаніи гуннской культуры; показанія другихъ свидѣтелей надо усилить, ослабить, обратить въ свою пользу ²⁾.

Такимъ образомъ, г. Иловайскій оказывается въ настоящее время ярымъ, но и единственнымъ, защитникомъ славянства гунновъ, теоріи,

¹⁾ „Прокопія Кесарійскаго исторія войнъ Римлянъ съ персами“ перев. Г. Дестуниса СПб. 1871.

²⁾ Что сказать, напр., о такомъ выводѣ: „Прискъ сообщаетъ объ одномъ шутѣ, что тотъ во время пира у Аттилы насмѣшилъ всѣхъ своими словами, въ которыхъ перепутывалъ языкъ латинскій съ готскимъ и унскимъ. Ясно, что подъ унскимъ тутъ никакого другого языка, кромѣ славянскаго, нельзя подразумѣвать“. Почему?

чрезвычайно опасной для людей, не подготовленных систематическими занятиями къ изученію славянскихъ древностей, потому что произвольность метода этого ученаго можетъ дать опасный примѣръ. Въ виду того, что самъ г. Иловайскій свелъ свои выводы къ нѣсколькимъ положеніямъ, послужившимъ тезисами при обсужденіи его теоріи въ одномъ изъ засѣданій Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи (30 декабря 1881 года), то и для насъ всегда удобнѣе привести наиболѣе типическія мѣста изъ нихъ ¹⁾).

Первое положеніе гласитъ такъ: «Представленіе о гуннахъ, какъ о народѣ монгольскомъ и вообще туранскомъ, возникло въ европейской исторіографіи, главнымъ образомъ, на основаніи того описанія ихъ наружности, которое находится въ сочиненіяхъ Ам. Марцеллина и Иорнанда. Но эти описанія страдаютъ явными преувеличеніями; а Иорнандъ крайне пристрастно относится къ гуннамъ. Притомъ въ самомъ ихъ описаніи нѣтъ прямыхъ указаній на чисто монгольскія черты, какъ узкіе, косые глаза, выдающіяся скулы и острый подбородокъ». Во 2-омъ пунктѣ идетъ рѣчь о Клавдіанѣ и Сидоніи Ап.: «эти свидѣтельства прямо указываютъ на то, что гунны дѣлали нарѣзы на лицѣ, стягивали у младенцевъ голову и даже носъ ради шлема. Слѣдовательно, безобразіе ихъ было не природженное, а искусственное, ради военныхъ цѣлей и ради устрашенія непріятелей. На это искусственное уродство намекаютъ также Амміанъ и Иорнандъ, говоря о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Аналогію съ этимъ явленіемъ представляютъ обычаи и у разныхъ другихъ народовъ». 3-ій и 4-ій пункты говорятъ о культурѣ гунновъ: ничто не указываетъ на ея туранскій характеръ, и вообще кочевой бытъ указываетъ не на расу, а на извѣстную ступень культуры. Въ 5-омъ пунктѣ г. Иловайскій останавливается на языкѣ, находя, что среди гуннскихъ именъ «довольно именъ съ славянскими корнями или съ славянскимъ характеромъ» (напр. Онегизій—Нѣгошъ стр. 519, Аттила отъ корня *атя* т. е. *батя* или *тятя* стр. 520; впрочемъ, самъ г. Иловайскій не беретъся разсуждать объ этомъ); «приводимыя источниками славянскія слова *медъ* и въ особенности *страва* прямо указываютъ на славянскую народность». 6-ой пунктъ утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ византійскихъ, латинскихъ, армянскихъ и арабскихъ писателей славяне отождествляются иногда съ гуннами; это вытекаетъ «изъ сопоставленія обстоятельствъ», съ чѣмъ, конечно, нельзя и спорить, если только подъ обстоятельствами подразумѣвать нѣчто иное, чѣмъ г. Иловайскій. Остальные два пункта говорятъ о значеніи требуемаго авторомъ разрѣшенія гуннскаго вопроса для начальной русской исторіи.

Положенія референта вызвали горячія пренія, въ которыхъ приняли участіе выдающіеся русскіе специалисты по разнымъ отраслямъ науки ²⁾. Такъ, г. Поповъ, специалистъ по русской исторіи, отмѣтилъ, что славяне были извѣстны римской наукѣ подъ другими именами уже тогда, когда о гуннахъ не было еще и помину, что есть нѣмецкіе источники, рѣзко противопологающіе славянъ и гунновъ. В. Ө. Миллеръ остановился на лингвистической сторонѣ реферата, указалъ на то, что было просмотрѣно г. Иловайскимъ, хотя это прямо бросается въ глаза: слова *медъ* и *камъ* принадлежали мѣстному населенію Пан-

¹⁾ См. „Гуннскій вопросъ“ во 2 изд. (1882) „Разысканій о началѣ Руса“, стр. 506—557.

²⁾ См. Труды этнографическаго отдѣла Моск. Общ. Люб. ет. с. кн. VII 1886, стр. 25—39.

нони, и Прискъ вовсе не даетъ понять, что этими именами сами гунны называли извѣстные напитки. Разборъ гуннскихъ именъ привелъ В. Θ. Миллера къ убѣжденію, что многія изъ нихъ носятъ тюркскій характеръ, что среди нихъ нѣтъ ни одного славянскаго. Разобравъ то, что намъ извѣстно о бытѣ гунновъ и древней культурѣ славянъ, оппонентъ отмѣтилъ рѣзкую разницу между тѣмъ и другимъ и подчеркнул всю бездоказательность доказательствъ г. Иловайскаго. «Что Аттила заботился о торговлѣ съ Византіей—это свидѣтельствуется только о томъ, что онъ зналъ нужды своего государства, и ничего не говоритъ ни о славянствѣ, ни о монгольствѣ его» (ср. «Разысканія», стр. 516). На антропологической сторонѣ доклада остановился Д. Н. Анучинъ, который, рассмотрѣвъ всѣ показанія историковъ о наружности гунновъ, пришелъ къ заключенію, что «черты эти, взятыя въ совокупности, едва ли могутъ оставлять сомнѣніе, что характеризуемый ими народъ представлялъ по своему типу значительно большее сходство съ типомъ современныхъ монгольскихъ и урало-алтайскихъ племенъ, чѣмъ, т. наз., кавказскихъ и, въ частности, арійскихъ». Не имѣя возможности слишкомъ удлинить «гуннскій вопросъ», я укажу еще только на статью покойнаго В. Г. Васильевскаго по поводу книги г. Иловайскаго ¹⁾, это блестящее опроверженіе теоріи славянства гунновъ. Васильевскій очень ясно указалъ на догуннское происхожденіе слова *камъ* ²⁾, принадлежавшаго, вѣроятно, староиллирійскому населенію Панноніи, на возможность кельтскаго происхожденія слова *медъ*, наконецъ на то, что и слово *strava* не стоитъ одиноко, встрѣчаясь въ формѣ *straba* и въ значеніи костра у писателя V в. Лектанція. Хотя это слово и сопоставляется со слав. *страва* (со значеніемъ погребальныхъ поминокъ въ старой чешской письменности ³⁾), но точно такъ же возможно производить его и отъ готскаго глагола *straujan* (воздвигать). Во всякомъ случаѣ, трудно допустить, чтобы Лектанцій привелъ здѣсь славянское слово. Оставляя въ сторонѣ прочія возраженія г. Васильевскаго (пристрастіе или антипатія къ источникамъ и т. под.), я укажу лишь на два факта, ясные сами по себѣ, но выдвинутые здѣсь на первый планъ въ полемикѣ съ г. Иловайскимъ: 1) Иорданъ, который хорошо знаетъ и славянъ, и гунновъ, не даетъ никакого права смѣшивать эти племена; «съ самаго начала и до конца одна была судьба гунновъ и другая—славянскаго племени»; 2) «погребальные обряды надъ трупомъ Аттилы, описанные Иорданомъ, очень близко напоминаютъ обычаи Туранскихъ народовъ, при томъ тѣхъ, которые считаются у новыхъ изслѣдователей состоящими въ ближайшемъ родствѣ съ гуннами, именно у хіонитовъ» (Рѣчь идетъ о похоронахъ сына Грумбата, описанныхъ Ам. Марцеллиномъ кн. 19, гл. 1, ст. 10—гл. II, 1) ⁴⁾.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1882. июль.

²⁾ Впрочемъ, отъ него отступился и самъ г. Иловайскій (ср. «Дополн. Подем». стр. 11).

³⁾ Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Сборникъ отд. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ. 1891 т. 49 (стр. 39).

⁴⁾ Для сличенія приведу слова Марцеллина. Itaque ut armari solebat elatus in amplo quodam suggestu (iuvenis) locatur et celso, circaque eum lectuli decem sternuntur figmenta vehentes hominum mortuorum, ita curate polincta, ut imagines essent corporibus similes iam sepultis, ac per dierum spatium septem, viri quidem omnes per contubernia er manipulos epulis indulgebant saltando et cantando tristia quaedam genera naeniarum regium iuvenem lamentantes. Feminae vero miserabilii planctu... conclamabant... Post incensum corpus ossaque in argenteam urnam coniecta, quae ad gentem humo mandanda portari statuerat pater.

Итакъ, до сихъ поръ мы не нашли никакихъ указаній на славянскій характеръ гуннской культуры: ни въ остаткахъ языка (въ видѣ собственныхъ именъ), ни въ обычаяхъ нѣтъ ничего типичнаго для славянъ. Трудно также видѣть что нибудь славянское въ архитектурѣ дворцовъ Аттилы; рядомъ съ восточнымъ элементомъ (ковры, постели) мы встрѣчаемъ сѣверный въ видѣ деревянныхъ построекъ. Предположеніе И. Н. Смирнова ¹⁾, что эти постройки были воздвигнуты туземцами, встрѣчается съ нѣкоторымъ затрудненіемъ въ виду категорическаго заявленія Приска, что у нихъ не было ни камня, ни лѣса, а «крѣпкіе деревянные дома» сарматъ рабовъ у Амміана Марцеллина уже потому не подходятъ сюда, что лѣтъ за 90 до Приска (въ 358 г.) эти *Sarmatae servi* разбѣжались въ разные стороны, тѣснимые римлянами (кн. 17, гл. 13, ст. 22). Къ тому же, считая невозможнымъ предположить въ строителяхъ дворцовъ Аттилы германцевъ, И. Н. Смирновъ не долженъ бы предполагать въ нихъ и сарматъ; на основаніи словъ Амміана, уподобляющихъ сарматъ рабовъ (именно, о нихъ идетъ рѣчь, какъ видно, изъ гл. 13. ст. 1-аго 17-ой книги) со стороны нравовъ несомнѣннымъ германцамъ квадамъ (*permixtos Sarmatas et Quados, vicinitate et similitudine morum armaturaeque concordés*). Однимъ словомъ, я склоненъ видѣть въ этихъ постройкахъ вліяніе готской культуры. Замѣчанію г. Смирнова, что это невозможно по той причинѣ, что германскій «домъ выглядѣлъ далеко не красиво», потому что дерево у нихъ не обдѣлывалось, я противопоставлю тѣ красивыя, отдѣланныя рѣзбой постройки, которыя являются типичными для алеманскаго дома въ Швейцаріи ²⁾ и для франкскаго жилища, широко распространеннаго въ мѣстахъ, колонизованныхъ нѣмцами ³⁾. Новѣйшій изслѣдователь древнегерманскаго жилища, М. Гейне ⁴⁾, не колеблясь относить уже къ древнѣйшей эпохѣ германской жизни обычай украшать дома знати рѣзбой и красками. Онъ признаетъ въ строителяхъ дворца Аттилы, какъ и я, германскихъ архитекторовъ.

Такъ какъ ни въ пѣвцѣ, воспѣвавшемъ подвиги Аттилы на его пиру, ни въ шутахъ, увеселявшихъ его гостей, нѣтъ ничего типическаго ни для славянъ, ни для монголовъ ⁵⁾, то остается сказать еще нѣсколько словъ о дѣвахъ, шедшихъ подъ покрывалами и прославлявшихъ Аттилу. Если бы не странная подробность о покрывалахъ, которая, повидимому, не находитъ параллели среди европейскихъ обычаевъ, то было бы очень соблазнительно сопоставить это мѣсто съ извѣстнымъ восклицаніемъ нашего «Слова о Полку Игоревѣ» о готскихъ

¹⁾ См. стр. 24—25.

²⁾ См. Aug. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen. III, стр. 221.

³⁾ К. Henning Das deutsche Haus in seiner historischen Entwicklung 1882, стр. 8 и рисунокъ на стр. 15.

⁴⁾ М. Heyne. Das deutsche Wohnungswesen von den ältesten geschichtlichen Zeiten bis zum 16 Jahrhundert. Leipzig. 1899, 19, 49. Вотъ что онъ говоритъ: «Begnügt man sich bei schlichten und Notbauten mit Verwendung des rohen und nur notdürftig zurecht gerichteten Baumstammes, so dürfen wir dem schon oben betonten Sinne für Zierlichkeit und Kunst der Ornamentik und Farbengebung, wie er uns bei altgermanischen Schmuck und Kleidung entgegentritt, auch hier schon früh, was den besseren Bau betrifft, Verwendung und fortschreitende Ausbildung künstlerischer Motive zutrauen, die sich nicht nur im Behauen und Glätten der verwendeten Stämme, sondern auch in teilweiser Bemalung und selbst in Schnetzerei kund gibt».

⁵⁾ «Придворный шутъ Аттилы былъ шутомъ у Азія и въ другихъ мѣстахъ, пѣвцы и музыканты при дворѣ извѣстны у всѣхъ народовъ» — замѣчаніе В. О. Миллера по поводу реферата г. Иловайскаго.

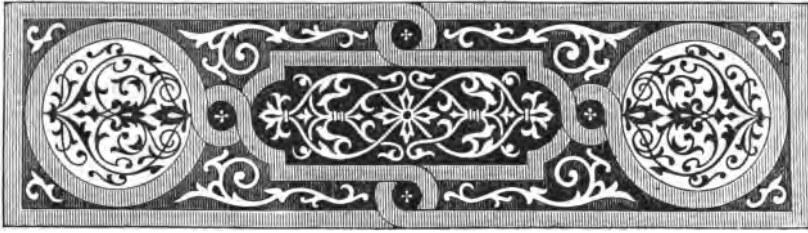
дѣвахъ ¹⁾). Среди именъ приближенныхъ Аттилы насъ поражаетъ звучащее совершенно поготски *Berich* (ср. у Иордана *Beric*), о языкѣ готовъ въ царствѣ гунновъ мы встрѣчаемъ прямыя указанія у Приска. Вотъ почему, рѣшаясь приписывать готамъ сильное вліяніе на гунновъ, мы не рѣшаемся находить у нихъ какой-нибудь слѣдъ знакомства со славянами.

Послѣ смерти Аттилы начинается распаденіе его царства.

Остготы заняли Паннонскія равнины, примыкавшія съ сѣвера къ Дунаю, а съ юга къ Далмаціи. Часть сарматовъ, смѣшанныхъ съ гуннами, осѣла въ Иллиріи; другіе воевали вмѣстѣ съ готами. Скиры и аланскіе народы, подвластные Аттилѣ, заняли подъ властью князя Кандакса Малую Скиею и нижнюю Мизію. Изъ сыновей Аттилы младшій, Гернакъ, занялъ крайній уголъ Малой Скиеи; вообще гунны сохранили устье Дуная. Отсюда начались ихъ новыя вторженія въ Имперію. Сынъ Аттилы Денгизихъ задумалъ предложить Византіи миръ съ тѣмъ, чтобы на Дунаѣ устроился мѣновой рынокъ; но Византія отказала, и тогда гунны бросились во Фракію, гдѣ полководецъ Анагастъ искусными маневрами заперъ ихъ въ тѣснинахъ; гунны помирали отъ голода и обратились съ предложеніемъ мира къ римлянамъ. Тогда эти послѣдніе, желая разъединить враговъ (гунновъ и готовъ, которыхъ было кажется больше), заявили, что они пришлютъ припасы, если войско раздѣлится на части. Тогда гунны и готы раздѣлились. Хелхаль, гуннъ, служившій въ римскомъ войскѣ, прошелъ по рядамъ готовъ, укоряя ихъ за нарушеніе клятвы, данной ихъ отцами, никогда не заключать дружбы съ гуннами. Готы такъ воодушевились его рѣчами, что бросились на гунновъ, а римляне, воспользовавшись ихъ схваткой, успѣли ударить на варварскія племена. Тогда гунны и готы опять соединились и, римлянамъ было очень трудно подавить ихъ, однако большая часть варваровъ осталась на полѣ битвы; Денгизихъ бѣжалъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ палъ (469) отъ руки Анагаста. Съ этого времени гуннская сила пала окончательно; если разные новые народы и впослѣдствіи называются гуннами, то это только ошибка историковъ.

¹⁾ «Се бо готскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня русьскимъ златымъ поютъ время Бусово, лелѣють мьсть шаруканю» (изд. Потебни. 1878 г., стр. 82). Примѣчаніе издателя (ibid. стр. 94): «лелѣють мьсть половцевъ за Шарукана, о пораженіи котораго подъ 1107 г.».

VI.

Т ю р к и.

На смѣну имъ являются тюркскія племена: авары и булгары, народы со старой восточной культурой, которой надо коснуться и намъ. Ихъ исторія, какъ и гуннская, начинается съ китайскихъ извѣстій, гдѣ турки носятъ названіе «ту-гю». Они появляются на исторической аренѣ вѣ началѣ 6 в. по Р. Х., китайцы считаютъ ихъ потомками Хунну. «По самому замѣчательному и одному изъ древнѣйшихъ тюркскихъ народныхъ сказаній, запись котораго у китайцевъ почти одновременно съ появленіемъ въ исторіи самого имени тюрковъ, праотецъ тюрковъ былъ родомъ изъ «владѣнія Со, которое лежало на сѣверъ отъ страны хунновъ». Одинъ изъ его потомковъ Ичжини-Нишыду, родившійся отъ волчицы и одаренный сверхъ-естественными качествами, имѣлъ двухъ женъ: дочь духа неба и дочь духа зимы. Отъ первой у него родилось четыре сына, изъ которыхъ одинъ превратился въ лебедя; другой, по имени Ци-гю (Ki-ko) основалъ государство между рѣками Афу и Гянь (Kien); третій положилъ начало государству на берегахъ рѣки Чу-си (Tchou-tche). Четвертый, старшій сынъ, по имени Надулуше, жилъ въ городахъ Басы-чу-си-ши; въ тѣхъ же городахъ обитала орда, происходившая отъ упомянутаго общаго тюркскаго праотца; эта орда сильно страдала отъ холода, причиняемаго росами; Надулуше научилъ ее добывать огонь, обогрѣлъ и пропиталъ, такъ, что всѣмъ сохранилъ жизнь; за это упомянутая орда подчинилась ему, признала его старѣйшиною и наименовала «ту-кю». Его потомокъ Тумынь былъ первымъ государемъ тюрковъ, вошедшихъ въ сношенія съ Китаемъ въ первой половинѣ 6 в. Приведенное сказаніе помѣщено въ Китайской «Исторіи сѣверной династіи Вей (386—558)». «Точность записи удостовѣряется видимымъ непониманіемъ со стороны китайцевъ, нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, географическихъ и этническихъ ея подробностей. Владѣнія Со, лежавшее на сѣверъ отъ страны хунновъ, т. е. отъ нѣнѣйшей Монголіи, должно было находиться на сѣверной сторонѣ Алтая, ибо южные его склоны входили въ составъ земель хунновъ. Въ настоящее время одинъ изъ двухъ его родовъ, изъ которыхъ состоитъ верхнекумандинская волость, на рѣкѣ Би, около впаденія въ нее рѣки Лебеди, носитъ имя Со, а другой Кубанды, или Куманды. Далѣе, тюркское слово *Ку* значитъ лебедь. Живущіе на рѣкѣ Лебеди Тюрки и теперь зовутъ себя «Кукши», т. е. люди Лебеди. Затѣмъ, Ki-ko есть одна изъ Китайскихъ транскрипцій имени «кыр-

гызъ»; рѣка Апу есть вѣроятно Абаканъ, главное становище Кыргызовъ, а рѣка Гянь, или Кянь, есть несомнѣнно Кемъ, т. е. сохраняющее съ древнѣйшихъ временемъ туземное названіе Енисея. Рѣка Чу-си должна быть р. Чу (у русскихъ Чуя), притокъ Катуня, служащая и нынѣ мѣстомъ кочевожъ тюрковъ (чу-кши). Такимъ образомъ турки—тукю' происходятъ отъ обитавшаго на сѣверѣ Алтая племени Со; послѣ переселенія ихъ въ Алтай и размноженія они раздѣлились на 4 вѣтви: одна утвердилась на сѣверномъ склонѣ Алтая съ именемъ ку бан, или ман—сначала земля (вѣроятно), а потомъ собирательная приставка), вторая вѣтвь основалась на Енисеѣ и Абаканѣ съ именемъ кыргызъ; третья осталась кочевать внутри Алтая на р. Чу, а четвертая образовала племя, принявшее имя «Туркъ» ¹⁾.

Родиной ²⁾ его называются «Золотыя горы» (алтынъ-йымъ). Тамъ они жили подъ предводительствомъ рода Ашина и занимались добычаніемъ металловъ на службѣ у жузанъ, тогдашнихъ властителей средней Азіи, народа по всей вѣроятности тунгускаго племени. Вскорѣ они не только свергли Жужанское иго, но и покорили сначала своихъ сосѣдей, а потомъ въ теченіе того же столѣтія и всѣ страны отъ Тихаго океана до Чернаго моря. Центромъ ихъ въ это время были горы Ду-чинъ (Fu-kin). Около 600 г. тугюйское государство раздѣлилось на двѣ части: восточную и Западную. Въ 690 г. восточные, «ту-гю» подпали подъ власть китайцевъ, которые однако представили внутреннее управленіе мѣстнымъ бегамъ, давъ имъ только китайскіе титулы. Около 680 нѣкто Ильтересъ, выдававшій себя за отпрыска древней династіи, сталъ во главѣ недовольныхъ такимъ порядкомъ туроковъ, отложился отъ Китая и возстановилъ самостоятельное тугюйское царство, которое однако простиралось уже только отъ горнаго хребта Хитанъ до прохода Талки. Ильтересъ умеръ въ 690 или 691 г.; преемникомъ его былъ его братъ Мочжо, который былъ убитъ въ 766 г. Послѣ этого воцарился было сынъ его, но младшій сынъ Ильтереса, Кюль-Тегинъ убилъ его и посадилъ на царство своего старшаго брата Могиляна (по надписямъ Бильге-хана). Кюль-Тегинъ умеръ въ 731 г., а Бильге-ханъ въ 734 Его преемникомъ китайцы называютъ Ижанъ-Хана. Послѣ смерти послѣдняго ту-гюйское государство видимо стало клониться къ упадку, и около 750 г. было разрушено уйгурами, которые въ свою очередь получили на извѣстное время преобладающее значеніе въ Средней Азіи. Надписи ³⁾ составлены отъ лица именно Бильге-Хана и посвящены—одна его брату Кюль-Тегину, другая—ему самому. Содержаніе ихъ составляютъ, главнымъ образомъ, рассказы о многочисленныхъ походахъ и сраженіяхъ турецкихъ войскъ подъ предводительствомъ отца и дяди Бильге-Хана и его самого, а также и о подвигахъ его брата Кюль-Тегина». Онѣ даютъ также кой-что для исторіи быта, религіи и политическаго устройства турецкаго народа и его сосѣдей

Турки 8 в. были шаманистами и поклонялись небу (тен-гри); тоже слово означаетъ и бога. Другимъ божествомъ была земля (йер-

¹⁾ Н. Аристовъ. Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей и свѣдѣнія объ ихъ численности. «Жив. Стар.» 1896. Вып. 3 и 4, стр. 278 и слѣд.

²⁾ Статья П. М. Меліоранскаго: „Объ орхонскихъ и енисейскихъ надгробныхъ памятникахъ съ надписями“ (Ж. М. Н. Пр. 1898. № 6). Ср. его же книгу: „Памятникъ въ честь Кюль-Тегина“ (С. Петерб. 1899), гдѣ указана и вся соответствующая литература.

³⁾ Идетъ рѣчь о надписяхъ, найденныхъ на Орхонѣ.

суб, земля и вода), но кажется, это божество имѣло не такое значеніе, какъ первое. «Весьма характерно, что у турокъ было понятіе о своихъ національныхъ турецкихъ богахъ, что, конечно, свидѣтельствуесть о весьма развитомъ чувствѣ національности». Изъ другихъ божествъ упоминается женское Умай, извѣстное до сихъ поръ на Алтаѣ въ качествѣ божества, покровительницы дѣтей. Въ енисейскихъ надписяхъ встрѣчается слово «боль», которое надо толковать въ смыслѣ «домашняго идола». Космогонія надписей такова: «вверху возникло голубое небо, внизу черная земля, между ними сыны человѣческіе». О творцѣ міра не упоминается. Свѣдѣній объ отдаленномъ прошломъ въ надписяхъ немного, такъ какъ свѣдѣнія кочевниковъ о ихъ прошломъ всегда скудны и сбивчивы. «Въ нашихъ надписяхъ не говорится уже правильно даже о границахъ славнаго ту-гуйскаго царства VI в.». Нѣсколько болѣе мы узнаемъ о погребальныхъ обрядахъ, такъ какъ и самые памятники надгробные. Душу древніе турки представляли себѣ въ видѣ птицы или мухи, такъ какъ о смерти хановъ всегда говорится «улетѣлъ». Послѣ смерти душа попадаетъ, кажется, на небо; на это указываютъ слова: «вы улетѣли и находитесь на небѣ, какъ бы будучи между живыми». Тѣло предавалось землѣ. По китайскимъ источникамъ, подтверждаемымъ одною коротенькой надписью, погребеніе лицъ, умершихъ весною, совершалось осенью, а умершіе осенью погребались весною. Ко дню похоронъ изъ различныхъ странъ приходили посольства для выраженія соболѣзнованія, при чемъ эти послы должны были вмѣстѣ съ соплеменниками покойнаго лить слезы, обрѣзать или вырывать волосы и изрѣзывать себѣ лицо.

«Коренною родиною турокъ и, такъ сказать, резиденціею хана выставляется въ надписяхъ утукенская чернь. Мѣстность эта лежала навѣрное въ бассейнѣ Орхона къ сѣверу отъ великой пустыни.—По словамъ хана только въ утукенской черни турецкій эль, т. е. союзъ племенъ, имѣющій извѣстную государственную организацію, можетъ существовать и благоденствовать, не подпадая подъ чужеземное иго или подъ растлѣвающее вліяніе китайской цивилизаціи. Во главѣ эля стоитъ каганъ, т. е. ханъ, который держитъ его, т. е. старается поддержать связь между племенами и сохранить свою власть надъ ними, и «устраиваетъ» его, т. е. старается усовершенствовать существующій порядокъ, разбираетъ и улаживаетъ распри и тяжбы и т. п. Но этого мало; ханъ стремится кромѣ того къ расширенію своего могущества и обогащенію своихъ подданныхъ. Наконецъ, въ случаѣ большихъ раздоровъ среди эля, или входящаго въ его составъ племени, въ случаѣ появленія измѣнника и т. п. ханъ появляется съ войскомъ, наказываетъ виновныхъ, восстанавливаетъ благодѣтельный порядокъ и даетъ опять почувствовать свою власть. Въ элѣ всѣ правовыя отношенія регулируются «тору», совокупностью завѣтовъ старины, установленныхъ, дѣйствующихъ въ силу обычая, которымъ руководится и самъ ханъ, и его подданные. По обычаю власть принадлежитъ хану; ханъ рисуется въ надписяхъ, поставленнымъ небомъ владыкой, мудрымъ, т. е. понимающимъ, въ чемъ состоитъ истинное благо его народа; поэтому, его предпріятія, его поступки въ высшей степени благоразумны и ведутъ къ обогащенію и славѣ турецкаго эля; тѣ, которые не хотятъ ему повиноваться или возмущаются противъ него, впадаютъ въ этотъ «грѣхъ» или «преступленіе» по неразумію, и бываютъ поэтому сами причиной своей гибели». Однако народъ стоитъ также не слишкомъ низко. Бильгеханъ, обязанный своимъ возвышеніемъ престолу народу, хвалится, что одѣлъ и умножилъ его. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ

надписяхъ можно даже заключить, что самое «поддержаніе» племенного союза и «добываніе» новыхъ владѣній исходитъ не только отъ хана, но и отъ эля. Знать несомнѣнно существовала во времена Бильгехана и его непосредственныхъ предшественниковъ, но въ легендарный золотой вѣкъ турецкаго народа ея, по словамъ надписей, не было; обращаясь къ народу, ханъ никогда не забываетъ рядомъ съ бегами упомянуть и народъ, для назиданія котораго въ значительной степени и составлены надписи». Сношенія съ китайцами изнѣживали кочевниковъ, а съ другой стороны китайцы умѣли вовлечь ихъ въ войны, выгодныя для себя, но не имѣвшія никакого значенія для турокъ.

«О бытѣ и степени культурности турокъ VIII в. свѣдѣнія, какъ уже и выше замѣчено, вообще довольно скудны, но несомнѣнно, что у нихъ господствовалъ родовой бытъ, и что они были кочевники, промышлявшіе главнымъ образомъ скотоводствомъ, да грабежомъ сосѣдей. Родственные связи были очень живы и въ самомъ ханскомъ родѣ... Съ другой стороны, ничто такъ не указываетъ на блестящее экономическое состояніе кочевого народа, какъ то обстоятельство, что младшіе такъ далеко забираются со своими стадами, что теряютъ изъ вида старшихъ, а сыновья перестаютъ поддерживать связь со своими отцами». Объ этомъ говоритъ слѣдующія мѣсто надписи: «Младшіе братья не знали старшихъ, а сыновья не знали своихъ отцовъ». Изъ домашняго скота въ надписяхъ встрѣчается только названіе *овецъ* и много разъ названія *лошадей*; конечно, это можетъ быть и случайнымъ, но стоитъ все-таки отмѣтить, что именно эти два рода скота особенно охотно и успѣшно разводятся турками и кочевниками и до настоящаго времени. «Есть, кажется, нѣкоторое основаніе думать, что и хлѣбопашество было въ зачаткѣ у турокъ VIII в., какъ и у большинства кочевниковъ; кромѣ того говорится о существованіи въ теперешней Монголіи вообще городовъ и даже крѣпостей (курганъ), а мы знаемъ, что обыкновенно въ окрестностяхъ такихъ городковъ въ странахъ, занятыхъ кочевниками, устраиваются и небольшія пашни».

Когда появились въ Европѣ тюркскія племена, и какія именно племена это были, до сихъ поръ не выяснено. Въ половинѣ V в. мы встрѣчаемъ сразу цѣлый рядъ новыхъ именъ, но отнести ихъ рѣшительно къ какой-нибудь расѣ пока еще, по моему, невозможно. Для разъясненія этого вопроса много сдѣлало бы, если бы выяснилось отношеніе аваровъ къ Уйгурамъ. Подъ именемъ *Уйгуровъ* китайцы разумѣли, какъ полагаетъ Радловъ, («Къ вопросу объ уйгурахъ» СПб. 1893), довольно большую группу тюркскихъ племенъ, жившихъ между истоками Енисея и Селенги. Они называютъ ихъ «гао-гю» и описываютъ ихъ бытъ чертами, характерными для тюркскаго племени (тамъ же стр. 86—88). Съ конца V вѣка начинается ихъ политическое возвышеніе въ Азіи. На этотъ разъ китайскіе источники помогаютъ намъ мало, потому что уже въ 461—462 г. Прискъ упоминаетъ о племенахъ *Σαράγουροι*, *Οβρωγοι* и *Ουόγουροι*, которые, будучи тѣсными савирами, обратились за помощью къ импер. Льву I; савировъ въ свою очередь жали Авары, *μεταστάται γενομενοι υπό ἐδναῶν οἰκοῦτων μὲν τῆν παρθεναίτιν ἀχτήν*. Академ. Радловъ весьма остроумно раздѣляетъ эти названія на двѣ части и первое отождествляетъ съ Сары-Уйгурами (желтые уйгуры), о которыхъ упоминаютъ китайцы; племя *ουόγουροι* онъ соединяетъ съ Он-уйгурами (десятиплеменные уйгуры) арабскихъ писателей, наконецъ, вмѣсто *Οβρωγοι* предлагаетъ читать *οβρωγοι* утверждая, «что такъ обозначено основное племя уйгуръ, отъ котораго отдѣлились съ теченіемъ времени Сары-уйгуры и

Он-уйгуры». Это заставляет думать, что авары и уйгуры были разноплеменниками. Въ VI в., когда имп. Юстиніанъ отправилъ посольство къ Дивабуду, хану большой тюркской орды, резиденціи котораго была на Алтаѣ, уйгуры жили къ сѣверу отъ Кубани. Ханы аварь, желая отомстить Византійцамъ, приглашаютъ къ себѣ племена, имена которыхъ, кажется, выдаютъ ихъ уйгурское происхожденіе: напр. кутригуровъ! Повидимому, эти уйгурскія племена были извѣстны подъ общимъ именемъ «булгаръ». Древнѣйшее упоминаніе о булгарахъ, наводившихъ въ VI в. такой ужасъ на римлянъ, что эти послѣдніе видѣли въ нихъ наказаніе Божіе за свои грѣхи (quos notissimos pessatorum postrogum malafecerunt. Иорданъ гл. 5), принадлежитъ армянамъ. Географія, приписываемая Моисею Хоренскому, утверждаетъ, что во II в. до Р. X. булгары, прервавшись чрезъ Кавказскія горы, вторглись въ Арменію и при этомъ ссылаются на сомнительный источникъ, сирійца Маръ-Абаса, будто бы жившаго въ III в. по Р. X. Если Моисей правъ, то въ III в. по Р. X. въ Арменіи уже знали болгаръ, или что тамъ уже были болгарскія колоніи (Паткановъ. Армянская географія VII в. Р. X. СПб. 1877. стр. 37). Есть извѣстіе, что булгары были покорены Атиллой, но общую извѣстность они получили только съ того времени (съ 487 г.), когда въ первый разъ перешли Дунай и были отбиты Теодорихомъ, остготскимъ королемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, они проникли во Фракію, а въ 499 г. опустошили задунайскія области. Въ 502 г. «consuetu gens Bulgarorum saepe Thraciam, nullo Romanorum milite resistente, iterum devastavit» (Хроника Марцеллина, писанная въ 534 г.). Одновременно съ булгарами въ Фракіи свирѣпствуютъ варвары, которыхъ тотъ же Марцеллинъ называетъ гетами: въ 517 г. они страшно опустошили Македонію, Фессалію, Эпиръ и сѣв. Грецію до Фермонилъ. Дриновъ (Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. М. 1873 г.), опираясь на то, что византійскій историкъ Теофилактъ Симоката (въ первой половинѣ VII в.) утверждаетъ, что «геты» прежнее имя (τὸ πρῶτον ὄνομα) славянъ, считаетъ этихъ варваровъ славянами. Однако новѣйшіе изслѣдователи, Мюлленгофъ. (Deut. Alterth. II. 383—384), а вслѣдъ за нимъ и А. Васильевъ. (Византійскій временникъ т. V. 1898 г. стр. 407—408) предпочитаютъ видѣть въ названіи «геты» географическій терминъ, обнимающій болгаръ и славянъ вмѣстѣ. Однако ничто не заставляетъ насъ соглашаться съ этимъ мнѣніемъ, потому что старая географическая номенклатура еще цѣликомъ господствовала въ сознаніи историковъ IV—V в. Стоитъ припомнить, какія разнообразныя племена Прискъ подразумѣвалъ подъ скинами, чтобы усумниться въ возможности точно приурочить какое-нибудь племя къ имени *гетовъ*. Скорѣе здѣсь подразумѣваются германцы: *Mundo geta* звучитъ по германски.

VII.

Славяне на Балканскомъ полуостровѣ въ VI вѣкѣ.

Впервые и самостоятельно имя славянъ является только у Прокопія, и съ этого времени извѣстія о славянахъ не прекращаются. Мы можемъ прослѣдить почти годъ за годомъ ихъ распространеніе по Балканскому полуострову. Сербскій историкъ Рачки, принявшій на себя нелегкій трудъ собрать классическія извѣстія о древнихъ славянахъ, набралъ только до конца VI в. болѣе 50 извѣстій, относящихся къ вторженіямъ славянъ и аваровъ. Авары, о которыхъ мы уже говорили раньше, покорили славянъ; по замѣчанію древняго лѣтописца «сиде обри воеваху на словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая словѣны, и насиліе творяху женамъ Дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше обьрину не веляше впрячи коня ни вола, но веляше вьпрячи 3-ли 4-ли, 5-ли женъ втелѣгу и понести обрина, и тако мучаху Дулѣбы. Быша бо обри тѣломъ велици и умомъ горди и Богъ потреби я, и помроша вси, и не остася ни одинъ обьрине; яко притѣча въ Руси и до сего дне: погибоша аки обрь; иже нѣсть племени ни наслѣдка». Чрезвычайно любопытно, что на всѣхъ западно-славянскихъ языкахъ названіе аваровъ сохранилось въ значеніи «великана» (чеш. obř, словац. obřin; польск. стар. obřzum, нов. ołbrzum; верхне-луж. hobř). Въ южно-славянскихъ языкахъ этого слова нѣтъ, и мы ниже остановимся на объясненіи этого факта. Авары составляли у славянъ высшій классъ, и тотъ фактъ, что не очень многочисленныя ¹⁾ тюркскія племена подчиняютъ себѣ все время германцевъ и славянъ, указываетъ, по вѣрному замѣчанію историка Гельцера (Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur. München. 1897. стр. 944) на ихъ военное, политическое и духовное превосходство, почему выше мы и обращались къ изученію древнетюркскаго быта. Въ 527 г. на престолъ вступилъ имп. Юстиніанъ, при которомъ начались вторженія славянъ за Дунай. Имя славянъ Σκλαβηνοί, извѣстное уже въ «Вопросахъ и отвѣтахъ Кесарія», брата Григорія Богослова, могло бы относиться еще къ задунайскимъ славянамъ, если бы этотъ памятникъ, какъ думали раньше, дѣйствительно, былъ составленъ въ IV вѣкѣ.

Однако, какъ доказалъ Мюленгофъ, (Deut. Altert. II. 368) и уже

¹⁾ Аваръ было, кажется, всего около 200 тысячъ человѣкъ.

раньше его Горскій и Невоструевъ (Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки. Томъ III), этотъ памятникъ не можетъ восходить по времени дальше VI вѣка; за это говорятъ тѣ передвиженія племень (напр. лангобардовъ), о которыхъ онъ говоритъ, а также тотъ фактъ, что авторъ его пользовался сочиненіемъ Козьмы Индикоплова, писателя VI вѣка. «Разговоры Кесарія» переведены на славянскій языкъ подъ заглавіемъ «Вопросовъ Сильвестра и отвѣтовъ Антонія» и изданы въ полномъ видѣ въ 1890 г. архимандритомъ Леонидомъ. По словамъ Горскаго и Невоструева (стр. 147), «переводъ носитъ на себѣ ясныя слѣды Болгарскаго происхожденія, и притомъ довольно въ древнее время». Слѣдуетъ отмѣтить, что въ то время, какъ въ греческомъ оригиналѣ имя славянъ (οἱ Σκλαβηνοί) встрѣчается всего одинъ разъ (здѣсь идетъ рѣчь объ ихъ неимовѣрной жестокости: они ѣдятъ женскія груди и т. д.), въ славянскомъ переводѣ мы находимъ его дважды. Приведемъ оба мѣста: 1) οἱ Σκλαβηνοὶ καὶ Φισωνῖται (иначе рѣка называется Φεισσών или Φισών) οἱ καὶ Δαυοῦβιοι προσαγορευόμενοι—*словъне и висонитъне еже и Доунавене наричються* (по изд. арх. Леонидя); 2) παρὰ δὲ Ἑλλήσιν Ἰστρὸς καὶ Ἰνδὸς ποταμός, παρὰ δὲ Ἰλλυρίοις καὶ Ῥωμαίοις τοῖς παροίκοις τοῦ Ἰστρου Δαυοῦβης, παρὰ δὲ Γότθοις Δουναύης—*и Елинь же Истрось, и Индъ рѣка, и Срѣмъни же и и славѣнъ, присѣдѣщихъ крѣць, Данѣвиш съ* (вар. у Горскаго и Нев. Дѣновишсъ), *и гофъ* (вар. *готфъ*) *же Доунавъ*. Для того, чтобы объяснить странное появленіе здѣсь рѣки Фисона, одной изъ райскихъ рѣкъ, сошлюсь на одинъ армянскій памятникъ: «Замѣтка о четырехъ рѣкахъ, вытекающихъ изъ рая». Этотъ памятникъ, основанный на данныхъ греческихъ (изданъ С. Мартеномъ въ его книгѣ Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. t. II. Paris 1819, стр. 398), знаетъ среди палестинскихъ рѣкъ *Donavis*, протекающей черезъ Тиръ и Сидонъ, знаетъ и *Фисонъ* (*Гангъ* или *Индъ*). Смѣшеніе *Фисона* съ *Истромъ* именно тѣмъ и объясняется, какъ мнѣ кажется, что греческій писатель нашелъ среди своихъ источниковъ *Donavis* по близости отъ *Фисона*. Зная, что *Истръ* и *Дунавъ* одно и то же, онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ смѣшать *Истръ-Донавъ* съ *Фисономъ*. При этомъ Фисонъ въ его источникѣ могъ бытъ отождествленъ съ Истромъ, какъ у армянскаго географа, опиравшася также на греческій оригиналъ, мы находимъ отождествленіе Фисона съ Гангомъ и Индомъ. Впервые имя славянъ является въ началѣ VI вѣка въ стихотвореніи епископа Мартина:

Immanes variasque pio sub foedere Christi
Adsciscis gentes: Alamannus, Saxo, Toringus,
Pannonius, Rugus, Sclavus, Nara, Sarmata, Datus,
Ostrogothus, Francus, Burgundio, Dacus, Alanus,
Te duce posse Deum gaudent. (Кентшинскій. 56).

Весьма сомнительно, чтобы въ эту пору къ славянамъ уже начало проникать христіанство.

Нападенія славянъ на Балканскій полуостровъ начинаются съ 527 года, когда на престолъ Византіи вступилъ Юстиніанъ I. «Его царствованіе—сплошная цѣпь несчастій, постигавшихъ имперію», по выраженію Гопфа. Славяне, увлекаемые, вѣроятно, аварами и болгарами, совершаютъ одно нападеніе за другимъ, при чемъ эти набѣги мало по малу принимаютъ форму настоящаго переселенія цѣлаго племени. При обзорѣ этого періода мы будемъ придерживаться нашего обычнаго способа давать возможно больше простора самымъ источникамъ, хотя въ литературѣ есть нѣсколько связныхъ изложеній этого движенія. Укажемъ на вышеназванную книгу Дринова (стр. 94), на статью

Рёсслера: «Ueber den Zeitpunkt» и т. д.; на «Славянскія древности» Шафарика (т. II, кн. 1. 1848, стр. 241 и дал.), на «Poviest Hrvatska» Смичкласъ (т. I. 1882, стр. 89—109), «Povjest Hrvata» В. Кланча (т. I. 1899, стр. 25—31), «Изъ древней исторіи Болгаръ» М. Соколова (1879), на многочисленныя труды Рачкаго, отчасти на книгу Бахмана: «Geschichte Böhmens» (I т. 1899, глава 5), на общіе труды по исторіи Византіи (напр., на «Исторію Греціи» Норфа, помѣщенную въ энциклопедіи Эрша и Грубера, Sect. I, m. 85, стр. 79, или на труды Hertzberga: «Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches» 1883 и т. д.). Источники собраны Рачкимъ въ изданіи: Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, t. VII (1877) и ранѣе В. Макушевымъ въ книгѣ «Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ» (1861).

Перейдемъ къ обзору того, что рассказываютъ о славянахъ исторіи 6 вѣка. Свѣдѣнія о нихъ легко почерпнуть въ уже названныхъ трудовъ Крумбахера и В. Макушева, а также въ отдѣлѣ «Очеркъ средне-вѣковой исторіографіи» въ книгѣ проф. Осокина: «Исторія среднихъ вѣковъ» (т. I. 1888) и др. ¹⁾

Прежде всего приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ «Исторіи войнъ римлянъ съ готами» Прокопія Кесарійскаго и изъ другихъ трудовъ его («Тайная Исторія»). Надо имѣть въ виду, что Прокопій въ качествѣ личнаго секретаря Велизарія былъ наиболѣе близкимъ очевидцемъ тѣхъ событій, которыя онъ описываетъ.

«Въ 527 г. когда Юстиніанъ, дядя Германа, получилъ царское званіе, то анты, живущіе очень близко къ славянамъ, перешедъ рѣку Истръ, большимъ войскомъ вторглись въ землю Римскую. Незадолго передъ тѣмъ царь назначилъ Германа воеводою всей Тракіи. Схватившись съ войскомъ непріятелей и разбивъ ихъ на голову, Германъ почти всѣхъ ихъ перебилъ, и этимъ дѣломъ стяжалъ себѣ великую славу между всѣми людьми и въ особенности между этими варварами». (De bello gotico. III, 40).

527 г. «Гипеды занимаютъ Сирмій ²⁾ и тамошнія равнины, которыя всѣ, сказать огульно, совершенно безлюдны, ибо однихъ истребила война, а другихъ—болѣзнь и голодь, обычные спутники войны. Съ того времени, какъ Юстиніанъ принялъ господство надъ Римлянами, унны, славяны и анты, почти ежегодно опустошая Иллирію и всю Тракію (а это значить отъ Іонійскаго залива до предмѣстій Византійцевъ, гдѣ находится и Эллада, и страна Херонисянъ), наносили жителямъ этихъ странъ неисправимыя бѣдствія. При каждомъ вторженіи убитыхъ и полоненныхъ здѣсь римлянъ было больше, чѣмъ по 20 мириадъ. Вся земля становилась какою то Скиесою пустыней». (Anecdota. cap. 18).

¹⁾ Въ 70-ыхъ годахъ предполагалось изданіе источниковъ по исторіи славянъ; византійскую часть принялъ на себя покойный профессоръ с.-петербургскаго университета Гавріилъ Спиридоновичъ Дестунисъ, который исчерпалъ сочиненія Прокопія, Маврикія, Теофилакта Симокатскаго и др. Передъ смертью онъ передалъ мнѣ эти бумаги: переводъ отрывковъ, приводимыхъ ниже, принадлежитъ ему, и я старался ничего не измѣнять въ нихъ со стороны слога; что касается точности перевода, то покойный профессоръ былъ, конечно, компетентнѣе меня въ этомъ дѣлѣ. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить свою запоздалую благодарность Г. С. Дестунису, котораго любовь къ наукѣ и дружеское участіе къ ея начинающимъ труженикамъ не оставляли до послѣднихъ дней жизни.

²⁾ Сирмій, городъ въ нижнемъ теченіи Савы въ провинціи Pannonia Superior.

Тогда Юстиніанъ приступилъ къ укрѣпленію Дуная, гдѣ было возобновлено или вновь выстроено до 80 крѣпостей. Онѣ были поручены Хильвудію (котораго Дриновъ и Смичикласъ называютъ Хвилибудомъ) ¹⁾. Приняты были также мѣры противъ внутреннихъ враговъ, уже осѣвшихъ въ Имперіи, но не признававшихъ ея власти. Комесъ Марцеллинъ, сохранившій объ этомъ извѣстіе, говоритъ о гетахъ и булгарахъ во Фракіи. Однако въ 529 году правителю Иллирика, гепиду Мунду, удалось выгнать болгаръ изъ Фракіи, и цѣлыя толпы плѣнныхъ болгаръ были поселены въ Арменіи и Лазикѣ. Тогда подъ влияніемъ мгновеннаго успѣха было приступлено къ постройкѣ крѣпостей, а Хильвудій съ войсками направился къ Дунаю, чтобы мѣшать варварамъ вторгаться черезъ эту рѣку, что ему и удавалось въ продолженіе трехъ лѣтъ. Во внутреннихъ областяхъ Дакии, въ Эпирѣ, Фессалии, Македоніи было выстроено до 600 укрѣпленій, которыя Прокопій въ официальномъ сообщеніи: «О постройкахъ» восхваляетъ, а въ «Анекдотахъ», или «Тайной Исторіи», называетъ безумными. Въ двухъ мѣстахъ онъ проговаривается, что эти постройки возводились въ огражденіе страны отъ варваровъ, занимавшихъ окрестности этихъ городовъ, Филиппополя и Платинополя; въ Мизіи бродили славяне, не давашіе никому проходу. Въ 534 г. Хильвудій, разбивъ славянъ на лѣвомъ берегу Дуная, былъ на обратномъ пути застигнутъ ими и убитъ. Въ 540 году гунны (какъ Прокопій называетъ, вѣроятно, болгаръ) впервые проникли въ самую Грецію и прошли по ней страшнымъ пламенемъ до Пелопоннеса; плѣнные гунновъ насчитывались сотнями тысячъ (ср. Норі., стр. 80). Въ 546 г. отрядъ германскихъ геруловъ былъ отправленъ изъ Фракіи въ Италію для подкрѣпленія дѣйствовавшихъ тамъ силъ имперіи, но по дорогѣ наткнулся на большую толпу славянъ.

Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Прокопій:

«Велизарій, назначивъ Юстина охранять Равенну, самъ съ немногими оттуда отправился черезъ Далматію и тамошніе края въ Эпидамнъ, гдѣ въ ожиданіи войска изъ Византіи пребывалъ въ бездѣйствіи. Пославъ къ царю грамоты, онъ увѣдомлялъ о настоящихъ обстоятельствахъ. И тотъ, не долго спустя, прислалъ къ нему Іоанна, племянника Виталіанова, и Исаака Армянина, Аратіева и Нарсіева брата, съ войскомъ, состоящимъ изъ варваровъ и римлянъ. Прибывъ въ Эпидамнъ, они примкнули къ Велизарію. Нарсія евнуха отправилъ онъ (Юстиніанъ) къ вождямъ эруловъ для того, чтобы склонить большую часть ихъ воевать въ Италиі. За нимъ слѣдовали многіе изъ эруловъ, которыми начальствовалъ между прочимъ Филимуеъ, и съ нимъ (т. е. съ Нарсіемъ) пришли они въ землю Фракійскую, ибо здѣсь надлежало имъ, прозимовать, едва наступить весна, отправиться къ Велизарію. Съ ними былъ и Іоаннъ, по прозванію Фага (обжора). Въ этомъ походѣ имъ пришлось, по случаю, совсѣмъ неожиданно, оказать великую пользу римлянамъ. Случилось, что большая толпа склавиновъ, перешедъ по близости черезъ рѣку Истръ, раззоряла тамошнія мѣста и поработила огромное множество римлянъ. Эрулы, схватившись съ ними внезапно, сверхъ ожиданія побѣдили склавиновъ, которые были гораздо многочисленнѣе ихъ. Эрулы склавиновъ перебили, а всѣхъ плѣнныхъ отпустили на ихъ родину. Тогда то Нарсій, нашедъ одного человѣка, присваивающаго себѣ имя Хильвудія, сановитаго мужа, предводитель-

¹⁾ Смичикласъ (I, 93) рѣшительно прибавляетъ, что Хвилибудъ былъ славянскаго происхожденія, и это подтверждается рассказомъ Прокопія о ссорѣ автовъ и склавиновъ.

ствовавшего нѣкогда римлянами, легко могъ изобличить его въ обманѣ. Я сейчасъ объясню, въ чемъ тутъ дѣло.

«Быль нѣкто Хильвудій изъ домоладцевъ царя Юстиніана, чрезвычайно энергичный въ военныхъ дѣлахъ и до того равнодушный къ деньгамъ, что вмѣсто большого имущества не имѣлъ въ своемъ владѣніи ничего. По вступленіи въ четвертый годъ своего самодержавія царь назначилъ этого Хильвудія воеводою Фракіи и поручилъ ему охранять рѣку Истръ, наказавъ стеречь, чтобы никто изъ тамошнихъ варваровъ не могъ впредь переходить черезъ рѣку, такъ какъ ужъ много разъ и унны (т. е. болгары), и анты, и склавинны, переходя черезъ нее, причиняли римлянамъ неисправимыя бѣдствія. Хильвудій сталъ до такой степени варварамъ страшенъ, что въ продолженіе трехъ лѣтъ, пока пробылъ онъ тутъ въ этомъ званіи, не только никто не былъ въ силахъ переходить черезъ Истръ на римлянъ; но напротивъ, римляне много разъ ходили съ Хильвудіемъ на противоположный берегъ и убивали и полоняли тамошнихъ варваровъ. Но три года спустя Хильвудій перешелъ черезъ рѣку по обыкновенію съ малымъ войскомъ, а склавинны цѣлымъ народомъ вышли на встрѣчу. Въ сильной битвѣ пало много римлянъ, палъ и воевода Хильвудій, и на будущее время рѣка стала постоянно доступна варварамъ, когда бы имъ ни вздумалось, и римскія владѣнія подвергались нападеніямъ, и въ этомъ дѣлѣ цѣлая римская имперія никакъ не могла перевѣсить доблестнаго мужа.

Спустя нѣсколько времени анты и склавинны поссорились между собою ¹⁾: дошло до рукъ, случилось, что анты были разбиты своими противниками. Въ этомъ бою какой то склавинъ одного изъ непріятелей, именемъ Хильвудія, у котораго только что пробивалась борода, взялъ въ плѣнъ и увелъ къ себѣ домой. Этотъ Хильвудій со временемъ, сколько могъ, оказался усерднымъ своему владѣльцу и дѣятельнымъ на войнѣ. Не разъ онъ подвергался опасности за господина, отличался храбростью и покрылъ себя славой. Въ это время анты, ворвавшись въ страны фракійскія, ограбили и заволокли множество тамошнихъ римлянъ, которыхъ увели въ отеческую землю. Одною изъ этихъ плѣнныхъ судьба привела къ челоуѣколюбивому и кроткому господину, а самъ онъ былъ большой негодай, способный обманывать тѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ сношенія. Никкимъ образомъ не будучи въ состояніи возвратиться въ римскую землю, онъ придумалъ слѣдующее: является къ своему владѣльцу, начинаетъ хвалить его за доброту, увѣряетъ, что большія блага будутъ ему за нее отъ Бога, что онъ съ своей стороны никакъ не окажется неблагодарнымъ къ такому благодѣтельному господину; и что если тотъ господинъ захочетъ послушаться его прекрасныхъ совѣтовъ, то онъ въ скоромъ времени пріобрѣтетъ большія деньги. Дѣло въ томъ, что въ народѣ склавинскомъ находится въ рабствѣ Хильвудій, бывший вождь римскій; но что ни одному варвару неизвѣстно, кто онъ дѣйствительно есть. Итакъ, если ему угодно выдать деньги за Хильвудія и перевести его въ землю римскую, то вѣроятно отъ царя получитъ и добрую славу, и огромное богатство. Этими словами римлянинъ тотчасъ же уговорилъ своего господина и вмѣстѣ съ нимъ явился среди склавинновъ: эти варвары опять между собою пересыпались и свободно свосились. Заплативъ

¹⁾ Гопфъ относитъ этотъ разсказъ не къ раздору среди славянскихъ племенъ, но къ подчиненію славянъ со стороны болгаръ; это мнѣніе опирается на то, что у Прокопія не встрѣчается имя болгаръ (ср. стр. 80); однако, возражимъ, упоминаются гунны.

большія деньги владѣльцу Хильвудіа, они (антъ и слуга римлянинъ) купили этого человѣка и тотчасъ же съ нимъ уѣхали. Когда покупатель прибылъ во свояси, то спросилъ у этого человѣка, римскій ли онъ полководецъ Хильвудій? А тотъ не отрекся показать истину, пересказалъ правдиво все по порядку, что онъ и самъ родомъ антъ, но что онъ, сражаясь вмѣстѣ съ своими одноплеменниками противъ склавиновъ, бывшихъ тогда съ антами въ непріятельскихъ отношеніяхъ, былъ склавинами захваченъ, а что теперь, такъ какъ онъ возвратился на родину, то онъ и *по закону* на будущее время свободенъ. Отдавшій за него золото, обманутый въ своихъ великихъ надеждахъ, онѣмѣлъ отъ досады. Но римлянинъ, желая его успокоить и отклонить истину, дабы что-либо не воспрепятствовало его собственному возврату домой, все же настаивалъ, что этотъ человѣкъ тотъ самый Хильвудій: что, находясь среди варваровъ, онъ изъ страха никакъ не хочетъ всего раскрывать, а что, если попадетъ въ римскую землю, не только не станетъ скрывать правды, но конечно будетъ гордиться этимъ именемъ. Въ началѣ все это происходило въ тайнѣ отъ прочихъ варваровъ.

Но когда слухъ разнесся между всѣми ими, то по этому случаю собрались анты почти всѣ и признали это дѣло общимъ, полагая, что будетъ имъ большая выгода отъ того, что они теперь стали владѣльцами римскаго воеводы Хильвудіа.

Эти народы, склавинны и анты, не управляются однимъ мужемъ, но искони живутъ демократически, и потому то дѣла какъ успѣшныя, такъ и затруднительныя ведутся ими сообща. Да почти и все остальное у этихъ варваровъ, у тѣхъ и другихъ, искони заведено и положено одинаково. Одного только бога, производителя грозы, признають они единымъ владыкою всего сущаго и ему закалываютъ быковъ и всякія жертвы. Судьбы они не знаютъ да и не признають за нею какой-либо силы между людьми; когда же предстоитъ имъ либо отъ болѣзни, либо на войнѣ смерть, то они обѣщаются, если избавятся отъ нея, тотчасъ принести жертву богу за душу, а, избавившись, приносятъ жертву по обѣщанію, и думаютъ, что этою то жертвою и куплено ими спасеніе. Впрочемъ, они чтутъ и рѣки, и нимфы, и разныя другія божества и всѣмъ имъ приносятъ жертвы, гадаютъ же они среди жертвоприношеній. Живутъ они въ жалкихъ хижинахъ, расположенныхъ далеко другъ отъ друга, и часто перемѣняетъ каждый изъ нихъ мѣсто своего жительства. Когда поднимаются на бой, то большая часть ихъ идетъ на непріятеля пѣшкомъ, держа въ рукахъ щиты и дроты, нагрудниковъ же никогда не надѣваютъ. Нѣкоторые изъ нихъ не носятъ ни рубахи, ни плаща, а, наладивъ одни только порты до срамоты, въ такомъ видѣ выступаютъ на бой съ врагами. У тѣхъ и у другихъ одинъ и тотъ же языкъ совершенно варварскій, да и наружностью они одни отъ другихъ не отличаются, ибо всѣ они рослые и необычайно сильны, тѣломъ они не слишкомъ бѣлы, волосы у нихъ не совсѣмъ русые и на черныя цвѣтъ не совершенно смахиваютъ, а всѣ они красноватые. Образъ жизни у нихъ жесткій и запущенный, какъ у массагетовъ. Какъ и массагеты, они полны нечистоты. Они вовсе не лукавы, не негодяи, но въ простотѣ сохраняютъ унскій обычай. И самое имя у склавиновъ и у антовъ искони было одно: ибо и тѣхъ и другихъ въ древности звали «спорами»: это я думаю отъ того, что они, заселяя страну, живутъ разсѣянно (*σποράδιον*); оттого и землю занимаютъ они обширную: большую часть того берега Истра заселяютъ они. Таковъ то этотъ народъ.

Тогда анты, собравшись, какъ сказано, вынудили этого че-

ловѣка сознаться имъ въ томъ, что онъ римскій воевода Хильвудій; если онъ станетъ отречься, они грозилась наказать его. Пока это тамъ происходило, царь Юстиніанъ отправилъ къ симъ самымъ варварамъ пословъ, предлагая имъ всѣмъ поселиться въ древнемъ городѣ, по имени Туррій, лежащемъ за Истромъ рѣкою и построенномъ римскимъ имп. Трояномъ ¹⁾. Въ то время онъ издавна стоялъ впустѣ, такъ какъ тамошніе варвары его разграбили. Этотъ то городъ съ окрестностями, какъ принадлежащій изначала римлянамъ, положилъ царь Юстиніанъ имъ подарить и непремѣнно ими заселить, и выдавать имъ большія суммы денегъ съ условіемъ, чтобъ они, заключивъ съ нимъ на будущее время союзъ, постоянно препятствовали уннамъ, когда тѣ собираются опустошать римскую имперію. Какъ скоро варвары это слышали, одобрили и обѣщались все дѣлать, если только онъ, назначивъ опять Хильвудія римскимъ полководцемъ, дастъ его имъ въ сожители; они настаивали, что тотъ, кого имъ хотѣлось, и есть самъ Хильвудій. А тотъ завлеченный такими надеждами, ужъ и самъ захотѣлъ быть и называться римскимъ полководцемъ Хильвудіемъ. Когда онъ по этому случаю отправленъ былъ въ Византію, то Нарсій на этомъ пути и забралъ его. Несмотря на то, что онъ уже и въ латынь пустился и изучилъ многія манеры Хильвудія и подражалъ имъ довольно хорошо, Нарсій, сошедшись съ нимъ и убѣдившись, что это обманщикъ, засадилъ его въ тюрьму и принудилъ высказать всю правду и привезъ съ собою въ Византію». (De bello gothica III, 14).

548 годъ. «Въ это время войско склавиновъ, перешедъ рѣку Истръ, нанесло неисправимыя бѣдствія всей Иллиріи до Эпидамна, убивая и обращая въ рабство попадавшихся на глаза людей всякаго возраста и похищая у нихъ деньги. Обыскавъ и разыскавъ все полно-властно, они уже были въ силахъ взять многія изъ здѣшнихъ крѣпостей, считавшихся прежде твердыми, такъ какъ никто ихъ не защищалъ. А военачальники Иллиріи съ 15-тысячнымъ войскомъ слѣдовали за ними, но никакъ не отваживались къ нимъ подходить. Тогда происходили часто ужасныя и необычайныя землетрясенія въ зимнюю пору какъ въ Византіи, такъ и въ другихъ областяхъ, и все по ночамъ» (De bello gothico. III, гл. 29).

Черезъ 3 г., въ 551 году, въ количествѣ 3 тысячъ славяно-вторгаются во Фракію и Иллирію. Это извѣстіе богато чрезвычайно интересными подробностями.

551 годъ. «Въ это время войско склавиновъ, собравшись въ числѣ не больше, какъ 3-хъ тысячъ, перешло рѣку Истръ, не встрѣчая ни отъ кого сопротивленія и безъ малѣйшаго труда немедленно перешедъ рѣку Евръ (нынѣ Марица), раздѣлилось надвое. Одинъ изъ этихъ отрядовъ заключалъ въ себѣ тысячу восемьсотъ человекъ, а другой остальныхъ. Съ тѣми и другими, по вышеупомянутомъ отдѣленіи ихъ другъ отъ друга, вступили въ бой начальники римскихъ войскъ какъ въ Иллиріи, такъ и во Фракіи, и были сверхъ чаянія побѣждены: изъ нихъ одни были истреблены, а другіе въ безпорядочномъ бѣгствѣ спаслись. Послѣ того какъ всѣ полководцы такимъ образомъ бѣжали отъ всѣхъ варварскихъ отрядовъ, хотя эти послѣдніе были гораздо малочисленнѣе, то одинъ изъ непріятельскихъ отрядовъ схватился съ Асвадомъ. Этотъ мужъ былъ однимъ изъ дорифоровъ царя Юстиніана; числясь между такъ называемыми кандидатами, онъ начальствовалъ надъ тѣми многочисленными и отличными воинами, которые издревле

¹⁾ По мнѣнію Шафарика, вѣроятно, Турна при впаденіи Алюты, стр. 244.

были расположены во Фракийской крѣпости Цурулъ ¹⁾. И ихъ безъ малѣйшаго труда разбили склавинны и большую часть ихъ, обращенныхъ въ позорное бѣгство, истребили, а Асвада тотчасъ захватили живого, а потомъ, содрвавъ со спины его ремни (тесмы), бросили въ пламя и сожгли. Совершивъ это, они потомъ уже безпрепятственно грабили всѣ мѣста во Фракіи и Иллиріи. Тѣ и другіе брали приступомъ много крѣпостей, между тѣмъ какъ до этого они не пытались идти на стѣны, да и не отваживались спускаться въ равнины, такъ какъ эти варвары никогда не предпринимали опустошенія римской земли. Да кажется, они, живучи на другой сторонѣ, и не переходили съ войскомъ черезъ рѣку Истръ, кромѣ какъ съ той поры, о которой я прежде говорилъ.

Эти то склавинны, побѣдивши Асвада, раззоряя далѣе все до самаго моря, взяли приступомъ и приморскій городъ по имени Топеръ ²⁾, хотя въ немъ была военная стража. Это первый городъ приморскихъ фракіянъ, отъ Византіи отстоятъ онъ на 12 дней пути, взятъ былъ ими слѣдующимъ образомъ. Большая часть ихъ спряталась въ тѣсномъ мѣстѣ передъ городскою стѣною, немногіе же, перейдя къ воротамъ, обращеннымъ на востокъ, тревожили римлянъ, стоявшихъ на бойницахъ. Воины, занимавшіе этотъ постъ, предполагая, что ихъ не больше того, какъ сколько было видно, немедленно схвативъ оружіе, выступили противъ нихъ, всѣ же варвары отступали назадъ, дѣлая видъ, что отступаютъ по страху къ нападающимъ. Римляне, устремясь въ погоню, очутились довольно далеко отъ городской стѣны. Тогда бывшіе въ засадѣ выступили и, зашедъ въ тылъ преслѣдующихъ, не пускали ихъ болѣе возвращаться въ городъ, а дѣлавшіе видъ, что бѣгутъ, поворотили и поставили римлянъ въ опасное положеніе. Истребивъ ихъ всѣхъ, варвары сдѣлали нападеніе на стѣну. Жители города, лишившись защиты воиновъ, пришли въ сильное замѣшательство, но все-таки по возможности отражали нападающихъ. Сперва нагрѣвъ въ большомъ количествѣ масло и смолу, обливали ими нападающихъ, чѣмъ едва не устранили опасности, но вслѣдъ затѣмъ варвары, засыпая горожанъ множествомъ стрѣлъ, принудили ихъ покинуть укрѣпленія и, приставивъ къ стѣнѣ лѣстницы, взяли городъ силой. Всѣхъ мужчинъ, числомъ до 15 тысячъ, они тотчасъ же истребили, а женщинъ и дѣтей обратили въ рабство. А между тѣмъ прежде они не щадили никакого возраста: но какъ сіи послѣдніе, такъ и принадлежащіе къ другому отряду, съ той поры какъ нагрянули на римскую землю, убивали всѣхъ попадавшихся имъ, начиная съ дѣтскаго возраста, такъ что Иллирійскій и Фракійскій край переполнился большею частью не погребенными трупами. А убивали попадавшихся имъ не мечемъ и не копьемъ, ни какимъ либо другимъ обычнымъ способомъ, а, воткнувъ колья и значительно заостривъ, съ усиліемъ насаживали на нихъ несчастныхъ, втыкая остріе кола въ задній проходъ и вталкивая до кишекъ: такимъ способомъ рѣшались ихъ изводить. А еще, врывъ глубоко въ землю четыре толстые песта, эти варвары привязывали къ нимъ руки и ноги плѣнниковъ, безъ перерыва колотили ихъ по головѣ палицами и убивали словно собакъ или гадюкъ, или какихъ либо другихъ звѣрей. Другихъ, загнавъ въ покои вмѣстѣ съ тѣми быками и овцами, которыхъ не были намѣрены уводить на родину, безпощадно предавали пламени. Такимъ образомъ склавинны постоянно убивали попадавшихся имъ

¹⁾ Теперь *Чорлу* недалеко отъ Константинополя.

²⁾ Городъ на р. Нестѣ (теперь Местѣ).

въ руки. Но теперь, какъ сіи послѣдніе, такъ и принадлежащіе къ другому отряду, какъ бы опьянѣвъ отъ множества крови, нашли нужнымъ отнынѣ впредъ забирать живьемъ нѣкоторыхъ изъ доставшихся имъ и отъ того они всѣ возвращались домой, уводя за собою безчисленное множество плѣнныхъ» ¹⁾. (De bello gothico. III, 38).

551 годъ. «Между тѣмъ, какъ Германъ, собиралъ и устраивалъ войска въ иллирійскомъ городѣ Сардикѣ и усиленно подготавливалъ все необходимое для веденія войны, прибыло въ римскую землю такое сонмище склавиновъ, какое никогда до того не прибывало. Перешедъ чрезъ рѣку Истръ, они подошли къ Наису. Когда немногіе изъ нихъ, удалившись отъ стана, бродили и въ одиночку обходили тамошнія мѣстности, то нѣкоторые римляне, захвативъ и связавъ ихъ, разспрашивали ихъ, для чего перешло черезъ рѣку Истръ это войско склавиновъ, и что намѣрено оно дѣлать. А тѣ утверждали, что оно идетъ взять осадю самую Фессалонику и окрестъ лежащіе города.

Какъ только царь услышалъ это, сильно встревожился и немедленно написалъ къ Герману съ приказаніемъ отложить въ настоящее время походъ въ Италію, а оборонять Фессалонику и другіе города и отражать, что есть силы, нашествіе склавиновъ. Германъ этимъ и занялся, а склавины, узнавъ положительно отъ плѣнниковъ, что Германъ находится въ Сардикѣ, устрашились...

Іоаннъ съ царскимъ войскомъ прибылъ въ Далматію, положилъ перезимовать въ Салонахъ ²⁾, имѣя въ виду, по прошествіи зимы, идти отсюда прямымъ путемъ въ Равенну. А тѣ склавины, которые прежде вступили въ царскую землю, какъ мною сейчасъ сказано, да еще и другіе, немного спустя перешедшіе рѣку Истръ и смѣшавшіеся съ прежними, какъ хотѣли, опустошали римскую державу. Иные подозрѣвали, что Тотила, сманивъ этихъ варваровъ большими деньгами, напалъ на здѣшнихъ римлянъ съ тою цѣлью, чтобы царю, занятому этими варварами, не возможно было хорошо направить войну готскую. Какъ пришли сюда склавины, въ угоду ли Тотилѣ, или незваные, не могу рѣшить. Эти варвары, раздѣлившись на три отряда, надѣлали по цѣлой Европѣ неисправимыя бѣдствія, разоряя сіи мѣста не съ набѣга, но какъ будто въ собственной землѣ проводя зиму и не боясь никакого непріятеля. Потомъ ужъ царь Юстиніанъ послалъ на нихъ превосходное войско подъ предводительствомъ Константина, Аратія и Назара, а также сына Германова Юстина и Іоанна, называемаго Фагою. Надзоръ за всѣми ими поручилъ онъ Схоластику, одному изъ дворцовыхъ евнуховъ. Означенное войско захватило отрядъ варваровъ близъ Адрианополя, лежащаго во внутреннихъ частяхъ Фракіи, на разстояніи пяти дней пути отъ Византіи. Дальше идти варвары болѣе не могли, потому что они тащили съ собою несмѣтную добычу людьми, скотомъ и всякими вещами. Оставаясь тутъ, они собирались вступить въ бой съ непріятелями, но имъ самимъ нисколько не давая о томъ чувствовать. Склавины расположились станомъ на горѣ, въ этомъ мѣстѣ возвышающейся, а римляне неподалеку на равнинѣ. Такъ какъ въ этомъ стояніи проходило уже много времени, то воины римскіе досадовали и негодовали, жалуясь на своихъ вождей, что они сами, какъ началь-

¹⁾ Дриновъ (стр. 100) считаетъ рассказъ Прокопія преувеличеннымъ, сомнѣваясь въ томъ, чтобы 3000 человекъ могли надѣлать столько бѣдъ, но приписываетъ «этой сказкѣ большое историческое значеніе для характеристики взгляда населенія имперіи на славянъ».

²⁾ Городъ въ Далматіи на рѣкѣ Цетинѣ.

ники римскаго воинства, пользуясь всѣми удобствами, пренебрегаютъ воинами, удручаемыми недостаткомъ во всемъ нужномъ, и не хотятъ сразиться съ врагами. Тогда военачальники, вынужденные этими жалобами, схватились съ непріятелями. Произошелъ сильный бой, и римляне были побиты на голову: тутъ погибло много отличныхъ воиновъ, а военачальники едва не достались непріятелямъ и убѣжали съ остальными, насилу спаслись бѣгствомъ, куда кто могъ. Варвары захватили Константіаново знамя и, ни во что не ставя римское воинство, шли впередъ. Они грабили какъ хотѣли страну, именуемую Астикю, которая издавна уже не была разоряема, отчего и случилось, что они нашли тутъ большую добычу. Такимъ образомъ, грабя пространнѣйшій край, они достигли до длинныхъ стѣнъ, отстоящихъ немного дальше, чѣмъ на день пути. Недолго спустя, римское воинство, слѣдившее за этими варварами, встрѣтилось съ однимъ изъ ихъ отрядовъ и, внезапно вступивъ съ нимъ въ битву, разбило ихъ: много непріятелей перебило, спасло огромное число полоненныхъ римлянъ, нашло и отняло у непріятелей Константіаново знамя. Прочіе же варвары съ остальною добычею возвратились домой».

Въ 553 году славяне вторгаются снова въ Иллирію; опять мы слышимъ жалобы на то, что они чинятъ страшныя жестокости, покрываютъ дороги трупами и т. д., а потомъ спокойно переходятъ черезъ Дунай и возвращаются домой. При этомъ мы встрѣчаемъ слѣдующую любопытную подробность: перевозчиками славянамъ служили германцы Гипеды (Γίπαιδες), которые за всякаго человѣка брали по золотой монетѣ (статирѣ). Это показываетъ, какъ уже богаты были славяне. По предположенію Гопфа (стр. 82), въ этомъ набѣгѣ славянъ принималъ косвенное участіе и готскій король Тотила: ибо въ это самое время онъ послалъ противъ Ахайи 300 кораблей съ приказаніемъ все разрушать и опустошать. Мнѣ кажется, что мы нисколько не обязаны согласиться въ этомъ случаѣ съ Гопфомъ: вѣдь славяне дѣлали набѣги изъ-за Дуная чуть не каждый годъ; сношенія ихъ съ гипедами были лишены всякаго политическаго значенія и основывались исключительно на наемѣ.

Въ 558 г. являются неизвѣстные варвары. Они раздѣлились на три отряда: одинъ направился въ Элладу (до Фермопилъ), второй—на укрѣпленія по Херсонесу Фракійскому, третій—на Византію подъ начальствомъ Забергана, можетъ быть, Заберъ хана, по предположенію Гопфа. Агаеій (530—582, его исторія въ 5 книгахъ обнимаетъ время отъ 553 до 558 года) называетъ ихъ гуннами, но Викторъ, еп. Африканскій, проживавшій въ это время въ Византіи, булгарами; Теофанъ (въ началѣ 9 в.) славянами и гуннами. Дриновъ считаетъ несомнѣннымъ, что и въ этомъ походѣ славянство играло значительную роль. «Съ этого времени гунны исчезаютъ съ поля войны; ихъ имя перешло къ наслѣдникамъ ихъ могущества, аварамъ» (Норі. 82). Ихъ славянское названіе «Обры» существуетъ въ западныхъ языкахъ, но въ южныхъ его нѣтъ. Отсюда нельзя сдѣлать вывода, что южные славяне явились на Балканскомъ полуостровѣ уже только тогда, когда господство аваръ надъ славянами пало. Авары въ 558 г. посылаютъ пословъ въ Константинополь съ предложеніемъ своихъ услугъ имп. Юстиніану противъ племенъ по сѣверному берегу Чернаго моря и затѣмъ долго воюютъ съ савирами, утургурами, оногурами и славянами (антами) ¹⁾.

¹⁾ О столкновеніи аваровъ съ антами и савирами (сѣверянами?) и позже дѣльбами ср. Филевичъ Исторія древней Руси т. I, стр. 326 и дал. Но, пови-

Побѣдивъ гипедовъ, они заняли въ 565 г. Дакию, откуда послали къ имп. Юстину надменное посольство съ требованіемъ подарковъ. Юстинъ отказалъ, посадилъ пословъ въ тюрьму, и на время авары испугались. Это доказываетъ, что они были еще не очень сильны. Въ 568 г. они заняли Паннонію, здѣсь утвердились и отсюда въ продолженіе 60 лѣтъ тѣснили Византію. Въ 570 году они со своими союзниками такъ раззорили Фракію, что императору пришлось откупиться отъ нихъ огромной данью.

Въ какихъ отношеніяхъ къ славянамъ стояли авары? Въ старое время утверждали, что царство аваровъ простиралось отъ Вислы до Эльбы и отъ Савы и Нижняго Дуная до Балтійскаго моря. Дриновъ впервые (1872) показалъ, что это мнѣніе ошибочно. Съ одной стороны, нѣтъ сомнѣнія, что авары подчинили себѣ славянъ: за это говорятъ и греческіе, и латинскіе источники. Такъ, въ 584 году хаганъ аварскій послалъ на разграбленіе имперіи славянское племя (*τῶν Σκλαβηνῶν ἔθνος*), въ 592 году хаганъ приказалъ славянамъ, жившимъ около Бѣлграда (*Σκυθηδῶν*), приготовить значительное число судовъ для переправы его войскъ черезъ Дунай; въ 596 году славянъ вырываетъ хаганъ же, когда на нихъ нападаютъ баварцы (Павелъ Діаконъ. *De gestis Langobardorum*. IV, гл. 11: *Hisdem ipsis diebus Baiarii usque ad duo millia virorum super Sclavos irruunt, superveniente casano omnes interficiuntur*). Славяне по сосѣдству съ Баваріей упоминаются уже въ 595 году). «Чудеса священно-мученика Димитрія», написанныя въ 7 в. (Рачки стр. 250—251), также знаютъ о подчиненіи паннонскихъ славянъ аварамъ во время ихъ нападенія на Солунь въ 597 г. Далѣе, въ 600 году у того-же Павла Діакона мы находимъ упоминаніе о томъ, что лангобарды съ аварами и славянами вторглись въ предѣлы Истріи и сильно опустошили ихъ. Въ исторіи Теофилакта Симокатскаго разсказывается подъ 601 годомъ о битвѣ аваръ съ ромейцами около рѣки Тисы; эта битва окончилась пораженіемъ первыхъ; цифры плѣнныхъ показываютъ намъ численное отношеніе союзниковъ: аваръ попало въ плѣнъ 3 тысячи, другихъ варваровъ около 6 тысячъ, славянъ—8.

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можно было бы умножить, явствуетъ, что власть аваръ простиралась лишь на тѣхъ славянъ, которые занимали Паннонію, но славяне не теряли при этомъ своей національной самобытности. Тотъ фактъ, что при совмѣстныхъ вторженіяхъ аваръ и славянъ источники постоянно упоминаютъ и о славянахъ, указываетъ, по моему мнѣнію, достаточно ясно на роль славянъ въ такихъ набѣгахъ ¹⁾. То, что эта роль была самостоятельна и велика, видно уже изъ того интереснаго явленія, что папа Григорій I, скорбя по поводу того же вторженія славянъ въ Истрію въ 600 году, о которомъ говорятъ и Павелъ Діаконъ, ни словомъ не проговаривается объ аварахъ, зная однихъ славянъ (*de Sclavorum gente, quae vobis*

димому, савиры жили къ востоку отъ сарагуровъ, уроговъ и оногуровъ, которые должны были оставить свою страну подъ натискомъ савировъ, въ свою очередь тѣснимыхъ аварами. Объ этомъ разсказываетъ Прискъ подъ 464 год., когда авары еще только появились на горизонтѣ исторіи и не проникли на западъ, за Донъ. Только сто лѣтъ спустя они столкнулись съ антами. Другія извѣстія о савирахъ знаютъ ихъ также около Кавказа. Поэтому я рѣшительно признаю ошибочнымъ отождествленіе савировъ съ племенемъ сѣверянъ,

¹⁾ По мнѣнію г. Ягича (*Archiv für slavische Philologie*. Т. 17. стр. 56), въ походѣ 597 года авары исполняли только роли офицеровъ надъ славянскимъ войскомъ. Ср. съ этимъ слова Смичкиласа (I, 96): «аваръ было гораздо меньше, чѣмъ думали надуганные греки, но ихъ новые союзники и подданные, славяне, давали имъ безчисленныя массы воиновъ».

valde imminet, affligor vehementer et conturbor;... conturbor, quia per Istriae aditum iam Italiam intrare coeperunt).

Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что славяне по ту сторону Дуная, на полуостровѣ, оставались независимыми передъ лицомъ аварскаго хагана. Въ 579 году аварскій хаганъ Баянъ, намѣреваясь вторгнуться въ предѣлы Византіи, прикрывалъ свои планы желаніемъ напасть на славянъ, жившихъ за Истромъ. Но императоръ, разгадавъ его тайную мысль, заявилъ, что онъ самъ накажетъ славянъ за то, «что они разграбили многія римскія области» ¹⁾. Повидимому, власть аваръ не простиралась и на славянъ въ Дакии. Извѣстный рассказъ Менаандра о томъ, какъ отвѣтилъ князь славянъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Дуная, Добрить (*Azoritas* или *Azoritas*) на требованіе хагана Баяна выразить свою покорность, показываетъ, что славяне въ этихъ мѣстахъ не только не были подчинены аварамъ, но даже издѣвались надъ ними. (Ср. Дриновъ, стр. 105). Правда, въ первомъ извѣстіи говорится о томъ, что хаганъ гнѣвался на славянъ именно за то, что они отказались платить наложенную на нихъ дань, но этотъ отказъ чрезвычайно знаменателенъ.

Резюмируя вышесказанное, мы можемъ повторить вмѣстѣ съ г. Дриновымъ, что владычество аваръ ограничивалось предѣлами Панноніи. Поэтому, тѣ славяне, которые испытывали на себѣ давленіе аваръ, и сохранили ихъ этническое названіе въ значеніи *великана* вообще, при чемъ, вѣроятно, это слово въ этомъ употребленіи перешло путемъ заимствования и къ такимъ племенамъ, которыя никогда не видѣли этихъ грозныхъ завоевателей. Разобраться въ этомъ теперь уже, вѣроятно, нѣтъ никакой возможности, но собственныя географическія названія, вѣроятно, даютъ болѣе точныя указанія на границы распространенія аварскаго племени. Впрочемъ, и здѣсь мы должны имѣть въ виду что племена, имѣвшія слово *обръ* въ значеніи великана, легко могли окрестить названіями, въ родѣ *обровы момлы*, и такія мѣстности, куда на самомъ дѣлѣ обры не заходили. Точную параллель этому превращенію этническаго имени въ нарицательное (въ значеніи *великана*) представляютъ наши слова: *исполинъ* (*столинъ*, ср. названіе народа *Spali* у Иордана, *Spalaei* у Плинія), *волотъ* (ср. *Обѣлти* у Птолемея) ²⁾, у нѣмцевъ слово *Hüte* (великанъ) стоитъ въ связи съ именемъ историческихъ *гунновъ* или какого-то древне-германскаго племени ³⁾. *Wanowe togli*, упоминаемые въ одномъ мекленбургскомъ документѣ 1232 г., ставятъ въ соотношеніе съ названіемъ славянъ у скандинавовъ (*vani*) и у нѣмцевъ (*Wenden*) ⁴⁾.

Но, съ другой стороны, нѣкоторыя данныя прямо указываютъ на распространеніе *аваръ*; ⁵⁾ таковы—урочище *Обровъ* въ Переяславской области, на которое указывалъ уже Мономахъ, с. *Оброво* въ Пинскомъ у., можетъ быть, *Обромжиле* во Владиславскомъ у. Большинство по-

¹⁾ Этихъ славянъ считаютъ независимыми отъ аваръ и Ягичъ (*ibid.* 56) и Рачки (стр. 234).

²⁾ Ср. *Krek*, стр. 252. О *велтахъ* см. статью А. Н. Веселовскаго «Мелкія замѣтки къ былинамъ». (Ж. М. Н. Пр. 1896, августъ) и статью Первольфа: «Slavische Völkernamen» (*Arch. f. sl. Phil.* VII—VIII т.)

³⁾ Kluge *Etym. Wörterb. d. deutschen Sprache.* 1894, стр. 775. Было высказано предположеніе, что гунами называлось догерманское населеніе сѣверной Германіи. См. Gebhardt, стр. 20.

⁴⁾ Уже Первольфъ въ статьѣ: „Polen, Ljachen, Wenden (*Archiv.* IV, стр. 66); недавно Брюкнеръ (22 томъ *Archiv'a*).

⁵⁾ Ср. мою замѣтку въ IV томѣ Извѣстій II Отд. Имп. Акад. Наукъ въ реченіи на книгу г. Нидерле.

добныхъ именъ можно, кажется, поставить въ связь съ распространеніемъ *дубовъ*, испытавшихъ на себя наиболѣе тяжкій гнетъ аварь.

Такимъ образомъ, если авары и оказали услугу славянству (какъ думаетъ проф. Успенскій въ книгѣ: «Первыя славянскія монархіи на юго-западѣ» 1872) тѣмъ, что распространеніе славянъ шло рядомъ съ завоеваніями аварь, то эта услуга стояла въ тѣсной зависимости отъ подчиненія имъ извѣстной части славянства. Иначе понимаетъ дѣло Бахманъ (*Geschichte Böhmens*. т. I 1899 стр. 75—76): по его мнѣнію, славянскія толпы хлынули въ Чехію, можетъ быть черезъ Моравію, убѣгая отъ новыхъ насильниковъ, аварь, или же по приказанію кагана. Аварскій гнетъ Бахманъ (тамъ же, стр. 84—85) представляетъ себѣ въ самыхъ мрачныхъ чертахъ. Я думаю, что, когда авары послѣ добровольнаго удаленія лангобардовъ изъ Панноніи (въ 568 г.) заняли эту страну, то вмѣстѣ съ ними здѣсь могли прочно водвориться и славяне. Вмѣстѣ съ аварами же эти послѣдніе проникли, вѣроятно, и далѣе на западъ, къ предѣламъ Баваріи, гдѣ мы застаемъ славянъ, находящихся подъ покровительствомъ кагана, уже въ 596 году.

Теперь обратимся къ дальнѣйшей исторіи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 6 вѣкѣ. Прежде всего укажемъ на любопытный рассказъ Теофилакта о встрѣчѣ императора Маврикія со славянами, происходившими изъ сѣверныхъ странъ. Идиллія, которая здѣсь нарисована, какъ ни мало она согласуется съ другими извѣстіями о славянахъ, послужила къ восторженному прославленію славянъ со стороны нѣкоторыхъ историковъ ¹⁾.

«На слѣдующій день (послѣ второго, т. е. на третій день по выѣздѣ имп. Маврикія изъ Цареграда) три мужа родомъ склавины, не имѣвшіе при себѣ ни желѣза, ни военнаго оружія, были захвачены ипастистами царя: ноша ихъ состояла въ киеарахъ; больше ничего съ собою не носили. Царь разспрашивалъ, какого они племени, гдѣ ихъ мѣстопребываніе, и по какой причинѣ странствуютъ они по римскимъ землямъ. А они отвѣчали, что родомъ склавины, что обитаютъ у предѣла западнаго океана; что хаганъ отправилъ въ ихъ страну посланниковъ для набора ратной силы и пожаловалъ много даровъ вождямъ народнымъ; что эти послѣдніе приняли дары, а въ союзѣ ему (хагану) отказали, увѣряя, что ихъ тревожитъ долгота странствованія; что къ хагану отправили они (вожди склавиновъ) этихъ самыхъ (теперь) людей съ объясненіями. Они (эти люди) совершили этотъ путь въ продолженіе 15 мѣсяцевъ; хаганъ же, забывая законъ о полахъ, далъ приказъ не пропускать ихъ обратно; а они, услыхавъ, что Римскій народъ, можно сказать, прославленъ богатствомъ и челоуѣколюбіемъ, улучивъ удобное время, отправились во Фракію. (Они еще сказали), что занимаются игрою на кифарѣ, потому что не обучены носить на себѣ оружіе, такъ какъ ихъ край не производитъ желѣза, и тѣмъ самымъ доставляетъ имъ жизнь мирную и безтревожную; что они поютъ (и играютъ) на лирѣ, потому что не умѣютъ играть на трубѣ: ибо кому война неизвѣстна, тѣмъ естественно сказать, что музыкальныя занятія лучше другихъ. Императоръ привязался къ этому племени за ихъ рассказы; удостоилъ гостепримства сихъ самыхъ людей, попавшихъ къ нему отъ варваровъ, и налюбовавшись на ихъ большой ростъ и на крупныя члены, отправилъ ихъ въ Ираклію».

¹⁾ Ср. *Собѣстіанскій*. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ. 1892, а также *Урсина* Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофилы. Спб. 1883.

Съ 553 по 575 годъ мы ничего не знаемъ по исторіи славянъ.

Въ 575 году славяне, по свидѣтельству Іоанна Биклярскаго, жившаго въ Константинополѣ съ 558 по 575 годъ, «разграбили во Фракіи множество римскихъ городовъ и, опустошивъ ихъ, бросили»; авары въ то же время грабили на судахъ берега Фракіи.

Въ 578 г. авары находятя въ союзѣ съ Византіей; между тѣмъ 100 тысячъ славянъ грабятъ Фракію, а оттуда проникаютъ въ Элладу. Современный свидѣтель, церковный сирійскій писатель 6-го в., Іоаннъ Эфесскій ¹⁾ рассказываетъ, что славяне, «проклятый народъ», прошли всю Грецію, Фессалию и Фракію, опустошая страну, овладѣвая городами и крѣпостями, обращая населеніе въ рабство; они сдѣлались господами всей страны и жили въ ней безъ страха, какъ въ своей собственной. Такъ прошли 4 года, до 582, въ которые имп. Юстинъ II былъ занятъ войною съ персами. Славяне въ это время производили грабежи до самой Константинопольской стѣны; цѣлые табуны императорскихъ лошадей были угнаны ими. И до сихъ поръ (584 г.) они еще живутъ тамъ безъ всякаго страха. Они стали богаты, имѣютъ много золота, серебра, табуны лошадей и оружіе и научились вести войны лучше самихъ римлянъ, «они, эти глупые люди, которые не дерзали показываться внѣ лѣсовъ и въ нелѣсныхъ мѣстностяхъ и не знали, что такое оружіе. Кромѣ двухъ или трехъ дротиковъ, у нихъ не было никакого оружія».

Византіи пришлось обратиться къ аварамъ съ просьбою помочь имъ справиться со славянами. Къ этому времени и относится тотъ гордый отвѣтъ князя Доврита, который былъ имъ данъ посламъ аварскаго хагана. Это было въ 579 году, когда авары подъ предлогомъ нападенія на Славянъ требовали отъ византійцевъ кораблей для переправы черезъ Дунай. Чтобы показать свою (мнимую) преданность императору, авары ссылались на то, что они даромъ вернули «тѣ многія тысячи плѣнныхъ, которыя были захвачены славянами» ²⁾.

Въ грамотѣ византійскаго патріарха Николая отъ 1081 г. говорится, на основаніи утеряннаго документа IX в., что авары покорили Пелопоннесъ и владѣли имъ въ продолженіе 218 лѣтъ до 807 г., когда были уничтожены съ помощью Св. Андрея. «Во все это время ни одинъ римлянинъ (вѣроятно, византійскій чиновникъ?) не смѣлъ и ногой вступить въ эту страну». Между тѣмъ извѣстно, что въ 807 г. были покорены здѣсь славяне; такимъ образомъ въ продолженіе двухъ вѣковъ это была земля совершенно славянская.

Вычитая изъ 807 218, мы получаемъ цифру 589, которая указываетъ на годъ занятія Пелопоннеса славянами. Въ виду того, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подъ аварами здѣсь подразумѣваются именно славяне, мы имѣемъ право сопоставить съ этимъ извѣстіемъ одно мѣсто изъ церковной исторіи Евагрія и рассказъ Теофилакта Симокатскаго (отъ 588 г.), говорящаго объ опустошеніи, постигшемъ Фракію со стороны славянъ (Τὸ... Γετικὸν τὰυτὸν δ'εἶπεῖν αἱ τῶν Σκλαβηνῶν ἀγέλαι). Евагрій говоритъ слѣдующее: «при этихъ обстоятельствахъ» ³⁾

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ и переводъ относящагося къ славянамъ (асклавинъ) отрывка находятя, между прочимъ, у Хвольсона. «Извѣстія о хозарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ Абу-Али Ахмеда Бенъ-Омаръ Ибнъ-Даста». 1869, стр. 136—138.

²⁾ *Hoff* (стр. 89) переводитъ: «die er den Slawen abgenommen». Текстъ (Рачки, стр. 229) не даетъ права утверждать, что авары отняли у славянъ ихъ плѣнныхъ.

³⁾ При этихъ обстоятельствахъ—относится къ землетрясенію, постигшему Антиохію 31 окт. 589 года.

авары дважды проникли до такъ называемой большой стѣны, завоевали и опустошили Сингидунъ (т. е. Бѣлградъ), Анхιάлъ (приморскій городъ во Фракіи) и всю Элладу, а также другіе города и укрѣпленія, все уничтожая и предавая пламени». Фальмерайеръ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, придаетъ особенное значеніе этимъ словамъ Эвагрія. По его мнѣнію, этотъ набѣгъ имѣется въ виду въ документѣ 807 года, когда славяне прочно засѣли въ Пелопоннесѣ. Такъ какъ это одно изъ главныхъ доказательствъ теоріи славянскаго элемента въ Греціи, то оно вызвало наиболѣе горячее возраженіе со стороны ученыхъ, не раздѣляющихъ взглядовъ Фальмерайера. Такъ, Гопфъ (стр. 91) рѣшительно относитъ патетическое восклицаніе Эвагрія къ аварскимъ набѣгамъ 583 и 586 годовъ. Онъ убѣжденъ въ томъ, что подъ Элладой Эвагрій, человекъ невѣжественный въ вопросахъ географіи, подразумѣвалъ не Грецію, такъ какъ дальше Фракіи славяне будто бы не проникали, но «всего вѣроятнѣе, какой-нибудь городъ или крѣпость», а можетъ быть, «онъ перенесъ античное названіе собственной Греціи на фракійско-македонскія провинціи Римской имперіи». На это Фальмерайеръ ¹⁾ возразилъ, что сирійскій писатель VII вѣка писалъ, конечно, безъ всякихъ ученыхъ пріемовъ, не сличая документовъ и не обложившись картами и руководствами; «вниманіе ученаго жителя Антиохіи могли возбудить только сцены крайняго разрушенія (des äussersten Ruines) и общей гибели; но ясныхъ понятій и генетически связанныхъ сообщеній относительно политическихъ событій на иллирійскомъ континентѣ, какъ у Фукидида, отъ азіата этихъ временъ нельзя ни требовать, ни ожидать». Такимъ образомъ, по мнѣнію Фальмерайера, въ понятіе «всей Эллады» Эвагрій включилъ и Пелопоннесъ. Въ 592 году хаганъ, задумавъ устремиться на Византію, приказалъ славянамъ выстроить суда для переправы черезъ Дунай и Саву, при чемъ жители Сингидона старались всячески препятствовать имъ.

Къ 595 году относится слѣдующее мѣсто изъ исторіи Павла Діакона (кн. IV, гл. 7): «въ эти дни Тассило былъ назначенъ Хильдебертомъ, франкскимъ царемъ, царемъ Баваріи. Вскорѣ послѣ этого онъ вступилъ съ войсками въ предѣлы славянъ (in Sclavorum provinciam) и, одержавъ побѣду, вернулся домой съ огромной добычей». О второй спибкѣ славянъ съ баварцами въ слѣдующемъ (596) году, когда на помощь къ первымъ пришелъ хаганъ, мы уже упоминали. Въ 597 году хаганъ опять приказываетъ славянамъ строить для него суда. Вотъ это извѣстіе.

Геоф. Сим. «Итакъ хаганъ приказываетъ славянамъ изготовить множество людей для того, чтобы сдѣлать Истръ удобнѣе для переправы. Жители же Сингидона, частыми нападеніями разрушаютъ работу славяновъ и предають ихъ суда огню. Вслѣдствіе этого варвары осадили Сингидонъ, и этотъ городъ, достигнувъ до крайняго бѣдствія, имѣлъ лишь скудную надежду на спасеніе. На седьмой день хаганъ велѣлъ варварамъ прекратить осаду и итти къ нему. Варвары послушались его и онъ оставилъ городъ, взявъ съ него двѣ тысячи золотыхъ дариковъ, золотой (позолоченный) столъ и одежду. Перешедъ пять парасангъ, хаганъ расположился станомъ при Мурсіи и велѣлъ множеству славяновъ строить суда для переправы на нихъ черезъ рѣку, именуемую Саемъ: итакъ онъ самъ собирался (настаивалъ) въ походъ, а они согласно его приказу готовили суда къ переезду.

¹⁾ Fragmente aus dem Orient. 2 изд. 1877, стр. 506—509.

Такъ обыкновенно происходитъ, когда есть страхъ приставленныхъ командировъ. Какъ скоро были сооружены и изготовлены суда для варваровъ, толпа варварская переправилась черезъ тамошнюю рѣку. Отрядивъ часть своей силы, хаганъ велѣлъ ей выбѣжать впередъ и появленіемъ своимъ устрашить римлянъ. Царь избралъ воеводою европейскимъ Приска, подкрѣпивъ его нарочными отрядами».

Въ 597 г. славяне появились около Солуни. Въ это время солуняне праздновали день своего патрона, св. Димитрія. По свидѣтельству источниковъ, славяне оказываются культурнымъ народомъ, они знаютъ всѣ современные усовершенствованія—стѣнныя машины (подробно объ этомъ Дриновъ, стр. 114—115), они появляются совершенно неожиданно передъ лицомъ своихъ враговъ. Славяне дѣлались все страшнѣе и опаснѣе. Императоръ Маврикій (582—602) устремилъ все свое вниманіе на то, чтобы усмирить дакійскихъ славянъ, и въ 593 году направилъ своего лучшаго полководца Приска по ту сторону Дуная. Для лучшей борьбы со славянами, онъ составилъ стратегическое руководство въ 12 книгахъ, въ которомъ даетъ интересныя свѣдѣнія о бытѣ славянъ. Вотъ что отъ разсказываетъ.

Стратегія кн. XI, гл. 5 «Какъ надлежитъ сражаться съ склавинами, антами и подобными».—«Народы склавскіе и антскіе имѣютъ одинаковый образъ жизни и одинакіе нравы, они свободны, никакъ не поддаются рабству или господству, особенно въ собственной землѣ; они многочисленны, выносливы, легко выдерживаютъ и зной, и стужу, и дождь, и наготу тѣла, и недостатокъ въ продовольствіи. Они ласковы съ гостями своими и, принимая ихъ, радушно берегутъ отъ одного мѣста до другого, которое тѣ ищутъ (т. е. куда направляются); такъ что, если по безпечности принявшаго къ себѣ случится вредъ гостю, то сдавшій гостя на руки заводитъ съ тѣмъ лицомъ войну, почита дѣломъ священнымъ отмстить за гостя. Проживающихъ у нихъ въ плѣну не держатъ они въ рабствѣ на неопредѣленное время, подобно прочимъ народамъ; но назначая имъ опредѣленный срокъ, представляютъ на ихъ усмотрѣніе ¹⁾, пожелають ли возвратиться во-свои по выкупу, или же оставаться на мѣстѣ свободными и друзьями. У нихъ водится множество всякаго скота и лежитъ въ зародахъ много разныхъ хлѣбовъ, особенно проса; жены ихъ цѣломудренны выше природы челоувѣческой, до такой степени, что большая часть ихъ смерть мужей своихъ принимаютъ за собственную смерть и добровольно удавливаются, считая вдовью жизнь не въ жизнь. Они населяютъ неудобопроходимые лѣса и рѣки, болота и озера и устраиваютъ въ жилищахъ своихъ разнообразныя выходы по причинѣ бывающихъ съ ними всевозможныхъ случаевъ. Они зарываютъ нужныя вещи въ потаенномъ мѣстѣ, на виду же не держатъ ничего лишняго, и, ведя образъ жизни разбойничій, они любятъ совершать свои предпріятія противъ враговъ въ мѣстахъ заросшихъ, тѣсныхъ и крутыхъ. Они ловко дѣйствуютъ засадами, внезапными вылазками и хитростями, обманывая многоразличными способами днемъ и по ночамъ. Они опытнѣе всѣхъ людей въ переправѣ черезъ рѣки и съ твердостью высиживаютъ въ водѣ, такъ что часто нѣкоторые изъ нихъ, находясь у себя, случайно захваченные въ распlochъ, погрузившись въ глубъ водную держатъ во рту, нарочно для этого выдѣланныя, длинныя, насквозь просверленные тростинки, доходящія до поверхности воды и лежа навзничъ на днѣ, дышатъ они че-

¹⁾ Это мѣсто послужило также поводомъ къ прославленію славянскаго національнаго характера. Ср. книгу Собѣстіанскаго

резь эти тростинки; этого имъ довольно на многіе часы, такъ что нѣтъ ни малѣйшаго подозрѣнія, чтобы они были тутъ. Если же случится, что тростинки видны снаружи, то для неопытныхъ они, кажется, сливаются съ водой. Поэтому люди, въ томъ дѣлѣ опытные, распознавая такія тростинки по надрѣзу и по положенію, либо затыкаютъ ими ротъ (дышащимъ черезъ нихъ), либо, вырвавъ, вытягиваютъ изъ воды, при чемъ они болѣе не въ силахъ удерживаться въ водѣ. Они вооружены малыми дротами, каждый мужчина двумя, а нѣкоторые изъ нихъ и щитами, крѣпкими, но съ трудомъ передвигаемыми ¹⁾; они употребляютъ также и деревянные луки и малыя стрѣлки, намазанныя ядомъ, производящимъ свое дѣйствіе, если раненый не предупредитъ это дѣйствіе приѣмомъ противоядія, или другими пособіями, извѣстными ученымъ врачамъ, или же, если рана не будетъ обрѣзана для того, чтобы ядъ не заразилъ и остального тѣла. — Не имѣя начальства и ненавидя другъ друга, эти народы ни порядка не знаютъ, ни драться въ рукопашную не умѣютъ, и не показываются на открытыхъ и гладкихъ мѣстахъ. Когда же во время сшибки появится въ нихъ отвага, то, разомъ крикнувъ, они подвигаются понемногу впередъ; и если противники отступятъ по ихъ голосу, то они сильно наступаютъ: если же не отступятъ, то ворочаются, не сѣша перевѣдаться руками съ силою своихъ враговъ. Они бѣгутъ къ лѣсамъ, отъ которыхъ получаютъ большую помощь, такъ какъ они ловко бьются въ тѣсныхъ мѣстахъ. Такъ, нерѣдко, неся съ собою добычу, они при небольшой тревогѣ бросаютъ ее и бѣгутъ къ лѣсамъ; а пока нападающіе возятся съ этой добычей, тѣ, легко оправившись, наносятъ имъ вредъ. И на это они ухищряются многообразно и добровольно для заманки своихъ противниковъ. Они совершенно вѣроломны и несогласны между собою въ договорахъ и подчиняются скорѣе страху, чѣмъ подаркамъ. Ибо такъ какъ между ними господствуютъ различныя мнѣнія, то они либо не соглашаются, либо, если и согласятся, то живо нарушаютъ рѣшенія: всѣ они между собою противоположныхъ мыслей и одинъ другому не хочетъ уступить. Досаждаютъ имъ въ битвѣ удары стрѣлъ, внезапныя противъ нихъ предпріятія, нападенія съ разныхъ сторонъ, бой пѣхотинцевъ и особенно легковооруженныхъ и, наконецъ, мѣстности, открытыя и просторныя».

Далѣе приведемъ рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ славянъ и аваровъ.

«Царь говорилъ Приску, что варвары не утихнутъ, пока римскія войска не будутъ накрѣпко оберегать Истру. (Далѣе описанъ походъ къ Истру; въ Доростолѣ Кохъ, посланный хаганомъ, заносчиво объявляетъ Приску, что хаганъ считаетъ этотъ походъ нарушеніемъ договора). Не возражая на его дерзости, Прискъ сказалъ, что война предпринята противъ склавиновъ, что мирнымъ договоромъ съ аварами не прекращается война съ гетами».

«Выстроивъ суда, воевода на 12-ый день переправился черезъ рѣку. Услыхавъ, что Ардагастъ ²⁾ вывелъ толпу склавиновъ изъ ихъ жилищъ на добычу, Прискъ напалъ на нихъ среди ночи. Ардагастъ, разставшись съ своими сповидѣніями, отрѣзавшись отъ сильнаго опьяненія, сѣвши на неосѣдланнаго коня, ускакалъ. Потомъ, встрѣтившись

¹⁾ По словамъ Ибнъ-Даста (начало 10 в.), «вооруженіе ихъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другого оружія они не имѣютъ».

²⁾ «Радгастъ, правитель одной изъ прибрежныхъ славянскихъ областей которую побѣдители страшно опустошили». Дриновъ, стр. 110.

съ римлянами, онъ сошелъ съ коня и предпочелъ биться въ рукопашную. Онъ не былъ въ состояніи выдерживать напоръ и убѣжалъ чрезъ трудно проходимое мѣсто: сама природа научила его такимъ быстрымъ движеніямъ. Но злая участь досталась ему: онъ наткнулся на огромный пенъ; чрезъ это онъ могъ бы сдѣлаться добычей преслѣдователей и очень желанною добычей, если-бъ не спасла его рѣка: переплывъ ее, онъ спасся отъ бѣды. Римляне раззорили область Ардагаста и, наложивъ деревянное ярмо на плѣнниковъ, отправили ихъ въ Византію. Тогда Прискъ сталъ для войска причиною соблазна: онъ назначилъ первую треть добычи царю; вторую—старшему сыну царскому, затѣмъ долю и прочимъ царскимъ дѣтямъ. (Этотъ поступокъ возбудилъ въ войскѣ ропотъ, едва укрощенный Прискомъ). Такимъ образомъ Прискъ, одержавъ верхъ словомъ, отправилъ къ царю плоды трудовъ, представивъ къ добычѣ 300 воиновъ подъ начальствомъ Татимера. Пустившись въ путь въ Византію, Татимеръ на шестой день встрѣтился съ склавинами и тѣмъ попалъ въ неожиданную опасность, потому что варвары напали на него, когда онъ среди дня стоялъ лагеремъ свободно и беззаботно, а кони паслись на травѣ. Вдругъ поднялись крики, и такъ какъ римляне были не на коняхъ, то Татимеръ выбѣжалъ съ немногими и, очутившись возлѣ варваровъ, попалъ въ великую бѣду. Не бывъ въ состояніи выдержать неравный бой, онъ бросился бѣжать и, поражаемый ударами несмертельными, едва избѣгалъ опасности. По прибытіи римской пѣхоты и по спасеніи Татимера, продолжалась война противъ склавиновъ. Итакъ была дана сильная битва, въ которой римляне одержали верхъ надъ склавинами, многихъ истребили, взяли въ плѣнъ пятьдесятъ варваровъ, возвратились въ окопы, спасли римскую добычу отъ склавиновъ. Татимеръ, нѣсколько оправившись, отправился въ Византію, ведя съ собою превосходную добычу. Царь обрадовался случившемуся и отслужилъ всенощную въ величайшемъ Божьемъ храмѣ столицы; потомъ вмѣстѣ съ народомъ, воздавъ Богу моленія, просилъ Его о дарованіи еще славнѣйшихъ побѣдъ. Военачальникъ Прискъ велѣлъ на слѣдующій день нѣсколькимъ челоувѣкамъ выступить впередъ и усмотрѣлъ, что въ томъ краѣ нѣтъ непріятелей: поэтому, и приказалъ Александру съ утра итти чрезъ рѣку Иливакію (Яломниці). Александръ переплылъ чрезъ рѣку, встрѣтился съ склавинами. Варвары увидали непріятельскія лица и убѣжали къ близъ лежащимъ бологамъ и въ лѣсъ. Римляне рѣшили ихъ поймать. Они втиснулись въ тину, завязали въ ней; попали они въ безвыходную бѣду, и весь отрядъ погибнулъ бы, если бы Александръ не послѣдилъ вывести римлянъ изъ болота. Отрядначальникъ Александръ окружилъ это мѣсто, пытался предать непріятелей пламени. Но пламя ослабѣвало отъ сырости, и нападеніе Александра было неудачно. У варваровъ находился гипедъ, когда то бывший христіаниномъ; перебѣжавъ къ римлянамъ, онъ указалъ имъ входъ, и они, овладѣвши входомъ, побѣдили варваровъ. Александръ, подвергнувъ пыткѣ варваровъ, спрашивалъ ихъ, откуда они родомъ, а варвары, впавъ въ ожесточеніе, выдерживали муки до смерти, перенося ихъ такъ, какъ будто боль отъ бичей касалась чужого тѣла. Гипедъ же все рассказалъ, сообщилъ все въ подробности, утверждая, что взятые въ плѣнъ подируются Мусокію, а это на языкѣ варваровъ означаетъ князя; что этотъ Мусокій живетъ впекеди чрезъ тридцать парасангъ; что взятыхъ въ плѣнъ людей отправлялъ онъ лазутчиками для осмотра римской силы; что онъ слышалъ о бывшемъ незадолго съ Ардагастомъ несчастіи. Гипедъ побуждалъ римлянъ сдѣлать общее нападеніе и захватить вар-

вара внезапною натиска. Александръ, пришедъ къ Приску, привелъ съ собою варваровъ, которыхъ военачальникъ и отдалъ на избіеніе. Итакъ, тотъ варваръ гиедъ приходитъ къ воеводѣ и сообщаетъ ему замыслы варваровъ, побуждая его напасть на нихъ. Гиедъ въ удостовѣреніе успѣха ссылался на то, что онъ обманываетъ варвара. Съ радостью принявъ эти слова, умасливъ переметчика дорогими подарками и закрѣпивъ его блестящими обѣщаніями, Прискъ отправилъ его обмануть варвара. Вотъ гиедъ прибылъ къ Мусокію, испросилъ у него множество однодеревокъ для переправы потерпѣвшихъ бѣду съ Ардагастомъ. Мусокій, считая за какую-то награду хитросплетеніе обмана, далъ гиеду однодеревокъ для спасенія спутниковъ Ардагаста. Итакъ, получивъ полтораста лодокъ съ тридцатью гребцами, гиедъ прибылъ на противоположную сторону рѣки, именуемой мѣстными обитателями Паспиріемъ. Прискъ, какъ было условлено, съ утра выступилъ въ путь. Гиедъ же тайкомъ отъ пришедшихъ съ нимъ, посреди ночи, идетъ къ римскому полководцу и проситъ отпустить съ нимъ сто оплитовъ, чтобы не губить остріемъ меча находившихся на берегу варваровъ. Полководецъ, снарядивъ 200 мужей, отдалъ ихъ таксіарху Александру. По приближеніи римскаго отряда къ рѣкѣ Паспирію, гиедъ поставилъ Александра въ засаду. По случаю ночи варваровъ клонило ко сну, съ перешою имъ грезилось во снѣ. Гиедъ скрывалъ отъ варваровъ (предстоявшую имъ) гибель. Въ третью стражу, на короткое время, съ чѣмъ то онъ ушелъ и, прибывъ къ засадѣ, вывелъ изъ отряда Александра. Такимъ образомъ направивъ римлянъ къ рѣкѣ Паспирію, получивъ и давъ пароль, выступилъ на варваровъ. Еще варвары погружены были въ сонъ, когда гиедъ аварскими пѣснями подаль условленный знакъ Александру, который, напавъ на варваровъ, лишилъ ихъ сна и жизни. Овладевъ ладьями, онъ отправилъ вѣстовыхъ къ военачальнику, для усиленія стремительности натиска. Прискъ, взявъ съ собою три тысячи челоувѣкъ, рассадилъ ихъ по ладьямъ и переправился чрезъ рѣку Паспирій. Среди ночи приступилъ онъ къ нападенію. Варваръ (т. е. вождь) отъ пьянства былъ не въ своемъ умѣ, ибо онъ въ этотъ день справлялъ тризну по умершемъ братѣ, какъ у нихъ въ обычаѣ. Страхъ насталъ великій. Варваръ, (вождь) забранъ живымъ. Римляне всю ночь провели въ кровопролитіи. Какъ разсвѣло, воевода положилъ конецъ убійству. Въ третьемъ часу воевода переправилъ и войско, и добычу. Итакъ римляне, возгордившись случившимся, возлегли обѣдать, потомъ запили и пьянствомъ повредили успѣху; они не позаботились о караулѣ, именуемомъ обыкновенно римлянами на родномъ языкѣ «скулкою». Побѣжденные, собравшись, выместили римлянамъ, нападеніе, и отмстка пересилила бы удачу, если бы Генцонъ не подвелъ пѣхоты и не одержалъ бы верхъ. Прискъ съ утра же начальниковъ караула посадилъ на козъ, а нѣкоторыхъ изъ войска сильно отбичевалъ.

Царь прислалъ къ военачальнику Татимера съ царскими грамотами, содержащими въ себѣ приказъ римлянамъ перезимовать на томъ мѣстѣ. Когда прибылъ Татимеръ, и царскія рѣчи стали извѣстны, въ войскѣ вспыхнулъ бунтъ. Взбунтовалась римская толпа, отвергла слово самодержца и собиралась провести холодную пору дома, а никакъ не проживать на землѣ варварской. Говорили, что предстоитъ стужа невыносимая, а что полчища варваровъ неодолимы. Но начальникъ военнымъ краснорѣчіемъ смягчилъ необузданность толпы. По укрощеніи ихъ онъ расположилъ окопы въ землѣ варварской.

Царь отрёшил военачальника и назначилъ вождемъ римскихъ силъ брата (своего) Петра. Прискъ еще не имѣлъ объ этомъ свѣдѣнiя; поднявъ войска, переправился онъ черезъ рѣку, ибо толпа не терпѣла того, чтобы жить въ варварской сторонѣ: она боялась, что варвары, внезапно поднявшись, унесутъ добычу. Хаганъ, узнавъ о переходѣ римскихъ силъ, очень былъ удивленъ; отправилъ къ Приску вѣстниковъ, желая узнать причину его удаленiя. Прискъ какими то правдоподобными объясненiями провелъ его. Черезъ три дня возвращено Приску, что хаганъ собирается напасть на римскiя войска, и приказываетъ сонмищамъ склавиновъ переправиться черезъ Истръ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ очень сердился и злобился на успѣхъ римскихъ силъ; но Таргитiй и вельможи изъ варваровъ уговаривали хагана прекратить войну, ибо они утверждали, что онъ несправедливо сердится на римлянъ. Тогда Прискъ съ высококомѣриемъ отправилъ къ хагану посломъ Θεодора, человѣка отъ природы ловкаго, находчиваго и бойкаго на языкъ, званiемъ врача. Θεодоръ самоувѣренно шелъ къ хагану. Варваръ, гордясь своими удачами, черезчуръ заносился, называлъ себя владыкою всякаго народа и утверждалъ, что пока солнце простираетъ свои взоры, нѣтъ того, кто бы могъ ему противиться. По этому посланику, очень свѣдущiй въ исторiи, примѣрами посбилъ стѣсь варварскую. (Слѣдуетъ рассказъ Θεодора о томъ, какъ Сезострисъ, впрягавшiй въ свою колесницу плѣнныхъ царей, получилъ отъ одного изъ нихъ урокъ, что счастье человѣка вращается, подобно колесамъ этой колесницы, пересталъ впрягать царей и сталъ впрягать лошаковъ). Изъ этого поучайся хаганъ: ничто такъ не измѣнчиво, какъ благополучiе. Хаганъ, удивленный кротостiю этого мужа (т. е. Сезостриса), подавилъ надменность, укротилъ дерзость и склонилъ дѣло на мировую.

Промолчавъ нѣсколько часовъ, онъ сказалъ Θεодору: я умѣю повелѣвать разжигающей яростiю, умѣю и гнѣвъ побѣждать, но теперь я больше не сержусь на Приска, Θεодоръ. Пусть же и онъ будетъ для меня другомъ; да не останется хаганъ безучастнымъ въ добычѣ: на мою землю онъ напалъ, передъ моими подданными провинился, пусть же и плодъ благополучiя будетъ общiй.—На такихъ условiяхъ, помирившись съ Прискомъ, хаганъ отпустилъ Θεодора. Посоль, возвратившись къ Приску, передалъ ему рѣчи варвара, а Прискъ на слѣдующiй день созвалъ собранiе и совѣтовалъ римлянамъ принять и варвара въ долю при раздѣлѣ добычи. Но римляне тогда, не останавливаясь на полезномъ, противились воеводѣ. Воевода многочисленными, разнообразными и превосходными доводами уговорилъ войска дать варвару кое-что изъ добычи. Римляне рѣшили спорный вопросъ отдачею хагану положенныхъ варваровъ, и онъ отказался отъ участiя въ остальной корысти. Довольный возвращенiемъ ему варваровъ, хаганъ допустилъ переходъ (черезъ свою землю). Такимъ то образомъ римляне, сдавъ хагану даромъ пять тысячъ варваровъ, пошли въ Дризиперы. Воевода отправился въ Византию. Маврикий укорялъ Приска, обвинялъ его въ глупости за безрасудное возвращенiе добычи варвару.

Изъ кн. VII, гл. 2. На четвертый день Петръ донесъ императору о возстанiи войска. Оставивъ Одисъ, онъ пошелъ къ странамъ, лежащимъ на западъ, и прибывъ въ городъ Маркiоновъ, велѣлъ тысячи воинамъ итти впереди армiи. Они встрѣтились съ шестью стами склавиновъ, которые тащили большую римскую добычу; опустошивъ Залдапы, Акiй и Скопiю, они снова грабили несчастныхъ. Забранная ими добыча наполняла огромный обозъ. Какъ скоро варвары завидѣли надтигавшихъ ихъ римлянъ, а потомъ и сами были ими усмотрѣны,

обратились на убіеніе своихъ плѣнниковъ: такимъ образомъ весь мужескій полъ истребленъ отъ мала до велика. Такъ какъ встрѣча оказалась для варваровъ неизбѣжною, то они, сдвинувъ повозки, окружили себя окопами, помѣстивъ *женщинъ вмѣстѣ съ ребятами* въ самую средину окопа. Римляне, приблизившись къ гетамъ (таково древнѣйшее названіе этихъ варваровъ) не осмѣлились вступить въ драку, боясь дрововъ, пускаемыхъ варварами изъ-за окопа въ ихъ лошадей. Начальникъ ихъ, именемъ Александръ, на отечественномъ римлянамъ языкѣ приказывалъ римлянамъ отвѣдать военныхъ опасностей въ рукопашную. Поэтому римляне, сплотившись, подошли къ окопу, посылали и принимали стрѣлы. Стычка продолжалась съ обоюдной силой. Одинъ римлянинъ прыгнулъ за окопъ и, усилившись, взлѣзъ на повозку, примыкавшую къ окопу и оберегавшую варваровъ, а потомъ, ставъ на нее, мечемъ поражалъ приближающихся. Это была для варваровъ бѣда безвыходная; римляне этимъ уничтожили окопъ, варвары же, отрекаясь отъ спасенія, перерѣзали и остальную часть полоненныхъ. Римляне, крѣпко налегши, нескоро и съ трудомъ перебили бывшихъ около окопа варваровъ. На второй день побѣдители донесли воеводѣ о случившемся. На пятый день воевода, прибывши къ этой мѣстности и увидавъ успѣхъ передового отряда, вознаградила дарами отличившихся. На слѣдующій день, собравшись на охоту, Петръ подошелъ къ дремучему лѣсу. Въ той долигѣ жилъ огромный кабанъ, который при сильномъ лаѣ собакъ выбѣжалъ изъ логовища и устремился на Петра. Воевода поворотила коня для того, чтобы ускакать, и наткнувшись на высокое дерево, помялъ себѣ лѣвую ногу. Мучимый невыносимыми болями, Петръ пробылъ на этомъ мѣстѣ, крайне страдая отъ такого приключенія. А кесарь, досадуя на проволочку, удивляясь бездѣйствію на войнѣ, въ письмахъ осыпалъ воеводу бранью. Петръ, не перенося оскорбительныхъ писемъ отъ императора, еще удручаемый тяжкимъ недугомъ, передвинулъ окопы, и миновавъ четыре стоянки, пришелъ къ мѣстопребыванію склавиновъ. На десятый день императоръ Маврикій отправилъ царскую грамоту брату своему съ приказомъ оставаться во Фракіи: ибо Маврикій слышалъ, что полчища склавиновъ устремляются на Византію. Поэтому воевода направился къ крѣпости Писту, а потомъ прибылъ къ Залдапамъ ¹⁾...

Петръ нападеніемъ на болгаръ (это авары) среди мира побудилъ ихъ къ битвѣ, которую и проигралъ; хаганъ черезъ пословъ своихъ обвинялъ Петра въ нарушеніи мира. Петръ, оправдываясь невѣдѣніемъ, успокоилъ хагана дарами. Послѣ того на четвертый день приблизился онъ къ сосѣдней рѣкѣ и, собравъ 20 человекъ, послалъ ихъ, чтобы переправиться черезъ рѣку и разузнать о движеніяхъ непріятелей. Переправившись черезъ рѣку, всѣ они были пойманы, а способъ поимки былъ слѣдующій: у воиновъ, снаряженныхъ на соглядатайство, обычай такой, чтобы постоянно дѣлать марши по ночамъ, а съ разсвѣтомъ предаваться сну. Вотъ и они, совершивъ наканунѣ большой походъ, физически утомленные, на зарѣ легли отдыхать въ ближнемъ кустарникѣ. Въ третьемъ часу, когда всѣ спали и никого не было на караулѣ, подступили къ кустарнику варвары. Склавини, слѣзши съ коней, рѣшились освѣжиться и дать отдыхъ конямъ; такимъ образомъ мимоходомъ накрываютъ они римлянъ. Несчастные, замученные живьемъ, были до-

¹⁾ По мнѣнію Шафарика, городъ Залдапа находился почти тамъ, гдѣ нынѣ развалины Дикалика на Дунаѣ, между Русукомъ и Кривиною; Пистъ соответствуетъ Русуку.

прошены о намѣреніяхъ римлянъ. Утративъ надежду на спасеніе, они все пересказали. Пирагастъ, начальникъ этого племени варваровъ, собравъ силу, сталъ лагеремъ у рѣчной переправы и незамѣтною ягдокой затаился въ лѣсу.

Гл. 5. А воевода, братъ императора, вовсе не полагая, что съ той стороны есть враги, велѣлъ войску переправляться черезъ рѣку. Тысяча человекъ, переѣхавшихъ рѣку, всѣ были избиты варварами. Свѣдавъ о томъ, воевода настоялъ, чтобы полки совершали переправу не въ разсыпную; но разомъ для того, чтобы при отдѣльныхъ переѣздахъ черезъ рѣку не попадаться въ добычу противникамъ.

Когда римскіе полки устроились такимъ образомъ, то варвары расположились по берегу рѣки. Римляне стрѣляли въ варваровъ съ лодокъ; они, не будучи въ состояніи переносить множество посылаемыхъ стрѣлъ, оставили берегъ. Тутъ убитъ ихъ начальникъ, только что названный здѣсь Пирагастъ. Стрѣла попала ему въ бокъ, рана была смертельная, и онъ умеръ. Едва палъ Пирагастъ, непріатели обратились въ бѣгство. Такимъ образомъ Римляне овладѣли берегомъ рѣки: потомъ истребленіемъ множества варваровъ вынудили ихъ продолжать бѣгство; но по недостатку въ конницѣ не находя возможности долго за ними гнаться, возвратились къ окопамъ.

На слѣдующій день долго блуждали колонновожатые, отчего и не хватило воды, и бѣдствіе продолжалось. Войско, не будучи въ состояніи выносить недостатокъ въ водѣ, утоляло жажду мочею. На третій день эта бѣда все продолжалась, и погибла бы вся армія, если бы одинъ захваченный варваръ не указалъ имъ на рѣку Иливакій, отстоящую отсюда на четыре парасанга. Такимъ то образомъ римляне съ утра нашли воду; итакъ одни, припавъ на колѣна, губами жадно тянули воду; другіе, наклонившись, черпали ее руками, третьи—сосудами. Но такъ какъ на противоположномъ берегу стоялъ густой лѣсъ, въ которомъ спрятались варвары, то и приключился римлянамъ великій вредъ: варвары метали дроты въ достающихъ себя воду, и изъ невиднаго мѣста происходило большое истребленіе народа. Пришлось выбирать одно изъ двухъ: либо отказаться отъ воды и умереть отъ жажды, либо вмѣстѣ съ водою зачерпнуть смерти. Римляне построили суда и переправились черезъ рѣку для накрытія непріателя. Какъ скоро войско достигло противоположащаго берега, то варвары, напавъ совокушно, разбили римлянъ, и римляне побѣжденные обратились въ бѣгство.

Такъ какъ Петръ былъ разбитъ варварами, то воеводою назначенъ Прискъ. Петръ же, отрѣшенный отъ команды, возвратился въ Византію.

Кн. VII. гл. 15. На слѣдующій день варваръ, устроивъ миръ, глядѣлъ ужъ, какъ бы удалиться; хаганъ говорилъ отъ слова до слова такъ: «Суди Боже между Маврикіемъ и хаганомъ, между аварами и римлянами». Онъ обвинялъ императора въ нарушеніи мира, и несправедливы эти слова, ибо въ самомъ дѣлѣ, римляне, ставъ нарушителями и виновниками войны, впали въ означенныя бѣдствія: послѣдствія дурныхъ начинаній бываютъ неблаговидны. Границею между римлянами и аварами объявленъ Истръ; разрѣшено переправляться черезъ эту рѣку противъ славянъ; прибавлено еще двадцать тысячъ золотыхъ противъ прежнихъ условій. Такимъ то образомъ окончилась война между аварами и римлянами. (Это было въ 599 году).

Кн. VIII, гл. 5. Съ наступленіемъ лѣта до Маврикія императора доходитъ слухъ, что хаганъ нарочно отложилъ войну съ тѣмъ, чтобы общимъ движеніемъ напереть на окрестности Византіи, пока римское

войско будетъ кое-гдѣ бродить. Поэтому Маврикій приказываетъ воеводѣ выступить изъ Адрія на поля. Петръ, собравшись походомъ на полчища славяновъ, писалъ къ Воносу: это былъ человекъ знаменитый изъ тѣлохранителей царскихъ, каковой обыкновенно въ людяхъ называется скривномъ. Ему то надлежало въ то время служить воеводѣ Петру. Смыслъ письма былъ такой: снабдить римскими судами войско для переправы черезъ рѣку. Надъ сими войсками Петръ назначилъ подвоеводу (ипостратигомъ) Гундуина. Итакъ Гундуинъ, перешедъ рѣку, перебилъ остріемъ меча множество непріятелей и, завладѣвъ большою добычею, стяжалъ великую славу.

Римляне покушались было возвратиться черезъ рѣку восвояси. Но Гундуинъ нѣкоторое время препятствовалъ имъ привести это въ исполненіе. Между тѣмъ хаганъ, узнавъ о нападеніи Римлянъ, выслалъ Апсиха съ войскомъ—для истребленія артовъ, народа состоявшаго въ союзѣ съ Римлянами.

Гл. 6. Пока это происходило, нѣсколько полчищъ аваровъ отпали и торопились перебѣжать на сторону императора. По этому слуху встревожился хаганъ, перепугался и былъ весь въ замыслахъ и соображеніяхъ, (придумывая) различные способы къ возвращенію отложившихся силъ.

Такъ какъ наступала пора осенняя, и императоръ Маврикій безпокойно требовалъ отъ Петра, чтобы римскія силы провели время зимнее въ земляхъ славянскихъ, римляне же тяготились этимъ требованіемъ царя, какъ по причинѣ самой добычи, такъ и по причинѣ малочисленности конницы, да еще и потому, что въ краяхъ по ту сторону Истра бушевало множество варваровъ; воевода же настаивалъ на царскомъ приказѣ; посему и разразился въ войскахъ мятежъ». Солдаты двинулись къ столицѣ, которая перешла на ихъ сторону. Маврикій и его сыновья были казнены. Центуріонъ Фока, начальникъ мятежа, былъ провозглашенъ императоромъ.

Мы довели исторію славянъ до конца VI вѣка. Изъ множества приведенныхъ нами фактовъ явствуетъ, что къ концу VI вѣка славяне проникли на западъ до Истріи и до Баваріи, на востокъ въ старую Дакию сумѣли отстоять свою независимость и отъ императора, и отъ аваръ, на югъ проникли до Пелопоннеса включительно, а на Балканскомъ полуостровѣ, прочно водворившись, сдѣлали большіе успѣхи въ культурномъ развитіи. Для начала VII вѣка въ нашемъ распоряженіи есть нѣсколько извѣстій, которыя, не давая ничего существенно новаго, рассказываютъ о новыхъ нашествіяхъ славянъ на имперію. Это—сообщеніе Павла Діакона о томъ, какъ Агилульфъ въ 603 году осаждалъ Кремону «со славянами, которыхъ послалъ ему на помощь Каганъ (сасанус), царь Аварскій», въ 611 году, по свидѣтельству того же историка, славяне страшно разграбили Истрію, перебивъ солдатъ, а еще въ 610 году Гарибальдъ, сынъ Баварскаго герцога Тассилона, былъ на голову разбитъ славянами при городѣ Агунтъ (теперь Иннихенъ на рѣкѣ Дравѣ); славяне разграбили его страну, но скоро баварцы прогнали ихъ. Наконецъ къ первымъ годамъ царствованія императора Ираклія (610—641) относятся слѣдующія слова Исидора Севильскаго (†636) ¹⁾: въ въ самомъ началѣ царствованія Ираклія, на пятомъ году этого царствованія, славяне отняли у римлянъ Грецію, персы же Сирію, Египетъ и многія другія области». Сопоставивъ эти слова съ тѣмъ, что

¹⁾ О немъ см. Ad. Ebert. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande bis zum Beginne des XI Jahrhunderts. I, стр. 588—602.

говорить Теофанъ («Гераклій, принявъ власть, нашель имперію сильно потрясенной; Европу сдѣлали пустыней варвары ¹⁾, всю Азію переворотили персы» и т. д.), мы должны признать слова Исидора достовѣрными.

Дальнѣйшее о вторженіи славянъ на Балканскій полуостровъ мы узнаемъ изъ того, что сообщаетъ императоръ Константинъ Багрянородный (912—959). Прежде всего, надо замѣтить, что онъ, подчиняясь господствовавшей въ его время модѣ, называетъ славянъ аварами, что вообще онъ мало надежный источникъ, и что, по его разсказу, славяне (сербы и хорваты) явились въ Далмацію и нынѣшнюю Сербію по приглашенію императора Ираклія изъ своей родины, лежавшей, вѣроятно, гдѣ-то въ Панноніи и называвшейся Бѣлой Хорватіей и Сербіей. Нѣтъ сомнѣній, что Константинъ пользовался какими то глухими народными преданіями, но вообще комбинировалъ по своему тотъ матеріалъ, который попадалъ ему въ руки. Поэтому я не думаю, чтобы изъ его сочиненія можно было извлечь что-нибудь существенное для истории древнѣйшаго расселенія славянъ. Я присоединяюсь къ мнѣнію Рачкаго ²⁾, что Константинъ ошибался, утверждая, что хорваты и сербы были призваны императоромъ Иракліемъ; эта идея могла заодиться въ головѣ вѣнценоснаго историка, поглощеннаго мыслями

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ этого мѣста, сдѣланномъ въ 873—875 году бібліотекаремъ Анастасіемъ, сказано: *Europam avaras reddidere desertam.*

²⁾ *Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest srednjega vieka. Knjizevnik Godina I. 1864, стр. 70—71.* Такъ же смотритъ и Ягичъ («съ аварами и подъ ихъ верховенствомъ массы славянъ заняли западную половину полуострова, гдѣ они и жили нѣкоторое время подъ властью лучше организованныхъ аваръ»... «Авары притѣсняли славянъ, изъ среды которыхъ началось сопротивленіе, приведшее къ сверженію аварскаго ига». «Слѣдствіемъ этой побѣды было основаніе политическаго господства этого племени и появленіе въ исторіи имени его; подобно этому, съ утвержденіемъ политическаго могущества распространяли свои имена сербы далѣе на материкъ, болгары въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова, русскіе въ долину Днѣпра, чехи въ центрѣ Богеміи». *Archiv für slav. Phil.* т. XVII, стр. 57—58). Иного взгляда держится К. Я. Гротъ въ книгѣ: «Иавѣстія Константина Багрянороднаго о сербахъ и хорватахъ и ихъ расселенія на Балканскомъ полуостровѣ» (1882), стр. 74—75. Г. Гротъ думаетъ, что въ VII вѣкѣ, дѣйствительно, совершилось переселеніе хорватовъ и сербовъ съ сѣвера на югъ, и выводитъ отсюда заключеніе: «Это разновременное выступленіе двухъ сосѣднихъ племенъ какъ нельзя болѣе доказываетъ, что уже тогда хорваты были совершенно самостоятельны и дѣйствовали, какъ свободное и независимое племя». Интересный взглядъ высказалъ хорватскій ученый Кляичъ въ своей «*Povjest Hrvata*» (т. I. 1899 стр. 30), который думаетъ, что подъ Бѣлой Хорватіей, изъ которой дѣйствительно вышли Хорваты по приглашенію императора Ираклія, подразумѣвается государство Само, простиравшееся отъ Альпъ до Карпатъ, соединившее множество славянскихъ племенъ Штиріи, Каринтіи, Крайны, Чехіи, Моравіи и Галиціи и будто бы называвшееся Бѣлой Хорватіей (т. е. великой, бѣлой, независимой отъ аваръ). Но нельзя не вспомнить, что вообще Константинъ Багрянородный любитъ историческія гипотезы (см. Ласкинъ, стр. 14—16), что свидѣнія о царствѣ Само у насъ самыя смутныя, что ни имени, ни размѣровъ его опредѣлить съ точностью нельзя. Теорія Кляича вся виситъ въ воздухѣ. Такъ же мало доказано, какъ мнѣ кажется, мнѣніе г. Соколова и проф. Успенскаго. Первый (Изъ древней исторіи болгаръ 1879, стр. 55), довѣряя словамъ Константина, полагаетъ, что византійское правительство было причастно къ переселенію хорватовъ и сербовъ, что это послѣднее должно было служить противовѣсомъ аварскому имуцеству. Проф. Успенскій ставитъ его также въ связь съ усиленіемъ Само, хорваты и сербы будто бы были противниками Само, и въ виду этого были желанными людьми для императора Ираклія, опасавшагося усиленія этого славянскаго государя. Зерно истины въ разсказѣ Константина заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что хорваты и сербы, дѣйствительно, были союзниками Ираклія *Smičiklas*, стр. 108).

о союзахъ, договорахъ и т. п. Если бы Константинъ былъ правъ, а хорваты съ сербами, дѣйствительно, въ VII вѣкѣ пришли издалека, то имъ пришлось бы прорваться черезъ аварское государство отъ верхняго Дуная до Савы. «Кто подумаетъ, что все это огромное событіе должно было совершиться въ промежутокъ между 610 и 641 годами, тотъ ни на минуту не усумнится въ томъ, что Константинъ и здѣсь заблуждается. Аварское могущество было сломлено около половины VII вѣка, вѣрнѣе отгиснуто къ части Панноніи между Дунаемъ и Дравой, и еще въ концѣ слѣдующаго вѣка сильный франкскій король Карлъ Великій при всей своей силѣ и могуществѣ своего королевства еще цѣлыя семь лѣтъ боролся съ аварами, чтобы уничтожить остатокъ ихъ власти» ¹⁾. На основаніи этого Рачки думаетъ, что хорваты и сербы двинулись съ сѣвера на югъ вмѣстѣ съ остальными славянскими племенами еще въ V или VI вѣкѣ; они стали извѣстны подъ своимъ именемъ, когда въ первой половинѣ VII вѣка имъ удалось установить самостоятельныя государства (*samostalne drzave*) въ Истріи и Нижней Панноніи.

Въ 623 г. славяне нападаютъ на Критъ (по извѣстію Фомы пресвитера). Въ 626 г. славяне и авары осаждаютъ Константинополь, въ 641 г. они въ Далмаціи. Въ 627 г. является уже цѣлое царство славянъ въ Моравіи подъ управленіемъ Само. Такимъ образомъ и въ Панноніи, и на Балканскомъ полуостровѣ они утвердились прочно.

¹⁾ Вспомнимъ, что еще въ 677 году аварскій каганъ нападаетъ на Эссалоники «вмѣстѣ со всѣми славянами и болгарами»

VIII.

Славянскій вопросъ въ Греціи.

Вышеприведенные факты съ достаточной ясностью показали, что къ концу VI вѣка славяне уже водворились на Балканскомъ полуостровѣ, проникнувъ и въ его южныя оконечности, на Пелопоннесъ. Свидѣтельства «Чудесъ св. великомученика Димитрія» рисуютъ намъ славянъ, нападающихъ на Фессалоники, какъ народъ, крѣпко осѣвшій въ занятой имъ странѣ и здѣсь усвоившій начала новой культуры. Разсказъ объ избіеніи славянъ около города Патръ въ 807 году даетъ намъ живое представленіе о той силѣ, которой пользовались славяне въ продолженіе двухъ вѣковъ въ захваченной ими странѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи мы находимъ около Фессалоникъ уже цѣлую славянскую страну (*Σλαβονία*), противъ которой императоръ Константинъ II (641—668) предпринялъ въ 657 году походъ (Норф. 94), и изъ которой славяне постоянно дѣлаютъ нападеныя на Солунь. Только въ 688 году Византіи удалось подчинить себѣ эти славянскія племена и круто раздѣлаться съ ними, при чемъ одна часть должна была въ качествѣ мирныхъ колонистовъ охранять горные проходы, ведшіе въ Фессалію, большинство же было переселено въ Малую Азію, гдѣ въ 691 году образовало цѣлый корпусъ въ 30 тысячъ человекъ⁴⁾. Въ 746—747 годахъ Грецію постигла страшная чума, которая, выйдя изъ Пелопоннеса, распространилась страшнымъ пламенемъ по всей Греціи, опустошая города и селенія. Конечно, она должна была уничтожить значительную

⁴⁾ Уже въ 664 году около 5 тысячъ славянъ пошло въ Сирію вслѣдъ за сарацинскимъ вождемъ Абдурахманомъ. Объ этомъ и другихъ поселеніяхъ славянъ въ Малой Азіи ср. книгу В. И. Ламанскаго «О славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи» (1859). Не смотря на то, что многія увлеченія тогда молодого ученаго современной наукой не признаны, эта книга до сихъ поръ представляетъ замѣчательное явленіе, по удивительной эрудиціи, широтѣ горизонта и теплотѣ чувства, проникающей ея сочинителя; при чтеніи ея чувствуется, что молодой авторъ ея долженъ былъ при послѣдующемъ развитіи своихъ взглядовъ сыграть крупную роль въ русской наукѣ и особенно въ русской общественной жизни.

часть и славянскаго населенія Пелопоннеса. Тѣмъ не менѣе, Константинъ Багрянородный, сообщая объ этомъ событіи, тутъ же прибавляетъ ¹⁾: «вся провинція ославянилась и сдѣлалась варварскою (ἐσθλαβώθη πᾶσα ἡ χώρα καὶ γέγονε βάρβαρος). По этому случаю славный грамматикъ Евфимій сказалъ объ одномъ Пелопоннесѣ, гордившемся благороднымъ своимъ происхожденіемъ (чтобы не сказать, неблагороднымъ), слѣдующій насмѣшливый ямбъ:

«Лукавообразное славянское лицо»

(Γαραδοειδής ὄψις ἐσθλαβωμένη).

Пелопоннесецъ этотъ былъ Никита, который выдалъ дочь свою Софію за Христофора, сына добраго царя Романа» ²⁾. Этому мѣсту въ сочиненіяхъ писателя X вѣка придаютъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о славянскихъ колоніяхъ. Такъ, Гопфъ по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее (стр. 96): «Пелопоннесъ ославянился; это фактъ безспорный... При опустошеніи, произведенномъ въ странѣ чумой, было самымъ естественнымъ дѣломъ, что стримонскіе славяне и ихъ соплеменники, поселившіеся уже въ Фессалии, пощаженные чумой и въ то же время, можетъ быть, тѣснимые болгарами, бросились на обезлюдѣвшую страну и настроили на равнинѣ свои избы и поселки около эллинскихъ городовъ и деревень, не тронутыхъ чумой. Однако занятіе греческой земли, несмотря на πᾶσα ἡ χώρα, могло быть только очень частнымъ. Нѣкоторые эллинскіе города, которые чума, безъ сомнѣнія, минула, были до того переполнены народомъ, такъ какъ въ нихъ стеклось деревенское населеніе, что Константинъ уже въ 755 году могъ задумать пополнить опустѣвшую столицу новыми колонистами изъ Эллады и Пелопоннеса и съ острововъ». Въ 783 году Ирина послала своего любимца Ставракія подчинить славянскія племена, жившія въ Фессалии и въ Элладѣ. Ставракіи удачно выполнили возложенное на него порученіе, наложилъ подати на славянъ и даже проникъ въ Пелопоннесъ, откуда вернулся съ большой добычей. Но подавить самобытность славянъ надолго не удавалось, и еще въ IX вѣкѣ имперіи приходилось напрягать всѣ силы для борьбы съ ними. Къ X-му вѣку относится очень интересное мѣсто у эпитоматора, составившаго на основаніи географіи Страбона географическую хрестоматию. Этотъ писатель знаетъ, что въ его время «весь Эпиръ и Элладу почти всю и Пелопоннесъ и Македонію занимаютъ скиѣи славяне» (Horf. 114), но этимъ словомъ почти онъ подчеркиваетъ и сохраненіе старога элемента.

Вотъ тѣ безспорные факты, которые говорятъ о колонизаціи славянъ въ Греціи. Можно ли на основаніи ихъ утверждать, что славянский элементъ въ Греціи замѣстилъ эллинское племя, совершенно истребленное многочисленными войнами, эпидеміями (чумой въ 541 и

¹⁾ Пользуюсь переводомъ этого мѣста, сдѣланнымъ М. П. Погодинымъ въ его извлеченіи изъ сочиненія Фальмерайера: «Fragmente aus dem Orient», напечатанномъ въ «Москвитинѣхъ» за 1850 г. въ №№ 20 и 22.

²⁾ Относительно перевода этихъ словъ на латинскій языкъ въ прежнее время ср. В. Г. Васильевскаго «Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи» (Вып. 1, 1890 г., стр. 193—194) «Вслѣдствіе совершенно темныхъ и недостаточныхъ представленій о славянствѣ, о его роли въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и объ его современномъ положеніи, переводчики не узнавали славянъ тамъ, гдѣ они прямо выводятся на сцену. Благодаря тому и возможенъ былъ такой переводъ, что вмѣсто обращенія Пелопоннеса въ славянскую страну говорилось въ латинскомъ текстѣ о порабощеніи полуострова; вмѣсто неприятнаго греку *славянскаго* лица являлось какое-то другое, сморщенное».

746 годах) и т. под. бѣдствіями ¹⁾? Въ настоящее время собрано много данныхъ, показывающихъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ эллинское населеніе Греціи продолжало жить самостоятельной жизнью, а Аѣины по прежнему слыли и были центромъ эллинской образованности. Между тѣмъ Фальмерайеръ, провозгласившій въ 1830 году въ предисловіи къ первому тому своей «Исторіи полуострова Морей въ средніе вѣка» теорію полного исчезновенія съ лица земли эллинскаго элемента и замѣны его славянскимъ, исходилъ главнымъ образомъ изъ указанныхъ нами фактовъ. Съ этого времени славянскій вопросъ въ Греціи сильно занялъ умы ученыхъ, и мы, не вдаваясь подробно въ его исторію ²⁾, укажемъ на то состояніе, въ которомъ онъ находится въ настоящее время, и посмотримъ, какъ далеко славяне проникли въ разные уголки Греціи и Италіи.

Опираясь на слова Евагрія и Менандра, Фальмерайеръ пришелъ къ убѣжденію, что греческое населеніе сильно уже порѣдѣло къ началу VII вѣка. Чума въ серединѣ VIII столѣтія уничтожила послѣдніе остатки его, и такимъ образомъ съ 775 года, года смерти императора Константина Копронима, Пелопоннесъ окончательно заселился славянами. Къ этимъ взглядамъ Фальмерайеръ скоро (въ 1835 году) присоединилъ новые, основанные на отрывкахъ, найденныхъ въ аѣинскомъ монастырѣ св. Козьмы и Демьяна. Здѣсь онъ вычиталъ указаніе на то, что Аттика, служившая уже въ VI вѣкѣ ареной опустошительныхъ войнъ, оставалась безлюдной на протяженіи почти четырехсотъ лѣтъ (до X вѣка). Но, во первыхъ, въ отрывкахъ совершенно ясно читается не 400 лѣтъ, а всего три года (Норф. 111. Васильевъ стр. 57 отд. оттиска), а во вторыхъ, въ настоящее время выяснилось, что отрывки, отнесенные Фальмерайеромъ къ X вѣку, на самомъ дѣлѣ, грубая фальсификація нашего столѣтія, принадлежащая перу греческаго «ученаго», Питакиса (Норф. 111—112). Такимъ образомъ на сторонѣ Фальмерайера остаются показанія такъ наз. Монеувасійской хроники, которая рассказываетъ о томъ, какъ въ 567 году аварскій каганъ покорилъ Тессалію, Элладу, Аттику, Эвбею и Пелопоннесъ, уничтожилъ ихъ населеніе, которое пало въ битвахъ или эмигрировало, и заселилъ своими воинами занятія мѣстности. Здѣсь авары, овладѣвъ Пелопоннесомъ, и жили въ продолженіе 218 лѣтъ, „не повинуваясь ни римскому императору, ни кому другому. Только восточная часть Пелопоннеса отъ Ко-

¹⁾ Г. Ласкинъ, переводчикъ сочиненій Константина Багрянороднаго, заходитъ, по моему мнѣнію, слишкомъ далеко, предполагая, что извѣстія этого писателя о Балканскомъ полуостровѣ застываютъ на 6 вѣкѣ (стр. 4 и 53). На основаніи этой гипотезы, ничѣмъ имъ не доказанной (ср. прим. 206 на стр. 50, гдѣ идетъ рѣчь о стримонскихъ славянахъ, побѣжденныхъ въ 688 году, а также стр. 12, гдѣ г. Ласкинъ пытается опредѣлить источникъ, откуда Константинъ черпалъ имена хорватскихъ князей и т. д.), переводчикъ утверждаетъ, что процессъ славянизации Пелопоннеса совершился между 578 и 589 годами, послѣ чумы, бывшей при Юстиніанѣ Великомъ. Однако Прокпій, подробно рассказывающій о бѣдствіяхъ Византіи и ея областей въ продолженіе этой чумы и о послѣдовавшемъ нападеніи персовъ, ни словомъ не проговаривается о вторженіи славянъ. Къ тому же врядъ ли Константинъ не зналъ, къ кому и по какому случаю относилась эпиграмма Евфимія.

²⁾ Она изложена недавно г. Васильевымъ въ «Византійскомъ Временникѣ» (1898 г. т. V); до 1867 года исторія этого вопроса доведена Голфомъ (стр. 100—119); наконецъ рядъ фактовъ изъ новѣйшей исторіи его можно найти въ весьма интересной статьѣ Шипманова: «Славянски селшца въ Критѣ и на другіе грѣдкіе острова (Български прегледъ 1897, кн. III). Укажу также на труды Герцберга по исторіи Византіи и на очень интересную статью И. Сазоновича: «Славяне въ Моревѣ» (Варшавскія унив. извѣстія. 1887, № 2).

рина до Малей была свободна от славянского племени, благодаря своей скалистой, недоступной местности. В эту самую часть и был послан римским императором пелопоннеский стратег. Один из последних, происшедший из Малой Армении, из рода такъ называемых Склировъ, сразившись со славянами, побѣдилъ ихъ, окончательно уничтожилъ (этого мѣста Фальмерайеръ не приводитъ) и далъ возможность прежнему населенію возвратиться на родину» (Васильевъ 65—66). Гопфъ доказалъ, что извѣстіе о двухсотлѣтнемъ господствѣ аваръ взято изъ синодальнаго посланія патріарха Николая: даже объ истребленіи (ἀφανίζειν) варваровъ тамъ и здѣсь говорится одними и тѣми же словами (Норф. 107). Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство Моне-васійской хроники могло бы говорить только противъ теоріи Фальмерайера, если бы онъ повѣрилъ ея заключительному разсказу о гибели славянъ. Далѣе, за нее говорило традиціонное названіе, нѣкоторыхъ мѣстностей Пелопоннеса славянскими: такъ, французская хроника XIII—XIV вѣк. называетъ спартанскія горы τὰ Σλαβινά ¹⁾, Венеція еще въ концѣ XV вѣка называла нѣкоторыя области Пелопоннеса *Склавонией* (Васильевъ 34—35) и т. д. Писатель XV вѣка Халкокондилъ († 1490), говоря о славянахъ, замѣчаетъ, что «ихъ поселенія разсыяны въ многихъ мѣстахъ Европы (πολλαχῆ φησαν), даже въ извѣстной части Пелопоннеса (ἐν τινὶ τῆς Πελοποννήσου), въ Лаконіи, до горы Тайгета и до (мыса) Тенара».

Изъ всего этого матеріала можно сдѣлать только тотъ выводъ, что славяне въ Пелопоннесѣ занимали извѣстную территорію; отсюда еще очень далеко до утвержденія, что греческій элементъ былъ въ немъ истребленъ. Далѣе Фальмерайеръ опирается на обиліе мѣстныхъ названій славянскаго происхожденія въ древнихъ провинціяхъ Аркадіи, Элидѣ, Мессеніи и Лаконіи, гдѣ, по его словамъ, на десять славянскихъ именъ приходится всего одно греческое (Fragmente. 526) ²⁾, на славянскій характеръ современныхъ греческихъ фамилій (Konitra, Topolia, Srubu, Sclabunos и т. д. стр. 534), на будто бы славянскій характеръ новогреческаго языка. Исключая послѣднее, привлеченное Фальмерайеромъ ошибочно, остальные факты говорятъ опять таки за то, что славянскій элементъ, дѣйствительно, слился въ значительной мѣрѣ съ греческимъ. Но, если бы онъ прямо таки замѣнилъ его, не было бы никакой возможности объяснить, почему славяне, сѣвъ на вымороченныя земли, усвоили себѣ греческій языкъ; при извѣстной способности славянъ ассимилировать себѣ чуждыя народности, слившіяся съ ними (болгары, варяги), нужно было бы думать, что славяне поглотили бы массу, которую застали на занятыхъ ими земляхъ. Если этого не случилось, то слѣдуетъ полагать, что «славянскія колоніи въ Эладѣ вовсе не превосходили по численности остававшееся населеніе, и уже никакъ не затопили и не поработили всей страны» (Норф. 112).

Тѣмъ не менѣе, присутствіе славянской крови въ жилахъ современныхъ грековъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Противъ этого ни мало не говоритъ аргументъ, выдвинутый въ 1871 году Бернгардомъ Шмидтомъ въ его книгѣ: «Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum». Если въ возрѣніяхъ современныхъ грековъ

¹⁾ Fragmente aus dem Orient. 2 изд. стр. 532. Свидѣтельства житія св. Виллальда отъ 8 вѣка я не привожу, такъ какъ слова малограмотной монахини (ad urbem Manafasiam in slavonica terra) врядъ-ли отвѣтственны въ историческомъ смыслѣ.

²⁾ На самомъ дѣлѣ, повидимому, наоборотъ: на десять греческихъ приходится одно славянское.

наблюдается много пережитковъ старо-эллиническихъ религіозныхъ ученій, то это свидѣтельствуесть лишь о томъ, что современные греки явились наслѣдниками античныхъ эллиновъ въ области культуры такъ же, какъ въ области языка. Къ тому же нельзя не обратить вниманіе на общій характеръ сопоставленій Шмидта: за исключеніемъ нѣсколькихъ, дѣйствительно, важныхъ сходствъ (въ родѣ Мойръ, Хароса, замѣниваго хотя и въ искаженномъ видѣ стараго Харона, и т. под.), мы находимъ въ его книгѣ по большей части малоказательные факты. Что можно сдѣлать изъ такихъ сближеній, какъ напримѣръ, слѣдующія: «молнія и теперь, какъ въ древности, считается оружіемъ, которымъ владѣеть высшее существо» (стр. 38); «какъ Гестія была религіознымъ центромъ древнегреческой семьи, такъ и Христосъ получилъ это значеніе въ христіанской семьѣ» (стр. 65); «въ правильности стараго изреченія *θεοὶ θεοῦ πατρὸς* греческій народъ убѣжденъ и теперь такъ же, какъ прежде, и обычай приносить святымъ подарки очень распространенъ» (стр. 66); Посейдонъ пережилъ въ народныхъ вѣрованіяхъ подъ именемъ *δαίμονα στῆς θάλασσης* (стр. 135); «подземный міръ есть закрытое царство глубоко во внутренности земли» (стр. 236) и т. д. Врядъ-ли эти факты, примѣнимые, пожалуй, къ воззрѣніямъ всякаго индоевропейскаго племени, что-нибудь говорятъ въ пользу теоріи Шмидта о сохраненіи эллиническихъ вѣрованій въ быту современныхъ грековъ. Съ другой стороны, кое-что въ этомъ послѣднемъ сильно смахиваетъ на славянскія народныя вѣрованія. Такъ напр., то описаніе современныхъ nereidy, которое даетъ Шмидтъ (стр. 101 и далѣе), очень напоминаетъ хорошо намъ извѣстныхъ болгарскихъ и сербскихъ вилъ и дивъ ¹⁾ (самовиль, самодивъ). Ихъ сближаетъ уже такая характерная черта, какъ стремленіе къ живой, текущей водѣ, въ которой онѣ любятъ полоскаться, хотя бы жили на дугахъ и въ лѣсахъ. ²⁾ Слово *гласъ* и у славянъ, и у грековъ означаетъ бродягу; къ грекамъ оно перешло отъ славянъ (Дриновъ 138).

Важнѣе слѣды славянскаго вліянія на грековъ, отразившіяся въ ихъ географической номенклатурѣ и въ словарномъ составѣ ихъ языка. Къ концу XII вѣка, по словамъ Фальмерайера, въ Пелопоннесѣ осталось всего до 25 мѣстъ съ греческими названіями: двадцать одно на берегу моря, четыре въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него (Васильевъ 48—49). Съ того времени множество названій было грецизировано или замѣнено новыми турецкими, греческими и албанскими ³⁾, но и до сихъ поръ сохранилось не мало славянскихъ названій. Вообще говоря, «укрѣпленные мѣста носятъ старыя или новыя, но греческія имена,

¹⁾ Форма *дива*, напоминающая *Дива* „Слова о полку игоревѣ“ и точно соответствующая лит. *Deive*, встрѣчается въ слѣдующей болгарской пѣснѣ:

Да, ми те *Дива* не чуе,
Дивата, Самодивата,

Да ми се и тебѣ небори (Мариновъ. Жива Старина I. 22).

²⁾ «Общій характеръ новогреческой поэзіи тотъ же, что и общеславянской. Его можно и опредѣлить, назвавъ существующую поэзію главнымъ образомъ *эпической*, рассказывающей. Такимъ образомъ, эпическія пѣсни, сохранившіяся въ наиболѣе свѣжемъ видѣ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ у южныхъ славянъ и у русскихъ, нашли свое отраженіе и у ново-грековъ“. И. Собоновичъ. Изученіе новогреческой народной словесности. „Русскій Филологическій Вѣстникъ“. 1888. № 3—4. Авторъ статьи говоритъ, повидимому, не объ общемъ сходствѣ, основанномъ на такомъ развитіи поэзіи, которое лежитъ въ ея сущности, но о сходствѣ, обусловливаемомъ вѣковыми сношеніями славянъ вообще и русскихъ въ особенности съ Византіей и ея культурными началами“.

³⁾ Кгек. стр. 504—505.

тогда какъ на равнинѣ во всемъ Пелопоннесѣ мы встрѣчаемъ имена славянскія. Наименѣе ихъ въ восточной части Пелопоннеса, особенно въ Коринтіи и въ Арголидѣ, и на юго-востоцѣ въ Капъ-Малеѣ. Тутъ рядомъ съ греческими попадаются и албанскія имена ¹⁾». Въ полномъ составѣ эти имена еще не собраны, но то, что сдѣлано, указываетъ на древній характеръ того языка, носителями котораго были славяне, поселившіеся въ Пелопоннесѣ. Такъ, рѣка Алфей, главная водная артерія Элиды, называется теперь Руфіасомъ. По документамъ удалось доказать, что промежуточными ступенями между первымъ и вторымъ именами рѣки оказываются слѣдующія: *Arfeas*, *Orfias* и далѣе *Rofias*, наконецъ *Rufias*. Отношеніе формъ *Orfias* и *Rofias* то же ²⁾ что *Albis* и *Labe*, *Almus* и Ломъ, *Arsia* и *Rascha*; однимъ словомъ, здѣсь дѣйствовало еще праславянскій законъ нерестановки плавнаго. За такую же древность славянской колонизаціи говорить и тотъ фактъ, что славяне, пришедшіе въ Морею, еще сохранили, повидимому, носовые звуки. На это указываютъ многочисленныя географическія названія: напр., *Ламадія* (горы въ Аркадіи), *Ламадн* (рѣка въ Лаконіи) производятся отъ сохранившихся донинѣ въ новогреческомъ языкѣ словъ *λάγρος*, *λαγγάδι* (долина, оврагъ), происшедшихъ изъ слав. *лѣгъ*; *Ланкъс* (источникъ въ Лаконіи)—ср. ц. слав. *лѣка*, пол. *ląka* и мн. др. ³⁾. Но полнѣе всего греческія мѣстныя названія славянскаго происхожденія указаны Гильфердингомъ ⁴⁾, хотя онъ и не всегда критиченъ. Если даже, по словамъ Крека, исключить одну треть всѣхъ приведенныхъ имъ именъ, то все же остается очень внушительное число славянскихъ названій. Оставляя въ сторонѣ Эпиръ, относительно котораго и не поднималось, насколько мнѣ извѣстно, спора, я останавливаюсь на собственной Греціи. Въ Акарнаніи мы находимъ *Малое* и *Большое Озеро* (*Ὀζερος*), *Тригардіе* (*Τριγάρδιον*), *Копопино* (*Κοποπίνα*) и др.; въ Этоліи горы *Глогова* (*Γλογοβά*), селенія *Село* (*Σέλον*), *Кощино* (*Κοσίνα*), *Деревкишто* (*Δέρβελιστα*, рядомъ деревня съ соотвѣтствующимъ названіемъ *Μεγαδένδρον*), *Терново* (*Τέρνοβον*), *Церково-пталеа* («замѣчательно это сочетаніе славянскаго слова *церковь* ⁵⁾ съ греческимъ *πτελεά*, что значитъ вязъ и также подпорка, къ которой привязывается виноградная лоза»), *Елово* (*Ἐλοβα*), *Орахово* (*Ἀράχοβα*) и т. д., въ *Фокидѣ* горы *Кхлото*, *Смоково*, населенныя мѣста *Велеси*, *Комарши*, *Селяна* и др.; въ *Віотіи* укажу на *Границу*, *Коприну*, *Добру*, *Добртну*, *Тополо*, *Гар-*

¹⁾ Матовъ. Гръцко-български студии. Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Кн. 9 (1893), стр. 41. Албанскаго элемента, оставившаго свои слѣды въ образованіи новогреческаго племени, мы адѣсь не будемъ касаться; достаточно сказать, что въ XV в. албанцы составляли 50% греческаго населенія, а теперь едва 12.

²⁾ G. Meyer въ статьѣ: «C. Sathas und die Slavenfrage in Griechenland» (стр. 186). Essays nad Studien т. I, 1885.

³⁾ Они собраны А. Калиной въ его книгѣ: *Studuja nad historyją języka bułgarskiego*. (Rozprawу Краков. Академіи Наукъ. т. 14 за 1891 годъ стр. 185—189).

⁴⁾ *Исторія сербовъ и болгаръ*. Собраніе сочиненій т. I (1868), стран. 281—298. Указаны они вкратцѣ также г. Сазоновичемъ, Дифенбахомъ въ книгѣ: «*Völkerkunde Osteuropas*» (т. I. 1880, стр. 199 и далѣе). Выясненіе древнегреческихъ мѣстныхъ названій посвящена 10-я глава въ книгѣ Тозера (Tozer): «*Lectures on the Geography of Greece*», (London. 1873). По нашему вопросу въ ней нѣтъ никакого матеріала, но считается съ ней все-таки не мѣшаетъ для избѣжанія недоразумѣній.

⁵⁾ Слово *церковь* одно изъ интереснѣйшихъ общеславянскихъ заимствованій изъ германскихъ языковъ; въ языкѣ люнебургскихъ славянъ оно звучало такъ: *царкјау*, *царкјетъ*, *царкванца*. Въ томъ же языкѣ сохранились и носовые.

дичу; въ *Мегаридѣ* отмѣчено названіе деревни Μαγούλα (Могыла); да-
лѣе, въ Атикѣ Гильфердингъ указываетъ на селеніе Хорваты (Χαρ-
βάτι), пустоши Широко (Σίρακον) и Врана (Βρανά) и кое что другое, не
имѣющее однако славянскаго облика. Въ Морей славянскихъ именъ
очень много: такъ, въ Патрскомъ округѣ (около Патръ славяне были
разбиты въ 807 году) мы находимъ *Тополово*, *Каменницу*, *Орахово*, *Ве-*
лицу (?Βελίτσι), *Драгано*, *Сандомиръ* (?Σανταμέρι), *Браты* *Велицы*, *Крале*,
Орле, *Марица*, *Гребень*, *Голъмы*, *Проводъ* и др. Остальныхъ морейскихъ
именъ я приводить не буду: мнѣ нужно было только указать, что сла-
вянскій элементъ широко распространился по всѣмъ странамъ, заселен-
нымъ греками. Вообще же стоило бы труда рассмотреть эти названія
съ точки зрѣнія фонетическихъ законовъ, слѣды которыхъ въ нихъ
сохранились, можетъ быть, отъ глубокой древности (такова указанная
форма *Тришардіе*), и для ознакомленія съ словарнымъ матеріаломъ, ко-
торый изъ нихъ можно извлечь (въ этомъ отношеніи интересна, напр.,
имя Голѣм). Въ нашу задачу эта работа не входитъ ¹⁾.

Одинъ изъ главныхъ фактовъ, на которые опиралась теорія Фальме-
райера, заключалась въ томъ, что современный греческій языкъ образо-
вался яко бы подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ славянскаго. Въ доказатель-
ство этотъ ученый и его референтъ Кригъ приводили слѣдующее (Норф.
116—118): 1) пристрастіе новогреческаго языка, обнаруживавшееся уже
у византійскихъ писателей, къ ничѣмъ не вызванному употребленію
именъ существительныхъ въ уменьшительной формѣ; 2) предпочтеніе
къ ударенію на третьемъ слогѣ отъ конца слова и 3) исчезновеніе тя-
желого придыханія въ началѣ тѣхъ словъ, которыя въ древне-грече-
скомъ языкѣ начинались съ него. Сюда же относятся и нѣкоторыя яв-
ленія изъ области синтакстическаго строя рѣчи (замѣтна неопредѣлен-
наго наклоненія описательными оборотами, образованіе новыхъ суф-

¹⁾ Приведемъ статистическія цифры, указывающія на интенсивность
славянскихъ поселеній въ Греціи.

Эпиръ. Область Аглокская—всего 729 селеній, со славянскими именами
218 (у Гильфердинга еще больше), изъ нихъ нѣкоторыя имена поражаютъ
полногласной формой (Γχοροσίανη—*Горошиане*, Βερεζίτσι—*Березици*, но рядомъ
Μπρεζάνη).

Область Делвинская—365 сел., изъ нихъ 94 слав. (интересны: Πόποβον,
Χουμλίτσα, Πάργα).

Область Янинская—380 сел., изъ нихъ 82 слав. (Λέλοβα, Βελτζιστα. Гардіхи,
Μπότζι, Μηχαλίτσι).

Акарманія—82 сел., изъ нихъ 17 слав. (Κονιδάρι, Τρίγαρδον).

Этолія—317 сел., 74 слав. (Ἀνδράνοβα, Δέλγα).

Фокида—308 сел., 51 слав. (Λόγγος, Βελέσι, Νικολίτσι).

Віотія—187 сел., 12 слав. (Ούγγρα, Κλεμποτόρι, Βράτι).

Атика и Мегарида—по 1 слав. селенію.

Ахая—204 сел., 27 слав. (Γαρδενά, Γκρέχα, Μπράτι).

Коринѳія—157 сел., 17 слав. (Λούτσι, Ζεμενόν, Λέχοβα).

Элида—311 сел., 50 слав. (Σκλίβα, Βουωκά, Βεργουβίτσα).

Аркадія—348 сел., 52 слав. (Ἐγκλένοβα, Подоγυрā, Τρεσтенά, Кантребра, Μα-
ζκλίνα = Маслина).

Аролида—92 сел., (въ округахъ Аргосскомъ и Навплійскомъ), изъ нихъ
слав. 6 [Χαρβάτι, Γυρνόν).

Мессинія.—469 сел., изъ нихъ 66 слав. (Γόρνεва, Λογγός, Κρέστενα, Ομπрā—
Обра, Ἀγολίνιτσα—Ягольница, Σκλίβα—Слива, Μπόιχα—Бойка, Подоγоруā—Подъгора,
Βερετζά, Πάντζα—Пъница, Ἀγαλјанή—Ягълане, Ἀναστάσοβα).

Лаконія—397 сел., (въ округахъ Лакедемонскомъ, Итійскомъ и Гвѣй-
скомъ), изъ нихъ слав. 50 (Διακτίνα, Πάνιτσα, Κόπρινα, Γοδѣνα).

Для иллюстраціи того, какъ исчезаетъ славянскій элементъ въ геогра-
фическихъ названіяхъ Греціи, Гильфердингъ приводитъ двѣ грамоты 1819 и
1821 г. со множествомъ славянскихъ сель.

фиксовъ и т. п.). Всѣ три вышеприведенные доводы мало говорятъ въ пользу теоріи Фальмерайера, такъ какъ имѣютъ чересчуръ общій характеръ. Для ея провѣрки надо было обратиться прежде всего къ изученію словъ, заимствованныхъ въ новогреческомъ языкѣ изъ славянскаго. Эта работа была сдѣлана знаменитымъ изслѣдователемъ славянскихъ языковъ въ ихъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ нарѣчіямъ, Францемъ Миклошичемъ въ статьѣ, озаглавленной: «Die slavischen Elemente im Neugriechischen» ¹⁾. Миклошичъ нашелъ въ новогреческомъ языкѣ 129 славянскихъ словъ, и то огромное большинство ихъ распространено въ извѣстныхъ только нарѣчіяхъ, а не во всемъ языкѣ. Послѣдующіе изслѣдователи этого вопроса увеличили число заимствованій до 178 (Матовъ) и до 273 (Г. Мейеръ). При этомъ Г. Мейеръ ²⁾ (Neugriechische Studien. часть 2) не находитъ возможнымъ признать глубокое вліяніе славянскаго языка на новогреческій, которое ограничивалось бы не однимъ словаремъ (однако, суффиксъ *tsa* онъ признаетъ славянскимъ). Хотя, дѣйствительно, приведенныя числа не даютъ права говорить о сильномъ вліяніи славянъ на грековъ (романскихъ элементовъ въ новогреческомъ языкѣ болѣе 600, албанскихъ и турецкихъ еще больше), но надо имѣть въ виду, что греки и итальянцы, два одинаково культурные народа, постоянно обмѣнивались культурными понятіями, что крестоносцы, завоевавшіе Грецію въ XIII в., вносили значительно болѣе высокую и, во всякомъ случаѣ, оригинальную культуру; что албанцы и турки до сихъ поръ продолжаютъ вліять на словарный составъ греческаго языка ³⁾; что, наконецъ, возможно допустить забвеніе нѣкоторыхъ славянизмовъ ⁴⁾ по мѣрѣ того, какъ славяне сходили съ политической арены Греціи. Среди славянскихъ словъ, попавшихъ въ новогреческій языкъ, мы находимъ рядъ культурныхъ понятій: *воевода*, *болринъ*, *законъ*, *жупанъ*, *краль*, *банъ*, *побратимъ*, далѣе *вэрколакъ* и музыкальный инструментъ *гѣйда* (гайда) и т. д. ⁵⁾. Отсюда видно, что славяне, столкнувшіеся съ греками, не были некультурной массой, лишенной вѣры и закона ⁶⁾. Напротивъ, даже въ юридической жизни средне-вѣковой Греціи славяне, повидимому, оставили свой слѣдъ. Именно, въ VIII в. византійское законодательство признаетъ совершенно новыя формы землепользованія, общинный бытъ, смѣнившій прежде

¹⁾ Sitz. Ber. der. phil. hist. Cl. d. kais. Akad. d. Wiss. т. 63 (1869). Раньше этому вопросу посвятила статью Г. С. Дестунисъ, разбирая матеріалы, доставленные въ Академію Орбинскимъ (имѣ неизвѣстные). Ср. его статью: «Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ» (5 вып. VIII тома Изв. II отд. Акад. Наукъ 1860 г.). Дестунисъ приходитъ къ выводу, что «вліяніе славянскихъ нарѣчій на греческій языкъ почти и нельзя назвать вліяніемъ, такъ оно слабо и частно». Этотъ взглядъ опровергается современной наукой. Подробная библиографія въ нижеуказанной статьѣ Мейера.

²⁾ Изданіе Вѣнской Акад. (S. B. т. 130 за 1894 г.).

³⁾ Матовъ стр. 50: «албанцитѣ и до сего продолжать да вносить свои элементы въ Гърцію».

⁴⁾ Дестунисъ, стр. 24. Ср. Грекъ, стр. 504—506. Шмидтъ (см. выше) предполагалъ, что во всѣхъ греческихъ нарѣчіяхъ распространены только 7 слѣд. славян. словъ: *Βορκόλακος*, *ζαχόν*, *κόκκοτας* (пѣтухъ), *λόγγος* (лѣсъ), *ρούχα* (одежда), *σάκος* (сѣно), *στάνη* (стойло).

⁵⁾ Подробное перечисленіе ихъ по значенію въ статьѣ Густ. Мейера (стр. 8—10).

⁶⁾ Такъ, слово *жупанъ* глубоко проникло въ языкъ грековъ. Въ концѣ 13 вѣка жупаномъ (*Σπαχός*) назывался одинъ богатый славянскій князь; во французской хроникѣ (*La Chronique de la Conquete*) упоминается *Spany*, un puissant home des Esclavons, и эта форма соответствуетъ новогреческому *Ζουπάνης*, означавшему главу общины (Сазоновичъ. Славяне въ Морѣѣ, стр. 20).

крѣпостное право ¹⁾. «Вся земля, кромѣ усадебной и занятой садами, разсматривается какъ собственность цѣлой общины, члены которой стоятъ другъ къ другу въ отношеніяхъ товарищества (socii)». Если и теперь остаются безземельные крестьяне, то ихъ положеніе все таки совершенно иное, чѣмъ прежде: они пользуются правомъ свободнаго перехода къ новому землевладѣльцу и несутъ по отношенію къ этому послѣднему очень легкія обязательства (напр., платятъ десятину). Задаваясь вопросомъ о причинѣ такой перемѣны въ сферѣ социальныхъ отношеній, Цахаріа и еще сильнѣе Васильевскій подчеркиваютъ переворотъ въ этнографическомъ составѣ населенія имперіи. «Законъ не предшествовалъ этому перевороту, а только послѣ призналъ то, что, благодаря этому перевороту, существовало въ жизни». Онъ стоялъ въ тѣсной зависимости отъ самаго способа распространенія славянъ: «они сообща занимаютъ земли, опустошенныя ихъ предшественниками; равнымъ образомъ массы мѣстнаго населенія, вытѣсненныя изъ своихъ жилищъ, сообща принуждены были искать новыхъ поселеній въ другихъ областяхъ». Повидимому, съ этимъ способомъ расселенія вообще связано происхожденіе общины (см. мою статью «Примитивныя формы общественной быта» въ Журн. Мин. Нар. Пров. 1901 г. № 1).

Позже, въ XII в. мы опять встрѣчаемъ слѣды славянской общины въ самой Атикѣ. Объ этомъ мы узнаемъ изъ словъ Михаила Акомината, бывшаго въ концѣ XII в. аѳинскимъ митрополитомъ. Горячій поклонникъ аѳинскаго риторства, Михаилъ вздумалъ при вступленіи на кафедру произнести своей паствѣ проповѣдь въ античномъ духѣ. Его не поняли. «Михаилъ, окруженный въ Аѳинахъ варварами, самъ боялся огрубѣть и превратиться въ варвара; онъ жалуется на порчу греческаго языка, сдѣлавшагося какимъ-то варварскимъ нарѣчіемъ, которое понимать Акоминатъ былъ въ состояніи только черезъ три года послѣ своего прибытія въ Аѳины» (Васильевъ 29). Такъ какъ эта порча языка, вѣроятно, стоятъ въ связи съ варварской средой, окружавшей населеніе Аѳинъ, то не будетъ слишкомъ поспѣшнымъ умозаключеніемъ думать, что тѣ *друнии* (общины), которыя жили въ Атикѣ, состояли изъ славянъ ²⁾. Очень цѣнныя указанія на существованіе славянской общины (опять то же слово *δρούρος*) въ Морейской хроникѣ, въ которой разсказывается объ участи французскихъ крестоносцевъ въ южной Греціи. Какъ извѣстно изъ сочиненій Константина Багрянороднаго, наиболѣе видными изъ славянскихъ племенъ, занявшихъ Пелопоннесъ, были *Милинги* (Μιλῆγγοι) и *Езериты* (Ἐζερίται), жившіе близъ Лакедемона и Элоса. Они еще въ X вѣкѣ упорно отстаивали свою независимость и платили императору самую ничтожную подать ³⁾. Въ Морейской хроникѣ не разъ упоминается *ὁ δρούρος τῶν Σκλαβῶν*, *ὁ δρούρος τῶν Μαλεγγῶν*, *ὁ δρούρος τῶν Σχορτῶν*. Тутъ же встрѣчается указаніе на устройство *дронга* (общины). «Когда архонты, старшины дронга», говорится въ хроникѣ: «увидѣли, что

¹⁾ Этому вопросу посвящена книга Zachariae von Lingenthal: «Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts», 2 изд., стр. 235, а также статья В. Г. Васильевскаго въ Журн. Мин. Нар. Пров. (1878 г. окт. и нояб.). Оба труда изложены въ книгѣ М. Соколова: «Изъ древней исторіи болгаръ» (1879); его изложеніемъ пользуюсь и я здѣсь.

²⁾ «Гибель крестьянскихъ общинъ равняется пагубѣ всего нашего края» (ὁ τῶν δρούρων ἀπόλεια τοῦ καθ' ὅμας ὀρίου παντός ἐστιν ἀπόλεια)—см. статью проф. Успенскаго: «Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи» (Журн. Мин. Нар. Пров. 1883, янв.) О самомъ словѣ *δρούρος* см. Матова, стр. 64—65.

³⁾ Изъ исторіи по Константину Багрянородному изложена К. Гротомъ въ вышеуказанной книгѣ (стр. 206—214).

франки построили эти два замка, они собрали вѣче, чтобы обсудить—какъ имъ быть. Старшины богачи говорили на вѣчѣ, что слѣдуетъ крѣпко держаться и не подчиняться; народъ же и община были того мнѣнія, что нужно сдаться. И вотъ архонты, старшины дронга, видя расположеніе общины и не имѣя, чѣмъ убѣдить ее, поступили согласно съ волей дронга». Послѣ этого франки подчинили всю славянскую землю (τὰ Σκλαβικά ¹⁾).

Кромѣ данныхъ историческихъ, славяныхъ географическихъ, этнографическихъ и историко-юридическихъ, для доказательства вліянія славянъ на образование новогреческаго племени прибѣгаютъ къ даннымъ антропологическимъ. Однако врядъ-ли въ какой-нибудь области можно встрѣтить больше противорѣчій, чѣмъ здѣсь ²⁾. Такъ, Вирховъ предпочитаетъ объяснять бѣлокурый брахицефальный типъ въ Греціи примѣсью крови албанской, а не славянской. Николукки (1865) приписывалъ древнимъ эллинамъ всего 7% брахицефаловъ, теперешнимъ грекамъ—14; въ Пелопоннесѣ и въ Ѡссаліи, какъ вообще на греческомъ материкѣ и на островахъ господствовала долихоцефалія; брахицефалія (преобладающая у албанцевъ и эпиротовъ) начинается въ Греціи съ Аквананіи и Сѣверной Ѡссаліи и проходитъ черезъ *славянскія* страны. Въ виду послѣдняго замѣчанія Николукки казалось бы самымъ правдоподобнымъ ни въ Ѡссаліи, ни въ Пелопоннесѣ не видѣть примѣси славянской крови; между тѣмъ всѣ другія данныя указываютъ на эти страны, какъ на главные центры славянской колонизаціи въ Греціи. По мнѣнію послѣдняго антрополога, изучавшаго населеніе Пелопоннеса, Филипсона ³⁾ русый типъ указываетъ на примѣсь славянской крови.

Подводя итоги всему вышеизложенному, мы согласимся съ заключеніемъ г. Васильева, что «довольно крупныя славянскія поселенія начались въ Греціи съ конца VI вѣка, и къ 746 году они уже простирались до самаго юга».

Въ связи съ мореплаваніемъ у славянъ стоятъ ихъ поселенія на островахъ Эгейскаго моря ⁴⁾. Уже въ 623 году они напали на Критъ, въ 676 они окружили богатый торговый городъ Солунь и съ суши, и съ моря на однодревкахъ (ἐξ ἐνός ξύλου γλυπταί νηες). вѣроятно, подобныхъ тѣмъ, которыя въ концѣ VI вѣка славяне строили около Синги-

¹⁾ Ѡ. Успенскій. Значеніе византийской и южно-славянской прони. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію учениковъ Вл. Ив. Ламайскаго. 1883, стр. 10—12. О племени *Скортосъ* см. Васильевъ, 20.

²⁾ См. Diefenbach. Völkerkunde Osteuropas. I, (1880), стр. 142 и дал.

³⁾ Petermann's Mittheilungen т. 36 за 1890 годъ, стр. 1—11 и 33—41, „Zur Ethnographie des Peloponnes“.

⁴⁾ Не имѣя возможности посвящать этому вопросу отдѣльнаго изслѣдованія, укажу на статью о мореходствѣ и судостроительствѣ у древнихъ славянъ. Очень обстоятельно этотъ вопросъ разработана Пичемъ въ его книгѣ: «Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage» (1886), стр. 289—369, гдѣ мы находимъ также цѣнныя указанія на распространеніе арабскихъ, греческихъ и римскихъ монетъ въ западной Россіи. Куникъ, оспаривавшій существованіе флота у русскихъ славянъ до призванія варяговъ («Каспій» 1875, стр. 357 и дал.) стоялъ, мнѣ кажется, на ошибочной почвѣ. Балтійскіе славяне пользовались славою опытныхъ мореходовъ, южные строили для аваръ однодревки; почему русскіе славяне должны были отстать отъ своихъ соплеменниковъ? Свидѣтельство Константина Багрянороднаго (О народахъ, гл. 9) о томъ, что руссы не сами дѣлали свои однодревки, а покупали ихъ у мѣстныхъ славянъ, прямо говоритъ противъ Куника. Очень примитивныя суда, которыя ходятъ по р. Припяти и ея притокамъ подъ общимъ названіемъ *дубовъ*, описаны подробно и наглядно И. Зеленскимъ (Минская губернія. Ч. I, 1864, стр. 163).

дуна для аварскаго кагана. Въ 769 году императоръ Константинъ Копронимъ выкупилъ за двѣ съ половиною тысячи шелковыхъ одеждъ христіанъ, увезенныхъ славянскими морскими разбойниками съ острововъ Самоэракіи, Имбріи и Тенедоса. Кажется можно думать, что не всегда славяне являлись съ военной грой; вѣроятно, зачастую они приплывали съ мирной цѣлью колонизировать новыя плодородныя страны. «Плодородіе острова, очевидно, было одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ при заселеніи Крита славянами», категорически утверждаетъ Шишмановъ. Съ какого времени начинается славянская колонизація на островахъ Іонійскаго моря, сказать достоверно нельзя за неимѣніемъ прочныхъ данныхъ. Г. Мейеръ въ *Neugriech Studien* II, 6 констатируетъ, что, кромѣ 66 славянскихъ словъ, которыя могутъ считаться съ большей или меньшей вѣроятностію за общегреческія, есть еще 19 такихъ словъ, которыя, насколько извѣстно до сихъ поръ, или употребляются исключительно только на извѣстныхъ островахъ, или вообще мало распространены на материкѣ. На островѣ Самотраки у коренныхъ жителей извѣстно славянское слово *кратуна* (сосудъ для воды), не встрѣченное въ другихъ греческихъ діалектахъ ¹⁾. Все это указываетъ на сравнительную древность славянскаго элемента на островахъ. На Критѣ отмѣчены, вѣроятно, древнія поселенія *Склавопула*, *Склаверохори*, *Склавусъ* и болѣе новое *Вургаро*; хронологическія отношенія селеній *Тополья* и *Свинари* установить очень трудно. На Самотраки указано Дзеленика, на Самосѣ — *тò Потòхи*, на островѣ Тасосѣ *Воòлγаро*, основанное, вѣроятно, болгарскими выходцами.

Славянскія колоніи въ Южной Италіи болѣе новаго времени. Въ округѣ *Molise* донинѣ существуютъ три или четыре славянскія деревни съ населеніемъ тысячъ въ пять душъ, говорящимъ на икавскомъ нарѣчій сербскаго языка. По изслѣдованію Аранца, ²⁾ большинство сербскихъ колоній въ Италіи основано бѣглецами изъ Далмаціи и сосѣднихъ земель и стоитъ въ связи съ нашествіемъ турокъ въ XV и XVI вѣкахъ.

Славяне въ Испаніи были изучены Вл. Ив. Ламанскимъ, къ книгѣ котораго я и отсылаю читателя.

¹⁾ Шишмановъ, стр. 25, 27.

²⁾ Woher die Südslavischen Colonien in Süditalien? *Archiv f. Slav. Phil.* т. 14, стр. 78—82.

IX.

Родина славянского племени.

Вопросъ о томъ, съ какого времени славяне появляются за Одеромъ по направленію къ Эльбѣ и на берегахъ этой послѣдней, принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ въ области славянскихъ древностей. Врядъ ли при теперешнихъ средствахъ онъ допускаетъ окончательное разрѣшеніе. Онъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о родинѣ славянскаго племени, т. е. съ опредѣленіемъ той территоріи, въ которой славяне составляли еще одну этнографическую группу, мало дифференцированную въ отношеніи языка и культуры. При выясненіи этой родины приходится прибѣгать къ методу исключенія, отмѣчать тѣ области, въ которыхъ славяне не были автохтонами, принимая это слово въ томъ смыслѣ, что раньше ихъ въ извѣстной области не жилъ ни одинъ исторически извѣстный намъ народъ. Такъ, мы можемъ сказать, на основаніи анализа географическихъ именъ, одного изъ важнѣйшихъ средствъ при разрѣшеніи трудныхъ загадокъ доисторической географіи, что славяне явились на Дунай позже германцевъ, а германцы позже кельтовъ. На верхнемъ Дунаѣ уже во времена Геродота жили кельты, которые называли эту рѣку въ ея верхнемъ теченіи именемъ, распространившимся въ началѣ нашей эры на все ея протяженіе; по нижнему теченію Дуная сидѣли еракійцы, и отъ нихъ ведетъ свое происхожденіе античное имя Дуная, Истръ. Самое слово *Дунай* встрѣчается въ литературѣ въ слѣдующихъ формахъ ¹⁾: *Danubius* (у большинства

¹⁾ *E. Förstemann. Altdeutsches Namenbuch II Band. Ortsnamen 2 изд. 1872 стр. 452—453.* Пользуюсь случаемъ, чтобы упомянуть о мало замѣченной русской наукой книгѣ *W. Götz'a: „Das Donaugebiet mit Rücksicht auf seine Wasserstraßen nach den Hauptgesichtspunkten der wirtschaftlichen Geographie.“ 1882, гдѣ на стр. 18—26 разсматривается „вліяніе Дуная на историческія передвиженія народовъ“.*

римскихъ историковъ), *Danobius* (въ 790 г.), *Danuvius* (на надписяхъ), *Danovius* (въ древ.-герман. летописи), *Donov* (у Видукинда). Въ нѣмецкой формѣ *Donaui* произошло осмысленіе послѣдней части слова путемъ приспособленія кельтскаго —*ob*—или—*uv*—къ древнему германскому названію рѣка *awa*. Это подтверждается названіемъ придунайской области (*Donaugau*) *Donaugewe*, откуда видно, что нѣмцы исходили въ образованіи слова *Donaui* изъ формы *Don* (*aha* и *awa*—обычныя окончанія названій рѣкъ) ¹⁾. Что касается кельтскаго слова, то для объясненія его было предложено нѣсколько гипотезъ: одни (Цейсъ) видѣли здѣсь кельтскій корень *dána*, что значитъ *сильный, могучій*, предполагая, что рѣка получила свое названіе отъ сильнаго течения; другіе ²⁾ разлагаютъ слово *Danobius* или *Danovius* на двѣ части, изъ которыхъ первая (*da* ирійское=*dau* вельскому, послѣднее въ нѣмецк. *Tronouwe*—*Donaui*, срав. тамъ же стр. 100) значитъ *два*, а вторая (*nob* или *nov*) *рука, ручей*. Такимъ образомъ, по мнѣнію Моне, слово *Дунай* означаетъ собственно: *двѣ руки* (съ намекомъ на рѣки *Брегъ* и *Бригахъ*, изъ которыхъ онъ образуется) и объясняется изъ кельтскаго языка. Параллель этому Моне находить въ имени нѣмецкой рѣки *Zwifalten* изъ *zwifalt-aha*, т. е. *двойной ручей, два ручья*.

Какъ бы то ни было, германцы заимствовали названіе этой рѣки отъ кельтовъ, и по своему передали кельтское *a* черезъ *o*, которое потомъ обратили въ *u* (*Δουναβις, Δουναϊς*) въ отмѣченныхъ выше «Вопросахъ и отвѣтахъ» ³⁾. Славяне приняли это названіе въ пору германскаго вліянія на нихъ, когда долгое *o* они передавали по своему черезъ *у*, откуда объясняется форма *Дунавъ* и потомъ *Дунай* ⁴⁾, какъ слав. *бука* (гот. *boka*), слав. *дума* (гот. *doms*) ⁵⁾ и др.

Такимъ же инославянскимъ являются названія *Карпатъ* и *Эльбы*; что же касается Одера, то форма названія этой рѣки (*Odora, Oddara, Odagra, Odera, Adora*) не позволяютъ возстановить основную форму этого имени и дать ему этимологическое объясненіе ⁶⁾. Во всякомъ случаѣ, важно отмѣтить, что оно попадаетъ не разъ въ разныхъ мѣстахъ славянскій территоріи. Такъ, мы имѣемъ названіе ручья въ Хорватіи *Одра*, знаемъ притокъ Днѣпра, *Одрогъ*, на которомъ стоялъ городъ *Одрьскъ*, въ Чехіи въ 11 вѣкѣ была деревня *Obodrz* ⁷⁾, въ Польшѣ—болота *Одръ* и *Одрино*. Къ тому же названіе *Odora* встрѣчается въ литературѣ впервые у Экехарда, т. е. въ ту эпоху, когда славяне успѣли уже распространиться до Эльбы. Въ римской исторіографіи Одеръ, до котораго римляне никогда не доходили, носилъ, какъ полагаютъ современные изслѣдователи ⁸⁾, теоретическое названіе *Свебской руки* (*Σουθηρος ποταμός*). «Дѣйствительно, вѣдь до Одера римляне никогда не доходили», говоритъ г. Браунъ: «и среднее, и нижнее тече-

¹⁾ Народъ до сихъ поръ называетъ *Дунай*—*d'Dône. Backmeister. Alemanische Wanderungen. I. 1867, стр. 114.*

²⁾ *Mone. Urgeschichte des badischen Landes. 1845, т. II, стр. 79.*

³⁾ Ср. объ этомъ статью В. Вондрака въ *časopis česk. Museum. LXXIV, стр. 18—37* (рефератъ въ «Вѣстн. Слав. древн.» вып. 4, стр. 20—21).

⁴⁾ Ср. тамъ же замѣтку А. И. Соболевскаго стр. 19. Слав. имени *Дунай* посвящена статья Мюлленгофа въ I томѣ «Архива» Ягича; потомъ она была перепечатана въ «Deut. Alterthumskunde». т. II.

⁵⁾ Ср. Браунъ, стр. 15.

⁶⁾ Дамротъ (*Die älteren Ortsnamen Schlesiens. 1896, стр. 32*) производитъ его отъ корня *dur*. Одра значитъ будто бы: рвущаяся (дерущая) рѣка. Скорѣе бы подходило ирійское слово *odar* (темно-сѣрый).

⁷⁾ Ср. Браунъ, стр. 34. *Perwolf. Arch. VII. 596.*

⁸⁾ R. Much. *Deutsche Stammsitze. 184. O. A. Браунъ 35.*

ніе этой рѣки принадлежитъ къ областямъ наименѣе знакомымъ ихъ географамъ и историкамъ» (стр. 35). Это замѣчаніе надо имѣть въ виду, когда приурочиваютъ племенные названія германскихъ народовъ къ опредѣленнымъ территориямъ. Не имѣемъ ли мы права думать, что эта рѣка издавна называлась славянами Одрой, но Западная Европа узнала это имя лишь тогда, когда славяне распространили его до Эльбы и за нею.

Съ именемъ Карпатъ связано нѣсколько интереснѣйшихъ загадокъ изъ древнѣйшей славянской исторіи. *Karpátēs óros* извѣстны уже Птолемию; названіе ихъ, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ еракійскимъ племенемъ *Кáрτοι*, *Карпτιοί* и съ мѣстечкомъ на Балканскомъ полуостровѣ *Карпоудаίρον*¹⁾. Въ устахъ германцевъ (можетъ быть, бастарновъ), занявшихъ Карпаты, имя *Кáρτοι* по законамъ ихъ фонетики должно было принять форму *Harfi* или въ случаѣ слиянія старой и новой формъ (контаминаціи) *Harpi*, и это именно названіе мы находимъ у Птолемея (*Αρπιος*)²⁾. По тому же закону *Καρπάτης* должно было перейти въ германскихъ языкахъ въ *Harvatha*. Близость къ этому слову очень распространеннаго славянскаго племеннаго имени *Хорватъ* бросается въ глаза, и вопросъ заключается лишь въ томъ, какимъ образомъ можно установить фонетическую связь между тремя формами: *Harvatha*, *Хорватъ* и *Хрватъ*. Что эта связь существуетъ, дѣйствительно, за это говорятъ *οί Χρῶβατοι* у Константина Багрянороднаго, населявшіе Великую или Бѣлую Хрватию, вѣроятно совпадавшую съ Сѣв. Панноніей, а не съ Галиціей³⁾. Изъ словъ Константина, что Бѣлые Хорваты живутъ за *Τυρκίαι* (т. е. за Венгріей) около Франкіи (т. е. Германіи), за Баваріей, что они подвластны Оттону Великому, королю Франкіи и Саксоніи, никакъ нельзя заключить, что они обитали къ востоку отъ Карпатъ. Они граничатъ, по словамъ того же писателя, съ сербами, въ которыхъ, согласно съ г. Ласкинымъ (стр. 126), легче всего видѣть лужицкихъ сербовъ, не смотря на заманчивое сопоставленіе названія сербской земли у Константина (*Βόσχι*) съ современными *Бойками*. Арабскіе источники вполне подтверждаютъ слова царственнаго историка. Такъ, Масуди, писавшій въ началѣ 10 вѣка, вѣроятно, по источникамъ 9 вѣка, упоминаетъ въ ряду славянскихъ племенъ⁴⁾ слѣдующія: *сарбинъ*, *моравъ*, *харватинъ*, *сасинъ*, *хашанинъ*, (вариантъ: *зашабинъ*, т. е. *кашебы*⁵⁾), *баранджабинъ*⁶⁾. Это замѣчательное мѣсто даетъ списокъ западныхъ славянъ, среди которыхъ попали и нѣмцы, имя которыхъ передано въ славянской формѣ (*сасинъ*). Не вдаваясь въ разборъ отдѣльныхъ именъ, укажу на изслѣдованіе г. Вестберга: «Ibrahims-Ibn-Iakubs Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre 965» (1898), гдѣ на стр. 45—50 читатель найдетъ указанія относительно всей группы славянскихъ именъ, упо-

¹⁾ W. Tomaschek въ статьѣ: „Die alten Thraker“ (Sitzungsberichte Вѣнской Акад. Наукъ. т. 130 за 1894 г.), стр. 91.

²⁾ Браунъ. 173—175.

³⁾ Войцеховскій (Chrobасау. I. 1873) отождествляетъ ее съ краемъ къ сѣверу отъ Карпатъ, г. Ласкинъ въ своемъ переводѣ сочиненій Константина Багрянороднаго (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Москва 1899, т. 188) съ Галиціей, Смичивлась (стр. 91—92), повидимому, съ краемъ къ сѣверо-западу отъ Карпатскихъ горъ, хотя при этомъ думаетъ, что на родинѣ славянскаго племени, къ сѣверо-востоку отъ Карпатъ, была хорватская земля (*teklo ime zemlje hrvatske prдавne domovine Hrvata*) и т. д.

⁴⁾ Гаркави Сказ. мусульм. писателей и т. д. стр. 136.

⁵⁾ Куникъ. Извѣстія Ал-Беври стр. 76.

⁶⁾ Можетъ быть, Туранджанинъ-Тюрингія.

мянутых Масуди. Для насъ важно было только указать на то, что и въ арабскихъ, и въ византийскомъ источникѣ хорваты граничатъ съ германцами. Врядь ли мы не должны согласиться съ г. Кентшинскимъ, что подь бѣлхорватами подразумѣваются славяне, жившіе въ Сѣверной Панноніи и достигавшіе черезъ Дунай до Чехіи ¹⁾). Какъ бы то ни было, они были тѣсно связаны съ прикарпатской областью, и скандинавское пониманіе Карпатъ, какъ Хорватскихъ горъ (Harvada—fjöll), основано на реальномъ фактѣ. Переходимъ къ выясненію имени хорватовъ, совершенно отказываясь отъ его этимологическаго толкованія, которое послѣ многихъ попытокъ (Первольфа, Гейтлера и др.) не привело ни къ какимъ прочнымъ результатамъ.

Какъ уже было сказано выше, имя Хорватъ дошло до насъ въ двухъ формахъ. Прежде всего остановимся на формѣ *Хрватъ*, которая въ устахъ нѣмцевъ обратилась въ *Croat, Crobat* и др. Она встрѣчается многократно среди географическихъ названій въ странахъ со славянскими поселеніями. Такъ, на верхнемъ Мурѣ между городами Книттельфельдъ и Леобенъ (Дубно) былъ извѣстенъ уже въ 978 году *pagus Crauwati, Chrowat*, въ 11 вѣкѣ *praedia Chrovata et Ruma* ²⁾, *Crowat Chrowat* 1125, 1161 г. ³⁾ и т. д. Въ документѣ 1086 г., гдѣ Генрихъ IV подтверждаетъ границы пражскаго епископства, установленныя въ X вѣкѣ, упоминаются *Crouati et altera Chrouati* рядомъ съ Силезіей; въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи *Хрватѣ бѣли* (изъ Византийскаго источника) рядомъ съ *Хорвати, Хрватѣ* ⁴⁾; за то, что форма *хрватѣ* не была только книжной, но жила и въ устахъ народа, говорить ея переживаніе въ видѣ собственнаго имени ⁵⁾: *Kraut*, которому соотвѣтствуетъ старое *Krauwati*. Гораздо чаще имя хорватовъ встрѣчается въ формѣ *Харватъ* и соотвѣствующихъ ей *Хорватъ, Харватъ, Хрватъ*, при чемъ вторая форма отвѣчаетъ законамъ польскаго языка, а также возможна въ русскихъ акающихъ говорахъ, послѣдняя же образована по законамъ чешской и сербской фонетики, а первая—русская; она же сохранилась, вѣроятно, въ качествѣ рефлекса гласнаго *p*, и въ нѣмецкихъ мѣстныхъ названіяхъ; приведемъ небольшой списокъ ихъ. На р. Сааль въ Вейссенфельзенскомъ округѣ, къ юго-западу отъ Лейпцига лежитъ нѣмецкое селеніе *Gross—Corbetha*, которое такъ названо нѣмцами потому, что противъ него лежало некогда славянское, теперь тоже нѣмецкое одноименное славянское селеніе—*Klein—Corbetha*. Въ старыхъ документахъ первое носить слѣдующія имена: *Curwadi* и *Curwati*, 1012—1023 *Curwate*. 1279 *Chorwet*, 1282 *Corwethe*, 1320 *Corwete*, *Kurwete* ⁶⁾. Въ землѣ полабянъ Первольфъ ⁷⁾ упоминаетъ о селѣ *Karft*, которое въ 1230

¹⁾ См. его статью „Granice Polski w X wieku“ (Rozprawy Krak. Акад. Наукъ т. 30 за 1894). Ср. также В. Богуславскаго т. II, стр. 109 и слѣд.

²⁾ Marjan. Rheinische Ortsnamen. IV, стр. 22.

³⁾ O. Kaemmel. Die Anfänge deutschen Lebens in Oesterreich 1879, стр. 144—145. (Вся область окрестъ Св. Вита называлась въ 10 вѣкѣ *pagus Crouvati*).

⁴⁾ Эту и еще другіе факты у Шафарика (т. II. кн. 2 стр. 46—47). *Chrowatu* (селеніе) у Титмара, *Crowate* (тоже) у лѣтописца Саксона, *Cruwati* (тоже) въ Саксонской хроникѣ, *Crubate* (селеніе) подь 1055 г.

⁵⁾ G. Weisker Slavische Sprachreste, insbesondere Ortsnamen, aus dem Havellande und den angrenzenden Gebieten I Theil Rathenow. 1890 стр. 13.

⁶⁾ A. Brückner. Die slavischen Ansiedlungen im Hassengau. Archiv f. slav. Phil т. V, стр. 343.

⁷⁾ Германизація балтійскихъ славянъ, стр. 28. Кюнелъ (Мекленбургскія имена), стр. 65.

году называлось *Karwete*. Вейскеръ упоминаетъ о желѣзнодорожной станціи *Corbetha* ¹⁾, названіе которой несомнѣнно напоминаетъ о хорватахъ. Въ Данцигскомъ округѣ донинѣ сохранилось селеніе *Charwatanno* ²⁾ (кашуб. слово, которое соответствуетъ польскому *Charwatynia*). Шафарикъ ³⁾ нашелъ уже въ 1542 году упоминаніе о селеніи *Хорвачи* въ Тверскомъ уѣздѣ. Не приводя дальнѣйшихъ географическихъ именъ, укажу на то, что, по моему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ двумя формами, соотношенія которыхъ я не рѣшаюсь объяснять натянутыми гипотезами. Первая форма стоитъ въ непосредственной связи съ германской *Harvatha*, откуда и заимствована по законамъ славянской фонетики (праславянская форма должна быть *Хорватъ*) въ видѣ *Хрватъ* у польскихъ славянъ или *Храватъ* у сербовъ и чеховъ (отсюда формы *Cravati*). Вторая форма предполагаетъ основную *хърватъ*, откуда сербское и чешское *hrvat*, польское *charvat*, рус. *Хорватъ*; *Хърватъ* должна соответствовать первоначальному *hurvat* (ср. формы *surwati*).

Если названіе Карпатъ не національно славянское, то тоже надо сказать и объ ихъ частяхъ, Бескидахъ или Татрѣ. Слово *Бескиды* не славянскаго, а вѣроятно германскаго происхожденія (ср. Браунъ 16). «Знакомство славянъ съ Карпатами въ послѣднюю эпоху жизни общеславянскаго языка», говоритъ проф. А. И. Соболевскій (стр. 19 указ. ст.): «также не подлежитъ сомнѣнію; польск. названіе этихъ горъ *Beszczydy* (изъ *Бескыды*) присутствіемъ въ немъ смягченія говоритъ о своемъ нахожденіи у славянъ въ глубокой древности. Но болѣе распространенныя формы того же названія русск. *Бескыды*, *Бескиды*, польск. *Beskiady*, безъ смягченія, показываютъ, что занятіе славянами Карпатъ произошло относительно поздно. Различіе въ звуковой окраскѣ другого названія тѣхъ же горъ—словацк. *Tatry* и рус. *Тютры*, *Толтры* происходитъ едва ли не отъ того, что словаки и русскіе заимствовали его у какого то народа независимо другъ отъ друга и, можетъ быть, въ разное время».

Разрѣшеніе этого вопроса, поставленнаго проф. Соболевскимъ, принадлежитъ, вѣроятно, романистамъ: формы *tatr*-и *toltr*-заимствованы, повидимому, изъ разныхъ діалектовъ одного и того же романскаго, можетъ быть, румынскаго языка. Приведу слѣдующія строки изъ уже цитированной грамматики романскихъ языковъ Мейера-Любке (т. I, § 478): «въ то время, какъ *старые* діалекты Румыніи, насколько извѣстно, сохраняютъ *l*, истрийское нарѣчіе выпускаетъ его передъ зубными и губными». Такъ, изъ латинскаго *calidus* (*caldus*) возникаетъ въ этомъ діалектѣ *kad* черезъ посредство *kald*, *kaud*. Въ случаѣ, если истрийское нарѣчіе съ этой своей особенностью стоитъ или стояло не одиноко среди румынскихъ нарѣчій, то придется думать, что форма *Tatry* заимствована въ болѣе позднюю пору, чѣмъ *Толтры*.

Такимъ образомъ, намъ предстоитъ задача выяснить, насколько это въ нашихъ силахъ, предѣлы распространенія славянскаго племени въ общеславянскую эпоху. Если ни въ *неврахъ*, ни въ *будинахъ* Геродота не скрываются славяне, если извѣстія и о венедахъ отличаются поразительной скудостью, то мы должны прибѣгнуть къ иному способу для нѣкотораго разъясненія того тумана, который окружаетъ

¹⁾ Slavische Sprachreste, стр. 13.

²⁾ W. Kętrzyński Nazwy miejscowe polskie Prus Zachodnich, Wschodnich i Pomorza. 1879 стр. 39. Другое кашубское селеніе съ тѣмъ же названіемъ находится въ Вейгеровскомъ округѣ. См. St. Ramułt. Statystyka ludności kaszubskiej. Kraków. 1899, стр. 57.

³⁾ Слав. древн. т. 2 кн. 2, стр. 171.

родину славянского племени. Этимъ способомъ является изученіе географической номенклатуры и словарнаго матеріала, заключеннаго въ живыхъ и мертвыхъ славянскихъ языкахъ. Попытку классификаціи послѣдняго даетъ книга проф. А. Будиловича: «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ». (ч. 1-ая и части 2. 1 вып.) 1881—1882.

Данныя славянскаго словаря заставляютъ насъ видѣть въ славянской родинѣ страну гористую и обильную болотами, какъ Волинь. Общеславянскія слова: *хлѣвъ, бедро, могила, скала, окопа, прыгуня*, (гот. *fairguni*), *гора, тѣсъ, планина* (нагорная плоскость), *яръ* (узкая долина), *драга* (долина), *возъ* (дорога по дну долины), *юдоль, дѣбрь*, (заросшая лѣсомъ долина), *яруга* (болотистая долина) и т. д.; далѣе я назову слова: *пещера, пропасть, вертепъ, яскиня, язва, дуплина, нора, яма, ровъ*. Приводимыя г. Филевичемъ (Исторія древней Руси. 1896, стр. 91) слова: *нимяречи (мяречи, меречи), нитры, твани, вуря*, обозначающія извѣстныя болотныя пространства Бѣлоруссіи и сѣверной Малороссіи, нужно очень осторожно вносить въ общеславянскій словарь. Въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1895, № 4) г. Филевичъ отводитъ славянамъ «сѣверно-восточную низъ» карпатскихъ горъ. Протяженіе ея отъ сѣвера на югъ, отъ верховьевъ Птичи до верховьевъ Случи, онъ исчисляетъ въ 400 верстѣ; съ запада на востокъ по Припяти болѣе 600 верстѣ. Съ выводами г. Филевича дословно совпадаетъ заключеніе стараго хорватскаго ученаго Шулека, который на основаніи общеславянской номенклатуры утверждаетъ (Rad. 1877, кн. 39: *Pogled iz biljarstva u praviek slavenah a narose hrvatah*, стр. 1—64), что «славяне жили не на крайнемъ сѣверѣ и не гдѣ нибудь въ азіатскихъ или восточно-европейскихъ степяхъ, потому что растительность ихъ не носитъ общеславянскихъ названій, исключая тѣ растенія, которыя извѣстны не только въ степяхъ, но и на другихъ равнинахъ (таковы *ковиль, волосянка, тирей, молочай* и др.)». Общеславянская растительность близка къ сѣверно-хорватской. «Нигдѣ», продолжаетъ Шулекъ: «нельзя найти столько лѣсовъ, подобныхъ нашимъ, и кромѣ того, неизмѣримое пространство плодородныхъ полей, какъ на *сѣверо-восточномъ* склонѣ Карпатскихъ горъ». По мнѣнію Барсова («Очерки русской исторической географіи» изд. 2, стр. 75), родина славянъ занимала полости южнаго Буга, Днѣстра и западную часть полости Днѣпровской.

Наиболѣе чистую славянскую географическую номенклатуру мы находимъ опять не въ Венгріи и не около Дуная, а на сѣверѣ отъ Карпатъ, на востокъ къ Днѣпру, въ Подоліи, Волини, Галиціи и Польшѣ.

Изученіе названій рѣкъ могло бы открыть передъ наукой совершенно новые горизонты. Это изученіе въ связи съ изслѣдованіемъ древнихъ переправъ, количества поселеній по рѣкѣ въ старое и новое время, однимъ словомъ въ связи съ исторической географіей привело бы къ выясненію племенныхъ передвиженій и преемственности населенія, вѣроятно, болѣе положительнымъ образомъ, чѣмъ это позволили сдѣлать употреблявшіеся до сихъ поръ методы. Съ этой точки зрѣнія историко-географическій матеріалъ не былъ еще, кажется, изученъ не разу. Даже самая элементарная часть подобнаго изслѣдованія находится донинѣ въ пренебреженіи, и самыя названія рѣкъ и ручьевъ не приведены въ систему и не каталогизированы. Такъ, мы не имѣемъ до сихъ поръ обзора всего бассейна Днѣпра, Дона, Волги; что касается важной для насъ рѣки Нѣмана, то монографія о ней извѣстнаго поль-

скаго поэта Кондратовича-Сырокомли: «Niemen od źródeł do ujścia» (Wilno 1861) ¹⁾ занимается главнымъ образомъ самимъ Нѣманомъ, а не его притоками; изъ этихъ послѣднихъ очень важнаго изслѣдованія удостоилась только рѣка Вилія ²⁾. З. Двина нашла опытнаго изслѣдователя въ лицѣ г. Сапунова, которому принадлежитъ отличная работа: «Рѣка Западная Двина» (1893); о рѣкѣ Березинѣ мы находимъ кое-какія свѣдѣнія въ изданномъ гр. К. Тышкевичемъ «Opisanie powiatu Woguzowskiego» (1847 г.); далѣе за справками о Припяти и другихъ лѣвыхъ притокахъ Двѣпра приходится обращаться къ изданію Генеральнаго штаба подъ общимъ названіемъ «Матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами Генеральнаго штаба» (Корево. Виленская губ. 1861, Бобровскій. Гродненская губ. 1863, Зеленскій. Минская губ. 1864). Въ польской наукѣ мы находимъ работы Л. Вольскаго: «Rys Hydrografii królestwa polskiego», гдѣ авторъ ограничивается описаніемъ (неполнымъ) бассейна Вислы, и «Jeziora w królestwie polskiem» (Biblioteka Warszawska 1851, I), трудъ широко задуманный, но далеко не конченный; описаніе Вислы Кольберга, котораго мнѣ удалось достать только 2-й томъ, посвященный метеорологическимъ вопросамъ, а также книгу Викентія Поля, котораго специалисты упрекаютъ въ неправильной передачѣ географическихъ названій ³⁾, подъ заглавіемъ: «Hydrografia polska» (Собран. соч. т. II) и трудъ Кентшинскаго: «Rzeki i jeziora; tekst objaśniający do mapy hydrograficznej dawnéj Słowianszczyzny części północno-zachodniéj» (Warszawa 1883). За неимѣніемъ полнаго свода рѣчныхъ названій по отдѣльнымъ бассейнамъ ⁴⁾ изслѣдователю приходится прибѣгать къ мелкой газетной и журнальной литературѣ ⁵⁾, къ географическимъ словарямъ ⁶⁾ наконецъ къ географическимъ картамъ, при чемъ надо замѣтить, что именно въ этомъ отношеніи карты генеральнаго штаба даютъ довольно мало: карты 10 верстнаго масштаба, которыми мнѣ приходилось пользоваться, оставляютъ множество мелкихъ рѣчекъ безъ названій.

Сопоставляя названіе рѣкъ въ бассейнахъ Припяти, Нѣмана, Западной Двины, Березины и Вислы, мы можемъ замѣтить рѣзкую границу въ географической водной номенклатурѣ, проходящую къ сѣверу отъ Припяти. Можно, кажется, сказать, что сѣверные притоки этой рѣки принадлежатъ по своимъ названіямъ къ той области, которую ха-

¹⁾ Удивительно небрежно эта книга переведена въ Памятной книжкѣ Сувалской губ. на 1875 г. (стр. 51—81). Небрежность переводчика доходила до того, что рѣку Доломланку онъ превращаетъ въ Дотомлянку, Балайце въ Вилайце, Ландорекъ въ Ландорсу и т. д.

²⁾ «Wilija a jej brzegi» графа Е. Тышкевича (Роскошное изданіе со множествомъ снимковъ).

³⁾ Книги В. Поля я, къ сожалѣнію, не могъ достать при всемъ желаніи.

⁴⁾ Очень почтенный и до сихъ поръ важный трудъ Штукенберга: «Hydrographie des Russischen Reiches» т. I. 1844 (Балтійскій бассейнъ отъ Одера до Торнео)—т. VI. 1849 не полонъ именно въ этомъ отношеніи.

⁵⁾ Библиографическія свѣдѣнія можно найти у Балтрамайтиса, въ изданіи З. М. Пенкиной «Польша Библиографическія матеріалы по исторіи, географіи и т. д. Польска» (1888), у Фивкела «Bibliografia Historji polskiej». (Краковъ 1893—1900).

⁶⁾ «Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи» П. П. Семенова (т. I—V. 1863—1873); новое изданіе по этой части—превосходный Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów Słowiańskich (т. I—XIII. 1880—1894); для выясненія литовскихъ элементовъ хорошимъ пособіемъ можетъ послужить трудъ И. Спрогиса: «Географическій словарь древней Жюмойской земли XVI столѣтія» (1888).

рактизируют имена Нѣманскихъ, Двинскихъ и Березинскихъ притоковъ, тогда какъ южные (за исключеніемъ Уши-Ужа) относятся съ этой точки зрѣнія къ области, занятой притоками Вислы и Одера. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Часть ихъ приведена въ книгѣ И. П. Филевича: «Исторія древней Руси» (т. I, стр. 123—132), часть заимствована мною изъ вышеназванныхъ источниковъ и картъ ¹⁾.

- 1) *Нача* въ бас. Припяти (прит. Лани), *Неначь*, лѣв. Припяти, *Нача*, лѣв. Березины (Днѣпровской), *Нача* въ томъ же бассейнѣ, лѣв. Березины, *Нача* въ бас. З. Двины (притокъ р. Двины и еще притокъ р. *Обши*), *Начала*, лѣв. Вилии (alis или elis—литовскій суффиксъ им. существ. уменьшительныхъ), *Нача*, одинъ изъ истоковъ р. Котры; въ бассейнѣ Вислы, Одера и др. рѣкъ ничего подобнаго нѣтъ.
- 2) *Лоша*, лѣв. Чертня (Прип.), *Лоша* (лѣв. Вилии, лѣв. Нѣмана), *Лашанка* (лѣв. нѣманской Свислочи). Мнѣ кажется, что названіе этой рѣки происходитъ отъ литовскаго слова *laszis* (лосось). На возможность такого объясненія указываетъ существованіе въ бассейнѣ того же Нѣмана рѣки *Лососны*, имя которой произошло, какъ полагаютъ (Пам. кн. Сув. губ. на 1875 г., стр. 61), отъ того, что эта «рѣка изобилуетъ форелью, составляющею, какъ извѣстно, родъ лосося». Напомню еще рѣку *Лососину*, въ бассейнѣ Вислы.

Къ числу такихъ же рѣкъ, которыя заводятъ насъ въ Литву потому ли, что тамъ сосредоточено наиболѣе одноименныхъ, или потому что ихъ этимологія прямо указываетъ на литовское происхожденіе, слѣдуетъ отнести слѣдующія названія рѣкъ Минской губерніи, притоковъ Припяти и Березины: *Улла* ²⁾ (бас. Нѣмана, З. Двины, *Ола* въ бас. Березины), *Можя* ³⁾ бас. Припяти, Березины, *Можанка*, прав. Березины, *Уша* ⁴⁾ и *Уса* (ср. лит. *uosis*, ясень), *Митва* и *Митва* (у Сп-

¹⁾ Укажу еще на интересную статью проф. А. А. Кочубинскаго „Территорія древней Литвы“ (Ж. М. П. Пр. 1897 № 1, особ. стр. 78—92).

²⁾ Спрогись 320. *Улоя*, р. въ Россіенскомъ у., 211—212; *Олея* и *Олона*, двѣ небольшія рѣчки въ Литвѣ. Согласно съ Кочубинскимъ (84 стр.), думаю, что въ основѣ названія лежитъ латышское слово *ohla* (мелкій камень), которому соответствуетъ предполагаемое литовское *uola*. Въ зависимости отъ діалекта начальнйи звукъ *uo* произносится какъ *o* или какъ *u*; съ помощью суффикса—*onas* (о немъ см. Leskien Bildung der Nomina im Litauischen. 1893, стр. 392—395) образуется существительное или прилагательное *uolona*, откуда названія *Олона* и *Улона*.

³⁾ Это несомнѣнно литовское слово, которое въ названіяхъ поселковъ и рѣкъ широко распространено на территоріи современной и прошлой Литвы; оно происходитъ отъ литовскаго слова *tažas* (малый). Филевичъ (стр. 128) знаетъ не *Можя*, а *Мажя*.

⁴⁾ Весьма замѣчательно, что въ бассейнѣ Припяти мы находимъ и *Ушу* и *Цну*, и *Шацку*. Случайность-ли, что въ бассейнѣ Оки мы встречаемся и съ *Цной*, и съ городомъ *Шацкомъ* (изъ Шатьскъ? ср. р. *Шать*) около нея; случайность-ли, что въ этомъ бассейнѣ множество рѣчныхъ названій оканчивается на *ша*, *са*, *за*, т. е. имѣетъ тѣ же окончанія, которыя особенно обычны въ изучаемомъ нами районѣ (въ этомъ я совершенно согласенъ съ Филевичемъ, стр. 123); наконецъ, названіе рѣки *Улы* случайно-ли только напоминаетъ литов. *ure* (рѣка)? Я склоненъ отрицать эту случайность и видѣть здѣсь слѣды исконнаго распространенія литовскаго племени (черезъ притоки Зап. Двины) далеко на востокъ, гдѣ оно столкнулось въ предѣлахъ Тамбовской и Пензенской губерній съ миромъ финскимъ. Литовско-финскія отношенія, предшествовавшія германо-финскимъ, общія заимствованія изъ пранскаго языка въ литовскомъ и финскомъ объясняются едва-ли не этимъ путемъ. Въ подтвержденіе своей мысли укажу въ бассейнѣ Оки на слѣдующія рѣки: *Рузи* (ср. латыш. *rohse*, чит. *ruase*, холмъ среди болота, прогалина въ лѣсу; рус-

рогиса *Митуса* и др. Кочубинскій 91) и много друг. Среди озеръ сѣверной части Минской губерніи нерѣдко можно встрѣтить чисто литовскія названія: таковы *Жовинь* (жмудская форма литовскаго *ziwinas*, рыбный), *Пеликз* (Кочуб. 83), *Мором* (ibid. 83, ср. *Морожа*, лѣв. Орессы), *Окано* (лит. *ikanas*, тревожный, мутный, бурный), *Мигото* (лит. *tiegotas*, сонный), *Шино* (лит. *sienas*, сѣно) *Жоботь* (*zabas* хворость), *Вильже* (отъ *ilgas*, длинный), и т. д. Среди болотъ Минской губ. обращаютъ на себя вниманіе многочисленныя *Галы* (въ Мозырскомъ у.; *Гало* у истоковъ Жерева и т. д.), которые знаменуетъ конецъ болотъ (ср. лит. *galas*, конецъ). Кочубинскій предполагаетъ, что два притока рѣки Птича, *Ореса* (иначе *Ареса*) и *Докожа*, носятъ такія же птичьи имена, какъ и принимающая ихъ рѣка.

Для объясненія этихъ словъ онъ прибѣгаетъ къ помощи литовскаго языка, гдѣ находитъ слово *arasas* (водяной дровзъ) ¹⁾. Мнѣ казалось бы гораздо болѣе возможнымъ сопоставлять это названіе съ лит. *aresas* или *aresa* (отъ *aras* орелъ и суф. *esa*, какъ въ *vaikėsas*, *tergesa* и т. д. Leskien. Bildung. 594—595); тогда бы *Ореса* значила *Орликъ*, *Орлица*, *Орелъ* (распространенное названіе рѣкъ). Что касается объясненія имени *Докожи* (не *Декольжи*?), то я не могу распутать его, и не думаю, что объясненіе проф. Кочубинскаго, которому вообще удалось предложить рядъ правдоподобныхъ этимологій, эта задача удалась ²⁾.

ское *у* передается латышами черезъ звукъ *ua—oh*, какъ это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ I. Энгелинемъ въ Живой Старинѣ. т. IX, стр. 305—306; могло быть и обратно при близости этихъ звуковъ въ старѣйшихъ наименованіяхъ. Въ бассейнѣ Вислы, тамъ гдѣ ниже указаны слѣды литовской номенклатуры, мы находимъ рѣки *Рузь*, *Рузечи*, *Жиздра* (ср. *Жиздра* рѣчка въ Россіенскомъ у. Спрогисъ 115, рядъ селеній и урочищъ *Жиздра* въ Литвѣ. Это названіе происходитъ отъ лит. слова *zigdras* (въ діалектахъ *zigdras* или *zeidrās*), которое распространено въ Шавельскомъ и Шадовскомъ уѣздахъ Ковенской губ.; такимъ образомъ, какъ *Уна*, такъ и *Жиздра* вполне объясняются изъ литовскаго языка), *Витебетъ* (ср. *Витѣба*, лѣв. З. Двины), *Уа* (ср. *Уе Уисъ* у Спрогиса, рядъ селеній: *Уяны* и т. под.), *Виша* (путемъ народной этимологіи изъ *Висса*, прит. ср. Наревскаго Бобра), *Ушна* (у Спрогиса *Ушна*) и т. д. Можно было бы привести еще нѣсколько примѣровъ, но я этого не дѣлаю въ виду той шаткой почвы, которая до сихъ поръ находится у насъ подъ ногами въ этихъ вопросахъ. Такъ напр., какого происхожденія названіе р. *Исса* въ бассейнѣ Оки (прит. Мокши)? Одноименную рѣку мы видимъ въ бассейнахъ Нѣмана и Печоры. Было бы очень заманчиво сопоставлять рѣку *Серезу* (притокъ Тешы) съ лит. глаголомъ *Sergiu* (сторожу) въ смыслѣ пограничной рѣки съ чуждымъ (финскимъ) міромъ. Любопытно отмѣтить, что *Цна* и *Шацка* проникли и въ бассейнъ Одера въ формахъ *Zinna* и *Schätzke* (о нихъ ниже). Уже Надеждинъ въ своемъ извѣстномъ „Опытѣ исторической географіи Русскаго міра“ (Библиотека для чтенія за 1837 г. іюнь, стр. 63), указавъ на удивительное распространеніе названія Цны, утверждалъ, что это имя „кажется типическимъ въ номенклатурѣ водъ южной Чуды“ (т. е. финновъ), этнографическій міръ которыхъ Надеждинъ представляетъ себѣ очень смутно). Онъ находилъ то же имя и въ названіяхъ Десны и Дисны, съ чѣмъ я никакъ не могу согласиться какъ разъ потому, что тогда трудно бы понять, почему въ однихъ мѣстахъ *Десна* слилось въ *Цна*, а въ другихъ нѣтъ.

¹⁾ Куршатъ приводитъ это слово въ ковычкахъ, указывая этимъ на свое незнакомство съ нимъ; нѣтъ его и въ словаряхъ Юшкевича и Межиниса; въ казанскомъ изданіи литовскихъ пѣсень мы находимъ слово *aras* (№ 193, строфа 20: *aras* rajėtos vedega) въ значеніи *ола*. Слѣдовало бы поискать это слово у Довконтъ въ *Budas senoves*.

²⁾ Укажу еще на одинъ замѣчательный фактъ: изъ всѣхъ индоевропейскихъ языковъ только славянскій и литовскій варьируютъ въ названіи *бобра* начальное *б* съ *д* (серб. *дабар*, рус. *бобръ* и *бобръ*; ср. лит. *debras*, *babras* и *debras*, *dabras* и названіе рѣчки *Dabrute*). Въ Минской губ. озеро *Дабрелина* прямо подходит къ лит. *dabrelis* (бобринь).

Въ результатѣ вышеизложенныхъ соображеній я рѣшаюсь повторить, что къ сѣверу отъ Припяти славянская родина не шла. Если и теперь еще въ Виленской губерніи уцѣлѣли островки литовскаго населенія ¹⁾ и остатки его сохранились въ географическихъ названіяхъ (оз. Виленскаго у. *Бобрусы*, *Кевле*—лит. *kiāule*, *Латше* и др., въ Дисненскомъ *Плисы*, *Сисо* ср. *Шиня* рѣка, *Силовское* и др., въ Лидскомъ *Мотара*, *Пелляса*, *Укла* и т. д.), то въ старое время она была густо заселена литовскимъ племенемъ, которое и доходило до Припяти на югъ (развѣ немного опускалось къ югу) и Березины на юго-востокъ. Если это такъ, то славяне не могли распространяться на востокъ и на сѣверо-востокъ къ Волхову иначе, какъ по Днѣпру и потомъ по Дону, гдѣ слѣды славянской колонизаціи восходятъ, повидимому, къ очень дальнимъ временамъ. И здѣсь географическая номенклатура связываетъ русскихъ колонизаторовъ новгородской области съ исконными обитателями Польска: *Волховыя* болота Мозырскаго уѣзда, *Волхвъ* (протокъ между глухой Ланью и Припятью) слишкомъ напоминаютъ нашъ знаменитый Волховъ, чтобы обойти ихъ молчаніемъ.

Дѣло будущаго изслѣдователя объяснить нѣкоторыя весьма любопытныя рѣчныя названія сѣверной полосы Россіи. Такъ, мы находимъ около Вышняго Волочка рѣку *Цну* (Stuckenberg. I. 344—346), въ Череповецкомъ уѣздѣ *Лошу* (V. 353), не говоря уже о другихъ рѣкахъ, названія которыхъ повторяются въ бассейнѣ Припяти и Нѣмана или легко объясняются изъ литовскаго языка (напр. *Волми* Stuck. I. 412, *Серезжа* I. 442, *Немина* I. 578, *Шалина* V. 325, *Кава* V. 326, *Дубно* V. 331, *Сара* V. 392, *Неро* V. 393 и т. д.).

Обращаясь къ бассейнѣ рѣки Вислы, мы находимъ среди его рѣчныхъ названій три языковые элемента: литовскій, славянскій и кельтскій. Литовскій мѣръ тянется отъ лѣсовъ Гродненской губ. и охватываетъ нижнее и среднее теченіе Буга (приблизительно до Бресть-Литовска), переходитъ при впаденіи Буга въ Вислу черезъ эту послѣднюю, идетъ далѣе по Бзурѣ, приближается къ притоку Варты, Неру, и по нему достигаетъ Варты, за которую заходитъ развѣ только sporadически. Славянскій мѣръ простирается отъ Припяти до Бресть-Литовска, а отъ него сплошной полосой направляется черезъ Польшу къ Одеру, по которому и достигаетъ моря. Западной границей его я склоненъ считать Днѣпръ отъ Припяти (можетъ быть, даже отъ Березины) до Орла, хотя теперь, пока не сдѣлано детальнаго розысканія въ этомъ направленіи, утверждать это, конечно, невозможно. Къ югу отъ Орла въ Днѣпръ впадаетъ уже иранская рѣка Самара.

Такимъ образомъ, южная граница славянской родины сначала совпадала, какъ мнѣ думается, приблизительно съ южной границей Кіевской губерніи, далѣе переходила въ Подольскую губ. и по ней приблизительно вдоль 49 сѣв. широты достигала Карпатъ, юго-западной границы славянскаго міра (до 23° вост. долг. отъ Гринвича). Здѣсь онъ сталкивался съ кельтскимъ, слѣды котораго сохранились въ названіяхъ карпатскихъ рѣчекъ *Лабуръ* и *Варъ*, и подымался по Сану къ сѣверу, и отъ Вислы тянулся къ западу къ Вартѣ и по ней къ Одеру, по которому и добирался до моря. Переходя къ анализу названій рѣкъ въ бассейнѣ Вислы, я остановлюсь сначала на словахъ литовскаго происхожденія. Таковы имена *Бугъ* (лит. *baugis*,

¹⁾ Объ этомъ см. статью Анонима: „Obszar języka litewskiego w gub. wilenskiej“ (Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. т. III. 1898). Мой рефератъ этой статьи въ V т. изв. II отд. (стр. 358 и далѣе).

страшный), *Вкра* (прит. Нарева, лит. *vikrus*, быстрый), *Илга* (лѣв. Вислы, въ сторонѣ отъ литовской массы, ср. озеро въ Трокевомъ у. *Илги*, въ свенцянскомъ *Илга* и *Илмянка*, лит. *ilgas*, длинный, долгій), *Мрота* (прит. Бзуры, ср. выше *Мороги*, *Морожа*, лит. *margas*, блестящій, пестрый), *Равка* (прит. Бзуры, ср. *Рова*, прав. прит. Березины, лит. *rova*, вода на лугахъ, оставшаяся отъ наводненій и половодья), *Свидеръ* (прав. Вислы недалеко отъ Варшавы, лит. *svidi* блещу, откуда прилаг. *svidrūs*; теперь извѣстно только другое образованіе *svidūs*, яркій, блестящій, свѣтлый), *Крзна* (лѣв. Буга, ср. *Кирсна* прит. Двины, у Спрогиса: *Киркинава*, *Киркина*, *Киршинъ*, рѣчки въ Литвѣ; въ древней Пруссіи *kirsne campus*, *kirsno lacus*; всё эти формы восходятъ къ общелитовскому, но уцѣлѣвшему только къ древнепрусскому языку прилагательному *kirsnas*, соответствующему санскр. *крина*, слав. *чрънъ*), *Мрота* (прав. Бзуры, лит. *marva*, оводъ; ср. въ тотъ же бассейнъ *Оса*; *Мрота*, прит. Вислока, едва-ли образовано не отъ слав. *Мравій* въ польской формѣ); *Мозава* (въ бассейнѣ Ниды, мнѣ кажется, стоитъ въ связи съ лит. корнемъ *mazg*, мыть, отсюда *mazgōti*, мыть, *mazgīniai*, помои, *maggotiwe*, рукомойникъ и т. д.; такимъ образомъ *Мозава* соответствуетъ по смыслу нашей *Мойка*; на территоріи, занятой нынѣ нѣмцами, ей соответствуютъ *Moskau*, *Muskawa*); *Скрга* (лѣв. Вислы¹), прав. Нарева, прав. Вислы, ср. лит. *kirvis*, топоръ, или др.—прус. *kurvis*, быкъ; въ первомъ случаѣ мы можемъ указать въ томъ же бассейнѣ рѣки *Скгерна* и *Топорока*, а во второмъ на множество мѣстныхъ названій *surwe campus*, *surwin* и т. д., о чемъ см. статью К. I. въ журналѣ: «Altpreussische Monatschrift» т. 18 за 1881 г.); къ числу литовскихъ названій можно было бы отнести еще нѣсколько именъ (*Золотка*, *Пиволя*, *Мень*), но здѣсь была бы подъ нами слишкомъ шаткая почва. Съ большей рѣшительностью мы можемъ отнести къ литовскому району рѣки бассейна Бзуры (*Писа*, *Присова*), Нарева (*Писа*, *Висса*, *Руъ*). Рѣки *Неръ* (притокъ Варты), *Наревъ*, *Нерель* (прав. Нарева), *Неретъ* (прав. Буга) я положительно считаю литовскими и думаю, что вездѣ, гдѣ онѣ встрѣчаются въ связи съ другими именами, приведенными выше, мы можемъ видѣть слѣды литовской колонизаціи (напр., въ бассейнѣ Оки *Нара*, *Неручь*, *Нерль*). Въ упомянутой статьѣ о древнепрусскихъ именахъ указаны названія *Nareithen*, *Narien*, *Narussa*, *Ponarien* и сдѣлано предположеніе, что *nara* на общелитовскомъ языкѣ означало вообще воду, рѣку, водное пространство (у Нессельмана въ Thesaurus linguae prussicae *Narayte lacus*, *Narien lacus*, *Neria*—теперь *Nehrung*, *Nerusse* или *Narussa* рѣчка въ Пруссіи и т. д.). Хотя извѣстные намъ балтійскіе языки не даютъ право для

¹ Въ землѣ Добрынской по этой рѣкѣ въ мѣстномъ говорѣ сохранились остатки литовскаго языка. Вотъ примѣры: *dyrsa* (kostzewa)—лит. *dyrse*, *karbis*, лит. *kalbeti* (говорить), *klumpe* (chodaki drewniane)—лит. *klumpe*. Богатый словарный матеріалъ изъ этой мѣстности собранъ Ал. Петровымъ (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej т. II). Для объясненія рѣчныхъ названій славянскаго района польская диалектологія могла бы оказать незамѣнимую услугу. Приведу для образца изъ того-же сборника слово *rara* (болото, трящина), которымъ объясняется названіе протока Припяти, *Нара*. Заговоривъ о Припяти, укажу на то, что вторая часть этого имени—*нать* повторяется въ названіи притока Тетерева, *Гнилопята*, источники котораго приближаются на самое близкое разстояніе къ источникамъ *Гнилопята* въ бассейнѣ Буга (Южнаго); это такой-же примѣръ того, какъ двѣ рѣки, сближающіяся источниками, но текуція въ противоположномъ направленіи, получаютъ одно названіе, какъ *Свислочь* и *Ислочь* (см. стр. 12). Все указываетъ, что славянское населеніе живетъ здѣсь искони вѣковъ.

такого положительнаго утверждёнiя, но тотъ фактъ, что въ бассейнѣ Нѣмана мы находимъ и *Нерь* (*Neris*, литовское названiе Вилии), и *Нарочь* (прит. Вилии), и *Наревку* (прит. Шары), что *Нересня* извѣстна въ бассейнѣ Припяти (лѣв. Уборти), а *Нерета* (или *Нарета*) въ бассейнѣ Зап. Двины (ср. *Нерчай*, прит. Вольмы, притока Березинской Свислочи), указываетъ на распространённое это рѣчное названiе, на древне-литовской территорiи. Что касается значенiя этого названiя, то я склоненъ сближать его скорѣе съ *paras* (петля), *uzmarinti* (обязывать), *neriti* (вязать), (Bezzenberger Litauische Forschungen 1882, стр. 145—146), чѣмъ съ *paras* (нырокъ) и т. п. Въ этомъ смыслѣ названная группа рѣкъ находила бы аналогiю въ именахъ *Лукава*, *Лукавица* и т. под.

Переходимъ къ кельтскому элементу, который сосредоточенъ въ Карпатахъ въ истокахъ Вислы. Если мы вспомнимъ, что въ Чехiи кельты извѣстны съ незапамятныхъ временъ ¹⁾, то не покажется сомнительнымъ, чтобы кельты легко могли распространить свои владѣнiя еще далѣе на востокъ. Г. Браунъ (стр. 156), указавъ на кельтское происхожденiе названiя притока Попрада, Арвы, прибавилъ къ этому совершенно вѣрное предположенiе, что систематическое изслѣдованiе указало бы не мало кельтскихъ слѣдовъ въ современной географической номенклатурѣ сѣверной Венгрии и смежныхъ областей. Одинъ изъ истоковъ Вислы носить то же названiе, что и притокъ ея въ верхнемъ теченiи, т. е. *Нуда*. *Нуда*, названiе, совершенно чуждое остальнымъ русскимъ бассейнамъ, повторяется много разъ въ западной Европѣ, въ областяхъ, искони занятыхъ кельтами, и встрѣчается уже въ римскихъ надписяхъ (Förstemann. II. 1147—1149). Мы знаемъ *Нуду*, притокъ Майна, *Nidd-River* въ Англіи (въ провинціи *York*), *Nied* (притокъ Зара) въ Лотарингiи, двѣ рѣки около Антверпена, Больш. и Мал. *Neete* и т. д. Кельтское происхожденiе этого имени, насколько мнѣ извѣстно, признается изслѣдователями за несомнѣнный фактъ ²⁾. Какъ сопоставить это имя съ *Nid-Elv* въ Норвегiи (двѣ рѣки на большомъ разстоянiи одна отъ другой), я не могу объяснить себѣ, но, кажется, не можетъ быть сомнѣнiя, что *Нуда* слово не славянское и не германское. Нѣсколько выше Ниды и Нидзицы (т. е. малой Ниды) въ Вислу впадаетъ *Раба* (1254). Опять имя, которое переносить насъ въ Западную Европу и прежде всего въ Венгрію, гдѣ мы находимъ большой притокъ Дуная, *Рабу* или *Рабъ*. Далѣе упомяну о селенiи *Raab* въ Верхней Австріи, *Rabland* въ Тиролѣ, *Raby Castle* въ Англіи (Дургэмъ) и т. д. Если бы эти названiя были происхожденiя древне-германскаго (т. е. соответствовали современному *Raben*), то мы имѣли бы формы съ *hrab* — или *Rapp* (ср. Kluge. Etym. Wört. 292). Область распространённая приведенныхъ названiй переноситъ насъ въ Кельтику. Въ кельтскихъ языкахъ *reb* (игра), *rebaigim* (я играю) ³⁾.

Ниже, за Нидой, въ Вислу впадаетъ Вислока, которая принимаетъ *Рону*, берущую начало въ лѣсныхъ Карпатахъ. *Pona* (ср. *Roppe*, мѣстечко во Франціи, въ департаментѣ Haute Saône, *Roppenheim* въ Эль-

¹⁾ Бертрадъ и Рейнахъ допускаютъ, что они уже были здѣсь въ VI в. до Р. X. (A. Bertran et S. Reinach Les Celtes dans les vallées du Pô et du Danube. Paris 1894, стр. 25. Nos origines т. II).

²⁾ W. Arnold Studien zur Deutschen Kulturgeschichte 1882 (здѣсь помѣщена очень важная статья его: „Мѣстныя названiя, какъ историческій источникъ“, о Нидѣ стр. 29). Mon. Urgeschichte des badischen Landes bis zu Ende des VII Jahrhunderts 2 тома 1845 (т. II, стр. 106).

³⁾ Цейсъ (Grammatica Celtica, 2 изд. 1871, стр. 774) упоминаетъ объ ирiйской рѣкѣ *Ῥάβιος* у Птолемея.

засѣ среди чисто кельтской номенклатуры, *Roppenzweiler* въ Тиролѣ) опять-таки носить кельтскій видъ, при чемъ въ виду того, что указанныя названія принадлежатъ не рѣкамъ, а населеннымъ пунктамъ, я считаю болѣе осторожнымъ производить имя этой рѣки отъ какой-нибудь деревни *Rony* тѣмъ болѣе, что таковая существуетъ и по нынѣ, какъ разъ въ верхнемъ теченіи этой рѣки, откуда она могла получить свое названіе. Чисто кельтское названіе мы встрѣчаемъ не по далеку отъ *Rony*: это рѣка *Лаборицъ*, изливающаяся изъ Бескидъ и принадлежащая къ бассейну Тисы. Ея названіе типично: *Лаберъ* (отъ кельт. *labara*, шумный, сильно журчащій) повторяется въ Баваріи четыре раза; четыре маленькія рѣки носятъ здѣсь то же имя, которое сохранилось до нашихъ дней въ Карпатахъ, какъ слѣдъ кельтскаго населенія ихъ.

Около Премышля въ Санѣ впадаетъ *Вяргъ*, польское имя котораго восходить къ звуковой группѣ *Впр*—з, которой соответствуетъ *Weltra*, притокъ Рейна, берущій начало въ Шварцвальдѣ ¹⁾.

Страннымъ образомъ мы встрѣчаемъ нѣсколько на видъ кельтскихъ названій въ бассейнѣ Буга: такими представляются *Брокъ* (ср. *Brocomagus*, *Brocarive* ²⁾), *Лувей* (ср. рѣку *Lieve* во Фландріи ³⁾), *Сидерка* (лѣв. Бобра, ср. р. *Sitter*, *Sidrona* ⁴⁾), *Лекъ* (народн. этимологія *Lek*, *Leg*, вариантъ *Лыхъ*, ср. рѣки *Lec* въ Баваріи, *Lesck* въ Нидерландахъ и др. ⁵⁾). Случайныя ли это созвучія, или и здѣсь замѣшаны передвиженія кельтовъ, сказать не рѣшаюсь. Самое названіе Сана, встрѣчаясь во Франціи (*Sane Vive* и *Sane Morte* въ департ. *Loire*), въ Штиріи (*Sann*, впадаетъ въ Саву), подозрительно съ этой точки зрѣнія.

Не останавливаясь на другихъ названіяхъ въ рѣчномъ бассейнѣ Вислы, изъ которыхъ нѣкоторые указываютъ на древній славянскій характеръ его населенія (*Модрейовица*, *Лада*, *Нспрыска*, *Пиллица* и др.), я укажу лишь на тотъ фактъ, что среди нихъ не встрѣтилось ни одного, которое носило бы такой явно нѣмецкій характеръ, какъ литовскія или кельтскія. Нельзя-ли отсюда вывести, что германцы (гутоны, скиры) явились на Вислу позже славянъ, и что здѣсь они никогда прочно не водворились; берега этой рѣки служили имъ только мѣстами для лагерей при ихъ передвиженіяхъ съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ.

Заговоривъ объ этихъ передвиженіяхъ, мы ближайшимъ образомъ подходимъ къ вопросу о западныхъ предѣлахъ славянской родины. Хотя многіе притоки Одера и даже Эльбы носятъ вполне славянскій характеръ, но тѣмъ не менѣ опираться въ данномъ случаѣ на нихъ невозможно, потому что при той формѣ славянской колонизаціи нѣкогда нѣмецкихъ завислянскихъ областей, какую предполагаетъ большинство изслѣдователей великаго переселенія народовъ, славяне должны были застать совершенно безлюдныя земли и окрестить въ нихъ всѣ рѣки, села и урочища своими именами. Мы видѣли, что славяне распространились по сѣвернымъ притокамъ Припяти, по теченію Буга и добрались до Карпатъ еще въ очень древнюю эпоху, когда звуковое сочетаніе *ар* между согласными переходило въ ихъ языкѣ въ *ра*, *ро* или *оро* (*мроги* и рядомъ *мороза*), когда изъ долгаго *о* и изъ двугласнаго *ау* развивался гласный *у* (*Дунай*, *Бугъ*), когда наконецъ сочетаніе *кн* превращалось въ *ча*

¹⁾ Vacmeister. Alemannische Wanderungen. 1867, стр. 71, 96.

²⁾ Mone. Vorgeschichte des badischen Landes, т. II (1845), стр. 90—91. Кельт. бросс—барсухъ. Stokes., стр. 185—186.

³⁾ Mone, стр. 111 (*leiv*, Flut).

⁴⁾ Mone, 122 (*Sider*, was Windungen oder Wirbel hat, was in Kreisen sich bewegt, davon das Beiwort *siderawg*).

⁵⁾ Vacmeister, 126. Mone II, 68.

(Бешадъ). Въ языкѣ полабскихъ славянъ наблюдаются чрезвычайно интересные явленія: такъ, здѣсь сохраняются носовыя гласныя (*ronka* или *runka* = рука, *dumb* = дубъ, *jose eidang* = изъ идѣ, *prangst* = прасть, *jánsmin* = ачмень, *tilang* или *telang*—телѣ¹⁾), сочетанія *tort*, *tolt*, *tert* и *telt* переходятъ въ *tort* (явленіе, какъ нѣкоторые думаютъ позднее, возникшее подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка изъ *trot*), *tlat* (вм. *tlot?*), *tret* или *trit* и *tlat* (изъ *tlet?*). Въ этомъ отношеніи и въ нѣкоторыхъ другихъ полабскій языкъ напоминаетъ польскій²⁾, но есть нѣсколько пунктовъ, въ которыхъ онъ рѣзко отличается отъ западной группы славянскихъ языковъ и приближается къ южной. Такъ, въ полабскомъ языкѣ глухому праславянскому *z* соответствуетъ глухой же звукъ, приближающійся къ *a* (Шлейх. 27—28); тотъ же звукъ, но только съ предшествующей мягкостью и то не всегда (напр. *ljan* = льнѣ и *dân* = дьнѣ) передаетъ *z*. Такимъ образомъ начавшееся сліяніе обоихъ глухихъ въ одномъ звукѣ, приближающемся къ *a*, соответствуетъ тому же процессу въ сербскомъ языкѣ, закончившемуся ихъ полнымъ сліяніемъ въ *a* (*санъ*, *лан*—сънѣ, льнѣ³⁾). Рядомъ съ сохраненіемъ носовыхъ звуковъ встрѣчается и исчезновеніе насализаціи: у полабянъ *Chotebuz* (1225. *Gadebusch*), *Techutin* (1219) рядомъ съ *Chotebanz* (1170, 1182) въ Доленской землѣ (Tollensee) и *Techentin* (1260) въ Варновской (у рѣки Варновъ)⁴⁾. Таковую же борьбу между начавшимся исчезновеніемъ насализаціи и ея сохраненіемъ, борьбу, закончившуюся побѣдой то первого, то послѣдняго, мы можемъ отмѣтить и въ предѣлахъ одного говора и написанія одного имени. Такъ, селеніе *Varvutimъ* (въ Мекленбургѣ, около Малхина) писалось слѣдующимъ образомъ: 1215 *Wargutin*; подобнымъ образомъ *Texentimъ* (на озерѣ Гольдбергѣ) передавалось черезъ *Techutin* (1219) *Theghentyn* (1260) и т. д. Эти явленія не позволяютъ, какъ мнѣ кажется, видѣть въ полабскомъ языкѣ лишь діалектъ польскаго. Они указываютъ на самостоятельное развитіе нарѣчія⁵⁾, на древность его обособленія отъ сѣверной вѣтви западнаго славянства. Однако это обособленіе, судя по словарному составу полабскаго языка, не могло произойти раньше того, какъ славяне подверглись германскому вліянію, отразившемуся на общеславянскомъ словарѣ. Такъ, слово *oselъ* сохранилось у полабскихъ славянъ и

¹⁾ Законы полабскаго языка изслѣдованы Шлейхеромъ въ трудѣ: „Laut- und Formen Lehre der polabischen Sprache“ (S.-Petersburg, 1871).

²⁾ Эта мысль подробно развита въ статьѣ Я. Махала: „Přispevek ku hláskosloví řeči polabské“ (XI Roční zpráva cis. král. vyššího gymnasia státního v Německém Brodě. 1886). Шлейхеръ, стр. 15—18. Въ виду распространенія формы *tort* (символическая форма, указывающая на передачу сочетанія *or* между двумя согласными; такое же символическое значеніе имѣютъ *tolt*, *tert* и т. п.) на всей территоріи полабскаго нарѣчія я считаю сомнительнымъ объяснять формы *worn*, *gorđ* и т. д. вліяніемъ нѣмецкаго языка. Это послѣднее могло проявиться на болѣе ограниченномъ пространствѣ, связавшись, напр., въ видѣ *az* вм. *z* или *au* вм. *u* въ Люнебургѣ.

³⁾ Въ сербскомъ языкѣ этотъ процессъ совершился тоже не сразу: ср. *barda* (1000 г.) и *berda* (1052), *vilkodrug* (1103 г.), βόλκωρος (1080), *chutmi* (929), ξαχλοόρα (949) и т. д. (Schaffarik. Serbische Lesekörner Pesth. 1833, стр. 24—29). То же и съ юсами: *munčimir* и *tugina* (въ одномъ документѣ отъ 892 г.), а рядомъ *честоуѣос* (*честуѣ*. 1057) и др. (Тамъ же, стр. 34—36). А. Майковъ въ своей „Исторіи сербскаго языка“ (М. 1857) приводитъ на стр. 393 формы *Uelcano*, *Uelcodgrud*, столѣон, Βόλκος, Βουλτίνης и др.

⁴⁾ Первольфъ. Германизація, стр. 151—152, примѣч.

⁵⁾ Я не говорю о такихъ особенностяхъ его, какъ развитіе дифтонговъ *изъ* и *у*, отсутствіи смягченія горланныхъ (*skjeuko*—щука): все это могло развиться подъ вліяніемъ нѣмецкаго языка.

въ словарѣ (*asall*), и въ собственныхъ именахъ (*Oszling* 1437) ¹⁾: какъ извѣстно, оно заимствовано изъ германскихъ языковъ (гот. *asilus*), куда въ свою очередь проникло изъ латинскаго (*asinus*). Еще интереснѣе этническое названіе евреевъ, сохранившееся въ западно-славянской группѣ. Евреи въ черноморскихъ колоніяхъ грековъ были извѣстны со временъ глубокой древности. Уже въ IV вѣкѣ до Р. Х. мы находимъ на надписяхъ такія специфически еврейскія имена, какъ *Анна*, *Симъ*, *Азарія* и т. п. Нѣтъ ничего мудренаго, что они со свойственной этому племени способностью заводить торговыя сношенія съ самыми глухими уголками вступили въ торговыя связи и со славянами. Мнѣ неясно, какъ изъ латинскаго *judaeus* могла получиться общеславянская форма *жидъ* ²⁾ (др.-слав., серб., чеш., польск., рус. и т. д.). Посредниками и здѣсь, какъ въ передачѣ имени *Тамръ*, служили едва-ли не романскіе крестьяне, сталкивавшіеся съ евреями. Кельты сохраняютъ сочетаніе *ju* или въ неизмѣнномъ видѣ, или отбрасывая ютацію ³⁾ (ср. собств. имя *Ludnerth*), но румынскій языкъ превращаетъ его въ *джу* или *жу* ⁴⁾. Такимъ образомъ въ романскомъ языкѣ, знающемъ подобное развитіе сочетанія *ju*, форма *jūd* ⁵⁾ должна была превратиться въ *жуд*, откуда по законамъ славянскихъ языковъ вполне правильно развивается, при мягкости предшествовавшаго *ж*, форма *жидъ* (какъ *истъ*—лат. *justus*). Это развитіе должно было совершиться еще въ общеславянскую эпоху жизни нашего племени. Въ полабскомъ языкѣ мы находимъ и слово *жидъ* (*seid*), и названія селеній *жидово* ⁶⁾, *Seidau* и т. п. Остановлюсь еще на словѣ *князь*, которое въ полабскомъ языкѣ извѣстно въ двухъ формахъ. Первая форма, которая въ памятникахъ передается различно, должна быть транскрибирована, по мнѣнію Шлейхера (стр. 29), въ видѣ *k'nâz*, гдѣ *â* означаетъ носовое *a*, а *k'* мягкое *k*. Эту форму Шлейхеръ ставитъ въ неразрывную связь съ польскимъ *ksiądz*, гдѣ сочетаніе *ks* развилось также изъ мягкаго *k*. Однако рядомъ засвидѣтельствована совершенно иная форма, имѣющая южнославянскій обликъ, именно: *knez* (*knezegranica*, *knese laneke*, *knegele*); даже на островѣ Ранъ (Рюгенъ), гдѣ вообще носовые сохраняются, мелкая шляхта носила въ 14—15 вѣкахъ званіе *княжичей* (*knesiczen*). Наконецъ, въ древнепольскомъ передъ нами форма *kenese* (1193) ⁷⁾, рядомъ съ которой обычны польскія формы: *xandz* (1250), *xensze* (1298) и т. д. Не рискуя дѣлать изъ этого совпаденія какихъ нибудь филологическихъ заключеній, я замѣчу только, что въ культурномъ отношеніи славянскій міръ за Одеромъ былъ продолженіемъ польщины и тѣсно примыкалъ въ словарномъ отношеніи къ общеславянскому запасу культурныхъ понятій. Даже христіанская терминологія здѣсь та же: *церковь*, *понъ* ⁸⁾, *недѣля*, *поне-дѣльникъ*, *срѣда* и т. п.

¹⁾ G. Hey. Die slavischen Siedelungen in Königreich Sachsen. 1893, стр. 143.

²⁾ Miklosich. Etym. Wörterb. 410.

³⁾ Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, т. I (2 изд. 1897 г.), стр. 281.

⁴⁾ Meyer-Lübke, стр. 330.

⁵⁾ Лат. *judaeus*, откуда старофранц. *juin* (женск. родъ *juive*). Körting. Lateinisch-Romanisches Wörterbuch, стр. 425.

⁶⁾ Brückner. Die Slavischen Ansiedelungen in der Altmark und im Magdeburgischen. 1879, стр. 86, 52. Hey, 216.

⁷⁾ И. Бодуанъ-де-Куртенз. О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ, 1870, стр. 21 словаря.

⁸⁾ *Pür* въ недавно найденномъ словарѣ 17 вѣка (Archiv f. Phil. т. 22, стр. 127—134); литература о полабскомъ языкѣ до 1897 года указана Т. Фло-

Общность культурныхъ понятій указываетъ на то, что сумма ихъ составила еще въ ту пору, когда славянское племя не успѣло разбрестись вдаль и вширь, когда оно продолжало держаться компактной массой, можетъ быть, уже сознавая свое національное единство, которое выражалось въ ихъ общемъ имени *славянъ*. Я думаю, что за Одеръ славяне не проникли въ общеславянскую пору своей жизни. Возвращусь къ названіямъ рѣкъ, чтобы рассмотреть ихъ характеръ. Для этой цѣли придется остановиться на всѣхъ рѣкахъ этого бассейна, которыя указаны Кентшинскимъ ¹⁾.

Съ лѣваго, нѣмецкаго берега въ Одеръ впадаетъ *Oppa*, составляющая границу между прусской и австрійской Силезіей. Не смотря на сходство этого имени съ прус. *ape*, литов. *upe* (жмуд. *ore*), *рѣка*, я думаю, что передъ нами, несомнѣнно, древне-германское *ara* (рѣка), сохранившееся во множествѣ названій, по преимуществу въ областяхъ, занятыхъ древними саксами и древними франками. Арнольдъ (стр. 63—64) причисляетъ сюда слѣдующія названія: *Aschaff*, *Auroff*, *Berf*, *Eifa*, *Holzape*, *Lasphe*, *Morpe*, *Schlirf*, и *Rosphe* (стр. 54). Stokes въ своемъ словарѣ кельтскаго языка (1894, стр. 5) признаетъ *ara* за галльское слово на томъ основаніи, что оно сохранилось во многихъ мѣстныхъ названіяхъ (*Erlaff*, др.-нѣм. *Erlaffa*, *Aschaff*, др.-нѣм. *Aschaffa* и др.). Но такъ какъ въ новыхъ кельтскихъ языкахъ это слово не извѣстно, и индоевропейскій корень *akā* передается въ ирландскомъ языкѣ черезъ *oiche*; такъ какъ, далѣе, приведенныя имена объясняются въ первой своей части изъ нѣмецкаго языка, то я думаю, что и вторая часть, т. е. *Appa*, происхожденія германскаго: во всякомъ случаѣ, не славянскаго. Впрочемъ, названіе притока Опшы, Морава, которое объясняется изъ кельтскихъ языковъ, даетъ перевѣсъ мнѣнію Стокеса. Въ Опшѣ (иначе *Onasy*) впадаютъ *Mohre*, вытекающая изъ Моравіи (иначе, по Кентш., *Моравица*), и *Cziczina*. Первое названіе довольно ясно: оно повторяется въ бассейнѣ Вислы и Дуная. Морава въ Моравіи называется у Тацита *Marus*, сербская Морава извѣстна въ Певтингеровыхъ таблицахъ подъ именемъ *Morgus* (Först. 1057—1058). Вислянскія *Морава* и *Моравица* протекаютъ въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ Вислокомъ и Нидой, т. е. принадлежащихъ, по моему предположенію, къ району распространенія кельтовъ. Врядъ-ли будетъ слишкомъ рискованнымъ видѣть здѣсь образованіе отъ очень распространеннаго во всѣхъ кельтскихъ языкахъ слова *māros* (великій), откуда ирл. *már*, *mór* (большой), галл. — *māros* въ собственныхъ именахъ (Stokes. 201). Вполнѣ правильнымъ образованіемъ отъ этого слова было бы германское *Moraha* или *Maraha*, латинское *Marus*, и дѣйствительно моравская Морава называется въ старыхъ нѣмецкихъ источникахъ *Maraha* (Förstemann. 1057—1058). Къ той же группѣ именъ принадлежитъ и одрянская *Моравица*. Что касается Чичины, то это имя стоитъ одиноко.

ринскимъ. Лекція по славянскому языковеденію, т. 2-й (1897), стр. 690—691. Ср. также статью В. Поржезинскаго: «Нѣсколько словъ о дошедшихъ до насъ памятникахъ языка Палабскихъ славянъ» (Изв. 2 отд. Имп. акад. наукъ, т. V, за 1900 г., кн. 3).

¹⁾ Отдѣльной монографіей объ Одерѣ я не могъ достать при всѣхъ библиографическихъ розыскахъ, какіе производилъ. Uebersichtskarte des Oder von der österreichischen Grenze bei Annaberg (1:100,000), составленная министерствомъ общественныхъ работъ въ 1885 году, не указываетъ притоковъ. За то ею можно дополнить свѣдѣнія Кентшинскаго о притокахъ самого Одера. Кроме того, въ дополненіе къ Кент. я прибѣгаю къ новому изданію большого атласа Андрэ.

Съ нимъ можно сопоставить развѣ только два горные потока въ бассейнѣ Днѣстра: *Чечу*, лѣв. прит. Тысьменицы ¹⁾, и *Чечу* (иначе *Чевава*, *Чачава*), лѣв. Ломницы. Изъ названій населенныхъ пунктовъ приведу (Słownik. I. 781—782): *Чечино* въ Минск. губ., *Чечово* или *Цецмишево* въ Галиціи. Я не рѣшаюсь предложить какого-нибудь объясненія для этой группы именъ: если въ корнѣ слова *Cziczina* лежитъ сочетаніе *чеч*, то можно найти сходство (можетъ быть, случайное) съ словомъ *чечотка* (словацк. *чечка* и т. д.), которое извѣстно и по собственнымъ именамъ (дер. *Чечотка* около Остроленки).

Ниже Опшы въ Одеръ впадаетъ *Zinna*, повидимому, чисто нѣмецкое названіе, объясненіе которому Ферстеманъ, приводящій на стр. 407 три одноименныя селенія, не даетъ ²⁾. Въ Цинну впадаетъ *Троя*, названіе, совершенно для меня непонятное. Ниже Одеръ принимаетъ слѣва нѣсколько мелкихъ рѣчекъ: *Dzilnitz*, *Golka Graben*, или *Erlenbach*, далѣе довольно длинную *Страдуну*, рѣчку *Hotzenplotz* (по польски *Ossobłoka*) съ притоками *Zülzerwasser*, *Prudnik* и *Ossa*; ниже въ Одеръ впадаютъ слѣва *Proskau*, *die Bake*, наконецъ большая рѣка *Neisse* (или *Huca*), у которой много притоковъ (справа *Steinau*, *2 Biele*, *Weidenauer Bach*, *Grundwasser*, *Krebs-Bach*, *Wölfels Bach*, слѣва: *Alt-Grottkauer Wasser*, *Tellnitz*, *Pause Bach*, *Steine* съ притокомъ *Walditz*, *Weistritz* и *Cressen Bach*), далѣе ниже Ниссы *Paulau*, *Hünern Bach*, *Ohle* (*Олава*, съ притоками *Olben-Bach* и *Kryhn-Bach*) *Lohe* (иначе *Slezka* (1203), съ притоками *Saryanka* и *Sarofke*), *Weistritz* (у нея—*Striegauer Wasser* съ притоками *Zeisbach* и *Polsnitz* 1235 *Pelsnica*, *Schwarz-Wasser* и *Peile—Пилва*), *Leise*, *Katzbach* (съ притоками *Weidelache*, *Wütende Neisse* и *Schwarzwasser* съ притоками *Brocke* и *Schnelle Deichsel*), *Schwarz-Wasser*, *Ochel* (съ притокомъ *Zauche*), *Bober* (у него справа: *Briesnitz*, *Sprotte*, *Lässig*, *Zieder* и слѣва: *Tschirne* съ *Ziebe* и *Gummicht*; *Queis* съ *Olse*; *Kemnitz*, *Zacken* и *Lomnitz* съ *Eglitz*), опять *Neisse* (у нея справа: *Lubst*, съ *Golze* и *Wedder*, *Schrott-Bach*, *Gelblach*, *Biel-Bach*, *Rotwasser*, *Wittig*, съ притоками: *Rasnitz* и *Lomnitz*, *Kipper*, а слѣва: *Malxe*, *Pliesnitz*, *Mandau*) и наконецъ *Welse*.

Среди этихъ названій обращаетъ на себя вниманіе прежде всего *Huca* (*Neisse*), которая встрѣчается въ бассейнѣ Одера четыре раза, и все въ Силезіи и смежныхъ странахъ, за предѣлами которыхъ мы его не

¹⁾ Разъ зашла рѣчь о Тысьменицѣ, укажу на удивительное распространение этого имени въ предѣлахъ славянской родины и древнѣйшей колонизаціи, которая, какъ видно по многимъ признакамъ, шла изъ Волыни. Кромѣ Тысьменицы въ бассейнѣ Днѣстра (2 раза и оба раза, какъ притокъ Быстрицы въ Галиціи), мы находимъ рѣку этого названія въ бассейнѣ Вислы, какъ притокъ Вѣпра, и ручей *Tschmenzene* (1186) въ Мекленбургѣ. То же можно отмѣтить относительно *Ломницы*, названія широко распространеннаго на западнославянской территоріи и въ Подоліи и Волыни, т. е. на родинѣ славянства. Мы знаемъ *Ломницу*, притокъ Днѣстра, въ Галиціи, *Ломницу* въ Чехіи, *Lomenitz* въ Мекленбургѣ, *Merteinslompnie* въ 1409 г., *Kirchen Lomnice* 1356 г., *Nidernlompnie* въ 1370 г. и др. среди горъ Fichtel, нѣсколько *Ломницъ* въ Саксоніи и т. д. Въ виду такого распространенія этого имени я не рѣшаюсь утверждать, что оно вышло изъ одного центра: относительно Тысьменицы я въ этомъ болѣе увѣренъ.

²⁾ Вѣроятно, путемъ народной этимологіи отсюда образовалась *Psinna*, какъ зовется Цинна около Бинковицъ въ Силезіи (Słownik, I. 723—724); если только *Zinna* не *Цча*. Дамротъ объясняетъ Цинну черезъ Зимну, что невѣроятно. Настолько же невозможно производить это названіе отъ слав. *сьно* (Weisker 41).

находимъ. Имя это не славянское ⁴⁾, и было бы очень важно объяснить его происхождение для выясненія вопроса, какую національность застали славяне, придя когда-то въ Силезію. Можно думать, на основаніи именъ *Sleza* (Lohe) и *Zobtenberg* (= *Zlesie*), что славяне встрѣтили здѣсь германское населеніе, племя силинговъ, уцѣлѣвшее, повидимому, въ видѣ скудныхъ остатковъ на маленькой рѣчкѣ, ибо въ германскомъ мірѣ также извѣстно имя *Nissa* (т. е. *Nissa*). По своему образованію это имя принадлежитъ къ одной группѣ съ именами: *Плисса*, *Писса*, *Висса*, *Лисса*, *Исса*, *Квиса* и т. д. Едва ли эти названія, сосредоточенныя главнымъ, но не исключительнымъ образомъ, въ районѣ литовскаго распространенія, принадлежатъ или когда-либо принадлежали литовскимъ языкамъ. Остается, кажется, думать, что ихъ начало кроется въ глубокой древности, какъ переживаніе какого нибудь доиндоевропейскаго народа. Къ менѣ загадочнымъ именамъ относится *Ohle*, протекающая въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ было бы очень рискованно искать слѣдовъ литовскаго населенія, а между тѣмъ принадлежащая, повидимому, къ той же группѣ именъ, что и вышерассмотрѣнныя нами *Ола*, *Ула*, для которыхъ можетъ быть предложена литовская этимологія. Для того, чтобы объяснить появленіе этого и еще другого имени (*Оса*, ср. *Уса*) среди притоковъ Одера, придется думать, что славяне распространились по среднему и верхнему теченію этой рѣки изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ были въ ходу названія рѣкъ, въ родѣ *Усы*, *Осы*, *Улы* и *Олы*, а это приведетъ насъ опять къ бассейнамъ Припяти, Березины и Вислы, откуда славяне проникли (по Вартъ?) въ Силезію. Этотъ выводъ, который я надѣюсь подтвердить ниже еще другими данными, можно сдѣлать и по отношенію къ прикарпатской области. *Тиса*, вытекающая изъ Карпатъ, принимаетъ въ самомъ верхнемъ теченіи своемъ, въ Карпатахъ же, два потока: *Висса* и *Иса*; далѣе, насколько мнѣ извѣстно, въ бассейнѣ Тисы рѣкъ на—са нѣтъ. Можетъ ли быть случайнымъ такое совпаденіе?

Довольно большое количество рѣкъ среди лѣваго бассейна Одера носить имена, несомнѣнно, славянскія (*Быстрица*, *Плѣсница*, *Rasnitz*, *Tellnitz*, *Пилява*—вариантъ *Пилицы*, *Суза*, *Брѣзница* и т. д.), другія, несомнѣнно, нѣмецкія (*Deichsel*, вѣроятно, старое нѣмецкое названіе—*Fürst*. 1437—1438; *Ochel*, тоже *ibd.* 1137, *Mandau*, тоже 1050, *Wittig*, вѣроятно также *Zieder*, *Ziebe*, *Sprotte* и др.). На основаніи того, что рѣка *Lohe* носила названіе *Слензы*, а гора *Zobten*, которую она омываетъ, еще въ 1351 году называлась *Zlesie* (1108. *mons Silentii*, 1209. *Silency*, 1242 *Slenz*, 1247 *Slencz*, 1248 *Zlenz* и т. д.), мы можемъ думать, что славяне, распространявшіеся съ Вислы, встрѣтились въ Силезіи съ нѣмцами. *Deichsel* произведено, вѣроятно, отъ основы *Thesla*, которая встрѣчается въ старыхъ нѣмецкихъ названіяхъ. Нѣмцы, вернувшіеся въ Силезію и Бранденбургъ черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ того, какъ ихъ предки были оттуда вытѣснены славянами, передѣляли это имя въ его настоящій видъ. Нарушеніе исторической непрерывности въ пере-

⁴⁾ Совершенно неудачна попытка П. Кюнеля (*Die slavischen Orts und Flurnamen der Oberlausitz*. Вып. 1-ый, 1891 г., стр. 12) производить названіе этой рѣки (*Nisa*, *Nizza*, *Nisa* въ документѣ 1241 г.) отъ славянскаго корня *ник-* (*ноникнуть* и т. п.). Столь же неосновательно Вейскеръ (стр. 25), опираясь на форму *Nisa* въ документѣ 1000 г., ставитъ это имя въ связи съ корнемъ *низ-*, такъ какъ *Nisa* рѣка низменности (*der Niederungsfluss*). Въ современной Германіи р. *Nesse* (*Nazaha*, 1002) около Эйсенаха, *Nisa* (въ 11 в., теперь *Niese*) въ Вестфаліи, *Nisa* (прежде *Nis*) въ Швеціи. Повидимому, и силезская *Nisa* названіе старо-германское.

дачь его отъ поколѣнія къ поколѣнію и вызвало ненормальное развитіе основы *Thesla* въ видѣ *Deichsel*, тогда какъ при правильномъ ходѣ вещей должно было получиться *Deissel* ¹⁾. То же можно сказать о рѣкѣ *Ochel*, вмѣсто которой при правильномъ развитіи формы мы ожидали бы *Okel*.

Совсѣмъ непонятными остаются мнѣ имена: *Walditz*, которое можно объяснить только народной этимологіей въ устахъ нѣмцевъ, примѣнившихъ какое то славянское имя къ слову *Wald*, *Eglitz*, которое можно производить только отъ слав. *ила* (чеш. *jebla*, луж. *jebla*), если не отъ лит. *egle* (ель), наконецъ *Сарьянка*. Это послѣднее страннымъ образомъ повторяется въ бассейнѣ Зап. Двины, какъ *Сарьянка*, притокъ этой рѣки. Случайно ли это, не рѣшаюсь судить.

Какъ бы то ни было, изъ разсмотрѣнія лѣвыхъ притоковъ Одера можно, кажется, сдѣлать выводъ, что славяне при своемъ появленіи по ту сторону Одера застали въ его истокахъ кельтское населеніе, а въ среднемъ теченіи нѣмцевъ. Что касается нижняго теченія, приблизительно отъ Варты, то, повидимому, оно издревле находилось въ обладаніи славянъ. Это подтверждается характеромъ именъ рѣкъ, впадающихъ въ Нѣмецкое море между Вислой и Одеромъ, и правыхъ притоковъ Одера въ его нижнемъ теченіи. Изъ числа первыхъ я назову *Радунь* (*Radaune*) со *Стрѣльникомъ*, *Реду* (*Reda*) съ *Большавой* (*Bohlschau*) и *Загоршемъ* (*Sagorsz*), *Рясницъ* (*Писница?*), *Чауст* (ср. полаб. *Chüst*), *Лебу*, *Луров* (ср. *Луна*, прав. Взуры) съ *Буковиной*, *Столпе* (названная такъ, вѣроятно, по городу *Stolp*) съ притокомъ *Kamenz*, далѣе *Vipper* (вѣроятно, нѣмецкое имя, не славянское *Випръ*) съ притоками *Grabow* (вѣроятно, нѣмецкое слово *Graben* въ славянской передѣлкѣ), *Strednitz*, *Motze* и *Meisse* (эти два имени очень загадочны: нѣмецкія ли это передѣлки какихъ-нибудь славянскихъ именъ, или же правильное развитіе старо-нѣмецкихъ названій, какъ современные *Motzing*, *Meissen*, я не знаю), *Nest* (тоже странное имя, случайно созвучное со словомъ *Nest*, гнѣздо), далѣе *Persant* (*Prosnica*) съ притоками *Радва*, *Damitz* (вм. *Dambica*, ср. въ бассейнѣ Вислы *Daß*, *Deða* и т. д.) и *Müglitz*, *Rega* (т. е. *Рѣка*) съ притоками *Molstow* (ср. Мовства въ бас. Припяти), *Uckelei* (*Уклея*) и *Zampel*, наконецъ *Nemitz* и *Völser-Bach* (т. е. *Ольса*). Такъ какъ страна между Вислой и Одеромъ была онѣмечена очень поздно, не раньше 13 вѣка, то славянскія имена рѣкъ здѣсь не удивительны, но важно то, что здѣсь повидимому, почти нѣтъ такихъ именъ, которыя можно было бы считать старонѣмецкими, и съ которыми мы встрѣчались на нижнемъ и среднемъ Одерѣ. За исключеніемъ *Мотцы* и *Мейссы*, передъ нами почти сплошь славянская географическая номенклатура (не говорю о ручьяхъ, въ родѣ *Gänse-Bach*, *Aal-Bach* и т. под.). Перехожу къ нижнимъ притокамъ Одера ниже Варты. Прежде всего объ этой послѣдней. *Варта* произошло изъ *Вурта*, какъ это видно изъ передачи этого имени въ хроникѣ Титмара (нач. 11 в.) въ формѣ *Vurta* ²⁾. Изъ гласнаго *у* въ польскомъ языкѣ развивается слогъ *ар*, такъ что *Варта* (уже въ 1255 году) восходитъ къ основѣ *Vert* (*Vort*) родственныхъ языковъ. Въ польскомъ языкѣ отъ корня *вурт* (*вертѣть*) образуются двѣ формы: *vierciec* и *vartac*, отъ послѣдней въ свою очередь произведены слова *vart* (*лукá*), *vartki* (проворный, верткій). По-

¹⁾ Впрочемъ, Ферстеманъ приводитъ и рѣку *Теклу* (1439 ст.).

²⁾ Это и вообще старопольскія названія рѣкъ я черпаю изъ указанной книги г. Бодуэна-де-Куртенз.

видимому, къ этой группѣ словъ принадлежитъ и названіе *Варты*, которое первоначально относилось, вѣроятно, къ извѣстному мѣсту ея: напримѣръ, къ огромной лукѣ отъ Шверина къ Познани или отъ этой послѣдней къ Проснѣ.

Ниже Варты въ Одеръ впадаютъ справа *Mietzel*, которая въ старыхъ памятникахъ (Первоульфъ. Германизація) называется *Mizzla* (т. е. *Мысль*, ср. въ томъ же бассейнѣ *Mischlinna*, притокъ Малопаны), далѣе *Куница*, *Schlibe* (Слива? ср. *Сливка* въ бассейнѣ Припяти), *Thue* (*Туја* 1248, отъ корня *ты*, *ту-пол. туѣ*. ср. *Тучна*, *Тучина* въ бассейнѣ Вислы), *Плона* (*Plöne*, ср. *Плонна* въ бас. Вислы), *Ина* (Inne, 1237), названіе темное, ¹⁾ созвучіе съ Дунайскимъ Инномъ (лат. *Aenus*), можетъ быть, случайное, *Stopenitz* (искаженное славянское имя) съ притокомъ *Krampel*.

Притоки Варты носятъ въ большинствѣ типично славянскій характеръ. Передъ нами *Орля*, *Вельна* (ср. *Вельнянка*, лѣв. Буга), *Рокитка*, *Струя*, *Обра* (въ связи съ обрами, аварами?), *Олешница* и др. Однако кое-что и здѣсь остается неяснымъ: такова, прежде всего, *Нетуа* изъ польскаго *Notec* (1300). Г. Бодуэнъ де Куртенэ за основную форму принимаетъ *Нотамъ*, что вполне возможно; тогда *этъ* напоминаетъ славянскій суффиксъ *тъ* (въ *локоть*, *ноготъ* и т. д.), встрѣчающійся, по видимому, и въ названіяхъ рѣкъ (*Иконотъ*, *Убортъ*, *Сопотъ*). Значеніе корня *нот* остается тѣмъ не менѣе неизвѣстнымъ (въ бассейнѣ Варты это имя повторяется три раза). *Neetze* въ Люнебургѣ можетъ быть воспоминаніемъ о *Нетцѣ* въ бассейнѣ Одера, воспоминаніемъ, занесеннымъ славянскими колонистами изъ Польши. *Moskawa*, прав. притокъ Варты, онѣмѣченное названіе, соответствующее слав. *Мозава* и, должно быть, занесенное сюда колонистами съ привисланской *Мозавы*. Тоже можно сказать и про *Неръ*, впадающій въ Варту, и другой *Неръ*, впадающій въ *Просну*. Рѣки *Лис* (*варта*), *Пися* и *Окса* принадлежатъ къ числу темныхъ географическихъ названій на—са, которымъ тщетно искать этимологическаго разъясненія. Наконецъ *Просна*, кажется, произошло изъ *Просьна* (т. е. рѣка, богатая просьяными нивами?). Во всякомъ случаѣ, *Просница* (*Prošnica*), т. е. Малая Просна, указываетъ, откуда шла славянская колонизація къ устьямъ Одера. Разборъ другихъ правыхъ притоковъ Одера не дастъ намъ ничего новаго: въ верхнемъ теченіи этой рѣки попадаются кельтскія названія (*Драма*, *Брешница*, *Мир*, *Видава*) ²⁾ рядомъ съ славянскими (Клюдница; Малопана—Мала Пѣна, ³⁾ Ольса, Стоберъ, Глумя и т. под. ⁴⁾ и нѣмецкими. Въ об-

¹⁾ Правъ-ли г. Бодуэнъ де Куртенэ (стр. 89), производя названіе рѣки Ины (Ina) отъ юности, не знаю; сомнѣваюсь въ этомъ, хотя есть аналогія такому названію, но почему ю перешло въ польскомъ въ и?

²⁾ Ср. *Drome* во Франціи и пр. *Моне*. 98; *Бремъ*, прав. Вислы, Stokes. 172; *Мир*, ср. дунайскій *Муръ* и пр. *Моне*. 115—116; *Видава* отъ гал. *vidi*—лѣвъ, у Птоломея упоминается рѣка *Оидова*. Stokes. 279—280.

³⁾ Это испорченное названіе, которое въ документахъ передается различно; *Malrudwa* (1909), *Malrandwa* (1286), *Malrach* (1412), *Maltrach* (1383); теперь *Weidarew*, *Panew* или *Malapane* (Damroth. 34).

⁴⁾ *Ольса*, лѣвый Березины встрѣчается въ бассейнѣ Пѣмана. Славянское-ли? *Стоберъ* сопоставляю съ *Стубележъ*, *Стублой* въ бас. Припяти. Совершенною загадкой остается для меня *Schätzke*, притокъ Барыча (Барча) въ Силезіи. Одно для меня ясно, что это имя произошло изъ слав. *Шапка*, которое встрѣчается въ бассейнѣ Припяти. Не указываетъ-ли это опять-таки на движеніе къ Одеру съ береговъ Припяти? Самый *Барычъ* происходитъ отъ *бара* (болото), если только это праславянское слово, на что указываютъ болота въ Саксоніи и Тюрингіи: *Bahra* и *Bahren*. Миклошичъ отъ того же корня производитъ и и серб. *Baric* (Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen. ч. II, № 10).

шемъ правые притоки Одера отмѣчены въ гораздо большей степени славянскимъ характеромъ, чѣмъ лѣвые.

Въ результатѣ этой попытки разобраться хоть сколько-нибудь въ самомъ трудномъ вопросѣ славянскихъ древностей, въ области географической номенклатуры, я полагаю, что славянская колонизация шла со средней Вислы къ Вартѣ и Одеру, по теченію котораго доходила до моря. Возможно, что рядомъ шло распространеніе славянъ и отъ устья Вислы вдоль морского берега. Отсутствие старой нѣмецкой стихіи среди рѣчныхъ названій этой области говоритъ за приоритетъ здѣсь славянъ. Впрочемъ, то же самое было бы и въ томъ случаѣ, если бы славяне захватили земли, нѣкогда заселенныя нѣмцами, но потомъ ими покинутыя. Этого взгляда держится, какъ извѣстно, большинство нѣмецкихъ ученыхъ, и потому необходимо рассмотреть, какія германскія племена могутъ быть помѣщены между Вислой и Одеромъ. Древность славянскихъ рѣчныхъ названій въ этихъ странахъ (*Неръ*, имена на—са, *Просна*, *Мозава* и т. п.), кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Венеды на берегахъ Сѣвернаго моря извѣстны уже Геродоту: вотъ почему, не въ угоду славянолюбивому увлеченію ¹⁾, но по причинамъ научнымъ я отвожу славянамъ почти все теченіе Вислы (кромя истоковъ), средній и нижній Одеръ (отъ Варты) и побережье Сѣвернаго моря до устья этой рѣки съ древнѣйшихъ временъ, т. е. раньше той эпохи, когда начинаются письменныя свидѣтельства о географіи этихъ странъ. Рассмотрѣть эти послѣднія намъ и предстоитъ теперь.

Сомнѣваюсь, чтобы все въ этихъ вопросахъ разрѣшалось такъ просто и схематично, какъ это выходитъ на бумагѣ. Когда читаешь разсужденія нѣкоторыхъ ученыхъ, которые спокойно разставляютъ народы по заранѣ опредѣленнымъ имъ мѣстамъ, какъ солдатъ на парадѣ, невольно вспоминаешь упрекъ, брошенный императрицей Екатериной II расходившемуся Дидро, что ей, «бѣдной императрицѣ», приходится проводить свои реформы на человѣческой шкурѣ, а не на бумагѣ, которая терпитъ все. Вотъ, напр., что мы читаемъ въ новѣйшемъ популярномъ сочиненіи проф. О. Вейзе, который въ предисловіи къ своей книжкѣ: «*Die deutschen Volksstämme und Landschaften*» (Leipzig. 1900) суммировалъ выводы нѣмецкой исторической науки въ видѣ слѣдующихъ положеній: «*Ко времени Иисуса Христа область нѣмецкаго распространения простиралась на сѣверъ и востокъ приблизительно такъ же далеко, какъ теперь. Рѣзкій переворотъ въ населеніи совершился только вслѣдствіе переселенія народовъ. Когда, начиная съ 3 вѣка, многочисленныя толпы германцевъ хлынули въ Галлію и въ другія провинціи гнилой Римской имперіи, славяне двинулись въ опустѣвшія области, перебравшись черезъ Эльбу и Салу, гдѣ ихъ никто не тревожилъ до тѣхъ поръ, пока нѣмецкіе императоры не задумали вернуть государству и нѣмецкой стихіи потеряныя ими земли. Это великое дѣло, начатое Карломъ Великимъ мечомъ и подхваченное саксонскими императорами, предпринявшими рядъ походовъ, было почти закончено въ 13 вѣкѣ, благодаря мирной колонизаціи». Позволительно сильно усумниться въ томъ, что при передвиженіи народовъ, хотя бы и привлеченныхъ на югъ слухами о роскошныхъ странахъ Римской имперіи,*

¹⁾ Такъ приходится оговариваться въ виду работъ Богуславскаго, Кен-тшинскаго, Сасинска, Папачека и т. под., для которыхъ «нѣмецкіе» ученые своего рода *bête noire*.

земли очищались ими цѣдикомъ ¹⁾. Вѣдь, если дѣйствительно германцы раздѣлялись на амфиктіоніи съ культурами отдѣльных боговъ (*Ирмина, Инги, Иство*, откуда Гермионы, Ингвеоны и Иствеоны Тацита, видѣвшаго въ этихъ именахъ названія трехъ главныхъ германскихъ племенъ) и съ священными мѣстами этихъ культовъ, то трудно было бы допустить, что святаыя мѣста покидались, и жертвенный огонь предавался забвенію. Въ словахъ Вейзе и большинства ему подобныхъ чувствуется подкладка нѣкотораго шовинизма; народная гордость его оскорбляется предположеніемъ, что славяне могли придти, разбить германцевъ и прогнать ихъ изъ завоеванныхъ ими странъ. Только Платнеръ имѣлъ мужество провозгласить совершенно иной принципъ, но въ его теоріи, о которой у насъ будетъ рѣчь ниже, многое не выдерживаетъ критики. Тотъ же патриотизмъ заставлялъ Мюлленгофа и другихъ черпать изъ скудныхъ извѣстій Плінія, Тацита и Птолемея массу племенъ, сосредоточенныхъ приблизительно въ извѣстномъ районѣ, опредѣленные указанія на ихъ взаимное расположеніе и мѣсто жительства. Что же, дѣйствительно, говорятъ эти писатели?

Сличая извѣстія трехъ географовъ древности, Плінія, Тацита и Птолемея, о восточногерманскихъ народахъ, г. Браунъ пришелъ къ выводу, вполне, какъ мнѣ кажется, основательному (см. стр. 47—52), что этимъ писателямъ были извѣстны слѣдующія девять географическихъ именъ: 1) *Burgodiones* у Плінія = Βουργοῦντες у Птолемея, 2) *Charini* у Плінія = *Harii* у Тац., 3) *Helveconae* у Тац. = Αἰλουαῖωνες у Птол. 4) *Manimi* у Тац. = Δοῦροι Ὀμᾶνοι у Птол. 5) *Varinnae* у Плінія, 6) *Nahanarvali* у Тацита, 7) *Elisii* у Тацита 8) Σιλίγγαι у Птолемея, 9) Δοῦροι Λιδοῦνοι у Птолемея.

При опредѣленіи географическаго положенія этихъ племенъ необходимо имѣть въ виду, что между Плініемъ и Птоломеемъ лежитъ почти сто лѣтъ разстоянія, что за это время племя могло не разъ перемѣнить свое мѣстожительства, такъ что у Плінія, Тацита и Птолемея въ одномъ и томъ же районѣ могли оказаться различныя племена. Сюда присоединяется и другое соображеніе: опираясь на показанія малограмотныхъ купцовъ, вѣроятно, совершенно чуждыхъ научнымъ интересамъ, наши источники могли выдавать за этническое названіе какое-нибудь сословное прозвище, названіе секты, жреческой касты и т. п. Это особенно бросается въ глаза, когда рѣчь заходитъ, напр. объ астингахъ, имя которыхъ обозначаетъ «длинноволосыхъ», приверженцевъ культа двухъ братьевъ, соответствующихъ римскимъ Кастору и Поллуксу (German. 43). Вотъ почему я рѣшительно выкинулъ бы азинговъ (или астинговъ) изъ списка вандильскихъ или, употребляя почти синонимическое выраженіе, лугійскихъ племенъ, хотя объ ихъ вторженіи въ сѣверную Дацію и говорится подъ 170 г. по Р. X. Трудность вопроса усложняется еще тѣмъ, что подъ Гаріями, Манимами и др. у Тацита подразумѣваются, по всей вѣроятности, вовсе не племена. Вотъ что говоритъ авторъ «Германіи» (стр. 43). «Dirimit enim scinditque Suebiam continuum montium jugum, ultra quod plurimae gentes agunt, ex quibus latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum. Valentissimas nominasse sufficet, Harios, Helveconas, Manimos, Helisios, Nahanarvalos». Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь не о племенахъ, но о

¹⁾ О причинахъ переселенія народовъ см. Handbuch der deutschen Geschichte, herausgegeben von Bruno Gebhardt. 1 Band (1891), стр. 82—83, а также предисловіе Ф. Дана къ 1 тому „Исторія переселенія народовъ“ Виттерсгейма (2 изд. 1880 г.). Намъ придется вернуться къ этому вопросу ниже.

частяхъ одного племени (*gentis*), которыя называются *Civitates*, и изъ которыхъ Тацитъ ограничивается упоминаніемъ лишь о наиболѣе сильныхъ и грозныхъ. За совокупностью этихъ *civitates*, образующихъ одну *gens*, живутъ готоны (*trans Lugijs Gothones*). Такимъ образомъ, луги, дѣйствительно, этническое названіе, тогда какъ манымы, наханарвалы и т. д. нѣчто другое. Изъ словоупотребленія Тацита можно вывести заключеніе, что слово *civitas* означаетъ у него по преимуществу извѣстную политическую единицу, занимающую цѣлое племя (откуда *Cimbri parva nunc civitas*, *Hermundurorum civitas* и т. д.) или же его части. Если и встрѣчается это слово въ смыслѣ племени вообще, безъ отношенія къ его политическому единенію (въ чемъ я позволю себѣ усумниться ¹⁾), то, во всякомъ случаѣ, этотъ смыслъ непримѣнимъ къ нашему мѣсту, гдѣ коррективомъ являются слова о *племенѣ* лугіевъ. Если же это такъ, то искать географическаго расположенія отдѣльныхъ, можетъ быть, и довольно мелкихъ общинъ, на которыя распалось племя, дѣло, требующее большой осторожности; тѣмъ болѣе, что Тацитъ перечисляетъ не всѣ *civitates* лугіевъ, а значить не заполняетъ только ими тотъ районъ, который онъ отводитъ этому племени.

Прежде всего, остановимся на бургундахъ. Такъ какъ Тацитъ совсѣмъ не знаетъ ихъ, а Плиній ограничивается однимъ упоминаніемъ этого имени (*Vandili, quorum pars Burgodiones, Varinnae, Charini, Gutones*), то приходится обращаться ко второй половинѣ 2-го вѣка, т. е. къ Птолемию. «Племя бургунтовъ», говоритъ этотъ источникъ: «живетъ за семнонами (т. е. за рѣкой Свемомъ) до р. Вислы». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что между Рутиклеями и Бургундами обитаютъ *эльвэоны*, т. е., по предположенію г. Брауна, *Helvecones* Тацита, одно изъ лугійскихъ племенъ ²⁾. Отсюда прямо вытекаетъ, что бургунды принадлежали также къ числу этихъ послѣднихъ, и краснорѣчивое умолчаніе Тацита о нихъ довольно ясно намекаетъ на то, что они вовсе не принадлежали къ числу значительнѣйшихъ *civitates* этого племени. Съ другой стороны къ бургундамъ примыкаютъ *Λοβγοι οἱ Ὀρανοί* (*Manimi*), а къ нимъ луги дидуны до Аскибургіева хребта, за которымъ тянется область Луговъ Буровъ до истока Вислы. Семноны, главная часть свевскаго племени, живутъ, по словамъ Птолея и другихъ писателей ³⁾, отъ средняго теченія Эльбы до Одера (вѣроятно, также до средняго его теченія). Къ югу отъ нихъ—Силинги ⁴⁾. Итакъ, на племя лугіевъ приходится какъ будто правый берегъ Одера, приблизительно отъ Бреславля, а затѣмъ, вѣроятно, и оба его берега въ нижнемъ теченіи. Сколько-нибудь точно опредѣлить положеніе отдѣльныхъ племенъ, думаа, совершенно невозможно, разъ не установлено даже, что надо подразумѣвать подъ Аскибургіевымъ хребтомъ: г. Браунъ предполагаетъ, что это Судеты, и осуждаетъ Птолея за то, что онъ, неправильно понявъ положеніе этого хребта, получилъ на своей картѣ

¹⁾ Данъ, который проводитъ этотъ взглядъ („Die Könige der Germanen“, т. I, стр. 54—56), опирается прежде всего на слѣдующее мѣсто Тацита (гл. 30): *Chatti... ut ceterae civitates, in quas Germania patescit*. Но почему же и здѣсь *civitas* не можетъ означать политическій объединенное племя (*duriora genti corpora* и т. д.). Вообще же, по Дану, *Civitas* ist die politische Einheit, sei es die grössere des Stammes oder seltener die kleiner des Bezirks.

²⁾ Объ отношеніи именъ *Αἰδοαίνωνες* и *Helvecones*, *Ὀρανοί* и *Manimi*. См. *Much Deutsche Stammsitze*. 25—26.

³⁾ Цитаты у Цейсса, стр. 130—132.

⁴⁾ Мнѣ кажется, что г. Браунъ не правъ, утверждая, что силинги передвинуты Птолеемъ слишкомъ на западъ.

двѣ Чехии и двѣ Моравии, а Мухъ считаетъ несомнѣннымъ, что это только нынѣшній Gesenke (ibid. 109). Совсѣмъ невѣроятно также, что бургунды могли раскинуться отъ Одера до Вислы. При такомъ огромномъ протяженіи племени Тацитъ не могъ бы просмотрѣть его.

На Вислѣ и между нею и Одеромъ изслѣдователи цомѣщаютъ еще слѣдующія племена: готовъ, ругіевъ, скировъ и лемовіевъ. Что касается первыхъ, то они были на Вислѣ, вѣроятно, только гостями и не оставили своихъ слѣдовъ въ географической номенклатурѣ. Ругіевъ ⁴⁾ и Лемовіевъ проще всего приурочить къ бассейну рѣчки Випера въ Помераніи: у устья этой рѣчки лежитъ городъ Rügenwalde, среди ея притоковъ мы встрѣчаемъ загадочныя имена: Motze и Meisse. Это могъ быть нѣмецкій островъ среди славянскаго моря: не даромъ готы, переправившись изъ Скандинавіи, покорили по разсказу Юрдана, сначала Ульмеруговъ. Повидимому, одно за другимъ изъ-за моря приплывали, какъ пчелиныя рои, германскія племена, которыя по традиціи сажались все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и уже оттуда распространялись на востокъ и на югъ.

Итакъ, мнѣ кажется, мы имѣемъ право сказать, что тотъ выводъ изъ разбора географическихъ названій, который былъ сдѣланъ нами выше (стр. 105), если и не подтверждается анализомъ смутныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій древности, то во всякомъ случаѣ не опровергается имъ. Думается, что при современныхъ методахъ этотъ анализъ дѣло почти безплодное, какъ бы ни были богаты знаніями и даровиты изслѣдователи этихъ вопросовъ. Но если даже въ рукахъ безпристрастныхъ ученыхъ, проникнутыхъ однимъ желаніемъ истины, народы переставляются по произволу, то что сказать объ изслѣдователяхъ, приступающихъ къ дѣлу съ предвзятой мыслью, напр. съ идеей, что подъ германскими этническими именами подразумѣваются славянскія племена. Если наиболѣе осторожныя нѣмецкіе ученые ограничиваютъ родину германскаго племени территоріей между Эльбой и Одеромъ (Gebhart. 20), съ чѣмъ до извѣстной степени нельзя не согласиться, то эти послѣдніе видятъ въ ограниченіи славянъ странами до Одера своего рода національное оскорбленіе и пытаются всяческими способами доказать, что до Эльбы и даже за нее славяне проникли уже въ доисторическое время. При этомъ характерной чертой подобнаго рода книгъ является постоянная ссылка на то, что и многіе другіе изслѣдователи, «числомъ поболѣе, цѣною подешевле», раздѣляютъ взгляды автора, какъ будто научные вопросы рѣшаются голосованіемъ. Папачекъ («O předslovanské době v Cechách» 1892, стр. 9) насчитываетъ себѣ 27 союзниковъ (въ томъ числѣ Шемберу, Богуславскаго, Первольфа, Я. Гримма, Шлецера и др., изъ которыхъ многіе принадлежатъ уже исторіи науки), Богуславскій (I, 18), ученый съ поразительной эрудиціей и горячей вѣрой въ свою идею, точно также прибѣгаетъ къ этому совершенно недѣйствительному статистическому приему. Такъ какъ взгляды В. Богуславскаго и Кентшинскаго по вопросу о прародинѣ славянъ въ Западной Европѣ приблизительно сходятся, то я

⁴⁾ Браунъ. стр. 32—33. Zeuss. 154—155. Gebhardt. 27. Much. 179 и 191. О скирахъ извѣстія такъ скудны (для древнѣйшаго періода только одно мѣсто у Плинія, приведенное на стр. 13), что сказать о нихъ хоть что нибудь опредѣленное представляется невозможнымъ. Все таки легче всего видѣть ихъ тамъ же, гдѣ ругіевъ, и это мнѣніе Молленгофа (Deut. Altert. II. 87). вытекаетъ, я думаю, не изъ одного желанія во что бы то ни стало открыть имя скировъ среди этнологическихъ списковъ Птолемея, въ чемъ его упрекаетъ г. Браунъ (стр. 118).

ограничусь изложеніемъ теоріи послѣдняго въ виду того, что она приняла въ недавнее время отчетливую и сжатую форму въ книгѣ В. Кентшинскаго: «O słowianach, mieszkających niegdys między Renem, a Łabą, Sałą i Czeską granicą» (1899). Ученіе этого историка опирается, по преимуществу, на разборъ географическихъ именъ въ древней Европѣ и на доказательствѣ того, что подъ свевами Цезаря, Тацита и иныхъ римскихъ писателей подразумѣваются не это иные, какъ славяне. Оба эти пункта составляютъ также фундаментъ изслѣдованій В. Богуславскаго. Прежде всего, Кентшинскій, опираясь на слова Ю. Цезаря (IV, 1): «Suevorum gens est longe maxima et belicosissima Germanorum omnium», утверждаетъ (стр. 72), что свевы и для Цезаря были народомъ, совершенно отличнымъ отъ прочихъ германцевъ, а замѣчаніе Тацита, что свевы, «maiorem Germaniae partem optinent propriis adhuc nationibus nominibusque discreti, quamquam in commune Suebi vocentur», объясняется имъ въ томъ смыслѣ, будто бы Тацитъ констатируетъ рѣзкое различіе между нѣмцами и славянами, которыхъ слѣдуетъ подразумѣвать подъ свевами. «Нѣмцы состояли изъ мелкихъ племенъ (gentes), какъ напр. хаттовъ и тенктеровъ, но еще не составляли большей величины, еще не были народомъ; славяне, наоборотъ, составляли народы (nationes) съ отдѣльными названіями, изъ которыхъ каждый въ свою очередь складывался изъ многихъ племенъ, какъ напр. лугійцы; въ то время, какъ нѣмецкія племена занимаютъ только малую территорію, славяне населяютъ «majorem partem Germaniae», т. е. большую часть не—римской Европы» (стр. 78). Отчего, въ такомъ случаѣ, вся область, занятая свевскими и германскими областями, называлась Германіей, Кентшинскій не говоритъ. Чтобы рѣзче отмѣтить невѣжество римскихъ писателей по отношенію къ Свевіи, онъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что въ Свевію входили будто бы не только славянскіе, но также скандинавскіе, финскіе и прусско-литовскіе народы. Это совершенно невѣрно. Тацитъ, на котораго по преимуществу ссылается Кентшинскій, отчетливо представлялъ себѣ, что надо подразумѣвать подъ свевами: это была группа этнографическая, объединенная общностью языка и культа, центръ котораго находился въ странѣ семноновъ. Когда Тацитъ по поводу характерной свевской прически замѣчаетъ, что этимъ свевы отличаются отъ остальныхъ германцевъ (a ceteris Germanis), онъ принимаетъ за принципъ дѣленія вовсе не національность, а народный бытъ. На этотъ же послѣдній онъ ссылается и тогда, когда рѣчь заходитъ объ эстїяхъ, живущихъ на правомъ берегу свевского моря (dextro Suebici maris litore): онъ отмѣчаетъ у этого народа весь жизненный обиходъ свѣвовъ (ritus habitusque Sueborum), только языкъ въ родѣ кельтскаго (lingua Britannicae prior). Да и вообще подъ германцами Тацитъ подразумѣваетъ не разноплеменный сбродъ племенъ, кельтскихъ, славянскихъ и германскихъ, а народную массу съ общимъ германскимъ языкомъ и національными преданіями, передающимися отъ поколѣнія къ поколѣнію въ формѣ пѣсенъ (carmina). Если, по справедливому замѣчанію Кентшинскаго (стр. 87), мнѣомъ о Маннѣ и его сыновьяхъ, отъ которыхъ происходятъ племена (амфиктіоніи) Герминоновъ, Истевоновъ и Ингевоновъ, были охвачены не всѣ нѣмецкія племена, то это еще не говорить за негерманское происхожденіе другихъ племенъ, а указываетъ мнѣ кажется, лишь на то, что часть племенъ была пришлаго происхождения. Къ ихъ числу нужно отнести именно свионовъ (о нихъ ср. пес арма, ut apud ceteros Germanos), ругіевъ, лемовіевъ, готоновъ, которые, какъ я полагаю, не были исконными обитателями Германіи,

а пришли изъ за моря. Зато германскій языкъ представлялся Тациту одной лингвистической единицей такъ же, какъ кельтскій, и онъ беретъ этотъ принципъ за основаніе при опредѣленіи народности (гл. 43. *Cotinos gallica, Osos rannonica lingua coarguit non esse Germanos*). Послѣ этихъ ссылокъ я рѣшаюсь утверждать, что нѣтъ никакой возможности дѣлать тѣхъ выводовъ относительно Свевіи, какіе извлекаю изъ словъ Тацита Кентшинскій. Врядъ ли онъ правъ и по отношенію къ Цезарю, изъ словъ котораго прямо слѣдуетъ, что для него свевы были однимъ изъ германскихъ племенъ, наиболѣе сильнымъ и воинственнымъ.

Если славяне съ незапамятныхъ временъ жили въ Германіи до самаго Рейна и до Альпъ, то куда же дѣтъ настоящихъ нѣмцевъ? Вотъ затрудненіе, которое неминуемо стоитъ на пути теорій Богуславскаго и Кентшинскаго. Чтобы устранить его, послѣдній рѣшаетъ, что нѣмцевъ просто не было. Они пришельцы изъ Скандинавіи, откуда первые походы и переселенія германскихъ племенъ и начались уже въ VII в. до Р. Х., вызвавъ рядъ движеній среди кельтовъ. Конечно, почтенная древность въ 7 вѣковъ до Р. Х. извѣщаетъ автора отъ обязанности приводить какія-нибудь доказательства за и противъ, перенося весь вопросъ изъ области знанія въ область вѣры, но, если позволительно усумниться и здѣсь, я замѣчу, что сношенія германцевъ съ кельтами начинаются, дѣйствительно, въ очень древнія времена (отъ кельтовъ германцы получили названіе Рейна), но были вызваны, какъ можно думать, не давленіемъ германцевъ съ сѣвера на кельтовъ, а напротивъ распространеніемъ кельтовъ въ концѣ V вѣка до Р. Х. ¹⁾.

Другимъ орудіемъ въ рукахъ изслѣдователя является разборъ географическихъ названій, который долженъ привести, во что бы то ни стало, къ тому же, т. е. къ доказательству древности славянъ въ Западной Европѣ. Это особенно слабая сторона въ работахъ В. Кентшинскаго и В. Богуславскаго. Они безъ колебанія переводятъ тацитова *Nahanarvali* черезъ Наднарвляне ²⁾, *Marobudus* черезъ Мароводъ ³⁾, *Marcomani* черезъ Моравяне, *Semnones* черезъ *Ziemianie* ⁴⁾ и т. д.: однимъ словомъ, такъ, какъ кому вздумается, по нѣкоторому случайному и неполному сходству. Уже римляне упоминаютъ будто бы слѣдующія славянскія названія въ прирейнскихъ странахъ: во первыхъ, самъ Рейнъ (*Renus*), далѣе *Gesonium* ⁵⁾ (т. е. пол. *Lesiony, ясенъ*), *Vacconia* (постоянно сравнивается съ Буковиной и позже называется *Vacconia* и *Viconia* ⁶⁾), *Lupia* (у Тацита, Птолемея, и др. ⁷⁾), *Nida* (о ней выше), *Alisa* (= будто бы *Ольша* ⁸⁾), *Arula* (будто бы *Орля* ⁹⁾), *Constantia* (эта *echt romische Constantia*, по выраженію Бакмейстера,

¹⁾ См. объ этомъ сочиненія Арбуа де Жубенвиля, Бертрана, Дворжана и др.

²⁾ Богуславскій I. 163 Кентшинскій 84.

³⁾ Кентшинскій, 83.

⁴⁾ Богуславскій I. 66. 47.

⁵⁾ Ср. кельтское *Γροβουλον* и др. *Much.* 17.

⁶⁾ Объ этомъ имени ср. *Much.* 21—22.

⁷⁾ Förstemann. 1026—1028, этимол. темная, не славянская.

⁸⁾ Эта группа именъ у Ферстемана 62—64 стр.; имя, несомнѣнно, кельтское—*Vacmeister.* 73. То же надо сказать про *Alisontia*, которое Кентшинскій приводитъ вслѣдъ за *Alisa*. См. *Zeuss Gram. celtica.* стр. 785.

⁹⁾ *Mone* II 68. Кельтскія образованія на—*ul* см. *Zeuss. Grammatica Celtica.* изд. 2 (1871, г.) стр. 766—769.

стр. 51), *Brigantium* (явно кельтское образование отъ корня *brig*¹⁾ и мн. др.²⁾.

Итакъ, если данныя исторической географіи указываютъ на то, что до нижняго Одера и до Варты могли доходить поселенія славянъ уже въ древнѣйшую пору, но что за этими рѣками къ западу мы уже переходимъ въ область германскихъ племень, то спрашивается, когда же и какъ славяне проникли на западъ до Эльбы?

¹⁾ Zeuss *Gr. celt.* 763.

²⁾ Напр. *Saloca* = *Zaluki*, *Devona*, *Bergium* и мн. др. Несостоятельность этихъ фактовъ, я думаю, достаточно видна изъ вышеприведеннаго.

Х.

Распространеніе славянъ на Западъ.

Выше нарисованная нами картина географическаго распространенія славянскаго и германскаго міровъ до рѣки Одера относится ко II вѣку по Р. Х. Вскорѣ послѣ этого германскій міръ всколыхнулся. Уже Птолемей знаетъ нѣкоторые изъ германскихъ племенъ не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ помѣщаетъ Тацитъ; значитъ въ началѣ 2 в. по Р. Х. уже начались въ этой области переселенія, и двинулись въ путь какъ разъ тѣ племена, которые и впослѣдствіи много разъ перемѣняли свои мѣста уже въ историческую пору. Такъ напр., Тацитъ зналъ лангобардовъ еще на ихъ роднѣ въ такъ называемомъ *Bardengau* на нижней Эльбѣ въ Люнебургѣ, тогда какъ Птолемей помѣщаетъ ихъ по сосѣдству сугамбровъ, вѣроятно, въ окрестностяхъ Падерборна. Подобно этому, расходятся свѣдѣнія двухъ историковъ о мѣстожительставахъ англовъ, племени, оставившаго многочисленныя слѣды въ географической номенклатурѣ Германіи и сохранившаго свое имя въ названіи Англии, куда переселилась часть его. По словамъ Тацита, англѣ жили на берегу Нѣмецкаго моря, гдѣ до сихъ поръ ихъ имя пережило въ Шлезвигѣ въ мѣстности, носящей названіе *Angeln*; во времена Птолемея они уже сосѣдили съ лангобардами, и ихъ владѣнія доходили до средняго теченія Эльбы (μῆτρι τῶν μέσων τοῦ Ἄλβιος ποταμοῦ), причѣмъ трудно рѣшить, было ли это теченіе сѣверной или южной границей ихъ ¹⁾.

Но время настоящаго переселенія народовъ, когда всѣ германскія племена поднялись съ насиженныхъ мѣстъ въ поискахъ лучшихъ условій жизни и большаго простора для возникавшаго земледѣлія, на-

¹⁾ С. Platner. Ueber die Art der deutschen Völkerzüge zur Zeit der Wanderung (Forschungen zur Deutschen Geschichte. Т. 20. 1880, стр. 165 — 202), стр. 176 (о лангобардахъ), стр. 194 (объ англахъ).

ступило позже, не раньше 3 вѣка, когда вслѣдъ за готами на югъ и на западъ устремились новыя германскія полчища съ женами, дѣтьми и обовами ¹⁾.

Насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакой возможности дать полную картину передвиженія этихъ племенъ, и этотъ фактъ объясняется скудностью нашихъ источниковъ: римскимъ и греческимъ историкамъ не было никакого дѣла до внутреннихъ переворотовъ, потрясавшихъ мало извѣстный и чуждый имъ германскій миръ; онъ интересовалъ ихъ лишь постольку, поскольку приходилъ въ столкновение съ Римской имперіей, поскольку этой послѣдней приходилось, прибѣгая къ принципу: *divide et impera*, вступать въ сношенія съ народностями, не граничившими съ ней непосредственно. Туземные источники, конечно, принадлежать гораздо болѣе позднимъ временамъ, когда древнюю исторію племени можно было почерпнуть лишь изъ народныхъ сказаній, которыя всегда достовѣрны, но достовѣрны по своему, только для опытнаго и безпристрастнаго взгляда. Таковы исторія Кассіодора и Иордана о готахъ, рассказъ Павла Діакона о лангобардахъ. Но не всегда въ интересѣ писателя было писать о своемъ народѣ всю правду: напротивъ, охваченный патріотизмомъ, онъ склоненъ былъ преувеличивать то, что служило къ чести его племени, умалчивать о томъ, что было оскорбительно для національнаго самолюбія. Такъ, Иорданъ забываетъ упомянуть о кое-какихъ пораженіяхъ готовъ, но за то съ увлеченіемъ рассказываетъ о громадномъ протяженіи царства Эрманариха, тогда какъ римляне, для которыхъ не имѣло никакого интереса раздувать размѣры политической власти этого государя, замѣчаютъ вскользь, что онъ владелъ многими областями и былъ страшенъ для сосѣднихъ народовъ. Если до римлянъ и доходили извѣстія о событіяхъ, разыгрывавшихся среди варваровъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были простые слухи (*rumores*), смутные и, конечно, не претендующіе на полную достовѣрность: таковъ рассказъ Амміана Марцеллина о сотрясеніи, въ которое привело варварскій океанъ нашествіе гунновъ, таковъ анекдотъ Прокопія о вандалахъ, сохранявшихъ за собою и въ Африкѣ право на возвращеніе домой въ Силезію, анекдотъ, рассказанный къ тому же *à propos*. Восклицаніе набожнаго священника, испуганнаго невиданнымъ зрѣлищемъ приближающихся варваровъ, обмолвка льстиваго стихотворца, кинувшаго въ какомъ-нибудь панегирикѣ два-три слова о племенахъ, покоренныхъ его героемъ, приписка малограмотнаго кописта какой-нибудь дорожной таблицы: все это представляетъ собой важныя порою историческія источники и стоитъ рядомъ съ реляціями императора Юліана, сражавшагося съ алеманнами и франками, съ безхитростнымъ рассказомъ монаха, задумавшаго пересказать легенды своего народа, переплетя ихъ сказаніями книжнаго происхожденія, и т. п. Но и всего этого оказывается мало: на двѣсти, на триста лѣтъ исчезаютъ изъ вида племена, значительныя и сыгравшія впоследствии крупную роль въ исторіи (напр. лангобарды), и только географическая номенклатура да иногда народныя преданія помогаютъ изслѣдователямъ опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ путь того или другаго племени. Нерѣдко изъ тьмы вѣковъ выныриваютъ совершенно

¹⁾ Готскія движенія рассмотрѣны въ берлинской диссертациі Б. Рапппорта: „De Gotorum usque ad Decium imperatorem mortuum incursionibus“ 1899 (есть и нѣмецкое дополненное изданіе этой книги). Привожу для полноты заглавіе недоступной для меня программной статьи Ципцеля „Deutsche Völkerbewegungen in der Römerzeit“ (Progr. Königsberg i Pr. 1895).

новыя племенные названія, невѣдомыя предшествовавшимъ историкамъ (Тациту, Птолею) и историку приходится выяснитъ ихъ отношеніе къ извѣстнымъ ранѣе этническимъ именамъ. Таковы загадочныя *баювары*, которыхъ, по слѣдамъ Цейса, теперь принято считать потомками маркомановъ, таковы *квиды*, новый племенной союзъ, замѣнившій свевскій, но такъ, что и имя свевовъ (и уже *свѣвовъ*, какъ переходъ къ формѣ: *швабы*) не было забыто даже во времена Павла Діакона (Zeuss 464—465). Но бываетъ и такъ, что передъ нами подробный рассказъ о народѣ, и мы все-таки не знаемъ, какого происхожденія былъ этотъ послѣдній. Какъ примѣръ этого рода, я напомнимъ о сарматахъ, населявшихъ въ пору Ам. Марцеллина нынѣшнюю Венгрію и дѣлившихся на двѣ группы: сарматъ свободныхъ (къ сѣверу) и сарматъ рабовъ (къ югу), воевавшихъ съ Констанціемъ и переселенныхъ имъ въ новую страну. «Гдѣ она лежала», замѣчаетъ Витерсгеймъ (I, 452): «мы не знаемъ, но предполагаемъ, что область между Дунаемъ и Тисой всю цѣликомъ, а также широкую пограничную полосу къ сѣверу отъ Дуная слѣдовало очистить; переселеніе должно было направить главнымъ образомъ на востокъ, гдѣ, конечно, сарматовъ и тайфаловъ еще раздѣляло незаселенное пограничное пространство. Мѣста, очищенные сарматами рабами, были переданы свободнымъ сарматамъ»¹⁾.

Вслѣдствіе всего этого возстановитъ послѣдовательный ходъ исторіи за три вѣка германскихъ передвиженій нѣтъ возможности за неимѣніемъ матеріала для такой реконструкціи, и Витерсгеймъ, написавшій обстоятельную «Исторію переселенія народовъ» въ 4 томахъ (переиздано въ 1880 году въ 2 томахъ Ф. Даномъ), занимается гораздо больше исторіей самой имперіи, чѣмъ судьбами германскихъ народностей за это время, хотя онъ ревностно собираетъ весь возможный матеріалъ. Къ счастью, для нашей цѣли не для чего подробно и детально останавливаться на смутной порѣ переселенія народовъ, и потому, указавъ читателямъ на капитальные труды въ этой области²⁾, я перейду прямо къ изложенію того, что имѣетъ существенное значеніе для пониманія древнѣйшихъ судебъ славянъ.

Среди условий, которыя могли вызывать переселеніе не только германскихъ, но и славянскихъ народовъ, занявшихъ ихъ мѣста, на первое мѣсто должны быть выдвинуты естественныя причины, заставлявшія племена бросать въ паническомъ ужасѣ свои насиженныя мѣста и отправляться въ поискахъ удачи. Кажется, теперь общепризнано, что главной изъ этихъ естественныхъ причинъ былъ недостатокъ земли, годной для земледѣлія. Покуда римляне не давили желѣзной массой своихъ войскъ сѣверныхъ варваровъ, эти послѣдніе могли на просторѣ покидать однѣ нивы и выжигать себѣ среди лѣсовъ новыя поля. Но когда, проникнувъ въ сердце Германіи, римляне положили предѣлъ этому свободному распространенію, германцы оказались въ

¹⁾ Ср. комментарий къ этому мѣсту у Витерсгейма (I. 582—584), который тщетно пытается распутать этотъ узелъ. Не воспользся его вовсе проф. Ю. Кулаковскій въ своемъ очеркѣ: «Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византийскихъ писателей» 1899.

²⁾ Zeuss, Müllenhoff (томъ II), Gebhardt, Pallmann. Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung bis zum Tode Alarichs nach den Quellen dargestellt. 2 тома. 1863. Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung. 2 тома. 1880. Dahn. Die Könige der Germanen. 6 вып. 1861—1871. A. Meitzen. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. 4 тома. 1895 и др. Обзоръ источниковъ въ книгѣ Г. Перера: Die Geschichtliche Literatur über die römische Kaiserzeit bis Theodosius I und ihre Quellen. 2 тома. 1897.

чрезвычайно затруднительномъ положеніи и, не умѣя культивировать землю, должны были или всенародно уходить въ новыя мѣста, или отправлять избытокъ населенія изъ своей оскудѣвшей родины. Древніе писатели ¹⁾, не жалѣя красокъ, рисуютъ намъ картину суровыхъ климатическихъ условій Германіи. Страшныя бури, разбивавшія цѣлыя флоты (Тац. *Annal.* II, 24), смѣнялись долгими засухами, отъ которыхъ пересыхали рѣки (панегирикъ Максиминоу Мамертина), зимой выпадалъ глубокой снѣгъ, и наступали страшные морозы (*Ann. Marc.* 17, 1. 10); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывали такіе туманы, что солнце показывалось едва на 3—4 часа въ срединѣ дня (*Strab.* 4, 5, 2). Эта картина, нарисованная южными писателями, избалованными южнымъ солнцемъ, подтверждается показаніями средневѣковыхъ лѣтописцевъ. Даже послѣ смерти Карла Великаго, въ 9 вѣкѣ, когда Германія все-таки уже сильно шагнула въ культурномъ отношеніи, мы должны поневолѣ представлять ее страной, покрытой лѣсами или болотами ²⁾, заросшими мелкимъ частымъ кустарникомъ, страной, подверженной чрезвычайно рѣзкимъ климатическимъ переѣнамъ, а потому зачастую страдающей отъ неурожая ³⁾, эпидемій и т. п. бѣдствій. Въ I томѣ книги Гердеса ⁴⁾ собранъ обширный матеріалъ, рисующій виѣшнія условія быта нѣмцевъ въ 9—10 вѣковъ. Такъ какъ въ эпоху переселенія народовъ эти условія не могли быть мягче, то мы не сдѣлаемъ логической погрѣшности, если картину жизни этихъ вѣковъ перенесемъ, только въ еще болѣе мрачномъ видѣ, за 5—6 столѣтій назадъ.

Германія все еще была покрыта густыми, дѣвственными лѣсами, въ которыхъ водилось много медвѣдей, лосей, кабановъ, бобровъ и особенно волковъ, борьба съ которыми принимала серьезные размѣры. При Карлѣ Великомъ она шла успѣшно: въ май разыскивали волчатъ, шкуры убитыхъ волковъ доставлялись ко двору. Но въ безпокойныя времена при преемникахъ Карла Великаго число волковъ страшно умножилось: они бродили стадами въ 300 штукъ, врывались въ города (напр. въ Вормсъ) и т. под. Въ дремучіе лѣса не проникала человѣческая нога: можно было очень долго бродить по лѣсу и не найти никого, кромѣ звѣря и птицы. Болота и лѣса, напоминающіе наше Полѣсье, дѣлали климатъ Германіи чрезвычайно влажнымъ: такъ, въ 886 г. съ мая до іюля дождь лилъ непрерывно день и ночь; рѣки выступили изъ береговъ и затопили поля. Въ 875 г. неожиданно разразившейся грозой съ ливнемъ было убито около Франкфурта на Майнѣ до 90 человѣкъ: дома были опрокинуты и унесены водой, деревья выворачивались съ корнемъ. Въ Тюрингіи въ 889 г. разразился ливень, во время котораго вода текла съ неба, точно рѣка; послѣ него въ поляхъ было найдено до 300 труповъ. Не лучше бывало и зимой: около Аугсбурга зима 993 г. была такъ сурова, что отъ мороза трескались деревья; въ 860 г. замерзало Адриатическое море, и по нему перевозили тяжести въ Венецію. Лѣто отличалось жарамъ и засухами: въ 993 г. отъ середины іюня до половины ноября стояла почти невыносимая жара и полная засуха; поля высохли.

¹⁾ Отрывки изъ нихъ, относящіеся къ прирейнской Германіи, въ прекрасномъ изданіи *O. Riiese. Das rheinische Germanien in der antiken Literatur* Leipzig. 1892.

²⁾ Тацитъ. *Germ.* гл. 5. Terra... in universum... aut silvis horrida aut paludibus foeda.

³⁾ Ср. у Плинія (*Hist. Nat.* 18, 189): cum hieme praegelida captae segetes essent.

⁴⁾ *O. Gerdes. Geschichte des deutschen Volkes und seiner Kultur zur Zeit der karolingischen und sächsischen Könige.* Leipzig. 1891.

При такомъ крутомъ и непостоянномъ климатѣ населеніе Германіи было подвержено всевозможнымъ заболѣваніямъ; войны, возвращавшіеся на сѣверъ изъ Италіи, приносили съ собою всевозможныя эпидеміи, отъ которыхъ, разъ онѣ были занесены, было уже трудно отдѣлаться. Очень часто мы слышимъ про чумныя эпидеміи; въ 1020 г. въ окрестностяхъ Кведлингбурга разразилась особенно страшная чума: люди валялись, какъ подкошенные. Въ лѣтописи монастыря Фульды занесенъ, что въ 874 году около трети населенія Германіи и Франціи погубило отъ голода и морового повѣтрія. Въ 994 г. послѣ необыкновенно суровой зимы наступила страшная засуха, и начался падежь среди свиней, овецъ и рогатого скота. О такихъ падежахъ намъ приходится слышать еще не разъ, и область ихъ распространенія иногда сводилась ко всей западной Европѣ: такъ въ 942 г. палъ чуть не весь рогатый скотъ въ Италіи, Германіи и Франціи.

Послѣдствіемъ падежей скота и неурожаевъ были частые голода, принимавшіе иногда ужасающіе размѣры; иногда дѣло доходило до того, что ѣли человѣческіе трупы (напр. въ 869, 873 и 1004 гг.). Наконецъ, населеніе гибло массами отъ наводненій, противъ которыхъ не умѣло защититься плотинами. При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы населеніе было скудное; напротивъ, слыша, какъ германцы выставляютъ противъ своихъ враговъ новыя и новыя полчища, зная, какими массами совершались вольныя и невольныя переселенія племенъ, приходится думать, что населеніе Германіи возрастало очень быстро.

Къ этому надо присоединить въ качествѣ стимула для переселенія давленіе другихъ племенъ. Такъ напр., въ связи съ дѣйствіями Юліана на Рейнѣ въ 359 году должны были стоять передвиженія германскихъ племенъ въ юго-восточномъ направленіи, такъ какъ на западѣ они встрѣчали непреодолимую преграду въ римскомъ войскѣ. Ниже мы еще не разъ увидимъ, какъ одно племя, надвигаясь на другое, заставляетъ его покинуть свою временную, по большей части, стоянку и идти дальше, уступивъ свои жилища сильнымъ пришельцамъ. Наконецъ внутренніе раздоры могли вызывать выселеніе недовольныхъ.

Какъ же совершались самыя переселенія? Прокопій въ своей „Исторіи войнъ римлянъ съ Вандалами“ (перев. С. Дестуниса, изд. 1891) сообщаетъ (I, 22) слѣдующій замѣчательный фактъ: „Когда, въ глубокой древности, вандалы по причинѣ голода рѣшились покинуть страну своихъ предковъ, подъ предводительствомъ Годигискла, то часть ихъ, по склонности къ бездѣйствію, не хотѣла послѣдовать за нимъ и осталась на прежнемъ мѣстѣ. По прошествіи нѣкотораго времени эти вандалы, владѣя всѣмъ, что принадлежало ихъ единоплеменникамъ, пользовались изобиліемъ во всемъ, между тѣмъ какъ Гизерихъ съ другою частью вандаловъ занималъ Ливію. Тѣ, которые не послѣдовали за Годигискломъ, узнавъ это, радовались, ибо занимаемая ими самими страна была на будущее время достаточна для ихъ содержанія; однако боясь, чтобы впослѣдствіи, черезъ долгое время, обладавшіе Ливіей или потомки ихъ, бывъ какимъ бы то ни было образомъ изгнаны оттуда, не захотѣли возвратиться въ страну предковъ своихъ, отправили къ Гизериху пословъ“. Вандалы, переселившіеся въ Африку, сначала было отказались отъ всякихъ правъ на родную землю, но потомъ, по совѣту одного старика, послы были отпущены безъ успѣха. „Что касается до тѣхъ вандаловъ, которые остались на своей родинѣ“, прибавляетъ Прокопій: „то ни имя ихъ, ни память о нихъ въ настоящее время не сохранились. Такъ какъ ихъ было немного, они, я думаю, или были по-

корены сосѣдными варварами, или смѣшались съ ними противъ воли своей и приняли ихъ имя».

Изъ этого разсказа историка можно сдѣлать нѣсколько выводовъ, имѣющихъ типическое значеніе для всего переселенія народовъ: 1) племя вандаловъ ушло не цѣликомъ, 2) оно было вынуждено къ переселенію матеріальной нуждой, 3) при чемъ оно сохраняло за собой право на возвращеніе на родину; 4) оставшаяся часть свято хранила память ушедшихъ и поддерживала съ ними сношенія; 5) она должна была защищать родину отъ вражескихъ нашествій, но 6) вслѣдствіе своей малочисленности въ концѣ концовъ оказалась не въ состояніи сдѣлать это. Это—общія условія переселенія племень, въ совокупности или отдѣльно повторявшіяся въ исторіи много разъ (раньше то же разсказывается про кельтовъ ¹⁾, а позже про мадьяръ ²⁾). Остановимся прежде всего на первомъ пунктѣ этой схемы, къ которой остается прибавить немного: именно, нужно сказать, что при передвиженіяхъ германскихъ народовъ отдѣлившіяся части одного племени сливались сплошь и рядомъ съ обломками другого, иной разъ даже иной національности (напр., готы и аланы), такъ что по мѣрѣ передвиженія племени получалась своего рода лавина, иногда сохранявшая имя своего зерна, иногда получавшая новое, уже политическое названіе (откуда *франки*, *алеманни* и т. д.). Такъ какъ связь между отдѣльными частями первобытныхъ земледѣльческихъ обществъ бываетъ всегда вообще очень слаба, то германскія племена легко распались на отдѣльныя группы, и эти послѣднія, иногда сохраняя племенные названія, отправлялись на собственный рискъ искать новой земли, самостоятельно заключали союзы съ римлянами и т. д.: однимъ словомъ, пользовались полной политической независимостью.

Такъ бургунды, о родинѣ которыхъ мы говорили выше, въ серединѣ 3 в. потерпѣли сильное пораженіе отъ короля гепидовъ, Фастиды, и, значитъ, уже тогда подвинулись значительно болѣе къ югу, чѣмъ жили при Птолемеѣ, т. е. за сто лѣтъ передъ тѣмъ. Если въ уругундахъ Зосима, совершившихъ въ 268 году вторженіе въ предѣлы имперіи вмѣстѣ съ карпами, готами и ворами, видѣть тѣхъ же бургундовъ, а не какое-нибудь тюркское племя ³⁾ то къ этому времени бургунды достигли уже береговъ Дуная. Здѣсь же въ 278 году императоръ Пробъ столкнулся съ бургундами и вандалами, направляясь изъ Иллиріи въ Азію (Wietersheim I, 259). За годъ передъ тѣмъ онъ сражался на берегахъ Рейна съ вандалами и бургундами, сосѣдившими не съ маркоманнами, квадами и сарматами какъ первые, но съ

¹⁾ Юстинъ: Galli abundante multitudine cum eos non caperent terrae, quae genuerant, 300 milia hominum ad sedes novas quaerendas *velut ver sacrum* miserant. *Гитъ Луцій*: Gallia adeo frugum hominumque fertilis fuit, ut abundans multitudo vix regi videretur posse и т. д. Разборъ этихъ свидѣтельствъ и ихъ источниковъ см. А. Bertrand et S. Reinach: «Les Celtes dans les vallées du Pô et du Danube» Paris., 1894, стр., 20—26 и 205—212.

²⁾ Когда въ 13 в. одинъ венгерскій монахъ вронилъ на родину мадьярскаго племени (на сѣв. Кавказѣ и теперь еще городъ Маджаръ), онъ легко объяснялся съ соплеменникамъ на родномъ языкѣ. Эти послѣдніе, по его замѣчанію, «sciunt etiam per revelationes antiquorum, quod isti ungarici ab ipsis descenderant, sed ubi essent ignorabant». *Endlicher. Rerum Hungaricarum monumenta arpadiana.* 1849, стр. 252.

³⁾ На основаніи одного мѣста у историка Агаеія, причисляющаго бургундовъ къ скивамъ и унамъ, г. Браунъ принимаетъ послѣднее, но скивы были не болѣе, какъ географическій терминъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ болѣе правъ Цейсъ (695 стр.), ожегствяющій *Burgundii* Мамертина, Оброубубои Зосима съ бургундами—германцами. Такъ же думаютъ Витерсеймъ I, 258 и Рапппортъ (стр. 27).

франками. Это одновременное появленіе одного этническаго имени въ двухъ мѣстахъ можно объяснить лишь тѣмъ, что части одного племени двинулись въ разныя стороны, и это передвиженіе теперь, какъ и впоследствии, въ концѣ IV и началѣ V вѣка, совершалось совместно съ вандалами. Такъ, по словамъ Орозія, Стилихонъ *suscitavit gentes alanorum, suevorum, vandalorum ipsoque simul motu impulsorum burgundionum* «По нашему убѣжденію», замѣчаетъ Витерсгеймъ по поводу столкновеній Проба съ бургундами въ 277 и 278 годахъ: «тѣ бургунды, которыхъ Пробъ разбилъ на Рейнѣ, были вовсе не тѣ же самые, что придвинулись совместно съ вандалами и готами къ восточной границѣ Рима, и что были побѣждены гепидомъ Фастидой; это была часть народа, остававшаяся на родинѣ. Подхваченная общимъ теченіемъ, и она покинула свои старыя жилища и приблизилась къ общей цѣли, когда водворилась въ нынѣшней Франціи на берегахъ Майна рядомъ съ франками и алеманнами» (I. 259—260).

Такимъ образомъ, послѣ переселенія бургундовъ, части которыхъ разошлись въ разныя стороны, ихъ страны освободились для новыхъ колонистовъ. Замѣчаніе Дана (*ibid.* 254), будто бы пустоты тотчасъ же заполнялись славянами, грѣшитъ, мнѣ кажется, чрезчуръ элементарнымъ пониманіемъ хода переселенія народовъ, по которому славяне представляются какими то кандидатами на свободныя мѣста. Рассказъ Прокопія о вандалахъ, скорѣе, позволяетъ заключить, что племя, сохраняя за собой въ теченіе долгаго срока право на родную землю, оставляло извѣстную часть своихъ сородичей охранителями этого права. Исторія лангобардовъ и другого германскаго племени, варновъ, подтверждаетъ это наблюденіе. Когда авары съ согласія первыхъ заняли Паннонію, всего лѣтъ за 60 передъ тѣмъ занятую лангобардами, то авары обезпечили этимъ послѣднимъ на 200 лѣтъ впередъ право вернуться въ эту область, которую они въ этомъ случаѣ обязывались очистить. Что касается варновъ, то и они, разославъ въ разныя стороны (къ устью Рейна, въ Италію, въ Тюрингію) части своего племени, продолжали сохранять на родинѣ такое политическое значеніе, что Теодорихъ въ 507 году обратился къ нимъ съ посланіемъ по важному вопросу ¹⁾. Такъ какъ и въ 513 году Прокопій упоминаетъ о варнахъ, то естественно предположить, что славяне при своемъ передвиженіи на западъ столкнулись съ этимъ племенемъ. Если родина варновъ лежала въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ, особенно по рѣкѣ Warnow, то въ 6 вѣкѣ славянамъ неминуемо пришлось съ ними встрѣтяться. При совпаденіи вандильской и лигійской народностей ²⁾ мы можемъ совѣтъ оставить въ сторонѣ лигивъ и ограничиться указаніемъ на переселенія вандаловъ. Какъ участники маркоманской войны, они рано обратили на себя вниманіе римлянъ; въ ихъ отчетахъ вандалы ³⁾ постоянно занимаютъ мѣсто рядомъ съ сарматами на Дунаѣ, куда ихъ помѣщаютъ и Певтингеровы таблицы; вѣроятно, это была часть племени. Изъ словъ Діона Кассія, что изъ Вандальскихъ горъ течетъ рѣка Эльба, слѣдуетъ, что другая, можетъ быть, главная часть этого племени продолжала жить въ Силезіи и сѣверо-восточной части Чехіи. Ко временамъ Прокопія отъ нея не со-

¹⁾ Platner. 199—201.

²⁾ Г. Браунъ (стр. 39) прямо замѣчаетъ: „вандильскаго, т. е. лигійскаго происхожденія“: повидимому, это совершенно справедливо. Такъ, Діонъ Кассій въ 3 в. говоритъ о лигивъ въ Давіи, когда другіе писатели говорятъ здѣсь только о вандалахъ. По мнѣнію Цейса (433 стр.), лигивъ применили въ вандаламъ.

³⁾ Цитаты собраны у Цейса, стр. 443 и дал. ср. также Wietersheim I, 0—262.

хранилось даже имени, такъ что славянамъ не пришлось считаться съ вандалами. Только ихъ вѣтвь силинги, которая въ началѣ V вѣка ушла вмѣстѣ съ остальными вандалами въ Испанію (*Wandali cognomine Silingi* въ V в.), оставила свой слѣдъ на родинѣ, которая во времена Птолемея лежала за областью семноновъ; изъ опредѣленія этой послѣдней (отъ средняго теченія Эльбы къ востоку до Одера) явствуетъ, что страна силинговъ, лежавшая *ὄτὸ τοῦς Σέρμονας* простиралась по теченію Одера, именно, вѣроятно, по лѣвому берегу его. Должно быть, часть силинговъ осталась на родинѣ; иначе, славяне не имѣли бы основанія назвать рѣку *Lohe* Слензой, страну къ югу отъ Одера *Zlasane* (967 г.), гору, которую омываетъ *Lohe*, *mons Zlens* (у Титмара) ¹⁾, наконецъ городъ по близости отъ этой священной горы *Nemzi*. Всѣ эти факты, мнѣ кажется, ясно указываютъ на то, что въ известной части нынѣшней Силезіи славяне застали германцевъ, которые, по выраженію Дамрота ²⁾, не захотѣли изъ благочестивой привязанности покинуть священную гору *Slenz* и удержались неподалеку отъ нея въ городѣ, который славяне впоследствии назвали ради нихъ нѣмцами—*Nemzi*, *Nimptsch*. Позже названіе одной области перешло на цѣлую провинцію Силезію.

Иначе я склоненъ объяснять другія мѣстные названія, въ родѣ *Slazaki* въ Галиціи, *Slezy* въ Моравіи и т. п.; я думаю, что это просто названія по колонистамъ изъ Силезіи и уже въ историческое время.

Мы видимъ, что германскій міръ къ востоку отъ Одера пришелъ въ движеніе уже со 2 в. по Р. X. Между этой рѣкой и Эльбой точно также началось сильное броженіе: лангобарды, семноны, англн, варны и рядъ другихъ племенъ покидаютъ родныя мѣста и мѣняютъ одну стоянку за другой, пока по какимъ-либо причинамъ не останавливаются въ своемъ движеніи. Иногда они отдыхаютъ очень недолго: такъ, въ странѣ ругіевъ, жившихъ при Тацитѣ еще на р. Випперѣ, а позже, послѣ паденія гуннскаго царства, вдругъ оказывающихся на Дунаѣ и даже захватывающихъ въ свои руки сѣверную (придунайскую) часть провинціи *Noricum*, которая теперь получаетъ названіе *Rugiland'a* ³⁾,— въ этомъ эфемерномъ царствѣ поселились послѣ его паденія въ 488 году лангобарды. Эти послѣдніе пришли сюда теперь изъ Чехіи ⁴⁾ и

¹⁾ Титмаръ объясняетъ названіе этого города тѣмъ—*quod a nostris olim sit condita* и прибавляетъ: *Posita autem est haec* (т. е. городъ Нѣмцы) *in pago Silensi, vocabulo hoc a quodam monte nimis excelso et grandi olim sibi indito* Ср. *Platner Ueber Spuren deutscher Bevölkerung zur Zeit der slavischen Herrschaft in den östlich der Elbe und Saale gelegenen Ländern*, стр. 430 и 483 (*Forsch. zur Deutschen Geschichte*. т. 17 за 1877 г.). Ср. *Müllenhoff* II, 92.

²⁾ *K. Damroth* Die älteren Ortsnamen Schlesiens, ihre Entstehung und Bedeutung. 1896, стр. 18.

³⁾ Подробно о ругіяхъ въ Норикѣ см. *Pallman* II. 387—413. Ср. также *Riesler*. *Geschichte Baierns* т. I (1878), стр. 45—46; *Huber*. *Geschichte Oesterreichs*, т. I (1885), 44.

⁴⁾ Изъ страны *Беогинодоовъ* по однимъ источникамъ (*Chronicon Gothanum*). изъ *Vainaiß* (*Vajina aiß*—страна боевъ) по другимъ (Павель Діаконъ). Относительно послѣдняго см. Браунъ, стр. 315. Замѣчу мимоходомъ, такъ какъ я не могу здѣсь остановиваться на разборѣ лангобардской легенды, что я ни какъ не могу согласиться съ этимъ изслѣдователемъ, изъ книги котораго мнѣ пришлось многому научиться, что названія странъ, черезъ которыя прошли лангобарды (т. е. *Golanda*, *Anthaib* и *Vurgundaib*), заимствованы ею изъ готскихъ легендарныхъ преданій, гдѣ они имѣютъ реальный смыслъ. Оставляя въ сторонѣ темное *Golanda*, я думаю, что *Anthaib* имѣетъ въ виду действительно славянъ, уже пододвинувшихся къ Одеру (меня смущаетъ только то, что славяне названы здѣсь антами, въ виду изложеннаго на стр. 26—27); *Vurgundaib* въ эту пору (значитъ, до 413 года; ср. *Wietersheim*. II, 348) жили на Дунаѣ; отсюда лангобарды двинулись въ *Rugiland*.

на короткій срокъ смѣнили ругіевъ. Однако въ 495 году они опять снимаются съ лагеря и пробираются, одержавъ рѣшительную побѣду надъ своими соплеменниками герулами, въ Паннонію, гдѣ опять разбиваютъ германцевъ же—гопидовъ. Присоединивъ ихъ въ 566 или 567 году къ своимъ полчищамъ, они по уговору съ аварами покидаютъ и эту страну и переселяются въ Ломбардію.

Въ Панноніи давно уже происходилъ страшный безпорядокъ: города стояли пустыми, цѣлыя области, какъ мы знаемъ изъ разсказа Прокопія, превращались въ пустыни, и вполне справедливо патетическое восклицаніе св. Іеронима въ концѣ IV вѣка ¹⁾: «вотъ уже больше 20 лѣтъ, какъ страны между Византіей и Альпами затоплены кровью. Скиія, Фракія, Македонія, Дарданія, Дакия, Греція, Далмація и обѣ Панноніи опустошены, разграблены и расхищены готами, сарматами, квадами, аланами, гуннами, вандалами и маркоманнами. Сколько матронъ, сколько дѣвъ, посвященныхъ церкви, и какое множество свободнорожденныхъ и благородныхъ мужей пало жертвами гнѣва этихъ варваровъ, подобныхъ дикимъ звѣрямъ. Епископовъ вводили въ плѣнъ, священниковъ и другихъ духовныхъ убивали, церкви осквернялись, къ алтарямъ привязывали лошадей, и даже мощи святыхъ вырывали изъ земли. Куда ни обратишь взоры, вездѣ господствуютъ печаль, скорбь и образъ смерти. Римская имперія лежитъ въ развалинахъ, но мы (т. е. церковь) все таки не клонимъ гордой головы».

Эта картина гибели и разрушенія, царившихъ въ богатой нѣкогда Панноніи, особенно соблазнявшей германскихъ хищниковъ, врядъ ли можетъ быть примѣнима ко всему огромному пространству, которое было охвачено броженіемъ. Но все же можно сказать съ полной увѣренностью, что весь край по среднему теченію Одера къ Вислѣ и отъ Одера до Эльбы всколыхнулся, что нѣкоторыя земли почти лишились населенія, и славяне могли захватить ихъ раньше 5 вѣка. Тѣмъ не менѣе, я все таки думаю, что движеніе славянъ на Западъ совершилось en masse именно въ началѣ этого столѣтія: какъ ни скудны наши извѣстія о переселеніи народовъ, все же передвиженіе многолюдныхъ и сильныхъ племенъ не могло бы пройти незамѣченнымъ и въ римской исторіографіи, которая до конца 4 в. старается въ немъ ориентироваться. Потомъ наступаетъ особенно темная пора, времена гуннскаго нашествія. До римлянъ доходятъ слухи о томъ (Амм. Марцеллинъ XXXI, 4), что масса варварскихъ племенъ, лишившись своихъ земель, бродитъ по всему побережью Дуная отъ Понта до маркоманновъ и квадовъ. Въ началѣ 5-го вѣка замѣчается усиленное движеніе германскихъ племенъ на западъ за Рейнъ: въ 406 году черезъ эту рѣку переходятъ вандалы, аланы и свевы; въ 412 въ Галлію вторгаются вестготы, въ 413 бургунды занимаютъ территорию, которая впоследствии получаетъ названіе Бургундіи ²⁾. Однимъ словомъ, въ началѣ 5 в. земли, прежде принадлежавшія вандаламъ и бургундамъ, видимо пустѣютъ, и не мудрено предположить, что славяне заняли

¹⁾ Wietersheim, II, 123. Въ томъ же духѣ Іеронимъ говоритъ и о западѣ въ письмѣ, относящемся къ 409 году. Вотъ выдержка изъ этого мѣста (дѣликомъ оно приведено Цейсомъ, стр. 450): «Quidquid inter Alpes et Pyrenaeum est, quod Oceano et Rheno includitur Quadus, Wandalus, Sarmata, Halani, Gipedes, Heruli, Saxones, Burgundiones, Alemanni et. o lugenda respublica! hostes Panonii vastarunt».

²⁾ Wietersheim II, 347—348. Вандалы уже въ 277 году были внѣ своей родины за Одеромъ. Въ 3 или 4 в. ихъ страну заняли, кажется, свевы (Zeuss. 458).

весь бассейнъ Одера и его правые притоки. Я никакъ не могу понять, почему Бахманъ ¹⁾ такъ рѣшительно утверждаетъ, что около 500 г. по Р. Х., когда, по моему мнѣнію, славяне уже подошли къ устью Дуная, на западѣ по ту сторону Одера и Эльбы (странно соединять здѣсь эти двѣ рѣки) ихъ отдѣляла отъ германцевъ широкая пустыня (die weite Einöde). Предполагать пустыню къ западу отъ Одера мы, повидимому, не имѣемъ права: Моравія и Чехія были еще заняты маркоманнами и квадами, и только въ половинѣ VI вѣка ихъ заселили славяне, въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ продолжали жить варны, а въ Бранденбургѣ потомки свевовъ. И вотъ исторія этихъ послѣднихъ даетъ точку отправленія при хронологическомъ опредѣленіи движенія славянъ за Одеръ ²⁾. Въ 568 году вслѣдъ за лангобардскимъ королемъ Альбоинномъ въ Италію прошла толпа саксовъ, покинувшая уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ свою родину. Франкскіе короли Хлотарь и Вигибертъ задумали заселить покинутый ими край (между Салой, Бодой и Гарпемъ) и для этой цѣли пригласили свевовъ, которые, переселившись въ этотъ уголокъ, дали ему названіе Schwaben-Gau. По мнѣнію Платнера, они явились сюда, вѣроятно всею, подъ натискомъ славянъ, и въ связъ съ этимъ онъ ставитъ великую ненависть, которую питали къ славянамъ даже спустя нѣсколько вѣковъ именно жители этой области: маркграфъ Геро и Альбрехтъ Медвѣдь были по происхожденію сѣверными швабами. Если дѣйствительно швабы перешли черезъ Эльбу, уходя отъ славянъ, достигшихъ ко второй половинѣ VI в. береговъ этой рѣки, то въ заселеніи Schwaben-Gau въ 568 году передъ нами прочная хронологическая дата того движенія славянъ, которое, начавшись приблизительно въ концѣ 4 вѣка, черезъ два столѣтія привело ихъ уже къ берегамъ Салы. Къ началу VII вѣка относится, вѣроятно, довольно значительная колонизація славянъ къ западу отъ Салы въ юго-западномъ углу Саксоніи между Салой и Унструтомъ, около нынѣшнихъ городовъ Галле, Мерзебургъ, Вейсенфельсъ и Наумбургъ. Въ средніе вѣка этотъ районъ назывался Hassengau (Hassenga, въ документѣ 777 года). На основаніи того, что уже въ 748 году славяне выставили Пипину 100,000 человекъ вспомогательнаго войска изъ этой области, и того, что франкскіе короли жестоко карали всякую попытку славянъ распространяться къ западу отъ Салы, qui Turingos et Sorabos dividit, слѣдуетъ думать, что славянская колонизація за Салой совершилась въ эпоху, наиболѣе благоприятную для славянъ, т. е. немного позже того, какъ славяне добрались до Эльбы ³⁾. За это же говорить и другое соображеніе, по которому славянская колонизація въ Hassengau можетъ относиться даже къ болѣе раннему времени. Именно, при взглядѣ на карту мы замѣчаемъ, что по мѣрѣ приближенія къ старому Schwabengau, заселенному свевами въ 567—568 году, славянская колонизація рѣдѣетъ. Такъ какъ весь Hassengau былъ въ равной мѣрѣ подверженъ германизаціи, то это явленіе нельзя, мнѣ кажется, объяснить близостью къ швабамъ, истребившимъ

¹⁾ Geschichte Böhmens. I. 66. Здѣсь же укажу на то, что слова биографа имп. Марка Аврелія о *sclerimis* варварахъ, тѣснившихъ маркоманновъ (Victovalis et Marcomanis alii setiam gentibus, quae, pulsae a superioribus barbaris, fugerant), слова, которые Шафарикъ относитъ къ славянамъ, могутъ быть гораздо правильнѣе примѣнены въ равной степени и къ вандаламъ, и къ сарматамъ, и къ готамъ.

²⁾ См. статью Platner'a въ 17 томѣ Forschungen, стр. 419—423.

³⁾ Такъ полагаетъ Брюкнеръ въ статьѣ: „Die slavischen Ansiedlungen im Hassengau („Archiv. т. V, стр. 333—370).

уже очень рано слѣды славянства въ Наумбургскомъ и Кверфуртскомъ округахъ. Проще предположить, что по мѣрѣ приближенія къ швабскому Gau нѣмекое населеніе дѣлалось гуще и сильнѣе, и славяне не встрѣчали возможности двигаться дальше вслѣдъ за швабами, которые подъ ихъ напоромъ переселялись въ новую страну. Въ такомъ случаѣ придется думать, что хронологически эти два движенія почти совпадаютъ, т. е. что и славяне около 569—570 года проникли на западъ за Салу до Унструта.

Отсюда они поднялись къ сѣверу въ тогдашнюю Сѣверную Тюрингію къ городу Магдебургу. По мнѣнію Брюкнера ¹⁾, колонизаторы этихъ странъ были единоплеменниками тѣхъ славянъ, что заселили Hassengau. Всѣхъ ихъ онъ признаетъ сербами, остатки которыхъ сохранились до нашего времени въ Саксоніи въ лужицкихъ сербахъ. Въ документахъ они постоянно называются *Sorabi* или *Sorbi*, тогда какъ славяне въ Люнебургѣ и Старой маркѣ носятъ названія *семедовъ* или *склавогъ*. Форма, въ которой дошли собственныя имена изъ Гассенгау и Сѣверной Тюрингіи, а также сохранившееся имя сербовъ въ названіяхъ населенныхъ пунктовъ ²⁾ говорятъ за то же. На основаніи фонетики ³⁾ и словаря иногда возможно довольно точно доказать происхождение географическаго имени. Такъ, встрѣчая въ смежныхъ съ Hassengau областяхъ формы съ *у* вмѣсто носоваго гласнаго (Putenize 1182) рядомъ съ формами, гдѣ церк.-славянскому *ра* соотвѣтствуетъ *ро* (Grodisti. 991 г.), мы можемъ быть увѣрены, что передъ нами типичныя лужицкія названія.

Сѣверная полоса славянской колонизаціи, шедшая по берегу моря отъ устья Одера къ Эльбѣ и утвердившаяся за Эльбой въ Люнебургѣ и въ Старой Маркѣ, представляетъ одно цѣлое съ точки зрѣнія языка съ колонизаторами Бранденбурга и Мекленбурга. Это представители вышершаго полабскаго нарѣчія. Этотъ вопросъ о слояхъ славянской колонизаціи такъ интересенъ, что я позволю себѣ посвятить ему нѣсколько страницъ. Для разрѣшенія его необходимо прибѣгнуть къ анализу географическихъ именъ. Послѣ того, какъ Арнольдъ въ своемъ изслѣдованіи о передвиженіи гессовъ по мѣстнымъ названіямъ доказалъ великое значеніе этихъ послѣднихъ въ смыслѣ историческаго источника, они стали привлекать къ себѣ все больше вниманіе ученыхъ, тщательно собираются и подвергаться изслѣдованію. Конечно, многое заключено въ малодоступныхъ изданіяхъ, но для нашей цѣли будетъ достаточно воспользоваться матеріаломъ, который указанъ въ примѣчаніи, такъ какъ въ немъ отражается языкъ славянскаго племени, колонизировавшаго ту или другую страну ⁴⁾.

¹⁾ A. Brückner. Die slavischen Ansiedelungen im der Altmark und im Magdeburgischen. Leipzig. 1879. стр. 8.

²⁾ Деревня *Zorbau* (1275. *Zurbowe*) въ Кверфуртскомъ округѣ. Brückner Archiv. V. 355. Ср. *Sorbitz* въ Тюрингіи въ княжествѣ Reuss. W. Boguslawski II. 187.

³⁾ Фонетика лужицкихъ языковъ изложена Т. Флоринскимъ въ Лекціяхъ т. II.

⁴⁾ *Лужицкія имена* P. Kühnel. Die slavischen Orts- und Flurnamen der Oberlausitz (5 вып. 1891—1899).

Бранденбург. E. Fidicin. Kaiser Karl's IV Landbuch der Mark Brandenburg. Berlin. 1856. Необходимымъ дополненіемъ къ этому сочиненію является книга того же автора: Die Territorien der Mark Brandenburg 4 тома 1857 (12 частей съ отдѣльной пагинаціей).

G. Weisker. Slavische Sprachreste, insbesondere Ortsnamen aus dem Havellande und den angrenzenden Gebieten. 2 части 1890—1896.

Martin May. Sind die fremdartigen Ortsnamen in der Provinz Brandenburg und in Ostdeutschland slavisch oder germanisch? 1897.

Al Buttman. Die deutschen Ortsnamen in der Mittelmark und Niederlausitz 1856.

Исследованію его необходимо предпослать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Прежде всего, надо указать на то, что порою очень трудно разобраться, славянскаго или нѣмецкаго происхожденія то или другое имя. Не всегда оказывается справедливой даже такая общепринятая истина, что мѣстныхъ имена, оканчивающіяся на *itz*, славянскаго происхожденія. Такъ, на Рейнѣ ниже Кобленца расположена деревня *Urmitz*, названіе которой передается въ старыхъ документахъ слѣдующимъ образомъ: *Argentuntia* (750), *Hormunze* (1022), *Ormunze* (1202) и т. д.: такимъ образомъ *Урмунцъ* произошло изъ *Урмуцъ* (Marjan IV, 2—3). Вотъ еще примѣры: р. *Unditz* въ Баденѣ (*Undussa*. 763 г.), р. *Leipfliz* къ сѣв. отъ Пассау (*Leipfliusa* 1009), р. *Pladnitz*, притокъ Дунай въ нижней Австріи (*Fladinz* 1109, отъ того же германскаго корня: *Fladate*, *Fladaha aqua* и т. д.) и др. По мнѣнію Мая, славянскій суффиксъ *witz* (т. е. *wичи*) совпадаетъ въ мѣстныхъ названіяхъ со старогерманскимъ словомъ *vists* (гот. *мѣсто*), и въ примѣръ этого онъ приводитъ слѣдующія названія: *Ланквицъ* въ округѣ Тельтовъ (1239 *Lanczvit*), что значитъ *селеніе на холмѣ* (*Lanc*-склонъ, холмъ); *Dahlwitz* тамъ же (1305 *Dolwiz—Thalort*), *Drevitz* (1663 *Dervitz* отъ герман. корня *tre*, *dre* или *der*, дерево), *Danevitz* (1375, отъ *tan*—сосна). Подобнымъ образомъ суффиксъ *ица* (*itz*) объясняется Маємъ изъ сокращенія предшествовавшаго *виц*—, изъ родит. пад. единственнаго числа отъ основъ

Мекленбургъ. P. Kühnel. Die slavischen Ortsnamen in Meklenburg (Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde. т. 46 за 1881 годъ). Къ этому Nachträge (1882). Исследование Кюнеля основано на старомъ матеріалѣ и во всѣхъ отношеніяхъ очень цѣнно.

Королевство Саксонія. G. Hey. Die Ortsnamen der Döbelner Gegend. 1875.

G. Hey. Die slavischen Ortsnamen der Meissner Gegend. (Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Stadt Meissen. 1884, т. I, вып. 3. стр. 1—14.)

G. Hey. Die slavischen Siedelungen im Königreich Sachsen. Dresden. 1893.

Баварія. Holle. Die Slaven in Oberfranken (Archiv für Geschichte und Alterthumskunde von Oberfranken, т. II. 1842).

H. Gradl. Die Ortsnamen am Fichtelgebirge und in dessen Vorlanden. (тамъ же т. 18 за 1899 г.)

I Sepp. Ansiedlung kriegsgefangener Slaven oder Sklaven in Altbayern und, ihre letzten Spuren. 1897. (Вещь совершенно неудачная, проникнутая духомъ современнаго нѣмецкаго шовинизма).

V. Kętrzyński. O Słowianach и т. д. (здѣсь же швейцарскія и тюрингенскія имена).

N. Haas. Geschichte des Slaven—Landes an der Aisch und den Ebrach Flüschen т. I. 1819.

Тюрингія. Schottin. Die Slaven in Thüringen. (Programm) Bautzen. 1884.

Астрія. O. Kaemmel. Die Anfänge deutschen Lebens in Oesterreich bis zum Ausgange der Karolingerzeit. 1879. Его же статья въ Archiv'ѣ т. VIII.

Ганноверъ. A. Brückner. Die slavischen Ansiedelungen и т. д. (см. стр. 99) и его же статья въ «Архивѣ» т. V.

Провинція Рейнландъ. H. Marjan. Rheinische Ortsnamen 4 вып. 1884.

Кромѣ того, множество славянскихъ географическихъ именъ въ нѣмецкихъ краяхъ указано въ слѣдующихъ книгахъ:

A. Bismeyer. Alemannische Wanderungen. т. I. 1867.

G. Landau. Die Territorien in Bezug auf ihre Bildung und ihre Entwicklung. 1854 (стр. 288—292).

A. Гильфердингъ. Исторія балтійскихъ славянъ. 1874 (Собр. Соч. т. IV, стр. 314—344).

I. Первольфъ. Германизация балтійскихъ славянъ. 1876.

A. Павинскій. Полабскіе славяне. 1871.

Stenjawski. Pogląd na dzieje Słowian zachodnio—rólnocnych. Gniezno. 1881

V. Bogusławski т. II. § 16. Обобщающее значеніе имѣетъ классическая, какъ всѣ, работа Миклошича: «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen» (вып. I въ 1872 г., вып. II въ 1878 въ изданіи Denkschriften der kais. Akad. d. Wiss. in Wien. Phil.—Hist. Klasse. I. Band. 21 и 23). Тамъ же въ 1866 г. въ томѣ 14: «Die slavischen Ortsnamen aus Personennamen».

на *t* или *d*, откуда получается сочетание *ts* и т. д. Благодаря этому, нѣмцами становятся такія чисто славянскія названія, какъ *Stegeitz* (1875), *Wandlitz* (1242 *Wandelitz*), *Rüdnitz* (1375 *Rudnitz*) и мног. др. Какъ ни бросается въ глаза тенденціозность Мая, его брошюркѣ нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи: какъ всякій научный скепсисъ, она полезна тѣмъ, что требуетъ осторожности отъ изслѣдователя матеріала, которой, какъ мягкій воскъ, принимается въ опытныхъ рукахъ любую желательную форму. Нечего и говорить, какъ много произвола въ разъясненіи и исправленіи искаженныхъ нѣмцами славянскихъ мѣстныхъ названій.

Если окончаніе *itz* иногда, несомнѣнно, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ *ица*, то что-же сказать о цѣлыхъ именахъ, которыя допускаютъ объясненіе равно изъ нѣмецкаго и изъ славянскаго языковъ. Такъ какъ это прямо неисчерпаемая область, то для нашей цѣли будетъ достаточно ограничиться нѣсколькими примѣрами. Рѣка *Stör* въ Мекленбургѣ сопоставляется Кюнелемъ (Mekl. 138) съ притокомъ Эльбы *Stör* и съ волынской *Стырю*, и этому сопоставленію фонетическія отношенія не противорѣчатъ. Такимъ образомъ, будь отождествленіе *Stör* со *Стырю* дѣломъ несомнѣннымъ, въ нашихъ рукахъ былъ бы еще одинъ очень важный фактъ при разрѣшеніи вопроса, откуда направлялась славянская колонизація на западъ; но бѣда въ томъ, что германисты объясняютъ это имя изъ германскаго языка (*Stur*, большой) и сопоставляютъ со Стѣромъ (*Sturia* въ 10 в.) названіе встрѣчающагося у Плинія западногерманскаго племени *Sturii*¹⁾. Такъ какъ рѣшеніе вопроса въ ту или другую сторону не можетъ въ данномъ случаѣ опираться на какія-нибудь прочныя соображенія, то *Stör* должна выпасть изъ списка мѣстныхъ названій несомнѣнно славянскаго происхожденія. Я лично склоняюсь въ пользу сближенія *Stör* со *Стырю* потому, что о племени стуріевъ, жившихъ гдѣ-то во Фрисландѣ, нѣтъ никакого упоминанія на берегахъ Шверинскаго озера; но мало-ли куда судьба не заносила древнегерманскія племена?

Въ области Fichtel-Gebirge расположено селеніе *Raun*, т. е. *Равно*, опять-таки важный фактъ, какъ одно изъ немногихъ воспоминаній о славянахъ въ этихъ мѣстахъ. Но едва-ли не вѣроятнѣе, по предположенію Градля (вып. I, стр. 173), что это названіе (1378 *Ruewen*, 1444 *Raun*) находится въ связи съ германскимъ *râwen* (дворъ). Даже *Bielefeld*, *Billigheim* и т. п., въ первой части которыхъ такъ просто видѣть славянское слово *бѣль*, повидимому, гораздо правильнѣе производить вмѣстѣ съ Бутманомъ (стр. 58) отъ старогерманскаго корня *bil* (равный, ровный), уцѣлѣвшаго, напр., въ словахъ *Unbill* (средн.-верх.-нѣм. *unbil*), *billig* и др.

Итакъ, только при соблюденіи величайшей осмотрительности можно пробираться сколько-нибудь вѣрной тропой среди хаоса мѣстныхъ именъ въ нѣмецкихъ странахъ, нѣкогда занятыхъ славянами. Надо имѣть въ виду, что нѣмцы, завоеывая славянскія земли, страшно искажали въ своихъ документахъ и историческихъ памятникахъ славянскія слова, за что славяне платили имъ равной монетой, переворачивая по своему сохранившіяся до нихъ нѣмецкія названія поселковъ и рѣкъ. Одинъ изъ изслѣдователей исторіи Бранденбурга, именно Е. Фидицинъ, попытавшійся возстановить славянскую форму нѣкоторыхъ географическихъ названій около Потсдама, съ жаромъ перечисляетъ (часть III, стр. 153) всѣ искаженія, какія потерпѣли славянскія имена въ устахъ нѣмцевъ.

¹⁾ Förstemann. 1396.

„Гласные безъ всякой причины и повода превращаются въ другіе“.— восклицаетъ онъ:—„носвые гласные обозначаются фальшиво, а то, по большей части, и совсѣмъ не отмѣчаются; твердые согласные употребляются вмѣсто мягкихъ, сильные вмѣсто слабыхъ—и наоборотъ; тонкія различія въ славянскихъ шипящихъ звукахъ оставляются безъ всякаго вниманія, или же отмѣчаются произвольно и безъ всякой послѣдовательности: то такъ, то сякъ; въ слова вставляются или къ нимъ представляются неслыханные согласные и гласные, придѣлываются чужія окончанія или же образуются латинскія формы“ и т. д. Нельзя сказать, чтобы приговоръ раздосадованнаго изслѣдователя былъ слишкомъ строгъ. Однако характерное для нашего времени исканіе законмѣрности въ явленіяхъ должно было привести къ попыткамъ установить и въ этой области хоть какую-нибудь схематичность. Градль (вып. III за 1899 г., стр. 85—90) указываетъ на то, какъ нѣмецкій слухъ старается отдѣлаться отъ непривычнаго ему славянскаго нагроможденія согласныхъ, какъ онъ иначе воспринимаетъ звуки, чѣмъ славянское ухо и т. под. Но и онъ въ концѣ концовъ долженъ сознаться, что измѣненія въ области вокализма такъ многообразны, что гласный звукъ никогда не долженъ стѣснять толкователя, разъ согласные подходятъ къ его объясненію. Миклошичъ также интересовался передачей славянскихъ именъ нѣмцами (вып. I, стр. 98—104), но съ другой цѣлью.

Для иллюстраціи этого явленія, я думаю, будетъ нелишнимъ привести нѣсколько примѣровъ, изъ разныхъ областей нѣкогда славянской колонизаціи. Какимъ путемъ, напр., совершилось развитіе имени *Pransdorf*. въ Телтовскомъ округѣ (1375 Prodenstorff и Pordendunk ¹⁾, 1450 Prodenstorff, 1598 Pransdorf, 1624 Bramsdorf и Pramsdorf)? Переходъ отъ *Prans*—къ *Brams* черезчуръ великъ, чтобы совершиться по фонетическимъ законамъ. Вотъ еще рядъ примѣровъ искаженія именъ:

- 1) *Töpchin* въ Телтовскомъ округѣ (1545 Tupschin, 1624 Teupzschin, 1652 Töpgihn, 1671 Teupschin, 1690 Tupchin, 1718 Тоерчин).
- 2) *Uetz* въ округѣ Ost-Havelland (1313 Uzzytz — *Узница?* 1375 Uest или Ust, 1440 Uzte или Utzt, 1624 Eutz и съ 1684 г. Uetz).
- 3) *Neu-Ruppin* въ округѣ West-Havelland (1238 rapin, 1291 nova repin, 1324 reppin).
- 4) *Torgelow* въ Мекленбургѣ (1350 Turreghlaue — т. е. Турья глава? 1369 uppe der Thorgheloweschen):
- 5) *Upost* въ Мекленбургѣ (1178 Tupuriste, 1248 Toprest, 1256 Toporizite, 1314 Uporst, 1339 Uprest и Uperst).
- 6) *Pätow* или *Pötow* въ Мекленбургѣ (1194 Puthechowe, 1219 Putechowe, 1230 Potechowe).
- 7) *Donawitz*, къ югу отъ Карлсбада (1461 Stanowist, 1273 Skuagowo).

Кромѣ произвольнаго искаженія именъ мы видимъ зачастую ихъ передѣлку съ цѣлью осмыслить непонятное слово, т. е. народную этимологию. Такъ, изъ *Mernowe* (1304) возникаетъ *Marienehe*, изъ *Серьчь* (1257 *Swertz*)—*Schwartz*, изъ *Piscun* (1302)—*Spitzkuhn* или *Spitzkuigel*, изъ *Bohuslau* (1482)—*Wussleben* (Gradl III, 135) и т. д. Совершенно такъ же славяне поступали съ нѣмецкими именами въ занятыхъ ими странахъ; они распадаются на двѣ группы: къ первой относятся тѣ

¹⁾ *Dunk* въ голландскомъ языкѣ употребляется въ смыслѣ лѣса. Фидлицъ, ч. I, стр. 114. По его мнѣнію, деревня названа такъ по сосѣднему озеру *Proden* или *Praden*.

имена, возникновение которых совершилось еще в до-славянскія времена; вторыя явились вмѣстѣ съ позднѣйшими нѣмецкими колонизаторами. По поводу первой группы, весьма немногочисленной, надо сказать нѣсколько словъ о теоріи, которую принято называть *Urgermanentheorie*¹⁾, и которая состоитъ въ предположеніи, что славяне при своемъ приходѣ въ новыя страны застали значительные остатки нѣмецкаго населенія. Платнеръ²⁾, которому этотъ взглядъ обязанъ, главнымъ образомъ, развитіемъ, совершенно справедливо указалъ на то, что при скудости историческихъ свѣдѣній о нѣмецкихъ странахъ по сую сторону Эльбы было бы очень неосновательно напрямикъ утверждать, что славяне не застали нѣмцевъ въ занятыхъ ими областяхъ. Впрочемъ, Иорданъ въ 6 в. имѣлъ смутное представленіе о какомъ-то смѣшанномъ народѣ *Vidivariorum*, живущихъ при устьѣ Вислы³⁾. Гильфердингъ, обратившій особенное вниманіе на приведенное извѣстіе⁴⁾, разлагаетъ имя *Vidivarii* на двѣ части, изъ которыхъ послѣдняя *varii*, встрѣчающаяся и въ этническихъ именахъ *Bajovarii* и *Cantvarii* означаетъ *жителей* извѣстной страны. Вопросъ, поставленный Гильфердингомъ, настолько важенъ, что я позволю себѣ упомянуть ему нѣсколько строкъ. *Uarii*, дѣйствительно, встрѣчается зачастую среди названій германскихъ и кельтскихъ племенъ. Назову *амсваріевъ*⁵⁾, изгнанныхъ хавками и появляющихся во времена Нерона на среднемъ Рейнѣ, *атриваріевъ*⁶⁾, саксонское племя, жившее во времена Тацита на рѣкѣ Везерѣ, *амлеваріевъ*⁷⁾ въ 4 в., *хаттуаріевъ* или *аттуаріевъ*, одно изъ западно-германскихъ племенъ по Рейну, *Суиари*, старое названіе швабовъ⁸⁾, *касваріевъ*, которыхъ Цейсъ помѣщаетъ по рѣкѣ Наса, *Мароари* у короля Альфреда, славянское племя мораванъ, *нидваріевъ* кельтское племя на рѣкѣ Нидѣ⁹⁾, *Теутовоари* надъ Эльбой у Птолемея. Цейсъ, который собралъ вышеприведенный списокъ этническихъ названій, отмѣтилъ (стр. 150), что рядомъ съ образованіемъ на *varii* встрѣчается въ тѣхъ же именахъ иногда суффиксъ—*ing*, и попытался дать ему объясненіе при помощи сопоставленія его (стр. 94) съ германскимъ словомъ *varjan* (защищать), отъ того же корня, что и др.-сѣв. *ver* (жилище) и англосаксонское *ver* (укрѣпленіе). Въ ново-нѣмецкомъ языкѣ этому слову соответствовало бы *wehr* (защита, укрѣпленіе). Противъ производства Цейса нельзя было бы ничего возразить, если бы имена *Nidvarii* и *Cantvarii* (жи-

¹⁾ W. S. Sommerfeld. Die Beziehungen zwischen den Deutschen und den pommerschen Slaven bis zur Mitte des 12 Jahrhunderts 1894. Dissert. Leipzig.

²⁾ C. Platner. Ueber Spuren deutscher Bevölkerung zur Zeit der slavischen Herrschaft in den östlich der Elbe und Saale gelegenen Ländern (Forschungen zur Deutschen Geschichte. т. 17 за 1877 г.) стр. 426.

³⁾ Въ 5 гл. онъ говоритъ: Ad litus Oceani, ubi tribus faucibus fluenta Vistulae fluminis ebibuntur, Vidivarii resident, ex diversis nationibus aggregati; къ этому въ 17 главѣ онъ прибавляетъ, что видиваріи, которыхъ здѣсь онъ ошибочно называетъ вивидаріями, ex diversis nationibus acsi in unum asilum collecti sunt et gentem fecisse noscuntur.

⁴⁾ Собраніе сочиненій А. Гильфердинга, т. IV. Исторія Балтійскихъ славянъ (1874), стр. 20 По мнѣнію Бахмана („Geschichte Böhmens“ I, стр. 70), высказанному совершенно голословно, смѣшанный народъ видиваріевъ состоялъ изъ гепидовъ и эстовъ: что надо подразумѣвать подъ эстами (Иорданъ называетъ ихъ вслѣдъ за видиваріями: post quos giram Oceani item Esti tenent), Бахманъ не говоритъ.

⁵⁾ Иначе они называются Ἀμφαροί. Zeuss. 90 — 91. Этотъ народъ могъ появиться съ береговъ Эмса.

⁶⁾ Zeuss. 108 спрашиваетъ: Bewohner der Aenger, des Wiesenlandes an den Weserufem?

⁷⁾ Это имя означаетъ, по мнѣнію Цейса (стр. 795), толпы народа англовъ.

⁸⁾ Цейсъ (146 прим.) разлагаетъ его на *zu* и *vari*.

⁹⁾ У Беды *Picti*, qui *Nidvarii* vocantur. Zeuss. 573.

тели Кента) не свидѣтельствовали самымъ яснымъ образомъ о своемъ кельтскомъ происхожденіи. Всѣ тѣ племена, названія которыхъ оканчиваются на *varii*, жили по сосѣдству съ кельтами, которые могли ихъ такъ называть. Современные кельтскіе языки подтверждаютъ это предположеніе: ирійское *ferrann* (изъ *veranno*) означаетъ страну (*ager*), а кимврійское *gwawr* (изъ *varos*) значитъ: «герой, мужъ»¹⁾. Наконецъ, ирійское *foirenn* (изъ *vorinni*) «толпа, отрядъ» прекрасно объясняетъ какъ имена въ родѣ *Anlgevarii*, *Chattuarii*, такъ и этническое названіе *Uarini*, жившихъ по сосѣдству съ англѣми. Если *varii* объясняется лучше всего изъ кельтскаго языка, то и въ *Видиваріяхъ* мы должны искать кельтскій элементъ. Хотя, по словамъ Гильфердинга, скандинавскія саги употребляютъ *Vindverskr* въ смыслѣ *славянскаго* (правильно ли это?), но я все же полагаю, что *vind*—и *vid*—стоятъ отдѣльно. Слова Иордана о томъ, что въ составъ видиваріевъ входилъ всякій сбродъ (*aggregati*), собравшійся въ одно мѣсто, какъ въ *asylum*,—эти слова, мнѣ кажется, настолько многозначительны, что въ смѣшанномъ народѣ (впрочемъ, Иорданъ подводитъ видиваріевъ подъ болѣе широкую категорію племені—*gentis*) нельзя видѣть спокойныхъ обитателей опредѣленнаго пространства. Скорѣе это были всякаго рода неудачники, изгои, покинувшіе по той или другой причинѣ свою родину, авантюристы, которые съ дружинами храбрецовъ пытались завоевать судьбу. Кельтскія слова *vid* (кимвр. *gwydd*, *ferus*, *silvester*) и *varii* (мужи) нѣсколько покрываются рассказомъ Иордана²⁾.

Во всякомъ случаѣ, хотя *видиваріи* и смѣшанное племя, однако только то, что славяне, *напрное*, въ эпоху Иордана уже доходили до устьевъ Вислы, позволяеть намъ находить среди нихъ славянскій элементъ: ничто не указываетъ на это прямо.

Возвратимся къ тому, что можно сказать въ пользу теоріи Платнера. Въ его глазахъ главной опорой являются такія названія поселковъ, которые долго, напр., еще въ 11 в. носятъ названіе *Нѣмцы*. Такъ напр., Титмаръ, рассказывая о походѣ императора Генриха II противъ польскаго князя, Болеслава Храбраго, въ 1017 г., упоминаетъ о городѣ *Nemzi* въ Силезіи около горы *Zobten*. Лѣтописецъ, оказывается, понималъ, почему городъ получилъ свое названіе (eo quod a nostris olim sit condita), названіе характерное, указывающее на то, что славяне при своемъ приходѣ въ Силезію, дѣйствительно, еще застали нѣмцевъ,—только на это, а не на то, что нѣмецкое населеніе продолжало еще нѣкоторое время жить среди славянъ, какъ этого хочетъ Платнеръ (стр. 434). Впрочемъ, онъ согласенъ съ тѣмъ, что слова Титмара съ его *olim* (когда-то) относятся къ давно забытымъ временамъ такъ же, какъ тюрингенская деревня, о которой говоритъ документъ 1159 г. (*Nimiz, hactenus a Sclavis possessas, Flamiggis.. vendidimus*). Во всякомъ случаѣ это названіе говоритъ противъ полнаго исчезновенія нѣмцевъ въ этихъ мѣстахъ. Буттманъ считаетъ прямо вздоромъ (*ein Unding*), чтобы такая огромная страна была совершенно опустошена, и приводитъ рядъ данныхъ, говорящихъ противъ. Къ нимъ мы вер-

¹⁾ Kluge считаетъ *Varii* германскимъ суффиксомъ для образованія именъ народовъ, но его списокъ ограничивается всего тремя названіями и, какъ мнѣ кажется, это умозаключеніе слишкомъ поспѣшно (*Grundriss der germanischen Philologie*. т. I изд. 1. 1891 г. *Vorgeschichte der altgermanischer Dialekte*, стр. 397).

²⁾ Конечно, я не настаиваю на этой этимологіи и считалъ бы не менѣе вѣроятнымъ соединеніе словъ *feth* (изгородь, изъ *vet*, *veit* отъ *vei* насыпать) и *var* (городъ) въ смыслѣ *огороженнаго мѣста*; но тогда мы имѣли бы *Uitivarii*.

немся ниже, а теперь укажемъ на другой фактъ, равнозначительный, по мнѣнію Платнера, сохраненію имени *тѣмцевъ* въ Силезіи. Въ Верхнихъ Лужицахъ находится деревня *Dörghenhausen* (Platner. 432), которая у мѣстныхъ крестьянъ извѣстна подъ именемъ *Nemcy*. Въ документѣ 1264 года эта мѣстность называется *Düringenhuisen*, именемъ, имѣющимъ несомнѣнную связь съ тюрингами, заселившими деревню. Однако, это заселеніе совершилось поздно, когда лужицкій языкъ уже имѣлъ сочетаніе *in*, не оборачивая его въ носовой гласный. Не ограничиваясь разборомъ историческихъ фактовъ, который приводитъ его къ убѣжденію, что въ бассейнѣ Гавеля должны были сохраниться остатки герульскаго племени, этотъ ученый опирается еще на то, что въ народныхъ сказкахъ изъ Мекленбурга собиратели отмѣтили близкую связь съ древне-германской мѣологіей. Если это и такъ, — а въ этомъ позволительно усумниться, потому что сближенія Платнера имѣютъ слишкомъ интернаціональный характеръ, — то, во всякомъ случаѣ, вліяніе скандинавской мѣологіи можетъ объясняться и тѣми сношеніями полабскихъ и поморскихъ славянъ со скандинавами, о которыхъ у насъ имѣется довольно большой запасъ историческихъ свидѣтельствъ. Мысль, вѣроятная сама по себѣ, не можетъ считаться доказанной Платнеромъ, потому что онъ оперировалъ надъ матеріаломъ, допускающимъ различныя толкованія. Единственно прочное, что, какъ мнѣ думается, могло бы говорить рѣшительно въ пользу его взглядовъ, т. е. собственныя географическія имена, оставлены имъ почти безъ вниманія ¹⁾. Тѣ факты искаженія нѣмецкихъ названій со стороны славянъ, которые приводитъ Бутманъ (стр. 69), происхожденія поздняго, т. е. относятся ко времени нѣмецкаго завоеванія странъ между Одеромъ и Эльбой. Въ VI вѣкѣ изъ нѣмецкаго *Friedland* получилось бы не *Briland*, но *Prilandъ*, изъ *Stadthof* не *Schtotup*, изъ *Bärenbrück* не *Barbuk* и т. д.

Итакъ, пока, кромѣ вѣроятности, почти ничто не говоритъ, что оставшіяся на родинѣ нѣмецкія племена, ассимилировавшись со славянами, пережили въ географическихъ названіяхъ, въ мѣахъ и языкѣ. Впрочемъ, разрѣшеніе этого труднаго и интереснаго вопроса принадлежитъ германистамъ.

Славистъ долженъ опредѣлить, какъ далеко распространились на западъ славянскія колоніи, и къ какимъ лингвистическимъ группамъ принадлежали здѣсь представители нашего племени. Собственныя имена рѣкъ, деревень и урочищъ представляютъ почти единственный источникъ, къ сожалѣнію, далеко не достовѣрный. Въ написаніи одного и того же имени такъ много колебаній, что не всегда возможно установить основную форму того или другого названія и на основаніи подбора формъ съ одинаковыми звуковыми сочетаніями сдѣлать заключеніе о строѣ извѣстнаго нарѣчія. Что соответствуетъ праславянскому *tort*, напр., въ Бранденбургѣ? Правильный выводъ можно сдѣлать только изъ ряда примѣровъ, потому что одно и то же имя передается въ разныхъ документахъ различно. Такъ, *a* и *o* часто смѣшиваются (напр. въ 1318 *Dolewitz*, а въ 1450 г. *Dalewitz*, или въ 1452 г. *Danszdorff*, а въ 1472 *Donstorff*, или въ 1375 г. заразъ *Ragow* и *Rogow* и т. д.), съ другой стороны, *o* смѣшивается съ *u* (1288 *Mostiz*, 1323 *Wendisch-*

¹⁾ А такія имена, вѣроятно, есть: ср. напр. *Wida* (1190 *Wide*) въ округѣ Заuche, обычное названіе въ Германіи отъ старо-герм. *vida* (*uisa*); германское сочетаніе *rofi* должно было превратиться въ славян. языкѣ въ *rye*, (*ruwen*, въ 1285 г. теперь *Rauen*, съ чѣмъ *Weisker*, стр. 22, сравниваетъ *Roofen* у Рейнсберга).

Mutz или *Colubrecht* въ 1177 г. изъ *Колобрътъ* и т. д.). Поэтому, слово *брама* (ворота) является въ слѣдующихъ формахъ: *brom-*, *bräm-* и *brum* (деревня *Brohmt* въ Мекленбургѣ-Стрелицкомъ называлась въ 1338 году *brume*, а въ 1475 *brama*; этому соотвѣтствуетъ *Wendisch-Brohme* въ Зальцведельскомъ округѣ, въ 1420 г. *wendeschen bröme*). Такая же трудность встрѣчается и при выясненіи развитія сочетанія *рр* между согласными: далеко не всегда можно установить, соотвѣтствуетъ-ли ему *ер* или *ар* (напр., *Zerrentin* въ округѣ Prenzlau назывался въ 1216 году *Sarnotino*, а въ 1375 году *Czerntyn*), *ор* или *ар* (*Schartau* около Штендала въ 1375 году *Schortow*, въ 1430 *Sartow*) и т. д. Помня эту неопредѣленность нашего матеріала, мы должны соблюдать всякую осторожность при опредѣленіи характера языка, который принесли съ собой колонизаторы Бранденбурга.

Слово *дѣбъ*, очень обычное въ мѣстныхъ названіяхъ, сохранилось въ слѣдующихъ именахъ:

- 1) *Damme* въ округѣ West-Havelland (1146 *Dambe*, 1164 *Damba*, съ 1179 года *Damme*) изъ *damb*.
- 2) *Damelank* въ округѣ Zauche (1215 *Damelank*), т. е. *дубовая роща*, ср. церк.-слав. *лѣсъ*, роща.
- 3) *Damelack* въ округѣ Ost-Prignitz (1339. *Damlake*), съ тѣмъ же значеніемъ, но форма еще болѣе испорчена: *н* передъ *к* уже выпало.
- 4) *Damelack* въ округѣ West-Prignitz, около Гавельберга; болѣе старыя формы неизвѣстны, но происхождение этого имя такое же, что и вышеприведеннаго.
- 5) *Gross* и *Klein-Deuzin* около Гентина въ землѣ Ierichow къ западу отъ Бранденбурга (1400 magna dompczin, lutken demessin); образование отъ *дѣбъць* съ суффиксомъ—*инъ*.
- 6) *Potsdam*; происхождение этого имени спорно: Вейскеръ на основаніи формы *Pogdzwimi* (993) и существованія деревни *Eiche* (1193 *Eken*) на островѣ Потсдамѣ предполагаетъ, что это имя произошло изъ *подъ дубами*. Фидицинь (*Die Territorien*, т. II, стр. 159) исходитъ изъ формы *Potsdam* (1314 *Bostam*) и видитъ въ ней искаженіе слова *Подстѣпъ*, т. е. подъемъ изъ низменности въ болѣе возвышенную мѣстность; съ нимъ согласенъ и Первольфъ. Во всякомъ случаѣ имя это загадочно и къ формѣ *дѣбъ* отношенія, можетъ быть, не имѣетъ.
- 7) *Dabendorff* (такъ въ 1545 г.) въ округѣ Телтовъ, съ выпаденіемъ *н* передъ *б*.
- 8) *Damerow* (1300) въ округѣ Ober-Barnim, изъ *дѣбрава*; соотвѣтствующія названія: *Damerau* очень многочисленны въ Пруссіи.
- 9) *Damsdorf* въ округѣ Zauche (1268 *Domestorp* и *Dompzdorf*).
- 10) *Viner-Damme* (1624), дугъ около дер. *Bücknitz* въ томъ же округѣ; *Viner*—др.-герм. слово *vinow* (болото).
- 11) *Damerow* (1371) въ округѣ Prenzlau.
- 12) *Damme* (1390) въ томъ же округѣ.

Рядомъ съ этими именами, которыя разсѣяны во всѣхъ углахъ Бранденбурга и встрѣчаются зачастую въ Помераніи и Пруссіи, мы находимъ нѣсколько такихъ именъ, гдѣ носовому гласному соотвѣтствуетъ чистый гласный *у*, какъ въ лужицкомъ языкѣ (*dub* рядомъ съ пол. *dęb*, кашуб. *dařina*, *dařôk*). Какъ показываетъ рѣка *Dahme* и стоящее въ ея истокахъ селеніе *Dahme*, носовой гласный господствовалъ и на юго-востокѣ Бранденбургской территоріи по сосѣдству

съ Нижними Лужицами; поэтому положеніе деревень съ корнемъ *дуб*— (*Teupitz* въ окр. Teltow, 1307 *tuptcz*; *Törchin* неподалеку отъ нея, 1545 *tupschen*) близъ лужицкой границы указываетъ лишь на то, что лужицкіе колонизаторы проникали спорадически и въ Бранденбургъ. Лужицкое слово *Dubs* объясняетъ, повидимому, оба вышеприведенныя имени ¹⁾. Помѣщичьи переселенія крѣпостныхъ крестьянъ можно объяснить странное появленіе *Duberow-Forst* на р. Доссѣ въ районѣ распространенія именъ съ носовыми гласными.

Не имѣя возможности останавливаться такъ же подробно на другихъ мѣстныхъ названіяхъ съ рефлексомъ твердаго носового гласнаго, скажу только, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы находимъ здѣсь *an* или *am* (*Lanke* 1347, *Sandau* 1190, озеро *Prande* 1375, *Rambow*, *Glabecker See* и т. д.). Форма съ *y* извѣстна только въ одномъ единичномъ случаѣ въ словѣ *гусь*. Это—*Gussow* (впервые 1598 *Guse*) въ округѣ Телтовъ, значитъ въ районѣ спорадической колонизаціи лужичанъ.

Мягкій носовой звукъ, т. е. *а*, съ такой же послѣдовательностью передается на Бранденбургской территоріи въ видѣ *en*, *em* или *an*, *am* *Lendin* или *Landyu* = *лѣдина*, кашуб. *lond*, пол. *ład*, лужиц. *lado*; *stag-nish quod drans dicitur* 1233, отъ *драни*, ср. Miklosich Etym. Wört. 50; озеро *Krempi*, ср. пол. *krępy*, широкий). Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи корень *сват*—*г*.

Мы находимъ слѣдующее:

- 1) *Schwedt*, городъ въ окр. Uckermark на р. Одерѣ (1138 *Suet*, 1265 *Suuet*),
- 2) *Schwante* въ окр. Ost-Havelland (1355 *swant*, 1375 *czwant*),
- 3) *Schwetig* около Франкфурга на Одерѣ (1354 *sweyt*, *suuetz*, 1539 *schwedt*, 1608 *schwetigk*).

Изъ этихъ трехъ именъ послѣднее объясняется близостью лужицкой территоріи, второе представляетъ ту форму съ—*an*—, которую мы въ правѣ и ожидать; что касается загадочной и очень древней первой формы, то я думаю, что нѣтъ никакого основанія сближать ее со словомъ *святый*. Гораздо больше вѣроятности, на мой взглядъ, видѣть здѣсь безсознательное воспоминаніе о томъ времени, когда славяне на Одерѣ граничили съ германцами. Здѣсь была граница двухъ міровъ, и потому невольно хочется сблизить это слово съ фризійскимъ *swethe*, *swette*, отъ котораго Ферстеманнъ (стр. 1424) производитъ нѣсколько географическихъ названій. Въ древне-сѣверномъ нарѣчьи *sweit* означаетъ небольшую область, округъ и ея жителей (O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch. 2 изд., стр. 910). Предоставляю читателямъ судить, насколько достовѣрнаго или случайнаго въ этомъ сближеніи. Если Ферстеманнъ правъ, отождествляя видукиндово *Suithleiscranne* со Шведтомъ, то и здѣсь во второй части имени передъ нами славянская *граница* (*грань*).

Перехожу къ сочетанію *tort*. На Бранденбургской почвѣ ему правильно соответствуетъ *tart* (*Dargitz* 1491, *Garchow* 1484, *Karwese* 1294, *Karwitze* 1492, *Carwe* 1530, *Warnow* 1300, *Prigarde* 1375, *Garditz* 1334, *Gardinow* 1375, *Garzelize* 1161, *Warnitz* 1375 и др.). Я знаю только одно исключеніе. Это — діалектическое названіе папоротника въ окрестностяхъ Беескова—*Paprosch* (Weisker. 38), слово, несомнѣнно занесенное изъ сосѣднихъ Лужицъ (*paprosch*. Pfuhl. 445). То же слово въ на-

¹⁾ Отъ *dubs* (дубокъ) производятъ *Daubitz* и Пфуль (Lausitzisch Wendisches Wörterbuch. 1866. стр. 168).

званіи мѣста звучить иначе: *Папертомъ* называется низменность за Эльбой (около Бѣне), поросшая папоротникомъ.

Въ сочетаніи *tolt* вариаций больше: изъ него получается прежде всего *tlat* (*Nablat*, *Sablat*, 1242 villa slavicalis *slatdorp*; *Schlamman* около Іерихова; *Schlaenitz*, т. е. Сланица, около Потсдама; *Planow* 1297 и *Slan-luch* 1375 въ Zauche). Отъ формъ съ *tlat* нельзя отдѣлять формъ съ *tlot*, такъ какъ документы постоянно ихъ смѣшиваютъ: *Plänitz* близъ р. Доссы называется въ 1285 г. *Plonitz*, *Slate* около Пархима (въ Мекленбургѣ) въ 1343 г. *Slote*, а ручей *Slaterbach*, впадающій по близости въ Эльбу, въ 1225 г. *Zlotena fluvius*, ср. *Cladow* (1375 *Clodow*). На основаніи этихъ фактовъ я позволяю себѣ утверждать, что такія имена, какъ *Schlaumau*, *Slan* и т. д. произошли изъ формъ *слом*—*слон*—и т. п. Этотъ выводъ подтверждается аналогіей развитія группы *tält*. Въ этомъ колебаніи бранденбургское нарѣчіе полабскаго языка тѣсно примыкаетъ къ люнебургскому (ср. *Machal*, стр. 4: *slana*, *slama* и т. д.).

Чтобы не утомлять читателя подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ особенностей бранденбургскагодіалекта, укажу вкратцѣ, что изъ группы *tert* здѣсь постоянно развивается *tret* или при ошибочности транскрипціи *trit* (*brezen* 1412, *drewicz* 1228, *trebyn* 1217 и т. д.), изъ *tert* почти постоянно *tert* (*perbenitz* 1302, *verch* 1351, *smercik* 1284, *werben* 1263 и т. д.); *tart* и особенно *tirt* изъ *tert* попадаютъ единицами (*Dargisow* въ 1690, *Dargischow* въ 1718, но въ 1774 г. *Dergischow*, или *Sarnow* въ 1301 г., теперь *Sernow*). Въ этомъ отношеніи бранденбургское нарѣчіе отличалось отъ полабскаго, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ преобладало развитіе *tárt* изъ *tert* (*Machal*, стр. 7).

Интересные варианты представляетъ группа *tält*: это прежде всего *tolt*, которое, по уже указанному недостатку транскрипціи, постоянно чередуется съ *talt*. Такъ, слово *хѣльмъ* извѣстно на почвѣ Бранденбурга въ слѣдующихъ именахъ:

- 1) *Golm* около Потсдама (*Fidicin* II, 161),
- 2) *Galme* (1286 *golme*) около Цолхова,
- 3) *Golmberg* въ округѣ Zauche,
- 4) *Golmer Berg* въ округѣ West-Priegnitz,
- 5) *Golm* (1472) въ округѣ Angermünde.

Отсюда можно сдѣлать выводъ, что слово *хѣльмъ* звучало въ Бранденбургскомъ нарѣчійи полабскаго языка въ видѣ *хѣльмъ*, какъ въ лужицкомъ (*cholm*). Слово *долмій* (*длмгъ*) сохранилось въ слѣдующихъ мѣстахъ:

- 1) *Dallgow* (1271 *Dalgh*) въ округѣ Ost-Havelland,
- 2) *Dolgensee* около Темплина, Сторкова, Потсдама и въ другихъ мѣстахъ Бранденбурга;
- 3) *Dolgowsee* около Рейнсберга,
- 4) *Dolgow* около Неурушина и др.

Здѣсь опять мы находимъ единодушное написаніе и произношеніе *долмій* (луж. *dołhi*, каш. *długo*, сравн. степ. *dłęzi* ¹⁾, пол. *długi*). Такое же *ол* изъ *ѣл* повторяется и въ имени *Стѣльмъ*, отъ котораго образованы два названія населенныхъ пунктовъ: *Stolpe* (1299 slavica *Stolpe*, 1375 *Stolpiken* и *Stolpe*) въ округѣ Телтовъ и *Stolpe* (въ 14 в. *stolp*) въ Нижнемъ Барнимѣ. Деревня *Colpin* (1199 *Colpin*) въ округѣ Zauche напоминаетъ *Kölpin-See* въ Мекленбургѣ (1230 *Colpyn*. Кюнель Мекл. 72). Оба названія происходятъ отъ слова *хѣльмъ*, лебедь (луж. *kołp*,

¹⁾ *St. Ramult*. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. 1893, стр. 25.

каш. *kělp*). Такимъ образомъ отъ четырехъ основъ мы находимъ въ Бранденбургѣ совершенно одинаковое развитіе; только въ словѣ *volk* встрѣчаются варианты, причина которыхъ для меня не вполне ясна; именно мы видимъ въ именахъ слѣдующія формы: *Wulkau* (1370 wulkow) у Зандау, *Wulkow* у Кирица, *Wulkow* у Альтруппина, *Gross Wulkow* (1144 wulkow) и рядомъ *Klein-Wulkow* (1144 slavica wulkow) у Герихова. Кромѣ образованія на *ul* вмѣсто *ol*, мы встрѣчаемъ и форму *wilk* въ названіи *Wilkendorf* (1333) въ округѣ Nieder-Barnim. Слѣдуетъ отмѣтить, что и въ кашубскомъ нарѣчьи это слово представляетъ большое разнообразіе формъ: *velk, volk, vjilk, vilk* (Machal 9).

Итакъ, въ Бранденбургскомъ діалектѣ изъ *tolt* развивается *tolt*, какъ въ лужицкомъ нарѣчьи. Вообще въ полабскомъ языкѣ принято считать за рефлексъ этого *tolt* группу *taut*, такъ что и въ этомъ отношеніи Бранденбургское нарѣчіе отличается отъ общеполабскаго языка. Въ дополненіе къ его характеристикѣ намъ остается сказать немного: изъ *z* возникаетъ здѣсь *e* или *o* (отъ *bъzъ*, бузина, собственные названія: *posun* 1270, *possin* 1335; *besyhorst* 1271, *besikowe* 1272; отъ *deгmъ*—*degete* 1294, теперь *Dechtow*; отъ *mъzъ*—*machow* 1344, теперь *Mechow*, *Machenow*, *Mesche*, *Meschwiesen*; въ Ландбухѣ 1375 г., изданномъ Фицининымъ, одно и то же имя передается въ двухъ формахъ: *Pessin* и *Possin*); изъ *z*, кажется, *e* (рѣбро—*reberg* 1267, теперь *Rehberg*, хотя здѣсь можно видѣть и осмысленіе: *Reh* и *Berg*). Въ развитіи *e* и *o* изъ *z* аналогію представляютъ лужицкія нарѣчья, гдѣ въ нижне-лужицкомъ изъ *z* появляется *e*, а въ верхне-лужицкомъ *o*. Группа *tert* изъ *tirt* и *tolt* изъ *tolt* опять таки явленія, присущія лужицкимъ нарѣчьямъ. Съ другой стороны, *tret*, *tart* изъ *tort* и сохраненіе носовыхъ сближаютъ бранденбургское нарѣчіе съ кашубскимъ и полабскимъ языками.

Резюмируя все вышесказанное, рѣшаюсь утверждать, что бранденбургскій діалектъ переходный отъ сѣвернаго (кашубско-полабскаго) нарѣчья къ южному (лужицкому); а если это такъ, то, кажется, мы имѣемъ право сдѣлать отсюда важный историческій выводъ. Вся масса сѣверо-западнаго славянства двигалась въ германскія земли одновременно, а такъ какъ распространеніе лужицкаго нарѣчья относится къ концу 6 вѣка по Р. Х., то къ тому же приблизительно времени надо отнести и передвиженіе полабянъ до Эльбы. Въ словахъ Вибія Секвестра, писателя конца 6 в., что Эльба отдѣляетъ свевовъ отъ сербовъ (*Servetiis* или *Servitiis*), заключается подтвержденіе этого факта.

Послѣ детальнаго разбора бранденбургскихъ собственныхъ именъ, кажется, нѣтъ надобности въ такомъ же подробномъ анализѣ этихъ данныхъ въ Мекленбургѣ, представляющихъ опять таки не вполне чистый типъ полабскаго языка. Отличіе его отъ люнебургскаго нарѣчья, сближающее его съ бранденбургскимъ діалектомъ, заключается въ томъ, что изъ сочетанія *tolt* и здѣсь возникаетъ *tolt* (*Dolge lugi* 1232, *Golme* 1308, *Molsan* 1306 и *Multsan* 1230, *Polchowe* 1275 отъ *mlъzъ*—крыса, *Stolp* 1299, *stagnum Stolp* 1299, *Wolken* 1270, *Wolkowa* 1178, *Wolcazcin* 1170 и т. д.), а не *talt*. Съ другой стороны, изъ группы *tert* здѣсь получается не *tert*, какъ въ Бранденбургѣ, а *tart* (примѣровъ очень много: *Bartse* 1426, *Barth* 1648, *Kartzte* 1416, *Tarnow* 1233, *Warbende-Werben* 1299, *Zarne* 1274, *Sarne* 1408 и др.); извѣдка, въ единичныхъ случаяхъ, встрѣчается и *er* (*Cernowe* 1261, *Swertz* 1257), вѣроятно, какъ вліяніе бранденбургскаго діалекта. Любопытно отмѣтить, что сербскій (т. е. лужицко-сербскій) элементъ проникъ и въ Мекленбургъ: на рѣкѣ Пѣнѣ, въ округѣ Neu-Kalen лежитъ деревня

Sarmstorf, которая еще въ 1318 году называлась *Sarbensdorp* (такъ же въ 1306 и 1314 годахъ).

Какъ мы уже видѣли раньше, полабская полоса проникла на западъ за Эльбу и долго держалась въ Ганноверѣ, гдѣ еще такъ недавно къ удивленію ученаго міра около 600 человѣкъ во время народной переписи 1890 года назвали свой языкъ *вендскимъ* ¹⁾. Южнѣе ея шла лужицкая масса, которая на Западѣ заняла нынѣшнее королевство Саксонское, т. наз. *Hassengau* (о немъ выше, стр. 000), Тюрингію и Верхнюю Франконію. *Heu* ²⁾ вполне доказалъ, что собственныя имена въ этой области со своимъ *u* (-*u*), *lo* и *ro* (-чеш. *ra* и *la*), и другими особенностями являются представителями лужицкаго языка, и потому я не буду входить здѣсь въ подробности. То же можно сказать и о колонизаторахъ стараго *Hassengau*, имена котораго изслѣдованы Брюкнеромъ.

Славяне въ Тюрингіи были изучены Шоттингомъ, по мнѣнію котораго они могли проникнуть въ эту область только въ половинѣ 7 вѣка, такъ какъ еще въ 632 году Само послалъ противъ Тюрингіи войско. Насколько это предположеніе основательно, мы увидимъ ниже. Съ 784 года между сѣрбами, занявшими Тюрингію, и Каролингами начинается ожесточенная распря, приведшая къ тому, что уже въ концѣ 8 вѣка славяне попадаютъ въ подчиненіе германцамъ. Впрочемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ они возставали: такъ, въ 816 году они опять находятся въ военныхъ отношеніяхъ съ Людовикомъ Благочестивымъ, и хотя въ 826 году славянскій князь *Tunglo* по обвиненію въ измѣнѣ является на судъ императора, тѣмъ не менѣе дѣло покоренія славянъ все еще не было завершено. Въ 851 году тюрингенскіе славяне совершаютъ снова грабительскій набѣгъ, а въ 856 году, по словамъ лѣтописца, весь славянскій міръ пришелъ въ броженіе и рвался на западъ (*Gerdes I, 18*). Только въ 880 году франкскимъ полководцамъ удалось окончательно усмирить славянъ въ Тюрингіи. Впрочемъ, это покореніе не носило характера пораженія: напротивъ, какъ показалъ Шоттинъ (стр. 20—25) славяне пользовались гораздо лучшимъ положеніемъ, чѣмъ нѣмецкіе крестьяне; еще въ 12 в. они были обязаны вносить только извѣстный налогъ и назывались *tributarii*, и въ томъ же столѣтіи встрѣчается знаменательная фраза: *quidam liberorum id est Sclavorum*; въ документѣ 1136 г., договорѣ четырехъ славянъ (ихъ зовутъ *Luricho, Herolt, Odolrich, Cuno*) съ княземъ, точно опредѣляются обязанности первыхъ по отношенію къ послѣднему и прибавляется: *cetera vero legitima jura Slavorum* и т. д. Въ послѣдній разъ славяне въ Тюрингіи упоминаются около Эрфурта въ 1227 году (*rustici Slavi*) опять-таки въ качествѣ юридическаго лица, заключающаго договоры. Повидимому, западнымъ предѣломъ распространенія славянъ въ Тюрингіи были владѣнія знаменитаго монастыря Фульды, съ основаніемъ котораго связана любопытная подробность, характерная и для исторіи нѣмецкихъ отношеній къ славянамъ. Аббатъ Стурмъ, отправившись на розыски мѣста для построенія монастыря, наткнулся на рѣкѣ Фульдѣ на толпу купающихся славянъ. Его биографъ, Эйгиль, не щадитъ красокъ, чтобы описать всю дикость этого мѣста: святой пробирался черезъ страшную пустыню (*per horrendum desertum*), не

¹⁾ Подробности объ этомъ въ журналѣ *Wislá* т. 13, а также въ статьѣ г. Францева (Русскій Филологическій Вѣстникъ. 1900 г., № 1 и 2, стр. 279—283), гдѣ приведена и новѣйшая литература по этому вопросу.

²⁾ *Die Slav. Siedel.* и т. д. стр. 28—29.

видя никого, кромѣ дикихъ звѣрей, которыхъ въ чащѣ водилось множество, да птицъ; деревья поражали его своей величиной (*ingentes arbores*). Ложась спать, аббатъ разводилъ костры, боясь нападенія звѣрей, которыхъ было здѣсь видимо невидимо (*ne ferae, quaruin perplura ibi multitudo erat, illud, т. е. осла, devorarent*)¹⁾. И вотъ онъ выѣхалъ на дорогу, по которой купцы ѣздили изъ Тюрингіи въ Майнцъ (*ad viam, que a Turingorum regione mercandi causa ad Mogontiam pergentes ducit*); здѣсь то въ рѣкѣ Фульдѣ и купались славяне. вмѣсто того, чтобы обрадоваться встрѣчѣ съ людьми, святой пришелъ въ ужасъ отъ ихъ зловонія (*eorum foetorem exhorruit*) и, осмѣянный ими, поспѣшилъ уѣхать. За то, что эти славяне около Фулды не просто совершали набѣгъ, а здѣсь же и жили, ругается тотъ фактъ, что уже въ 795 году монастырь получаетъ нѣсколько деревень по близости *in Slavis*, а въ 824 году усадьбу въ деревнѣ *Turphilun* близъ берега Майна *in regione Slaviozum*. Кентшинскій въ своей книгѣ: „*O Słowianach*“ (стр. 35—41) и Ландау (*Die territorien* стр. 273—279) собрали очень большой матеріалъ, показывающій, какъ значительны были владѣнія Фульдскаго монастыря на славянской территоріи, и какъ богаты были славянскія деревни населеніемъ: цифры въ 100 и больше крестьянъ попадаются здѣсь сплошь и рядомъ. По анализу Шоттина, славяне жили за исключеніемъ двухъ мѣстъ, находящихся на лѣвомъ берегу Фулды, только въ тѣхъ помѣстьяхъ монастыря, которыя лежали къ востоку, въ Тюрингіи до Саалы, на верхнемъ Майнѣ и въ долинахъ Регница и Айша. Къ какому же славянскому племени принадлежали эти колонизаторы? Къ сожалѣнію, нашъ запасъ именъ въ этомъ случаѣ очень малъ и весьма не характеренъ, потому что страшно искаженъ. На основаніи мѣстныхъ названій на лѣвомъ берегу р. Салы въ бывшемъ графствѣ Тюрингенскомъ можно, кажется, утверждать, что здѣсь поселились лужицкіе сербы. За это говорятъ слѣдующіе факты: названіе рѣчки *Sormitz* или *Sorbitz*, названіе деревень *Worbis* (т. е. вѣрбица), *Schirnewitz* (чѣрневице), *Drognitz* (ср. въ Саксоніи *Drognitz*, *Droymitz*, теперь *Tragnitz*, Ней 72), а особенно ручья *Deube* (изъ *Дубъ*, какъ *greda—руды*). Эти факты, собранные на очень незначительномъ пространствѣ, все-таки показываютъ, что въ говорѣ мѣстнаго населенія ѿ переходилъ въ *y*, сочетаніе *tort* въ *trot*. Другими словами, мы имѣемъ двѣ характернѣйшія особенности лужицкаго языка.

Считаю нужнымъ отмѣтить, что какъ въ Тюрингіи, такъ и въ королевствѣ Саксонскомъ славяне застали нѣмцевъ: въ первой славяне, вѣроятно, никогда и не жили сплошной массой, въ послѣднемъ они сохранили множество мѣстныхъ названій въ нѣмецкой формѣ (*Kagen*, *Kaufungen* = др. герм. *kouprung*, уже въ 1008 году; *abhorn* въ 1140 Оhorn и др. ²⁾). Въ Тюрингіи множество кельтскихъ названій, которыя могли сохраниться до нашихъ дней только въ устахъ ихъ преемниковъ, германцевъ, а также славянъ, перенявшихъ ихъ у этихъ послѣднихъ. Кентшинскій, такъ смѣло признающій славянъ автохтонами и здѣсь, къ со-

¹⁾ Въ дополненіе къ этой картинѣ приведу слѣдующее мѣсто изъ известнаго *Conversio Sarantrorum*: епископъ *Hrodbertus* пришелъ къ известному мѣсту *ubiantiquis scilicet temporibus multa fuerunt mirabiliter constructa aedificia, et tunc (696 г.) paene dilapsa silvisque cooperta*. Ср. также переписку двухъ епископовъ о баварскихъ славянахъ (см. ниже).

²⁾ Ней, стр. 313—322. Необходимо разбраться, какія нѣмецкія имена относятся къ до-славянской эпохѣ, и какія были внесены позднѣйшими нѣмецкими завоевателями и колонистами.

жалѣнію, не обратилъ вниманія на этотъ фактъ, говорящій противъ его теоріи.

Перехожу къ славянамъ баварскимъ. Но прежде, чѣмъ покончить со славянскими поселеніями по Эльбѣ и Салѣ, укажу на важный источникъ 7 в., такъ наз. географа Равеннскаго, который уже знаетъ славянъ на Эльбѣ. Для описанія побережья Эльбы, Даніи, Саксоніи и Фризіи этотъ географъ, писавшій, какъ полагають ¹⁾ незадолго до 680 года, пользовался самыми свѣжими источниками, рассказами готовъ Маркомира, Айтанарида и Эльдевальда, на которыхъ онъ и ссылается ²⁾. Равеннскій географъ знаетъ по обѣимъ сторонамъ Эльбы большое славянское государство, *Patria Albis*, иначе *Ungani*, которое прежде называлось *Maurungani*. По мнѣнію К. Миллера (стр. 141), это послѣднее названіе тождественно съ *Mauringa*, той страной, черезъ которую когда-то прошли лангобарды; но только *Maurungani*, повидимому, болѣе древняя форма имени. При этомъ географъ прибавляетъ, что въ продолженіе долгаго времени здѣсь проходила граница Франческаго государства (*in qua Albis patria per multos annos Francorum linea remota est*); такой пограничной линіей служила, вѣроятно, рѣка Сала. Изъ славянскихъ племень, которыя вышли изъ Скѣиіи ³⁾, географъ называетъ только два, *Vites* и *Chimabes*. Объяснить сколько-нибудь правдоподобно эти странныя имена донныѣ, насколько мнѣ извѣстно, не удалось: видѣть въ нихъ *Антовъ* и *Венедовъ* (*Uinades*) лишено всякаго основанія, хотя подраздѣленіе славянскаго племени на собственно славянъ и на два другіе народа, дѣйствительно, напоминаетъ схему Иордана. Во всякомъ случаѣ, важно то, что къ концу 7 вѣка *patria Albis* (*cuius aliqua pars Baias dicitur*) представлялась большимъ и единымъ въ этнографическомъ (пожалуй, и политическомъ) отношеніи цѣлымъ.

Кажется, западнѣе всего славяне проникли на берега Рейна, въ такъ называемую провинцію *Rheinland*, именно въ тѣ ея части, которыя примыкають съ сѣвера и съ юга къ Мозелю, т. е. въ *Eifel*, *Mainfeld* и *Hunsrück*. Среди именъ, признаваемыхъ Марьяномъ за славянскія, конечно, значительное большинство неславянскихъ, но нѣкоторыя, дѣйствительно, имѣють славянскій обликъ. Таковы *Kleinich* (*Cleniche* 1220), *Strimig* (1220 *Stremicha*), *Seibershausen* (отъ слова *себръ*), *Saffenberg* (1080 *Safenberg*, отъ слова *жаба*), гора *Soch* (1141, отъ *сухъ?*), *Sehl* (1136, 1144 *Sele*). На основаніи этихъ скудныхъ остатковъ славянства на Рейнѣ нечего и говорить о славянскомъ заселеніи Рейнланда. Едва ли это не позднѣйшія колоніи, обязанныя своимъ возникновеніемъ уводу славянъ въ плѣнъ, переселенію крѣпостныхъ и т. п. Разрѣшенію этого вопроса много способствовало бы изслѣдованіе, встрѣчались-ли славянскія поселенія въ Гессенѣ. Пока, къ сожалѣнію, такого изслѣдованія, кажется, еще нѣтъ, и даже Сенявскій (*Poglad*), рѣшительно утверждающій, что славянамъ принадлежали всѣ земли между Рейномъ и Эльбой, рѣшительно ничего не говоритъ о мѣстныхъ именахъ славянскаго происхожденія къ западу отъ Тюрингіи.

Изъ Саксоніи славяне проникли въ баварскую провинцію, Верхнюю Франконію. Они достигли ее, какъ можно думать, обходя такъ назыв. Сосновыя горы (*Fichtelgebirge*), гдѣ оставили также не мало своихъ слѣдовъ въ видѣ собственныхъ названій мѣстъ. Эти послѣднія послужили

¹⁾ К. *Mitler*. Die ältesten Weltkarten т. VI (1898), стр. 21.

²⁾ К. *Miller*. Стр. 45.

³⁾ Вотъ это мѣсто: *Sexta ut hora noctis Scytarum est patria, unde Sclavinorum exorta est prosapia; sed et Vites et Chymabes ex illis egressi sunt.*

предметомъ изученія для Г. Градла, который въ двухъ обширныхъ статьяхъ попытался опредѣлить границы славянскаго распространенія въ той области и ихъ этнической составъ. Совершенно не соглашаюсь съ его точкой зрѣнія на франконскихъ славянъ, точкой зрѣнія, въ настоящее время модной, по которой славяне къ западу отъ главной массы Сосновыхъ горъ представляли лишь толпы плѣнныхъ, преднамѣренно пересаженныхъ франками на новыя мѣста, и всегда остававшіяся вѣрно-подданными франкскихъ государей. Будто бы только къ востоку отъ Schneeberg'a (приблизительно отъ 12° вост. долг. отъ Гринвича) началась славянская область, не подвластная германцамъ до конца перваго тысячелѣтія. Этотъ взглядъ обязанъ своимъ происхожденіемъ едва-ли не тому національному самообольщенію, которое я рѣшался отмѣтить у польскихъ ученыхъ, только въ противоположномъ направленіи. Если онъ можетъ претендовать на научное доказательство, то развѣ только къ западу отъ Бамберга. Но что касается сѣверной полосы Верхней Франконіи, между Бамбергомъ и Байрейтомъ, то я думаю, что взгляды старыхъ ученыхъ (Гааза и Голле), высказанные еще раньше основанія великой Германской имперіи, гораздо болѣе согласуются съ данными историческихъ свидѣтельствъ. Такъ, въ документѣ отъ 846 года предписывается съ ссылкой на Карла Великаго строить церкви среди славянскаго народа, недавно окрещеннаго, живущаго между Майномъ и Редницей. Хотя здѣсь говорится о графахъ, поставленныхъ въ землѣ славянъ (*in terra sclavogum*), которыхъ называютъ *moinvinidi* и *ratanzvinidi*, но тотъ фактъ, что этотъ народъ признается совсѣмъ недавно обращеннымъ въ христіанство (*ille populus noviter ad christianitatem conversus*), а въ документѣ прямо повторяется приказъ, данный нѣкогда Карломъ Великимъ, показываетъ, что и графы были поставлены надъ славянами недавно, вѣроятно, при томъ же императорѣ. Еще въ XI вѣкѣ, когда славяне давно уже были христіанами, они все еще оставались внѣ сферы франкскаго вліянія. Вотъ что пишетъ въ 1006 году епископъ Гальберштадтскій, Арнольдъ, другому епископу, Генриху Вюрцбургскому: „Тебѣ мало доходу отъ нея, такъ какъ вся земля — почти сплошной лѣсъ, а живутъ въ ней славяне, и ты не заглядываешь сюда или никогда, или очень рѣдко“. О тѣхъ же славянахъ около Бамберга говорить и другой документъ 11 вѣка (1058 г.): „Простонародіе въ этомъ епископствѣ состоитъ по большей части изъ славянъ“. Если Holle изъ этихъ данныхъ извлекалъ (стр. 23—25) нѣсколько поспѣшный выводъ, что верхне-франконскіе славяне оставались до половины 11 вѣка язгчниками, и только съ принятіемъ христіанства признали надъ собой нѣмецкую власть, то съ другой стороны нѣтъ, мнѣ кажется, основанія утверждать, чтобы это подчиненіе славянъ франкамъ совершилось ранѣе конца 8 вѣка. Поселенія славянъ въ Верхней Франконіи носятъ не единичный, но массовый характеръ, и объ этомъ точно свидѣтельствуютъ какъ современная географическая номенклатура страны между Майномъ и Редницей, такъ и историческіе источники. Когда императоръ Людовикъ Благочестивый прогоняетъ, по свидѣтельству Нитхарда (ум. 858), своего сына Людовика изъ Тюрингіи, и тотъ бѣжитъ въ Баварію, то путь его проходитъ черезъ Верхнюю Франконію, *per Slavos*, какъ сказано у историка. Еще въ 911 году городъ Fihuriod (теперь Viereth около Бамберга) называется славянскимъ вмѣстѣ съ другими городами (*in pacem caeteris sclavenis oppidis*), но всѣ они оказываются уже подвластными франкамъ (*res juris nostri*), что опять-таки говоритъ противъ широкаго обобщенія Голле.

Для того, чтобы опредѣлить, откуда славяне проникли къ Майну,

необходимо выяснитъ языковой характеръ географическихъ названій на Сосновыхъ горахъ и въ Верхней Франконіи. Хотя, по мнѣнію Градля, для объясненія первыхъ недостаточно однихъ лужицкихъ нарѣчій, но приходится обращаться и къ чешскому, и даже къ словинскому языкамъ, но я позволю себѣ замѣтить, что собранный Градлемъ обширный матеріалъ не принуждаетъ насъ обращаться къ южно-славянскимъ нарѣчьямъ. Чешскій элементъ, само собой разумѣется, легко объясняется сосѣдствомъ Баваріи съ Чехіей, но словинскій можно констатировать, кажется, лишь въ одномъ случаѣ, именно въ передачѣ слова *dubъ* черезъ *dob*. Но, встрѣчаясь на территоріи, окруженной лужицкимъ міромъ, эти имена ¹⁾ должны объясняться искаженіемъ звука *u* въ устахъ нѣмцевъ ²⁾ или какой-нибудь иной этимологіей. Но, съ другой стороны, цѣлый рядъ именъ указываетъ самымъ яснымъ образомъ на свое лужицкое происхожденіе. Таковы: *Kröstau*, ю.-з. отъ Плауена (1328 *Crosteyn*, 1421 *zu Krosten*, ср. луж. *khrost*—хворостъ), *Trogen*, с.-в. отъ Гофа (1467 *zu Trogen*, ср. драганъ ³⁾), *Trogau*, ю.-в. отъ Гаслау на границѣ Саксоніи съ Чехіей (1395 *Tragaw*, 1476 *Trogau*), *Trogenau*, с. отъ Регнитцлозау (1234 *Drogenauwe*, 1356 *Dragenaw*, 1378 *Drohonow*). Къ той же группѣ *trot* надо отнести, вѣроятно, и имя *Frohnau*, з. отъ города Лаутербаха (1236 *Vranow*, 1370 *Fronaw*, 1405 *Vranow*). Носовой гласный *u* въ именахъ этой области передается черезъ *y*, что одинаково характерно и для лужицкаго, и для чешскаго языковъ; поэтому, я не буду останавливаться на нихъ. Въ передачѣ слова *tręstъ* мы находимъ варіаціи, указывающія на разницу въ произношеніи одного и того же слова, объясняющуюся различными этническими элементами. Такъ, около Эгера въ Чехіи находится деревня *Türschnitz* или *Türschnitz* (1394 *Dorsnicz*, 1389 *Torsnicz*, 1395 *Türsnicz*), въ написаніи которой видна попытка передать гласный *r*. То же слово во Франконіи, около Вунзиделя, пишется уже иначе: *Tröstau* (1314 *Drosen*, 1692 *Tröstein*—т. е. *tręstina*). Группа *tert* въ именахъ передается обыкновенно черезъ *tert* или *tirt*, что опять-таки не характерно, ибо и чешскій гласный *r* долженъ былъ воспроизводиться съ помощью гласнаго звука. Но въ двухъ словахъ передъ нами опять явные слѣды лужичанъ въ Верхней Франконіи. Это имена *Fölschnitz*, около Кульмбаха (1421 *Folchitz*, т. е. *Wolyniца*, отъ луж. *vořsa*, *ořsa* ⁴⁾), и *Wurlitz*, около *Pexau* (1468 *Wurlitz*, т. е. *Ворлицца* отъ в.-луж. *vorolъ*, орель). Я думаю, что эти данныя достаточно доказываютъ лужицкое происхожденіе колонизаторовъ В. Франконіи, которые такимъ образомъ оказываются однимъ изъ послѣднихъ звеньевъ цѣпи, шедшей непрерывно отъ Лужицъ на западъ черезъ Саксонію. Отрицать связь этихъ колонизаторовъ съ обитателями саксонскаго Фохтланда, какъ это дѣлаетъ Градль, совершенно неосновательно. Перехожу къ славянамъ къ западу отъ Бамберга, на Айшъ и на Эбрахъ, которые еще въ 1819 году были изучены въ очень почтенномъ трудѣ Гааза ⁵⁾. По его мнѣнію, часть ихъ заселила этотъ край

¹⁾ *Dobenau* (1112 in pago Dobna), *Dobeneck* (1279 de Dobeneke) оба пункта въ Vogtland'ѣ въ Саксоніи; съ этимъ ср. *Dobritz* около Мейсена (1228 *Dubrawitz*).

²⁾ Ср. въ Мекленбургѣ *Ural* (1234), *Opal* (1263), *Vrai* (1274). Кюнель стр. 149.

³⁾ Аналогичное имя въ Саксоніи *Trogen* (1428. *Drogan*, 1435 *Drogin*). Ней. 72.

⁴⁾ Holle приводитъ еще болѣе характерное названіе: *Wölsa* (около Вунзиделя); ср. Holle, стр. 19—21.

⁵⁾ *Geschichte des Slaven—Landes an der Aisch und Ebrach—Flüsschen*. Bamberg. 1819.

еще до Карла Великого, другие были приведены этим императоромъ въ концѣ 8 вѣка (приблизительно въ 796 году). Во всякомъ случаѣ, славянъ было такъ много, что побережье Айша можно было называть славянской землей. Еще въ началѣ 19 вѣка бросалась въ глаза и этнографическая разница между населеніемъ. „Между поселеніями славянскими и болѣе франкскими, которыя раздѣляются, по преимуществу, Steigerwald'омъ, существуетъ рѣзкое различіе не только въ нарѣчій, но и въ костюмѣ, особенно у женщинъ ¹⁾. Простонародье Франконіи носить, обыкновенно, чепцы, т. наз. die Frankenhauben, а въ нашихъ мѣстахъ женщины покрываютъ головы платками, задній уголъ которыхъ то свѣшивается прямо внизъ, то подсовывается кверху“.

На основаніи любопытнаго документа 750 года, въ которомъ Бонифацій, основатель Вюрцбургскаго епископства, обращается къ папѣ Захаріи съ вопросомъ: „Нужно-ли брать подати со славянъ, которые населяютъ земли христіанъ, чтобы иначе они не считали эту землю своей собственностью“,—на основаніи этого документа можно думать, что славяне около Вюрцбурга и Эйхштета находились въ зависимости отъ франковъ. Чтобы объяснить спорадическое распространеніе славянскихъ поселеній въ Нижней и Средней Франконіи, Мейтценъ ²⁾ дѣлаетъ смѣлое предположеніе, что славяне, упоминаемые въ документѣ 750 года, были выведены изъ Верхней Франконіи, изъ мѣстъ христіанскихъ миссій, и поселены франками около Ансбаха и въ разныхъ уголкахъ Нижней и Средней Франконіи. Дѣйствительно, тотъ фактъ, что Пипинъ, учреждая въ 741 году епископство въ Вюрцбургѣ, преспокойно отдалъ его во власть приглашенному туда Бонифаціемъ лицу, подтверждаетъ мнѣніе Мейтцена о незначительности и слабости славянскаго элемента въ этихъ краяхъ. Деревни, въ которыхъ частица—*Winden* (въ родѣ Bernhardswinden, Brodswinden или Windheim, Windsfels или Kurzewind, Ditterswind и т. д.) намекаетъ на славянское ихъ населеніе, расположены группой въ числѣ десяти только около Ансбаха, тогда какъ въ другихъ краяхъ Нижней и Средней Франконіи встрѣчаются только отдѣльными единицами ³⁾. Всего ихъ Мейтценъ насчитываетъ 33. Такихъ же невольныхъ поселенцевъ изъ славянъ можно, кажется, видѣть въ Баденѣ и въ Швейцаріи, гдѣ также очень спорадически разсѣяны славянскія поселенія; поэтому, я не буду отдѣльно останавливаться на нихъ.

Мейтценъ высказалъ убѣжденіе, что верхнефранконскіе славяне заняли эту страну безъ серьезнаго сопротивленія со стороны туземцевъ; даже болѣе того, по его мнѣнію, въ глубинѣ Верхней Франконіи нѣтъ признаковъ того, что старое населеніе скрылось отъ пришельцевъ въ горахъ, и что гдѣ-нибудь уцѣлѣли его остатки. Справедливость этого утвержденія спорна. Ему противорѣчитъ довольно значительное количество старыхъ кельтскихъ названій рѣкъ и ручьевъ, каковы Майнъ, Набъ, Регнитцъ и т. д. Другія названія, вѣроятно, нѣмецкаго происхожденія. Это—Saale, Эгеръ (Agira); суффиксъ *ng*, *enga*, *inga*, который встрѣчается въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ названіяхъ

¹⁾ Ту же привязанность къ своей одеждѣ Тетцнеръ отмѣчаетъ у лѣвскихъ кашубовъ.

²⁾ *Meitzen. Siedelung* и т. д. (см. стр. 114), т. II, стр. 404.

³⁾ *E. Maiewski*, авторъ фантастической брошюрки: „Starożytni Słowianie na ziemiach dzisiejszej Germanii“ (1899), утверждаетъ на стр. 47, что почти третья часть мѣстныхъ названій въ Верхней Франконіи славянскаго происхожденія; на самомъ же дѣлѣ, ихъ не больше, чѣмъ 258 на 4565 (*Meitzen. II. 403*).

этой мѣстности (*Pagenza*—теперь *Pegnitz*, *Solenza*—теперь *Sulz*, *Werinza*—теперь *Wörnitz* и др.), вѣроятно всего, представляетъ германскую передѣлку кельтскаго суффикса въ названіяхъ рѣкъ *entia* ¹⁾. Въ славянскихъ именахъ онъ уступилъ мѣсто родному суффиксу—*ница*, приставленному къ этой же основѣ.

Теоретически возможно допустить, что славяне застали и кельтовъ. Дѣло въ томъ, что баварцы, занявшіе свою страну въ началѣ 6 вѣка и распространившіеся съ Дуная ²⁾ на югъ и позже на сѣверъ, въ Пфальцъ, встрѣтили тамъ и сямъ романизированное кельтское населеніе. Его надо предполагать, по мнѣнію Ризлера (стр. 50), даже тамъ, гдѣ названія населенныхъ пунктовъ сплошь нѣмецкія, потому что и здѣсь имена рѣкъ и ручьевъ сохраняютъ зачастую свой кельтскій характеръ. Это замѣчаніе въ полной мѣрѣ относится и къ славянскому краю между Бамбергомъ и Байрейтомъ и Сосновыми горами.

Этимъ и ограничиваются славянскія поселенія въ сѣверной Баваріи, которыя тѣсно примыкаютъ къ лужицкой полосѣ, легкой къ югу отъ полабской въ Западной Европѣ. Еще южнѣ раскинулся третій слой славянскаго міра въ странахъ, нѣкогда кельтскихъ и германскихъ, именно слой чешско-моравскій. Какъ бранденбургское нарѣчіе составляетъ переходъ отъ лужицкаго языка къ полабскому, обнаруживая этимъ, что лужицко-полабская масса славянъ двинулась одновременно къ берегамъ Эльбы, такъ чешскій языкъ представляетъ черты, роднящія его и съ полабско-лужицко-польской, и съ южно-славянской группой. Съ первой его сближаютъ такія явленія, какъ смягченіе *d* и *m* въ *z* и *č*, группа *dl*, а со второй сочетанія *trat*, *tlat*, гласное *p* и *l* и т. д. Конечно, эти общія замѣчанія совершенно недостаточно рисуютъ промежу точное положеніе чешскаго языка между двумя языковыми группами, но я хотѣлъ указать здѣсь только на то, что срединное географическое положеніе чехо мораванъ совпадаетъ до извѣстной степени и съ положеніемъ ихъ языка. Близость чешскаго языка къ польскому уже не разъ признавалась учеными за доказательство одновременнаго движенія чеховъ и западныхъ славянъ на Западъ ³⁾. Изъ того факта, что чешскіе славяне не распространились на западъ за Сосновыя горы, въ Баварію, можно, кажется, сдѣлать выводъ, что они достигли ея предѣловъ тогда, когда германскій элементъ былъ здѣсь еще довольно силенъ; только когда онъ порѣдѣлъ и палъ, славяне лужицкіе могли вторгнуться въ Верхнюю Франконію. Поэтому, занятіе славянами Чехіи надо отодвинуть къ болѣе дальнему времени, чѣмъ колонизацію этой послѣдней.

Несмотря на то, что на выясненіе того времени, когда Чехія и Моравія были заняты славянами, потрачено очень много труда, разрѣшеніе этого вопроса, кажется, не подвинулось ни на шагъ впередъ. Комбинаціи, которыя, за отсутствіемъ прямыхъ источниковъ, должны замѣнять эти послѣдніе, не могутъ обладать достаточною прочностью потому, что и самая почва, на которой онѣ стро-

¹⁾ О немъ Zeuss, Gram. Celt. 798—799. Въ слав. языкѣ этотъ суффиксъ при непосредственной передачѣ имени отъ кельтовъ славянамъ передается черезъ носовой звукъ и смягченное *m*. Какъ яркій примѣръ этого, я приведу названіе одной рѣчки въ бассейнѣ Вислы *Drwaca* (изъ Дрѣвонты), ср. у кельтовъ рѣка *Druentia* (Плин.) и другую рѣку *Derventione* (также *iuxta amnem Dergventionem*).

²⁾ Riezler. Geschichte Baierns. I, 47.

³⁾ E. Dvořák. Z nejstarších dějin moravských. (časopis matice moravské T. 22 за 1898, стр. 277 и 285).

ятся, самаго шаткаго свойства, т. е. такія же комбинаціи и гипотезы, но только примѣненные къ исторіямъ иныхъ племенъ (лангобардовъ, ругивъ, маркоманновъ). Обыкновенно признають, что Чехію и Моравію занимали до начала нашей эры племена кельтовъ, которые въ остаткахъ уцѣлѣли еще долго спустя; а съ перваго вѣка послѣ Р. Х. ихъ мѣсто заняли германскія племена маркоманновъ и квадовъ ¹⁾. Для того, чтобы объяснить, почему и когда эти племена покинули свои мѣстожительства, Палацкій ²⁾ осторожно замѣчалъ, что «безъ сомнѣнія, и маркоманны пали передъ гунской силой; но нигдѣ не указано, какъ и когда это случилось». Далѣе онъ прибѣгалъ къ помощи гипотезы: «зная, что гунны уже около 430 года встрѣтились съ бургундами на Рейнѣ, не можемъ сомнѣваться, что маркоманны, которые были къ нимъ ближе, подверглись покоренію уже ранѣе 430 года». Въ 451 году Аттила прошелъ съ огромнымъ войскомъ въ 700.000 человекъ черезъ Чехію; въ числѣ ихъ были и маркоманны. «Славяне, узнавъ объ этомъ (т. е. объ уходѣ маркоманновъ изъ Чехіи), такъ какъ, живя за Татрами, они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣмцами, двинулись оттуда съ войскомъ и захватили землю маркоманновъ ³⁾». Такимъ образомъ, по мнѣнію Томека и Палацкаго ⁴⁾, это событіе падаетъ на 450—451 годъ; Шафарикъ раздвигаетъ его границы нѣсколько шире, между 451 и 495 г. ⁵⁾. Дворжакъ предполагаетъ, что квады очистили Моравію, вслѣдъ затѣмъ немедленно занятую славянами, въ 451 году, а маркоманны Чехію только въ 488, когда Одоакръ покинулъ *Noticum Ripense*, и эту страну захватили маркоманны ⁶⁾.

Нѣтъ-ли въ разсужденіяхъ перечисленныхъ ученыхъ какой-нибудь логической ошибки? Мнѣ кажется, что она есть и заключается въ предположеніи, что земли, покинутыя однимъ германскимъ племенемъ, немедленно захватывались не германцами же, а непремѣнно славянами. Это недоказуемо. Вѣроятность же говорить гораздо болѣе за то, что маркоманны еще долго оставались въ Чехіи, и что послѣ паденія царства Аттилы Венгрія, Моравія и Чехія кишѣли германскими племенами ⁷⁾. Едва-ли раньше половины 6 вѣка славяне заняли

¹⁾ Такъ смотритъ Фр. Палацкій въ своей „Исторіи чешскаго народа въ Чехіи и Моравіи“ (1 изд. въ 1836, 3-е въ 1876 г.); по его слѣдамъ идутъ: Шафарикъ („Слав. древности“, т. II, кн. 2, стр. 214—219), Томекъ („Исторія чешской земли“ 1843) и др. Подробно писали о бояхъ и маркоманнахъ недавно Е. Дворжакъ, Краличекъ („Die Donauvölker Altgermaniens“ Brünn. Программа. 1896—1897), Вахманъ въ своей „Geschichte Böhmens“, т. I. 1899 и др. Очень тщательное изложеніе этого вопроса дано І. Пичемъ въ историческомъ введеніи къ археологическому труду: „čechy předhistorické“, т. I (1899). Археологическій матеріалъ сведенъ Л. Шнайдромъ въ книгѣ: „Počátkové předhistorického místopisu země české“ (1891).

Г. Гиречекъ, признающій за первобытное населеніе Чехіи кельтскія племена волковъ и тектосаговъ, стоитъ, кажется, одиноко (см. *časopis Musea Království českého* за 1892 г., стр. 267). Въ доказательство своей мысли онъ опирался на переживание кельтскаго элемента въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ Чехіи и Моравіи. Противъ этого основательно возсталъ Прагекъ, который въ статьѣ: „Eburodunum Brno“ (*časopis matice moravské* т. 25 за 1901 г., стр. 14—33) доказалъ фонетическую невозможность сопоставленія этихъ двухъ формъ, а также отмѣтилъ, что Eburodunum нѣтъ основанія отождествлять съ Брюнномъ.

²⁾ Стр. 69—70 (3 изд.).

³⁾ Томекъ, стр. 12—13 (изд. 1843 г.).

⁴⁾ Palacky, стр. 87 (т. I, ч. I по изд. 1876 г.).

⁵⁾ Слав. Древ. т. 2, кн. 2, стр. 216—217.

⁶⁾ Указ. статья, стр. 280—281.

⁷⁾ Подробно объ этомъ въ статьѣ А. Вахмана: „Die Völker an der Donau nach Attilas Tode“ (*Archiv für österreichische Geschichte* т. XLI, 189 и сл.), а также *Huber Geschichte Oesterreichs*. I (1885), 42—43.

страны, въ которыхъ еще въ началѣ этого столѣтія встрѣчаются то лангобарды, то герулы и т. д. Собственные географическія названія въ Чехіи показываютъ, что чехи застали здѣсь германское населеніе, вытѣсненіе котораго совершилось не сразу.¹⁾

Заселеніе Австріи, Штиріи и Каринтіи, а въ Баваріи Пустер-тала совершилось также въ концѣ 6-го и въ началѣ 7 вѣковъ. Это четвертая полоса славянской колонизаціи, направившейся на западъ. Такимъ образомъ, къ концу первой четверти 7 вѣка огромная часть Западной и Южной Европы находилась въ рукахъ славянъ. Недоставало только человѣка, который попытался бы объединить всю эту массу. Въ скоромъ времени такой энергичный человѣкъ нашелся и съ той поры славянской міръ вступилъ въ непрерывный, ожесточенный бой съ германскимъ, въ борьбу, которая привела въ концѣ концовъ къ гибели славянъ во многихъ изъ занятыхъ ими странъ. Этому содѣйствовали неблагоприятныя обстоятельства (напр., нашествіе мадьяръ), но главная причина подчиненія славянъ германцамъ заключалась въ отсутствіи племенного единенія, чему способствовали различія въ языкахъ, религіяхъ (католичество и православіе) и культурныхъ вліяніяхъ (римскомъ и византійскомъ), которыя раздѣлили славянской міръ на двѣ враждебныя одна другой половины. Славянская воспримчивость къ усвоенію чужой культуры послужила на гибель славянской національности, когда польскіе князья, принявъ германское христіанство и вмѣстѣ съ нимъ ненависть къ языческимъ славянамъ, ополчились противъ своихъ поморскихъ братьевъ. Мягкость, присущая славянскому духу, губила славянство, но та же склонность къ міровой любви, къ очищенію міра любовью, къ искупленію его грѣховъ своими страданіями приводила славянскую музу къ прекрасной проповѣди мученичества, личнаго и общенароднаго, необходимаго для возстанія человѣчества къ новой жизни. «Наша смерть была нужна; будетъ необходимо и наше воскресеніе, необходимо для того, чтобы Слово Сына Человѣческаго, вѣчное слово жизни, разнеслось по всѣмъ закоулкамъ земли. Истинно, черезъ наше племя, распятое на крестѣ исторіи, откроется въ свѣтѣ духа людского, что сфера политики должна превратиться въ сферу религіи²⁾».

¹⁾ Примѣры у Бахмана 71—74 стр.; на основаніи менѣе значительнаго числа примѣровъ Ю. Липпертъ (*Social-Geschichte Böhmens in vorhussitischer Zeit*. I т. 1896, стр. 124—125) нашелъ возможнымъ утверждать, что о постепенной смѣнѣ населенія въ Чехіи не можетъ быть и рѣчи.

²⁾ Красинскій. *Przedświt*, стр. 78—79.

XI.

Заселеніе Польши польскими славянами и способъ ея колонизаціи.

Если Висла названіе славянское, а не нѣмецкое, то уже въ I в. по Р. Х. славяне были распространены по Вислѣ, такъ какъ тѣ формы, въ какихъ это названіе встрѣчается въ рукописяхъ «Естественной Исторіи» Плинія (Viscla, Vistla, Vistula), указываютъ на измѣненіе его въ устахъ нѣмцевъ, черезъ которыхъ римляне узнали о существованіи Вислы. Въ этомъ случаѣ подтверждается высказанное нами предположеніе, что ко временамъ Птолемея (т. е. въ половинѣ II в. по Р. Х.) славяне уже жили по Балтійскому морю. Расселеніе славянскаго племени даетъ намъ относительную хронологію занятія ими отдѣльныхъ странъ: въ виду того, что къ востоку и сѣверу отъ польскаго племени непрерывной цѣпью расположены другія славянскія племена (полабскія, лужицкія и поморскія), необходимо думать, что поляки двигались въ своемъ распространеніи вслѣдъ за вышеуказанными племенами. Но что это расселеніе нельзя относить къ очень позднему времени, явствуетъ изъ того, что уже въ 782 году упоминается о набѣгахъ лужицкихъ сербовъ въ Тюрингію и Саксонію, а въ 789 году Карлъ начинаетъ войну съ полабскими славянами. Но такъ какъ невозможно относить водвореніе славянъ на средней и верхней Эльбѣ ранѣе, чѣмъ къ концу 6 вѣка, то на распространеніе ихъ, а значитъ и поляковъ, двигавшихся за ними, придется отнести 5—6 вѣка. Съ другой стороны, шло распространеніе русскихъ славянъ, съ которыми поляки встрѣтились въ своемъ стремленіи на югъ, къ Карпатамъ.

Такимъ образомъ, къ тому времени, когда появляются извѣстія о полякахъ, они занимаютъ обширныя земли между хребтами западныхъ Карпатъ, Судетовъ и Корконошь и берегами Вислы. Теченіе Одера и его притока Варты и почти все теченіе Вислы были главными рѣками польскаго племени, которое распадалось, въ свою очередь, на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ: къ югу отъ впаденія Варты въ Одеръ по обѣимъ

берегамъ его поселилось племя силезцевъ, въ имени которыхъ сохранилось, можетъ быть, воспоминаніе о германскихъ *силезахъ* (ślązaki). По берегамъ Варты и ея притоковъ (Просны, Обры, Велны и др.) жило главное польское племя, Великополянъ, центръ которыхъ находился около озера Гошло. По Вислѣ отъ впаденія въ нее Пилицы жило племя Малополянъ или Вислянъ, основавшихъ городъ Краковъ и заложившихъ свои селенія при устьяхъ Рабы, Дунайца и Вислока ¹⁾. Въ остальномъ привислянѣ отъ Пилицы жило мазовецкое племя, центръ тяжести котораго лежалъ выше устья Буга, такъ какъ это былъ самый безопасный пунктъ всего Мазовья. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ него, на лѣвомъ берегу Вислы, надъ озерами горнаго течения Нотеци расположились Куявы, граничавшіе на сѣверѣ съ поморскими славянами. Наконецъ, на плоскогоріи по верхнему теченію Варты, у источниковъ Бзуры и по лѣвому берегу Пилицы жило племя, которое называется по двумъ главнымъ своимъ родамъ, Ленчицанами (Łęczycanami) и Сѣрадзанами. Весьма возможно, что это небольшое племя явилось результатомъ смѣшенія другихъ польскихъ племенъ.

Отдѣльныя племена общепольскаго народа пережили до сихъ поръ въ видѣ говоровъ общепольскаго языка. Какія природныя условія заставили поляки, переселяясь на свои новыя мѣстожителства? Великополяне расположились въ очень низменной долинѣ, болотистой и почти безлѣсной. Насколько она была болотиста, видно изъ того, что еще въ 1840 годахъ 3% поверхности княж. Познанскаго были заняты болотами. Что касается растительности Великопольши, то о ней можно судить по рассказамъ Плинія о природѣ германскаго племени хавковъ, жившихъ во Фризіи до Бремена, такъ какъ условія растительной жизни были въ обѣихъ мѣстностяхъ, какъ полагають, одинаковыя. Плиній говоритъ, что у хавковъ не было даже кустарниковъ, что они сушили болото, добытое изъ земли (т. е. торфъ), и жгли его зимою. По мнѣнію проф. Ростафиньскаго („Polska z czasów przedhistorycznych pod względem fizyjograficznym i gospodarskim“ 1887. Rocznik zarządu Akademii Umiejętności w Krakowie. Rok. 1886), лѣсъ былъ въ Великопольшѣ на большихъ пространствахъ рѣдкимъ явленіемъ; она покрылась лѣсами только въ историческую эпоху, особенно въ 17—18 вѣкахъ, въ пору шведскихъ тяжелыхъ войнъ. Зато въ Великопольшѣ было множество рѣкъ, озеръ и прудовъ. Русло рѣкъ еще не установилось, и онѣ текли медленно и широко, то пропадая въ болотахъ, то снова сужаясь и ускоряя свое теченіе. Берега рѣкъ были болотисты, и человѣку новому приходилось долго искать броду черезъ рѣку. Не мудрено, что рѣки имѣли огромное стратегическое значеніе, и мы легко поймемъ радость Фридриха Барбаруссы, который, пробравшись въ Польшу за Одеръ, хвалился, что изъ его предшественниковъ никто еще не заходилъ такъ далеко, потому что рѣка Одеръ огораживаетъ всю страну какъ бы стѣной и „своей глубиной исключаетъ возможность найти бродъ“ (et profunditate sua omnes excludit aditus). Лѣса тянулись въ долину Великопольши съ высотъ Малопольши; они проходили широкой цѣпью между великопольской и мазовецкой долинами на поморское побережье. Это были дѣвственные лѣса, которые занимали, напр. на правомъ берегу болотистой Нотеци, пространство болѣе 200 кв. миль. Проф. Смолка въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Mieszko Stary i jego wiek“ (Warszawa. 1881 стр. 23—25) даетъ чрезвычайно художественное описаніе такой дѣв-

¹⁾ Границы этого племени прекрасно выяснены К. Поттанскимъ въ книгѣ: „Kraków przed Piastami“. 1897.

ственной пущи. „Всѣ породы деревьевъ, какія только усвоилъ себѣ нашъ климатъ, смѣтали вѣковѣчную гущу лѣса, которая уже самой своей художественной разнородностью такъ отличалась отъ нашихъ однообразныхъ, даже старѣйшихъ лѣсовъ. Тамъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ жили царь пущи, дубъ, липа и ольха, кленъ, ясень, вязъ и осина, а на обширныхъ песчаныхъ мѣстахъ залегала по преимуществу, стройная, смѣло возносящаяся прямо къ небу сосна. Борьба за существованіе была девизомъ лѣсной жизни этихъ великановъ, и ихъ бой былъ болѣе жестокъ, чѣмъ битвы враждебныхъ лехитскихъ племенъ, которыя раздѣляла эта пуща; борьбу лѣсныхъ великановъ не принималъ никто, и каждая пядь земли, которую пень отвоевывалъ для своихъ ненасытныхъ корней, стремившихся распространить свою власть все шире и глубже, стояла ему упорной борьбы, происходившей въ таинственномъ полумракѣ лѣса; такой же борьбы требовалъ и каждый вздохъ воздуха, необходимаго для тысячи легкихъ его ствола. Домашнія распри, въ которыхъ братъ возставалъ на брата, а равно непрерывныя схватки разноплеменниковъ составляли однообразную, скрытую отъ глазъ всего свѣта исторію этихъ пущъ, гдѣ дубъ мужественно сталкивался съ дубомъ и въ то же время вель войну и съ кленомъ, и съ ольхой. А когда, проживъ въ боевыхъ трудахъ нѣсколько вѣковъ, великанъ, уже совсѣмъ одряхлѣвшій и пораженный неустаннымъ напоромъ злыхъ сосѣдей, валился на мягкую постель изъ мховъ, вереска и широколиственного папортника, то даже въ минуту паденія онъ мстился своимъ сосѣдямъ за ихъ обиды, придавливая своей тяжестью десятки слабѣйшихъ враговъ и дробя ихъ вѣтви. И всѣ сосѣди, сваленные въ этой смертной схваткѣ, надолго замирали, поднявъ свои вѣтви, подъ саваномъ старыхъ мховъ, пока ихъ могучіе стволы, рассыпавшись прахомъ, не соединялись съ землей, которая за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ дала имъ жизнь; а на плодородномъ кладбищѣ ихъ тѣлъ уже давно продолжали ту же борьбу за существованіе ихъ дѣти и внуки. Такъ время, ревнуя къ дѣвственности лѣсныхъ пущъ, защищая ее, рубило природныя засѣки, которыя полагали неустрашимому смѣльчаку, пробирающемуся въ глубь пущи, огромныя препятствія, пока ихъ изгнившій стволъ не превращался въ землю, прижатый тяжестью новаго поколѣнія. Кто имѣлъ отвагу вторгнуться въ тайники дикой пущи, долженъ былъ держаться русла рѣкъ и потоковъ, которые протекали по ней, такъ какъ они имѣли, по крайней мѣрѣ, определенное направленіе, а теченіе не позволяло смѣльчаку заблудиться въ чащѣ. Воды этихъ потоковъ, обильныя и гнилыя, текли лѣниво по влажной равнинѣ; трудно было замѣтить какое-нибудь движеніе въ ихъ глубинѣ, таинственной и черной, потому что поверхность воды была совершенно закрыта мириадами листьевъ и тысячами пней, которые ежегодно валились въ воду; дна не было видно нигдѣ, потому что оно было устлано корягами, покрытыми мохомъ“. Лѣса кишѣли зелеными трясынами, которымъ не было ни конца, ни края: однимъ словомъ, это была унылая картина лѣсной тиши, нарушаемой только жизнью бобровъ, водившихся здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ, да криками водяной птицы.

Итакъ, фیزیономію Великопольши составляли безконечныя болота, широкія, лѣнныя рѣки, голые торфяники да широкая полоса дѣвственнаго лѣса, тянувшаяся отъ Малопольши къ Поморью. Малопольша имѣла совсѣмъ другой характеръ: болота здѣсь тянулись только въ долинахъ нѣкоторыхъ рѣкъ (Вислы, Сана, Вепря и Пилицы); главной особенностью края служили тѣ же лѣса, тянувшіеся съ одного холма гористой страны на другой. Но здѣсь, по геологическимъ условіямъ

Малопольши, лѣса были однообразнѣе: кромѣ ели и дуба, здѣсь преобладали букъ, совѣтъ неизвѣстный въ Великопольшѣ, тисъ и осина. Кромѣ разныхъ гадовъ и всякой мошкеры, привлекавшей тучи водяной птицы, въ Малопольшѣ водились страшные дикіе звѣри: туръ, сѣрый, съ чернымъ пятномъ на хребтѣ, зубръ съ длинной гривой, кудлатый медвѣдь, коварная рысь, дикая свинья, олень, серна и лось; впрочемъ, бобровъ и выдръ въ Великопольшѣ было гораздо больше. Отличался отъ теперешняго и климатъ тогдашней Польши. По мнѣнію Ростафинскаго, онъ былъ мягче и ровнѣе, но зима продолжалась на мѣсяць дольше, чѣмъ теперь, лѣто бывало короче въ пользу осени.

Всю эту страну заняли славяне. О способѣ колонизаціи среди польскихъ ученыхъ идетъ давнишній споръ, еще доселѣ не разрѣшенный. Онъ сводится къ вопросу, совершалось ли расселеніе родами или отдѣльными домами. Позже мы увидимъ, что теорія родового расселенія имѣетъ за себя гораздо больше, но здѣсь для насъ важно только то, что во всякомъ случаѣ поселенія были разбросаны въ лѣсу далеко другъ отъ друга. Иначе не могло и быть, такъ какъ населеніе было очень рѣдко. Проф. Смолка собралъ не мало примѣровъ бѣдности населенія Польши въ 12—13 вѣкахъ: самое большое число крестьянъ въ 30 всѣхъ деревень, упомянутыхъ въ документахъ 12 вѣка, ограничивается 80, но есть не мало поселеній съ двумя, тремя, даже однимъ крестьяниномъ. Еще во второй половинѣ 12 в. король могъ щедрой рукой раздавать лѣса своимъ приближеннымъ, которые, господствуя надъ дѣвственнымъ боромъ, буквально не знали предѣловъ своей власти. Способы земледѣлія были самые первобытные: когда въ 12 в. въ Силезію явились нѣмецкіе колонисты, они застали земледѣліе въ самомъ плачевномъ состояніи. Соха состояла изъ нѣсколькихъ кусковъ необработаннаго дерева; о желѣзѣ не было и помина, такъ же, какъ о бороненіи и уѣваживаніи земли, хотя почва была песчаная. Молотили силезскіе крестьяне слѣдующимъ образомъ: уколачивали землю и такъ получали гумно, по которому они гоняли кругомъ лошадей или корову, топтавшихъ хлѣбъ. Конечно, нельзя рѣшить, вездѣ ли земледѣліе было въ такомъ состояніи, но во всякомъ случаѣ въ то же самое время въ лѣсистыхъ мѣстахъ Франціи земледѣліе было еще кочевое, и для полуроченія нивы выжигали лѣса.

Для характеристики населенія интересно отмѣтить кое-какія переживанія каменнаго вѣка, уцѣлѣвшія до сихъ поръ у мазуровъ, наиболѣе консервативныхъ въ области преданія. Мазурскій знахарь, снимающая колтунъ, беретъ не ножницы, а камень, сохранившій свое значеніе отъ самой старой эпохи (ср. *H Bigeleisen. Illustrowane dzieje literatury polskiej*. I, 20). Быть народа отличался большимъ разнообразіемъ: земледѣліе, рыболовство и пчеловодство, практиковавшееся въ большихъ размѣрахъ, составляли главное занятіе первобытнаго поляка. Природа помогала ему жить, давая ему растительную пищу (большимъ почетомъ пользовался водяной орѣхъ — *trapa natans*, который былъ очень распространенъ уже въ каменный вѣкъ). Въ пословицѣ: „*Nie zaŝrij gruszek w porpiele*“ сохранилась память о томъ времени, когда подспорьемъ въ хозяйствѣ служила лѣсная груша, т. наз. *zimostrawka* (т. е. зимняя пища). Лѣсныя яблоки, конечно, не уступали ей въ популярности, какъ опять-таки мы видимъ изъ археологическихъ находокъ. Изъ растений сѣяли, по преимуществу, *просо* и *тфу*, дзлѣе, *овесъ* и *рожь*. Важно отмѣтить, что поляки знали коноплю и макъ.

Изъ ремеслъ древніе поляки занимались, по преимуществу, добычей соли, плавкой желѣза и приготовленіемъ глиняныхъ сосудовъ.

Залежи соли въ Польшѣ были открыты уже въ историческую эпоху: до того времени соль собирали по крупинкамъ въ соленыхъ источникахъ; такіа крупинки назывались *krusze*, почему одна мѣстность въ Куявщинѣ, богатая такой солью, получила названіе *Kruyowice*. По мнѣнію проф. Ростафинскаго, именно обиліе соли въ этой мѣстности, лежащей между Великопольшей и Мазовецкой долинами, собрало сюда наиболѣе густое населеніе, и здѣсь завязалась политическая связь между сѣверо-польскими племенами. Въ Малополюшѣ вислицкій князь, упоминаемый въ 9 вѣкѣ, господствуетъ опять-таки въ такихъ мѣстахъ, гдѣ соли больше всего: съ одной стороны средняго теченія Вислицы Солецъ, съ другой—подкарпатскіе солончаки. Соль имѣла значеніе монеты: въ обычномъ польскомъ правѣ наименьшая вина до сихъ поръ называется *триста*. Желѣзо встрѣчалось довольно часто на болотахъ и легко плавилось въ самой примитивной печи; горшечныя издѣлія еще въ христіанское время приготовлялись зачастую безъ гончарнаго круга. Однимъ словомъ, бытъ доисторической Польши былъ еще самый примитивный, хотя земля была велика и обильна. Первый польскій лѣтописецъ (12 в.) Мартинъ Галль описываетъ ее такъ: „*patria, ubi aer salubris, ager fertilis, silva melliflua, aqua piscosa, milites bellicosi, rustici laboriosi, equi durabiles, boves arabiles, vaccae lactosae, aves lanosae*“. Какъ же сложился юридическій бытъ ея жителей?

По общему и согласному утвержденію ученыхъ, начиная съ Лелевеля и кончая Пекосинскимъ и Бобжинскимъ, польскіе славяне, заселя новыя земли между Вислой и Одеромъ, не знали несвободныхъ отношеній между крестьянами и высшими классами, шляхтой или рыцарствомъ. Полное равенство составляло основную черту ихъ юридическаго быта, регулировавшагося только родовыми связями и подчиненіемъ младшаго въ родѣ старшему. Между тѣмъ въ 12 вѣкѣ, когда начинается туземная польская историографія, мы застаемъ уже начатки крѣпостнаго права съ припискою къ землѣ или съ личной зависимостью отъ опредѣленнаго лица. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводится къ тому: слѣдуетъ-ли видѣть въ польскомъ крѣпостномъ правѣ продуктъ правильнаго историческаго развитія, или же его надо объяснять какими-нибудь потрясеніями внѣшняго характера, испытанными польскими крестьянами со стороны «наѣздниковъ», норманновъ или полабскихъ славянъ, подвергшихся скандинавскому вліянію.

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о происхожденіи шляхты, который, начиная съ Лелевеля, разрѣшается польскими учеными двояко: одни (Репель, Смолка, Бобжинскій, Бальцеръ и др.) утверждаютъ, что шляхта развилась на мѣстной почвѣ; другіе (Лелевель, Мацѣйовскій, но особенно Шайноха и главный представитель этого ученія Пекосинскій ¹⁾) считаютъ ее результатомъ завоеванія, потомствомъ завоевателей. Мы должны разсмотрѣть, нѣтъ-ли въ бытѣ польскихъ крестьянъ остатковъ старыхъ юридическихъ формъ, и какой видъ имѣлъ онъ въ 12 вѣкѣ, когда однѣ формы находились въ состояніи вымиранія, а другія еще только нарождались. Такимъ путемъ можно выяснитъ, насколько естественно шелъ процессъ превращенія свободнаго населенія въ несвободное; а потомъ мы должны разсмотрѣть основанія, на которыхъ опирается т. наз. «теорія наѣзда».

Прежде всего какъ шла колонизація: родами или въ одиночку? Для разрѣшенія этого вопроса польская наука уже въ 1873 году

¹⁾ Исторія вопроса изложена у Пекосинскаго въ его книгѣ: *Rycerstwo polskie wieków srednich*. Kraków. 1896. т. I. стр. 1—59.

обратилась къ изслѣдованію названій деревень, сохранившихся въ древнихъ памятникахъ. Результатомъ такого изслѣдованія явилась извѣстная книга Ѡ. Войцѣховскаго: «Chrobасуа», работа, дающая очень цѣнные выводы. Разбирая нѣсколько древнѣйшихъ польскихъ привилегій, дарующихъ монастырямъ и метрополіямъ деревни, Войцѣховскій отмѣчаетъ акты первой половины 12 в., въ которыхъ деревни носятъ то же имя, что и владѣльцы ихъ, упомянутые на первомъ мѣстѣ: это (въ актѣ 1105) *vnochovici villa: Unoch, Graza, Carbela, Zbor; Chrothovic villa: Croth, Varga, Zuloth, Mlodos, Visetrop*; въ актѣ 1155: *grogesseuici cum hominibus quorum hec sunt nomina: Groges, Paulus, Dobrenta* и т. д. Наконецъ въ чрезвычайно любопытномъ документѣ половины 13 в.: «Liber fundationis claustrі S. Marie Virginis de Henrichow» упоминается о богатомъ крестьянинѣ, жившемъ in diebus antiquis и прывывавшемся Колачомъ (Colacs). Этотъ Колачъ, разсказывается въ исторіи монастыря, *dominabatur tunc temporis per multa nemora in circuitu et silvas. Unde illud territorium ex antiquo vocabatur Colacsove*. Такимъ образомъ основателемъ рода былъ Колачъ, но деревни, основанныя его потомками, носили въ половинѣ 13 в. уже новыя, опять-таки родовыя названія: *Withostovici cum suo circuitu, Ras-cizhici, Jaurouizi*. Рядомъ съ этими именами на—ice, которыя, по мнѣнію ученыхъ всѣхъ партій, указываютъ на родовое поселеніе, мы встрѣчаемъ многочисленныя названія на—yn, ow, образованныя отъ имени индивидуальнаго владѣльца. Они идутъ съ конца 10 в.: такъ, въ документѣ 1136 года упоминается *zambatino, que fuit villa D. Ungeri episcopi*; послѣднія слова, относящіяся къ Унгеру, бывшему епископомъ Познанскимъ отъ 982 до 1012 г., указываютъ на древнее происхожденіе деревни и ея имени. Оказывается, что владѣльцами этихъ деревень были по большей части, шляхтичи (comites), и въ доказательство этого можно привести не мало мѣстъ въ родѣ: *ex dono comitis slavonis slavno* (1155 г.), *comes Wlost contulit villam suo nomine vocitatam wlostowo* (1155), *comes Bogdan wilam de nomine suo dictam* (1202) и т. д. Такой разборъ именъ привелъ Войцѣховскаго къ слѣдующему выводу (стр. 236): «первоначально вся Польша была лѣсомъ, и нива, гдѣ бы она ни была, не была нигдѣ даромъ природы: повсюду она явилась результатомъ тяжелаго народнаго труда. Поэтому, всѣ шляхетскія деревни имѣли у насъ свое начало въ княжескомъ дарѣ, и такъ было, какъ передъ 1000 г., такъ и послѣ него. Но когда князь хотѣлъ одарить шляхтича землею, онъ не могъ дать ее въ лѣсу, но долженъ былъ дать кусокъ годной земли; отведеніе лѣсного участка было въ то время не подаркомъ и не наградой, а только заданіемъ работы; лѣса и пуши князья раздавали только крестьянамъ, чтобы они, выкорчовывая ихъ, обрабатывали землю; но шляхтичъ, когда его награждали, долженъ былъ получить почву удобную, т. е. такой участокъ земли, который могъ бы приносить ему дѣйствительную выгоду и доходъ. А такую землю князь могъ найти во всей своей странѣ только въ крестьянскихъ поселеніяхъ... И здѣсь онъ давалъ шляхтичу цѣлое поселеніе или часть его, откуда и возникли всѣ шляхетскія деревни, какія только были въ Польшѣ». Но подарокъ князя ограничивался однимъ отведеніемъ земли; людей онъ не давалъ шляхтичу, и потому его помѣстье состояло только изъ его семьи и личной дворни, челяди. Разсмотрѣвъ названія шляхетскихъ имѣній, Войцѣховскій утверждаетъ (стр. 245), что до половины 13 в. ни одинъ шляхтичъ не владѣлъ землей, имѣвшей патронимическое названіе, другими словами, не владѣлъ крестьянскимъ поселеніемъ, которое принадлежало только князю. По мнѣнію проф. Пекосин-

скаго этотъ выводъ чрезвычайно важенъ, какъ подтвержденіе его теоріи объ иностранномъ происхожденіи польской шляхты. Но нѣтъ-ли утрировки въ такомъ выводѣ? Не надо-ли еще доказать, что въ 12 и 13 вѣкахъ названія поселеній получили такую прочность, что подъ какимъ-нибудь позднѣйшимъ Сциборовомъ не кроется болѣе древнее Лоховичи? О. Бальцеръ, подвергшій чрезвычайно дѣльной критикѣ послѣднюю работу проф. Пекосинскаго по крестьянскому вопросу въ древней Польшѣ, думаетъ именно такъ ¹⁾. Перемѣны названій мѣстностей констатируются сплошь и рядомъ: деревня Домиславицы получаетъ новой имя Лукашовицы, деревня Бурково, попавъ въ руки гнѣзненскаго кастеляна Шимона, превращается въ Шимоново; зачастую мѣняется и самый типъ названія: Брѣзница оказывается Андреевымъ, Лука—Бартломеевымъ, а потомъ Краснопольемъ, Вроцижиръ — Судовицами. Если мы взглянемъ на статистику мѣстныхъ именъ, то увидимъ, что на 8000 непатронимическихъ названій приходится всего 3000 патронимическихъ; но первыя слѣдуетъ раздѣлить на три группы: на имена христіанскаго происхожденія (Шимоново, Климунтово, Щепаново), которыя не могли возникнуть раньше конца 10 вѣка; названія отъ рыцарскихъ именъ, точно также, непременно, позднѣйшаго происхожденія (Sciborów, Prędociń, Zawiszyn); наконецъ, имена нерыцарскія (Daleschów, Miechów), которыхъ меньше, чѣмъ названій первыхъ двухъ группъ. Отсюда г. Бальцеръ дѣлаетъ правильный выводъ, что численный перевѣсъ владѣльческихъ именъ въ реестрахъ 12—13 в. не даетъ основанія для какихъ-либо утвержденій о способѣ первобытнаго заселенія края; весьма возможно, что именно эти 3000 патронимическихъ деревень и являются остаткомъ родового заселенія страны. Наконецъ, Бальцеръ не соглашается и съ утвержденіемъ Войцеховскаго (и Пекосинскаго), что шляхта до половины 13 в. не владѣла патронимическими деревнями. Самъ авторъ „Хробраціи“ долженъ былъ сознаться, что уже въ древнѣйшихъ силезскихъ документахъ 12 в. упоминаются среди владѣній рыцарства названія на *ice*. Но суть не въ этомъ: важнѣе тотъ фактъ, что монастыри преспокойно владѣютъ помѣстьями съ патронимическими названіями, да и странно ограничивать власть князей, предполагая, что еще въ 13 в. они могли раздавать только пустую землю. Дѣло объясняется просто: князь былъ владѣльцемъ такого множества деревень, что не было никакой возможности всѣ ихъ называть по ихъ имени, и деревня получала названіе отъ рода, заселяющаго ее (*ice*); но когда ею владѣлъ помѣщикъ, то онъ легко могъ назвать собственность по своему имени.

Такимъ образомъ имена на—*ice* указываютъ на родовое заселеніе Польши. За то же говорятъ и многочисленныя названія характера фамильныхъ прозвищъ (вродѣ Kowali, Waliwnory, Złomirogi и т. д.) или имена, указывающія на мѣстность поселенія (Potok, Dąmbrawa, Niwa и т. п.). Все это заставляетъ думать, что при передвиженіи польскаго племени родъ селился вмѣстѣ. Изъ рода образовалась община съ общимъ землевладѣніемъ, слѣды чего долго сохранялись въ польскомъ правѣ. Указаніе на этотъ фактъ представляетъ опять-таки заслугу Бальцера и является результатомъ его знакомства съ другими славянами. Прежніе историки (Бобжинскій въ статьѣ: Geneza społeczeństwa polskiego на

¹⁾ Статья О. Balzer'a помѣщена въ журн.: Kwartalnik historyczny. т. XII (1898), стр. 20—63; работа Ф. Пекосинскаго носитъ названіе: Ludność wiesniacza w Polsce w dobie Piastowskiej. Krakow. 1897.

podstawie kroniki Galla i dyplomatów XII go wieku. 1881, Смолка въ „Mieszko stary i jego wiek“ и др.) ничего не говорятъ объ общинномъ землевладѣнiи въ Польшѣ. Пекосинскiй въ своей послѣдней работѣ рѣшительно отрицаетъ его, исходя изъ своей теории объ одиночномъ заселенiи польской территории. Иначе смотритъ Бальцеръ. Въ среднiе вѣка въ Польшѣ существовалъ законъ, по которому родственники (изъ одного рода) имѣли право выкупать изъ чужихъ рукъ родовыя имѣнiя за ту цѣну, за которую они были проданы; въ то же время для продажи имѣнiй требовалось разрѣшенiе тѣхъ же родственниковъ. Далѣе, родственники имѣли право мстить за убiйство одного изъ своихъ, требуя уплаты денежной виры цѣлому роду. Этотъ обычай получаетъ объясненiе только въ томъ случаѣ, если каждый изъ сородичей былъ участникомъ въ общей, родовой работѣ, такъ какъ никакiе стимулы нравственнаго характера не могутъ быть допустимы въ эту отдаленную эпоху сравнительно первобытнаго житiя. Такимъ образомъ слѣдуетъ допустить, что первобытной формой землевладѣнiя въ Польшѣ была родовая община. Иной, не родовой характеръ имѣла другая древняя институцiя, т. наз. *Ополе*. Какъ показываетъ самое названiе (*о-поле*), это была территориальная единица. По документамъ 12—13 вв. можно составить довольно ясное представлениe объ этомъ учрежденiи. Если въ области какого-нибудь ополя совершалось убiйство, то ополе должно было указать на родъ совершившiй преступленiе, родъ же на самого виновника его; если убiйца найденъ не былъ, то виру платило ополе. Оно же должно было вознаградить потерпѣвшаго отъ кражи, если отказывалось помочь ему найти вора. На ополѣ лежала обязанность спѣшить на помощь тому, на кого напали разбойники; иначе оно опять-таки несло денежное наказанiе. Ополе имѣло общiя обязанности по отношенiю къ государству, общими силами платило подати, совмѣстно исполняло нѣкоторые религиозные обряды. Однимъ словомъ, институтъ ополя имѣлъ много общаго съ греческими фратрiями и римскими курiями. Размѣры ополя зависѣли отъ многихъ обстоятельствъ. Здѣсь играли роль и топографическое положенiе и условiя сообщенiя и расселенiя. Впослѣдствiи ополя принимаютъ очень большiе размѣры. Одно изъ нихъ, хойницкое, лежавшее въ сѣверной части Познани, вмѣщало въ себѣ 41 деревню. У нѣсколькихъ сосѣднихъ ополiй былъ общiй городъ, имѣвшiй для нихъ значенiе рынка и крѣпости въ случаѣ враждебнаго нападенiя. Здѣсь же находились судебныя учрежденiя и складочныя магазины ополя.

Какого происхожденiя ополе? По мнѣнiю Пекосинскаго, каждая первоначальная осѣдность въ Польшѣ была результатомъ одиночнаго поселенiя, совершеннаго однимъ только отцомъ семейства; однако, масса всѣхъ отцовъ, принадлежавшихъ къ каждому роду, не расселилась безпорядочно по всему краю, но продолжала держаться другъ подлѣ друга и образовала ополе. Однако, *ополе* не пользовалось тѣми правами, какiя имѣлъ родъ (право выкупа имѣнiй и право на полученiе виры). Бальцеръ доказываетъ, что само оно не было родовой единицей, а только составилось изъ объединенiя сосѣднихъ родовъ, и это объединенiе явилось уже на общеславянской почвѣ. Полную аналогiю *ополю* представляетъ южно-славянское *братство*. Изъ нѣсколькихъ братствъ или ополiй составлялось племя, первая политическая единица славянскаго народа.

Какъ думаетъ Бобжинскiй, польское общество въ 12 в. состояло изъ семи классовъ. Вотъ крестьянскiе классы: 1) невольники частныя и княжескiе, которые представляли продолженiе той неволи, которая является обычнымъ дѣломъ у народовъ, не достигшихъ еще государственнаго

строю; 2) церковные подданные, явление позднѣйшее; 3) княжескіе крестьяне, въ которыхъ Бобжинскій видитъ вѣрнѣйшій типъ народонаселенія, которое составляло племена и было свободнымъ, такъ какъ крестьяне 12 в. были отвѣтственны передъ общественнымъ судомъ, исполняли военную службу и зависѣли исключительно отъ княжеской власти. Они не владѣли земельной собственностью, но, работая на княжеской землѣ, платили ея владѣльцу, князю, тяжелыя дани. Весь остатокъ отъ этой подати составлялъ, вѣроятно, ихъ полное достояніе (*domunculum aratoris*), но кому принадлежалъ инвентарь, неизвѣстно по отсутствію данныхъ 12 в. Такъ какъ отношенія крестьянъ къ князю имѣли совершенно личный характеръ, то этотъ послѣдній защищалъ ихъ, судилъ *своимъ* судомъ (*quasi pater filium admonebat*). Въ документахъ эти свободные крестьяне носятъ разныя названія: *heredes, possessores, aratores* (весьма важный документъ 1153 г.: *Cum aratoribus, ita tamen, ut hir quae debent restituit aratores liberi recedant*) и др. Это никоимъ образомъ не *рабы* (*servi*), и документы дѣлаютъ явное различіе между ними: княжескіе рабы раздѣлялись на десятки, и селили ихъ, главнымъ образомъ, около городовъ для личныхъ услугъ князя; они происходили изъ военноплѣнныхъ, людей, купленныхъ или отданныхъ въ рабство за преступленіе. Но что особенно важно, княжескіе крестьяне были тѣсно связаны съ землей, и князь не имѣлъ права самовольно переселять ихъ изъ одного края въ другой, какъ дѣлалъ это со своими рабами, или отдавать ихъ частнымъ лицамъ. Даруя этимъ послѣднимъ землю безъ населенія, князь переселялъ невольниковъ на другіе участки, тогда какъ крестьянамъ давалъ волю уйти, куда они хотятъ.

Вторымъ классомъ населенія Бобжинскій признаетъ церковныхъ подданныхъ. Князь могъ дарить своихъ крестьянъ церквамъ, потому что смотрѣлъ на церковь, какъ на одну изъ вѣтвей государства. Такимъ образомъ бытъ церковныхъ крестьянъ мало чѣмъ отличался отъ быта княжескихъ; но онъ ухудшался, поскольку церковь теряла свое государственное значеніе. Наконецъ, четвертый классъ, свободные люди (*ludzie wolni*), образовался изъ крестьянъ, которыхъ князь освободилъ отъ своего подданства, и изъ чужеземцевъ, которые имѣли право владѣть и земельной собственностью. (*Villam Tinech emit comes Petrus a Iudaeis*).

Иначе смотреть на польское общество *St. Smolka*, признающій три класса общества въ 13 в.: землевладѣльцевъ, обязанныхъ военной службой; подданныхъ, связанныхъ съ землей въ имѣніяхъ княжескихъ, церковныхъ и рыцарскихъ; чиншниковъ, лично свободныхъ, работающихъ за арендную плату на чужой землѣ. Изъ этихъ трехъ классовъ послѣдній является несомнѣнно позднѣйшимъ явленіемъ, но первые два Смолка переноситъ въ первобытные времена, и подданныхъ, „*glebae adscripti*“, которые ни разу не упоминаются въ источникахъ 12 в., считаетъ первобытнымъ элементомъ польскаго общества. По его мнѣнію, значительная часть этого населенія сложилась изъ военноплѣнныхъ; „война всегда была главнымъ источникомъ этого богатства“. Другимъ источникомъ его была торговля людьми, хотя самъ же Смолка признаетъ, что Польша гораздо больше продавала рабовъ, нежели покупала: „ей не для чего было отдавать дорогія деньги на то, что приносило уже военное ремесло“. Въ иные годы обиліе плѣнныхъ бывало такъ велико въ Польшѣ, что съ ними прямо не знали, что и дѣлать. Могъ впрочемъ попасть въ неволю и свободный человекъ за преступленіе или долги. Наконецъ, иногда бѣднякъ, рискуя умереть съ голода, самъ

себя продавалъ въ неволю; и уже въ слѣдующемъ поколѣннн исчезла память объ его свободномъ происхожденнн. Вслѣдствнн всего этого крестьянское населеннн Польшн въ 13 в. было (за исключенннмъ немногихъ церковныхъ крестьянъ) несвободнымъ; тотъ же строй Смолка переноситъ въ доисторическнн времена; въ этомъ его крупная ошибка. Кромѣ того, онъ совсѣмъ проглядѣлъ тѣхъ *haeredes*, о которыхъ говорятъ дипломаты 12 в.

Иное объясненнн имѣ, нежели Бобжинскнн, даетъ Пекосинскнн. Признатъ *haeredes* за остатокъ свободнаго крестьянскаго населеннн въ Польшѣ, сохранившаго свою землю въ полную собственность, онъ не можетъ, потому что это предположеннн противорѣчитъ его „гипотезѣ завоеваннн“. Пропуская документальныя извѣстнн о томъ, что панъ, высекая крестьянъ съ земли, платилъ имъ за убытки, Пекосинскнн беретъ за такнн документы, гдѣ говорится о самовольномъ панскомъ выселеннн крестьянъ съ земли, и утверждаетъ, что *haeredes* не были владѣльцами земли, на которой сидѣли, и что плата за убытки объясняется этическими воззрѣннми пана. Но такъ какъ этика играла, вѣроятно, самую послѣднюю роль въ развитнн экономическихъ отношеннн, то представляется наиболѣе достовѣрнымъ предположеннн Бальцера, что первая группа памятниковъ выражаетъ эпоху вымирающаго прошлаго, вторая—нарождающагося новаго.

Такимъ образомъ для исторнн постепеннаго обращеннн свободнаго польскаго населеннн въ крѣпостное не требуется никакой гипотезы о чужеземномъ вмѣшательствѣ, нашествнн и покореннн.

XII.

С а м о.

Литература. *Palacky* I, 94—99 (3 изд. 1876 г.). *Bachmann* I, 85—89 (здесь указана и мелкая литература, мнѣ недоступная и, какъ видно изъ изложенія Бахмана, неважная). *Huber*. I, 59—60. *Krek*, 321—322. *Marjan*, 37—38. *Kämmel*. Die Anfänge, 186. *Oelsner*. Samo (Allgemeine Deutsche Biographie т. 30). *I. Goll*. Samo und die karantanischen Slaven (Mittheilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung т. XI за 1890 г.). *I. Haupt*. Untersuchungen zur deutschen Sage I (1866), стр. 95—103. *A. v. Guttschmid*. Kleine Schriften т. V 1894, стр. 491—493. *Кентшинскій*. О славянахъ, стр. 119—124.

Источники. Хроника Фредегара (Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Merovingicarum т. II). De conversione Bagoariorum et Carantanorum libellus (составлено въ 878 году, изданіе *Pertz*. Monumenta Germaniae historica т. XIII). Критическая оцѣнка источниковъ *Wattenbach*. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts т. I (5 изд. 1885), стр. 100—103 и стр. 273. *Ebert*. I, 606—608. *Bruno Krusch*. Предисловіе къ изданію Фредегара. Книга *O. Абеля*. Die Chronik Fredegars und die Frankenkönige. Leipzig. 1888 была мнѣ, къ сожалѣнію, недоступна. *Bruno Krusch*. Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. VII томъ (1882).

Въ началѣ 7 вѣка, когда славяне уже болѣе или менѣе прочно водворились въ занятыхъ ими областяхъ, у нихъ замѣчается любопытное явленіе, пробужденіе національнаго сознанія у единоплеменныхъ славянъ и ихъ совмѣстная борьба противъ общихъ враговъ,

аваровъ и франковъ. Нѣкто Само, франкскій купецъ, какъ его называетъ современникъ, сумѣлъ объединить славянъ и стать во главѣ ихъ племенного союза, преслѣдовавшаго оборонительныя и наступательныя цѣли. Конечно, въ восторженныхъ строкахъ, которыя ему посвящаетъ Шафарикъ, слышится прежде всего патриотическое чувство чловѣка, находящаго въ своей исторіи, омраченной темными преданіями о нѣмецкихъ насиліяхъ, свѣтлый періодъ побѣдоносной борьбы съ германцами, но все же личность Само, дѣйствительно, окружена легендарнымъ нимбомъ и представляетъ чрезвычайно любопытное явленіе. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о ней крайне скудны. Единственнымъ, болѣе или менѣе достовѣрнымъ источникомъ является хроника схоластика Фредегара или, точнѣе говоря, лѣтописный сводъ, въ составленіи котораго участвовали, по крайней мѣрѣ, три автора. Первый изъ нихъ, которому принадлежатъ двѣ первыя компилятивныя книги исторіи и четвертая самостоятельная до 39 главы, закончилъ свой трудъ въ 613 году; слѣдующій, продолжатель перваго лѣтописца, вставилъ за двумя первыми книгами, представлявшими извлеченіе изъ сочиненій Иеронима, Идація и др., списокъ 6 первыхъ книгъ исторіи Григорія Турскаго и самостоятельно довелъ работу своего предшественника до 643 года; онъ же снабдилъ и предъидущее изложеніе кое-какими вставками и дополненіями. Наконецъ, около 658 года за трудъ взялся третій лѣтописецъ, который проредактировалъ весь сводъ, добавилъ кое-что относящееся къ австрійской, вестготской и византійской исторіи и написалъ конецъ. Ему же, по мнѣнію Ваттенбаха, принадлежитъ и все касающееся Само. Бр. Крушъ судить въ этомъ случаѣ осторожнѣе. «Я до сихъ поръ не знаю», говоритъ онъ: «кому приписать 48 главу, въ которой сообщается, что Само, царь винидовъ, царствовалъ до 658 года. Вѣроятнѣе всего, указаніе на его 35-лѣтнее царствованіе получено путемъ комбинаціи, и авторъ 48 главы не дожилъ до 658 года», т. е. извѣстіе о немъ принадлежитъ не одному, а двумъ лѣтописцамъ. Приведу все, что въ хроникѣ Фредегара сообщается о Самѣ.

IV. 48. Въ 40-ой годъ царствованія Лотаря (т. е. 623—624 г.) одинъ чловѣкъ по имени Само, родомъ франкъ изъ округа Сенонага (natione Francos de pago Senonago) собралъ около себя значительное число торговцевъ и отправился съ ними къ славянамъ, иначе винидамъ (in Sclavos coinomento Winedus) ради торговыхъ цѣлей. Славяне уже начали возставать противъ аваръ, иначе хунновъ (contra avaris coinomento chunnis), и ихъ царя кагана (gagano). Виниды были пастухами (*befulci*¹), итал. *bifolco*) хуннамъ уже издревле, такъ что, когда хунны шли ратью противъ какого-нибудь народа, хунны ставили передъ лагерьмъ ихъ (illogum) соединенное войско, а виниды сражались: если они одерживали верхъ, чтобы побѣдить, тогда гунны подходили, чтобы забрать добычу; но если виниды начинали подаваться, то, встрѣтивъ подмогу со стороны хунновъ, они снова набирались силъ. Итакъ, хунны называли ихъ пастухами, потому что они шли передъ хуннами, удваивая въ схваткѣ знамена (темное мѣсто: *dublicem in congressione certamine vestila priliae facientes*). Каждый годъ хунны приходили къ славянамъ (in esclavos) на зимовку (*hiemandum*, вар.: *aemandum*), брали

¹ Это средневѣковое слово возникло изъ латинскаго *bubulcus*. О слогѣ Фредегара мы еще поговоримъ ниже, здѣсь же я замѣчу только, что переводъ его вообще представляеть значительныя трудности; чтобы сохранить тонъ Фредегара, я переводилъ дословно.

въ наложницы (*strato sumebant*) женъ славянъ (*slavogum*) и дочерей ихъ. Сыновья хунновъ, которыхъ родили отъ женъ винидовъ (*winodogum*) и дочерей, будучи наконецъ не въ состояннн терпѣть оскорбленія (*maliciam ferre et oppressione*) и притѣсненія, отказавшись отъ господства хунновъ, какъ уже выше упомянулъ, начали бунтовать. Когда виниды пошли ратью на хунновъ, Само купецъ (*pegucians*), о которомъ упомянулъ выше, отправился въ походъ вмѣстѣ съ ними; и тамъ въ дѣлѣ съ хуннами онъ такъ пригодился, что было удивительно, и огромное множество ихъ было изрублено мечемъ винидовъ. Виниды, видя пригодность Само, выбираютъ его надъ собой царемъ, гдѣ 35 лѣтъ онъ и процарствовалъ счастливо. Въ его царствованіе виниды много разъ сражаются съ хуннами; благодаря его мудрости и находчивости (*suo consilio et utilitate*) виниды одерживаютъ верхъ надъ хуннами. Само имѣлъ 12 женъ изъ рода винидовъ, отъ которыхъ у него 22 сына и 15 дочерей».

Въ этой главѣ очень много сомнительнаго и спорнаго. Бр. Крушъ (*Neues Archiv*, т. VII, стр. 433—435), который въ настоящее время признается лучшимъ знатокомъ Фредегара, утверждаетъ, что ея стиль представляетъ нѣчто совершенно особенное даже у этого историка, который вообще знаменуетъ крайній упадокъ латинскаго образованія въ Европѣ. Эта же глава состоитъ сплошь изъ какихъ-то несвязныхъ предположеній и коротенькихъ фразъ, при чемъ въ каждой изъ нихъ повторяются слова: *Winidi* и *Hunni*, иногда даже по нѣскольку разъ. Слогъ этого отрывка настолько своеобразно дуренъ, что Крушъ готовъ предположить, не былъ ли передъ глазами Фредегара готовый рассказъ, который онъ случайно помѣстилъ подъ 40 годомъ царствованія Лотаря. Иначе, какъ этой случайностью, трудно объяснить нагроможденіе извѣстій подъ однимъ годомъ: кромѣ довольно длиннаго повѣствованія объ аварско-славянскихъ отношеніяхъ, мы находимъ здѣсь сообщеніе о приходѣ Само къ славянамъ съ торговой цѣлью, и объ избраннн его въ цари, и объ его дальнѣйшихъ побѣдахъ надъ аварами, и наконецъ, отчетъ обо *всехъ* его царствованн. Что же понудило хрониста, спрашиваетъ Бр. Крушъ, отнести рассказъ о Само именно къ 623 году: его путешествіе ли, или война съ аварами, или его воцареніе, или наконецъ другія войны его? Повидимому, и самъ онъ не зналъ объ этомъ. Насколько же хронологическимъ показаніямъ Фредегара можно довѣрять, видно изъ слѣдующей же главы: «въ тотъ же 40 годъ царствованія Лотаря Адлоальдъ, царь лангобардовъ, сынъ царя Аго, унаслѣдовавъ престолъ отъ своего отца, благосклонно принялъ отъ императора Маврикія имя Евсевій, которое удивительно подошло къ нему“. Между тѣмъ, Маврикій умеръ уже въ 602 году, а Адлоальдъ вступилъ на престолъ въ 616-мъ. Поэтому, заключаетъ свой разборъ Крушъ: „мнѣ представляется советомъ неосновательнымъ отсчитывать 35 лѣтъ царствованія Само, дѣйствительно, отъ 623 года“.

Ниже мы рассмотримъ вопросъ о національности Само и мѣстѣ его родины, а теперь перейдемъ къ другимъ извѣстіямъ о немъ. Въ 59-й главѣ мы находимъ указаніе на то, какъ страшны для сосѣднихъ племенъ были авары и славяне. Они два раза названы здѣсь вмѣстѣ; не есть-ли это намекъ на то, что авары все еще давили славянъ, какъ будто Само и не было. Дагобертъ сдѣлался такъ страшенъ, рассказывается здѣсь, «что и народы; сидящіе окрестъ границы аваръ и славянъ, немедленно обратились къ нему съ просьбой пройти черезъ нихъ, и обѣщали, что его власти подчинятъ и аварь, и славянъ, и другія

земли до Римской имперіи» ¹⁾). Далѣе о славянахъ идетъ рѣчь въ 68 главѣ, дѣйствіе которой относится къ 631—632 годамъ.

IV. 60. «Въ этотъ годъ славяне, иначе виниды (Sclavi coimento Winidi), въ царствѣ Само перебили множество франкскихъ купцовъ и ограбили ихъ; это послужило источникомъ распри между Дагобертомъ и Само, царемъ склавиновъ (Sclavinorum). Дагобертъ отправилъ къ Само посла Сихарія, прося, чтобы онъ по справедливости вознаградилъ торговцевъ, которыхъ его люди убили или незаконнымъ образомъ лишили имущества (ut negociantes quos sui interfecerant aut res inlecece usoraverant, cum iusticia faceret emendare). Само, не желая видѣть Сихарія, не допускалъ его до себя, но Сихарій, надѣвъ одежду по образцу склавиновъ, предсталъ вмѣстѣ со своими передъ очи Само и возвѣстилъ ему все, что ему было поручено, но, по обычаю язычества и надменности злыхъ (ut habit gentiletas et superbia pravorum), Само не поправилъ ничего изъ того, что надѣлали его люди: онъ соглашался только заключить договоръ, по которому взаимно оказывалось правосудіе по такимъ или инымъ преступленіямъ, совершеннымъ одною изъ сторонъ ²⁾). Сихарій, какъ глупый посолъ, честитъ Само непристойными словами, которыхъ ему нието не поручалъ, и начинаетъ угрожать ему, говоря, что Само и народъ царства его должны-де служить Дагоберту. Само, отвѣчая и уже вознегодовавъ, сказалъ: «и земля, которую держимъ, принадлежитъ Дагоберту, и мы принадлежимъ ему, если только онъ заблагоразсудитъ сохранять съ нами дружескія отношенія». Сихарій возразилъ: „не можетъ этого быть, чтобы христіане и слуги Божьи дружили съ собаками“. Само на это отвѣтилъ: „если вы Богу слуги, а мы для Бога собаки (Dei canes), вы же постоянно дѣлаете противное Ему (dum vos adsiduae contra ipsum agetis), мы считаемъ дозволеннымъ грызть васъ зубами“. Сихарія прогнали прочь отъ лица Само. Когда онъ возвѣстилъ объ этомъ Дагоберту, Дагобертъ немедленно приказываетъ со всего царства Австразіи двинуть войско на Само и внидовъ; когда войско отправилось на венодовъ тремя колоннами (trebus turmis falange), то и лангобарды съ разрѣшенія Дагоберта устремились врагами на славянъ. Славяне здѣсь и въ другихъ мѣстахъ приготовились къ отпору; (но) войско аламанновъ съ вождемъ Хродобертомъ во главѣ одержало побѣду надъ той частью, на которую напало. Лангобарды также одержали побѣду, и аламанны и лангобарды увели огромнѣйшее число плѣнныхъ изъ славянъ. Но австрійцы, осадивши крѣпость Wogastisburc, гдѣ засѣли главныя силы венодовъ, послѣ трехдневнаго сраженія большая часть войска Дагоберта пала отъ меча и вернулась восвояси, спасшись бѣгствомъ, причемъ покинула свои палатки и имущество. Послѣ этого много разъ виниды вторгаются въ Тюрингію и другія области для разграбленія царства франковъ; такъ и князь Дерванъ изъ племени сорбовъ (Dervanus dux gente Surbiogum), которые изъ рода склавиновъ и уже давно (olem) принадлежали къ царству франковъ, перешелъ вмѣстѣ со своими къ царству Само. И эту побѣду, которую виниды одержали надъ франками, до-

¹⁾ Въ виду трудности этого мѣста приведу его въ подлинникѣ: gente, que circa limite Avarorum et Sclavorum consistent, ei prumptae expetirint, ut ille post tergum eorum iret feliciter, et Avaros et Sclavos citerasque gentium nationes usque manum publicam suae dicione subiciendum fiducialiter spondebant. Подчеркнутыя слова издатель понимаетъ такъ: usque ad regiones, quae erant de imperio Romano.

²⁾ Nisi tantum placeta vellens instetnere, de hys et alies intencionibus, que inter partes orte fuerant, iusticia redderetur in invicem.

была не столько храбрость склавиновъ, сколько безуміе австрійцевъ, такъ какъ они полагали, что враждуютъ съ Дагобертомъ и постоянно обираются имъ“.

IV. 74. „На десятый годъ царствованія Дагоберта (632—633). когда ему было донесено, что войско винитовъ (Winitogum) вступило въ Тюрингію, онъ двинулся съ ратью въ походъ изъ царства Австразіи отъ города Метта и, переправившись черезъ Ардинну (Ardinna), подступилъ съ войскомъ къ Маганціи (Майнцу), предполагая перейти Рейнъ и имѣя съ собою отрядъ изъ избранныхъ мужей изъ Нейстера и Бургундіи съ князьями и графами (cum ducibus et grafionibus). Саксонцы отправляютъ пословъ къ Дагоберту, прося, чтобы онъ имъ простилъ подать, которую они вносили въ казну (fisci dicionebus), сами же они обѣщали всѣми силами противиться винидамъ и охранять со своей стороны границу франковъ; на что Дагобертъ, по совѣту нейстрійцевъ, и согласился“.

IV 75. „Въ одиннадцатый годъ царствованія Дагоберта (633—634), такъ какъ виниды, по приказанію Само, страшно свирѣпствовали и, зачастую, перейдя границу, вступали въ Тюрингію и другія области для разграбленія франкского царства, Дагобертъ... поставилъ сына своего Сигиберта царемъ въ Аустрѣ и позволилъ ему имѣть резиденцію въ Меттѣ“. „Затѣмъ австрійцы, стараніями ихъ (нѣсколькихъ вождей), учатся съ пользой защищать границу и царство франковъ отъ венодовъ“.

IV. 77. „Князь Радульфъ, сынъ Хамара, котораго Дагобертъ поставилъ княземъ въ Тюрингіи, много разъ сражался съ войскомъ венодовъ, побуждалъ ихъ и обращалъ въ бѣгство“.

IV. 87. Здѣсь разсказывается о заговорѣ этого Радульфа. Онъ „считалъ себя царемъ въ Тюрингіи; поддерживая дружбу съ винидами и другими сосѣдними народами, онъ чтилъ завѣты дружбы“.

Вотъ все, что Фредегаръ говоритъ о славянахъ и Само. Вглядываясь въ эти мѣста, мы находимъ нѣсколько совпаденій. Таковы:

IV. 48. in Sclavos coinomento Winedus.

IV. 68. Sclavi coinomento Winidi или

IV. 68. Winidi in Toringia et relequos vastandum pagus in Francorum regnum inruunt.

IV. 75. Winidi... regnum Francorum vastandum Toringia et relequos pagus ingrederint.

Эти повторенія однихъ и тѣхъ же выраженій, встрѣчающихся въ 68 главѣ, указываютъ на центральное положеніе этой послѣдней, и только въ ней мы находимъ связанный разсказъ о Само. Какъ ихъ объяснить? Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ, что передъ глазами хрониста былъ отдѣльный разсказъ о Само и его царствѣ. Вслѣдствіе неумѣлаго пользованія этимъ источникомъ, онъ одно и то же выраженіе его помѣщалъ въ разныхъ мѣстахъ, дополняя свой разсказъ личными свѣдѣніями. Такъ, дойдя въ 68 главѣ до приведеннаго выше выраженія, онъ переходитъ къ князю Дервану, а главу 75-ую начинаетъ опять съ него. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ той же 68 главѣ славяне нѣсколько разъ называются *Sclavini*, тогда какъ въ остальномъ текстѣ Фредегара это имя замѣняется черезъ *Vinidi*, *Slavi*, *Venedi* и т. п.

Кромѣ Фредегара, о Само вскользь упоминаетъ памятникъ конца 9 вѣка (873 г.), которому славянскіе историки склонны придавать рѣшающее значеніе въ вопросѣ о національности Само, именно исторія „Обращенія баварцевъ и хорутанъ“. Въ этомъ небольшомъ и сжа-

томъ разсказѣ, которому Ваттенбахъ приписываетъ очень большую степень достовѣрности, о Само мы находимъ слѣдующій разсказъ (гл. 4): „Во времена славнаго короля франковъ, Дагоберта, нѣкто по имени Само, славянинъ, жившій среди хорутанъ (in carantanis), сдѣлался вождемъ этого народа. Онъ велѣлъ убить прибывшихъ купцовъ короля Дагоберта и отобрать у нихъ царскія деньги. Король Дагобертъ узнавъ объ этомъ, послалъ свое войско и приказалъ возмѣстить убытокъ, нанесенный ему Само. Посланные его такъ и сдѣлали и покорили ихъ королевской волѣ“.

Вотъ все, что мы знаемъ о Само. Какъ ни скудны эти данныя, несомнѣнно, передъ нами личность историческая, а не мифическое существо, не богъ семноновъ, въ котораго его обратилъ Гауптъ съ помощью отождествленія имени, не имѣющихъ, повидимому, ничего общаго между собой (Simrich, Simon, Semri, Simeli и т. д.). Откуда же онъ происходилъ? Pagus Senonagus ¹⁾, на который указываетъ Фредегаръ, отыскиваютъ въ разныхъ мѣстахъ: Бахманъ и др. находятъ его, слѣдуя авторитету французскаго ученаго Диго, въ Бельгии въ Hennegau въ деревнѣ Soignies, которая въ средніе вѣка называлась Soniacus; Крушъ, который въ 1882 году склонился также въ пользу этого взгляда, въ изданіи хроники Фредегара предпочитаетъ отождествлять pagus Senonagus съ Sens во Франціи на р. Юнѣ. Ближе къ истинѣ, какъ мнѣ кажется, Марьянъ, который нашелъ pagus Senonicus, гдѣ еще въ 877 году находилась деревня, названная по своимъ обитателямъ сарматамъ (славянамъ?) *Sarmasia* (въ департаментѣ Ionne). ²⁾ Такимъ образомъ, Само, дѣйствительно, можно было назвать франкомъ, хотя онъ былъ славяниномъ. А что это было такъ, подтверждается уже тѣмъ, что онъ такъ яро отстаивалъ какъ разъ противъ франковъ права славянъ, что онъ хранилъ славянскій обычай жизни (эпизодъ съ одеждой Сихарія); наконецъ, что онъ былъ язычникомъ, тогда какъ франки такъ гордились своимъ православіемъ. Да и имя *Само* чисто славянское, встрѣчающееся въ мѣстныхъ названіяхъ. Напомню хотя бы *Samow* (такъ уже въ 1610 г.) въ Мекленбургѣ. Палацкій, предполагая, что Само происходилъ изъ рода славянскихъ велетовъ въ Нидерландлахъ, и что онъ, не желая подчиниться германскому игу, грозившему его соплеменникамъ, ушелъ къ полабянамъ, а потомъ къ чехамъ, высказывалъ гипотезу, несомнѣнно, остроумную, но не доказуемую ³⁾.

Принято думать, что зерномъ царства Само была Чехія. Этотъ взглядъ опирается, съ одной стороны, на тотъ фактъ, что Само нахо-

¹⁾ Гауптъ приводитъ (стр. 102) вариантъ *Senmonicus*; въ изданіи Бр. Круша, гдѣ варианты подведены, *Senonagus* стоитъ во всѣхъ рукописяхъ. Интересно было бы знать, откуда Гауптъ заимствовалъ это свѣдѣніе, которое, какъ увидимъ ниже, имѣетъ значеніе для локализациі этого мѣста.

²⁾ Что касается имени *Sarmasia*, *Sarmede*, *Sarmato* и др. (Marjan 18), которыя частью, если не всѣ, указываютъ на славянское населеніе, то я замѣчу, что и въ Мекленбургѣ мы находимъ аналогію этому. Вотъ два примѣра; *Samoter Krug* (1308 dorf Zarmoth, 1313 villa Zarmoth, 1322 villa Zermote 1326 dorff Sermote, 1333 Sarmote), *Sarmsorf* (1339 Sarmstorpe, 1342 Sarmestorp, 1343 Sarmstorpe, 1345 Sarmerstorpe, sarmestorpe). Брѣдь ли здѣсь можетъ быть рѣчь объ иранскихъ сарматахъ.

³⁾ Слова *Conversio* о славянствѣ Само имѣютъ значеніе, вѣроятно, только ученой комбинаціи. Въ приложеніи къ этому памятнику *Excerptum de Carantanis*, составленномъ въ XI вѣкѣ, и св. Мееодій названъ славяниномъ (*quidam Slavus ab Hystrie et Dalmatie partibus nomine Methodius*). Можетъ ли это служить доказательствомъ славянства Мееодія. Эти слова основаны на логической ошибкѣ.—Мееодій трудился для славянъ—значитъ, онъ славянинъ. То же можно сказать и о Само.

дился въ сношеніяхъ со славянами въ Тюрингіи, что къ нему примыкали сербы въ Саксоніи, а самъ онъ воевалъ съ аварами; съ другой же стороны, мѣстоположеніе города Вогастисбурга опять указываетъ на Чехію, если только онъ совпадаетъ съ Таусомъ (Tugost) на среднемъ Эгерѣ около Каадена. Но вѣдь можетъ быть, что это Voitsberg въ Каринтіи (въ Штиріи къ западу отъ Граца), гдѣ до сихъ поръ такъ много славянскихъ именъ (Kaemmel) 152—153). Повидимому, нѣтъ сомнѣнія, что власть Само простиралась и на Каринтію. Это нужно было бы предположить даже при молчаніи источниковъ (Goll. 445); но источникъ въ данномъ случаѣ есть. Conversio, которое, какъ это бросается въ глаза, пользовалось хроникой Фредегера, опиралось въ своихъ интересахъ къ Само на народныхъ преданіяхъ, можетъ быть, даже не особенно смутныхъ. Голль, который отрицаетъ это, приводитъ въ доказательство лживости Conversio, что въ немъ говорится о пораженіи Само, тогда какъ у Фредегара онъ вышелъ побѣдителемъ въ войнѣ съ Дагобертомъ. Но если у автора Conversio не было никакой причины говорить о пораженіи, что ему мѣшало выписывать изъ своего источника вполнѣ правильно? Мѣшали народныя преданія, которыя хорошо помнили о пораженіи славянъ: вѣдь въ 68-й главѣ очень ясно говорится о побѣдахъ аламанновъ и лангобардовъ надъ подданными Само. Къ тому же его царство, какъ единогласно утверждаютъ историки, распалось немедленно послѣ смерти основателя. Франки разворили его. Новое пораженіе, которое въ народной памяти слилось съ первымъ, крѣпко связалось съ именемъ Само.

Авары со своимъ каганомъ помогали славянамъ на р. Дравѣ еще въ концѣ 6 вѣка; такимъ образомъ и въ началѣ 7 вѣка они могли поддерживать враждебныя или дружескія отношенія со славянами, распространившимися въ бассейнахъ Дравы, Мура и Верхняго Дуная. Сербы жили не только въ Саксоніи, но и въ Тюрингіи, въ современномъ и древнемъ употребленіи этого географическаго названія. Поэтому, скепсисъ Кентшинскаго, возставшаго противъ обычнаго отождествленія царства Само съ Чехіей, мнѣ представляется вполнѣ законнымъ. Я не соглашусь съ нимъ только въ томъ, что тюрингенскіе славяне, непременно, должны были сосѣдить съ Само: изъ текста Фредегара это вовсе не слѣдуетъ. Само могъ быть въ союзѣ съ племенемъ сербовъ, какъ Россія съ Франціей, Англія съ Турціей и т. д., вовсе не по непосредственному сосѣдству. Однимъ словомъ, я думаю, что точно опредѣлить границы этого перваго славянскаго государства невозможно, но изъ изученія его мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что разноязычные славяне еще тогда сознавали свою славянскую взаимность. Царство Само пало, но память о немъ еще долго жила и у южныхъ, и у западныхъ славянъ. Въ древнѣйшихъ генеологическихъ преданіяхъ Чехіи и Польши Гутшмидъ находитъ ясныя слѣды народной памяти о великомъ основателѣ перваго славянскаго государства, Мудромъ (Примышлѣ) или Хитромъ (Лестко) Само.

Указатель авторовъ.

(Цифры около фамилии указываетъ на страницу, гдѣ въ первый разъ указано заглавіе его сочиненія).

- Агаеі 58.
Агриппа Випсаній 10. 12.
Амміанъ Марцеллинъ 33.
Анонимъ Равенскій 94.
Анучинъ, Д. Н. 37. 41.
Аполлинарій Сидоній 33.
Аполлоній Родосскій 6.
Аранца 84.
Аристовъ Н. 45.
Арнольдъ В. (arnold) 96.
Аѳанасій Великій 23.
- Бакмейстеръ (Backmeister) 86.
Балтрамайтысь С. 8.
Бальцеръ (Balzer).
Барсовъ 90.
Бахманъ (Bachmann) 51. 140.
Бендорфъ (Benndorf) 9.
Бертранъ (Bertrand) 96.
Беценбергеръ (Bezenberger) 7. 8.
96.
Биленштейнъ (Bilenstein) 8.
Бобжинскій (Bobrzyński).
Бобровскій 91.
Богуславскій В. (Boguslawski) 18.
Браунъ Ф. А. (Braun F.) 9. 20.
Бругманъ К. (Brugmann) 99.
Брунъ Ф. 20.
Брюкнеръ А. (Brückner A.) 60. 88. 99.
Будиловичъ А. 90.
Бутманъ (Buttmann) 122.
Бѣликовъ Д. 20.
- Васильевскій В. Г. 20. 41. 75. 82.
Васильевъ А. 76.
Вейзе О. (Weise) 105.
Вейскеръ (Weisker) 88.
Веселовскій А. Н. 11. 27. 60.
Веселовскій Н. И. 30.
Вестбергъ (Westberg) 18.
Вибій Секвестръ 132.
Видадь-де-ля-Бланшь (Uidal de la
Blanche) 16.
Виклундъ (Wicklund) 15.
Викторъ, еписк. Африканскій 58.
Винкельманъ Э. (Winkelmann) 8.
Вирховъ (Virchow) 83.
Висла, журн. (Wisla) 133.
Витерсгеймъ (Wietersheim) 114.
Войцеховскій (Wojcechowski) 87.
Вольскій Л. (Wolski) 91. 91.
Вольтеръ Э. А. 8.
Вондракъ (Wondrak) 86.
- Гаасъ (Haas) 123.
Ганушь І. (Hanusz) 12.
Гаркави 18.
Гауптъ (Haupt).
Гегбардъ (Gehbhardr) 106.
Гей (Hey) 123. 123. 123.
Гейно М. (Heyne) 42.
Гельцеръ (Gelzer) 49.
Геннингъ К. (Henning) 42.
Гердесъ (Gerdes) 115.
Геродотъ 5.

- Гертцбергъ (Hertzberg) 51.
 Гётцъ В. (Götz) 85.
 Гильфердингъ 79. 123.
 Гиртъ (Hirt) 30.
 Глогеръ З. (Gloger) 28.
 Голле (Holle) 123.
 Гольмъ (Goll) ?
 Гольцъ Г. (Holz) 16.
 Гопфъ (Hopf) 51.
 Горскій 50.
 Градль (Gradl) 123.
 Гринбергеръ (Grienberger) 18. 20. 28.
 Гротъ К. Я. 72.
 Груммъ-Гржимайло 32.
 Грушевскій 27.
 Губеръ (Huber) 119.
 Гунфальви (Hunfalvy) 39.
 Гутшмидъ (Gutschmid).

 Дамротъ (Damroth) 86.
 Данъ Ф. (Dahn) 107.
 Д'Арбуа де-Жубенвилль (D'Arbois
 de Jubainville) 18.
 Дворжакъ (Dvořak) 139.
 Дестунисъ Г. С. 33. 51.
 Дестунисъ Г. С. 81.
 Дзедушицкій, гр. (Dzieduszycki) 11.
 Дифенбахъ (Dieffenbach) 79.
 Довконтъ (Daukantas) 93.
 Дриновъ 10.

 Евагріи 62.

 Заранскій (Zarański) 28.
 Зеленскій, И. 83.
 Зеппъ (Sepp) 123.
 Зоммерфельдъ (Sommerfeld) 126.
 Зосимъ 33.

 Иловайскій, Д. И. 30. 30.
 Иностранцевъ, К. А. 30.

 Иречекъ, Г. 140.
 Иоаннъ Биклярскій 62.
 Иоаннъ Эфесскій 62.
 Иорданъ 20. 26.

 И. I. 95.
 Калина 79.
 Кассиодоръ 20.
 Катанчичъ 18.
 Каеммель (Kaemmel) 28. 28.
 Кентшинскій (Kętrzyński) 13. 18.
 28. 88. 89. 91.
 Кёртингъ (Körting) 99.

 Клавдіанъ, поэтъ 5 в. 33.
 Кланчъ, В. 51.
 Клуге (Kluge) 60. 127.
 Кондратовичъ-Сырокомля 91.
 Константинъ Багрянородный 83. 87.
 Корево 91.
 Корнелій Непотъ 8.
 Котляревскій 41.
 Кохъ 32.
 Кочубинскій, А. А. 92.
 Краличекъ 140.
 Красинскій, гр. 141.
 Крекъ (Krek) 5.
 Кригъ (Kriegk) 80.
 Крумбахеръ (Krumbacher) 49.
 Крушъ, Бр. (Bruno Krusch).
 Кулаковскій, Ю. 6. 114.
 Куникъ 26. 83.
 Куршатъ 93.
 Кюнель, П. (Kühnel P.) 122. 123.

 Ламанскій, В. И. 74.
 Ландау (Landau) 123.
 Ласкинъ 87.
 Латышевъ, В. В. 13. 13. 20.
 Леонидъ, архим. 50.
 Лескинъ (Leskien) 92.
 Липпертъ, Ю. (Lippert) 141.

 Маврикій, имп. 64.
 Маевскій (Maiewski) 138.
 Май, М. (May) 122.
 Майковъ, А. 98.
 Макушевъ, В. 51.
 Мариновъ 78.
 Мартинъ, епископъ, 50.
 Марцеллинъ 48.
 Марьянъ (Marjan) 123.
 Матовъ 79.
 Махаль, Я. (Machal) 98.
 Межинисъ 93.
 Мейеръ, Г. (Meyer) 79. 81.
 Мейеръ-Любке (Meyer-Lübke) 29.
 Мейтценъ (Meitzen) 114.
 Меліоранскій, П. М. 45. 45.
 Миклошичъ 17. 81. 123.
 Миллеръ, К. (Miller) 10. 10.
 Миллеръ, В. Θ. 28. 40.
 Моисей Хоренскій 48.
 Моне (Mone) 86.
 Морошкинъ 28.
 Мухъ К. 17.
 Мюлленгоффъ (Müllenhoff) 5.

 Надеждинъ 93.

- Невоструевъ, 50.
Нейманъ (Neuman) 30.
Нессельманъ (Nesselman) 95.
Нидерле, Л. 5. 11.
Николуки 83.
- Облакъ, В. 29.
Орбинскій 81.
Осокинъ 51.
- Павинскій 123.
Палацкій 140.
Пальманъ (Pallmann) 114.
Папачекъ 108.
Паткановъ 48.
Певтингеръ 8.
Пекосинскій (Piekosiński).
Пенкина, З. М. 91.
Первольфъ 60. 60. 123.
Петеръ 114.
Петровъ, Ал. 95.
Пичъ 83. 140.
Платнеръ (Platner) 112. 118.
Плиний 12. 13.
Погодинъ, М. П. 75.
Погодинъ, А. Л. 5. 7. 8. 9. 17. 31.
32. 94.
Поль Викентій 91.
Помпоній Мела 11.
Поповъ 40.
Поржезинскій, В. 160.
Потебня 43.
Потканскій (Potkański) 143.
Поливій 6.
Прасекъ (Prasek) 140.
Прискъ 33.
Прокопій Кесарійскій 38—39. 116.
Птолемей 16.
Пфуль (Pfuhl) 130.
- Радловъ, В. 30.
Рамултъ, Ст. (Ramult) 89. 131.
Раппопортъ, Б. 113.
Рачки 51. 72.
Рейнакъ, С. (Reinach) 96.
Реслеръ (Rössler) 25.
Ризе, А. (Riese) 10. 115.
Ризлеръ (Riezler) 119.
Ростафинскій (Rostafinski) 143.
- Садовскій 7.
Сазоновичъ, И. 76. 78.
Сапуновъ 91.
Сасинекъ 18.
- Семеновъ, П. П. 91.
Сенявскій (Sieniawski) 123.
Сетелъ, Э. (Setelä) 15. 17.
С. Мартенъ (S. Martin) 50.
Смирновъ, Н. И. 5.
Смичикласъ 51.
Смолка.
Снелъманъ (Snellmann) 6.
Соболевскій, А. И. 17.
Собѣстьянскій 61.
Созоменъ 23.
Соколовъ, М. 51.
Софокль 7.
Спрогсъ, И. 91.
Стокесъ (Stokes) 11.
Страбонъ 6.
- Тацитъ 14.
Тетцнеръ (Teznes) 19.
Тозеръ (Tozer) 79.
Томашекъ, В. (Tomaschek) 20. 87.
Томекъ 140.
Томсенъ, В. 8.
Тышкевичъ, гр. Е. 91.
Тышкевичъ, гр. К. 91.
- Урсинъ 61.
Успенскій, О. 61. 82. 83.
- Фальмераьеръ 63. 76.
Фидицинъ 122. 122.
Ферстеманъ, Э. (Förstemann) 85.
Филевичъ, И. П. 27. 90.
Филипсонъ 83.
Филиппъ 8.
Филосторгій 23.
Финкель 91.
Флоринскій, Т. 100.
Фохтъ 32.
Францевъ 133.
Фредегаръ.
Фуртвенглеръ 9.
- Хвольсонъ 62.
- Цахаріэ фонъ-Лингенталь (Zachariae von Lingenthal) 82.
Цейссъ (Zeuss) 5. 96.
Циппель (Zippel) 113.
- Шаде, О (Schade) 180.
Шафарикъ 5. 98.
Шварцъ 16.
Шишмановъ 76.

Шлейхеръ 98.
Шмидтъ, Б. 77.
Шнайдръ 140.
Шоттинъ 123.
Шрадеръ, А. 6.
Штукенбергъ 91.
Шулеъ 90.

Юшкевичъ 93.

Яичъ 29.
Ястровъ 5.

Феофилактъ Симокатскій 59.

Эбертъ 26.
Эльснеръ (Oelsner).
Эній Аристидъ 6.
Эндлихеръ 117.
Энзелинъ 93.

Указатель предметовъ.

- Авары 44. 47. 48. 49. 58. . Быть (антовъ 64, гунновъ славянъ,
Аваро-славянскія отношенія 49. 59. древнихъ поляковъ).
60. 61.
- Адамъ-Клисси (памятникъ въ—) 9. **Wanowe mogil** 60.
- Албанскія слова въ новогреческомъ Вандальскія племена 106.
языкѣ 81. Вандалы 116. 117. 118—119. 120.
Алфей, р. 79. **Varii** въ названіяхъ народовъ 126—
Англы 112. 127.
- Анты 25. 26. 27. 33. 51. 58. 135 Варны 118.
(ихъ нравы 64). Варта, р. 103. 104—105.
- Аскибургій 107. 108. Арабскіе пи- Вевърица (у римлянъ) 6.
сатели о славянахъ 18. 87. Великополяне 143.
- Аттила (его походъ черезъ Чехію Венеды 7. 8. 13. 15. 122. 135,
140, распаденіе его царства по (происхожденіе имени 17—18).
смерти его 43). Вестготы 23. 32 (христіанство у
нихъ 33).
- Баварцы** 139. Видиваріи 126.
Барычъ, Барчъ, р. 104. Виля 78.
- Бастарны** 9. 15. Вильже, оз. 93.
- Баювары** 114. **Vindo**—въ кельтскихъ названіяхъ 18.
- Бескиды** 89. Винитаръ 32—33.
- Biel** въ мѣстныхъ названіяхъ 124. Висла 12. 11, (ея притоки 94—97).
Бойки 87. Висляне 143.
- Болота** (на родинѣ славянъ 90, въ Vites 135. .
древней Германіи 115, въ древней *bitgi*, суфф. 123.
Польшѣ 143). Вера, р. 95.
- Бранденбургское нарѣчіе славян- Влахъ 78.**
скаго языка 132. Волки (въ Германіи) 115.
- Брно, Брюннъ** 140. Волкъ (въ личныхъ именахъ 98,
Брокъ, р. 97. въ мѣстныхъ названіяхъ 132).
- Бугъ, р.** 94. **Водоть** 60.
- Будины** 89. **Волхвъ** 94.
- Булгары, болгары** 26. 44. 48. **Вораны** 22.
- Бургунды** 107. 117—118. 120. **Вѣна** (ея древнее названіе) 28—29.
Вытебеть, р. 93.

- Выша, р. 93.
Вяръ, р. 94—97.
- Галы 93.
Географическая наука (ея успѣхи во 2 в.) 16.
Геиды 2 в. 51. 58. 120.
Германскія племена за Одеромъ 106.
Германская одежда 9.
Германцы, оставшіеся въ странахъ, занятыхъ славянами 126. 127—128. 134. 138. 141.
Герулы 22. 52. 120.
Геты 21. 48.
Глухіе гласныя въ Бранденбургскомъ нарѣчїи 132.
Гпилопять, р. 95.
Голода (въ Германїи) 116.
Горы (на родинѣ славянъ) 90.
Готы (на Вислѣ 108, въ Южной Россїи 23, на Таврическомъ полуостровѣ 24; походы ихъ на Римскую имперїю 22—23, 113 отрывки ихъ пѣсенъ у Иордана 21; ихъ вліяніе на культуру гунновъ 36. 39. 41. 43; христіанство у нихъ 23—24; ихъ имя въ славянскихъ языкахъ 17).
- Гунны (ихъ исторїя по китайскимъ источникамъ 30—32, въ Европѣ 32 и слѣд.; ихъ наружность 36. 37. 38. 41, ихъ бытъ 38, ихъ церемонїаль 34. 36. 39; рассказъ Приска о нихъ 33—36, рассказъ Иордана 36—37, рассказъ Ам. Марцеллина 37—38, рассказъ Зосима 38, гунны у поэтовъ 5 в.—38, у Прокопія 38—39; гуннскія имена 40. 41; вліяніе гунновъ на переселеніе народовъ 120. 140; смѣшеніе гунновъ со славянами 39—40, съ болгарями 51. 52. 58 и съ аварами).
- Даврить, князь 60.
Датчане (ихъ имя въ славянскихъ языкахъ) 17.
Дерванъ, князь сербовъ.
Десна, р. 93.
Долій въ мѣстныхъ названїяхъ 131.
Дрвонца, р. 139.
Дронгъ 82—83.
Друнгъ 82.
- Дубъ въ мѣстныхъ названїяхъ 129—130. 137.
Дубы (лодки) у славянъ 83.
Дулѣбы 49. 58. 60—61.
Дунай 50. 85—86.
- Eburodunum 140.
Евреи въ Россїи 2. 99.
Езериты 82.
eng, суф. 139.
- Жары (въ древней Германїи) 115.
Желѣзо (въ древней Польшѣ).
Жидь 99.
Жиздра, р. 93.
Жоботь, оз. 93.
Жовинъ, оз. 93.
Жупанъ 81.
- За, суф. (въ названїяхъ рѣкъ) 92. 95.
Земледѣліе (въ Польшѣ).
Zleps (гора) 119.
- Илжа, р. 95.
Искочь, р. 12. 95.
Исполинъ, сполинъ 60. 21.
—ица, суф. 81. 123—124.
- Calendae (каляды) 27.
Камары 22.
Каменные орудїя (въ Польшѣ).
Камъ 34. 36. 40. 41.
Карпаты 87.
Карпы 87.
Кашебы 87.
Квады 114. 140.
Кельтіоны 23.
Кельты (ихъ древняя культура 4, ихъ переселенїя 117, кельты въ истокахъ Вислы 96, около р. Буга 97, въ Чехїи и Моравїи 140, въ Южной Россїи 23, въ бассейнѣ озера 104, въ Западной Европѣ 138—139. 140).
- Климать (въ Польшѣ, въ древней Германїи) 115.
Князь въ именахъ 99.
Codadus (sinus) 13.
Conversio Carantanorum 134.
Кочевой бытъ 31. 38.
Крестьяне въ Польшѣ въ 12 в.
Крзна, р. 95.
Крѣпостное право въ Польшѣ.

- Куница (у грековъ) 6.
 Кутригуры 48.
 Куявы 143.
 Лаберъ, р. 97.
 Лаборць—97. 94.
 Lagnus (sinus) 13.
 Лангадія 79.
 Лангобарды 112. 118. 119—120.
 Лашанка, р. 92.
 Лекъ, р. 97.
 Лемовіи 108.
 Ленчицане 143.
 Ливецъ, р. 97.
 Лиги (луги) 118.
 Литовцы (на берегахъ Балтійскаго моря 7—8, въ Минской и Виленской губерніяхъ 93—94, въ бассейнахъ Вислы 94—96).
 Литовскія слова въ Добржинскомъ діалектѣ—95.
 Личныя названія деревень въ Польшѣ.
 Ломница, р. 101.
 Лопари 15.
 Лоша, р. 92. 94.
 Луги 106—107.
 Лужицкая полоса славянской колонизаціи 133—137.
 Лужицкія мѣстныя названія 122. 130. 137.
 Лѣса (въ древней Германіи 115, въ Тюрингіи 134, въ Баваріи 136, въ древней Польшѣ 143—145).
 Мадыяры—117.
 Мазовецкое племя 143.
 Малапана, р. 104.
 Малополяне 143.
 Маркоманны 140.
 Mauringa 135.
 Медъ (у паннонцевъ) 43. 35. 40. 41.
 Мекленбургское нарѣчіе славянскаго языка 132. 133.
 Мигото; оз. 93.
 Милинги 82.
 Митва (Мытва) р. 92.
 Можа, Можанка, р. 92.
 Морава, р. 95.
 Moinvividi 136.
 Морава (у арабовъ) 87.
 Морава, Моравица, р. 100.
 Морози, оз. 93.
 Морозы (въ древней Германіи) 115.
 Мрова, р. 95.
 Мрога, р. 95.
 Мурсія, озеро 25.
 Мѣстныя имена 122—123.
 Наводненія (въ древней Германіи) 115.
 Названіе деревень въ Польшѣ.
 Нар.—, Пер.—въ названіяхъ рѣкъ 94. 95—96. 105.
 Нача, р. 92.
 Невры 89.
 Nemri (городъ) 119. 127.
 Нетца, р. 104.
 Нида, р. 96. 126.
 Ниса, р. 101—102.
 Noviodunum 25—26.
 Носовыя гласныя въ Бранденбургскомъ нарѣчій 129—130.
 Нѣмецкія названія рѣкъ въ бассейнахъ Одера 102—103.
 Обры 49. 58. 60.
 Община въ Польшѣ. Одеръ 86. 143. (притоки—100—105). Однодревки у славянъ 83.
 Окано, оз. 93.
 Оногуры (он-уйгуры) 47.
 Ополе (въ Польшѣ).
 Оппа, р. 100.
 Оресса, р. 93.
 Осель 98—99.
 Остготы 23. 32. 43.
 Падежи скота въ древней Германіи 116.
 Паннонія въ эпоху переселенія народовъ 120.
 Пара, р. 95.
 Певтингеровы таблицы 8. 10. 119.
 Пеликъ, оз. 93.
 Pelso, оз. 27.
 Переселеніе народовъ (общія замѣчанія о немъ 112—114, его причины 114—116, способъ 116—117. 118. 119).
 Пиръ у Аттилы 36.
 Полабская полоса славянской колонизаціи 122—123.
 Польскія племена 142—143.
 Постройки (у гунновъ 35. 36. 39. 42, у германцевъ 42).
 Потсдамъ 129.
 Похоронный обрядъ (у гунновъ 37, у хіонитовъ 41).
 Припять (ея сѣверныя притоки) 91—94.

- Просна, р. 104—105.
 Птоломей 16.
 Пустергаль, долина 141.
 Пѣсни (въ честь Аттилы) 35. 42—43.
- Раба, р. 96.
 Рабы (у славянъ 53, у поляковъ 150).
 Равка, р. 96.
 Равно 124.
 Rakopusy 29.
 Ratanzvinidi 136.
 Римскія монеты 6.
 Рифейскія горы 12.
 Родовыя названія деревень въ
 Польшѣ 147—149.
 Роксоланы 32.
 Романскія слова въ новогреческомъ
 языкѣ 81.
 Роба, р. 96—97.
 Руги 108. 119.
 Руза 92.
 Рѣки (ихъ изученіе) 90—91.
- Са ся*, суф. въ названіяхъ рѣкъ 92.
 95. 102. 104. 105.
 Савиры 47. 58—59.
 Само (извѣстія о немъ 153. 157, его
 національность 157, мѣсторожде-
 ніе 157, царство 157).
 Самодивы (дивы) 78.
 Санъ, р. 97.
 Сарагуры (Сары-уйгуры) 147.
 Сарбинъ 87.
 Сарматы (свободные и рабы) 42.
 114.
 Сасы 17. 87.
 Савы 114.
 Севы 114. 121 (смѣшеніе ихъ со
 славянами 108. 110).
 Свидеръ, р. 95.
 Свислочъ, р. 12. 95.
Святъ въ мѣстныхъ именахъ 130.
 Семноны 107.
 Senopagus, pagus 157.
 Сережа, р. 93. 94.
 Сѣдерка, р. 97.
 Силинги 107. 109.
 Скиры 13—14. 108.
 Скинская культура 2—3.
 Склавины 2. 51 и дал., 156.
 Склавинскія горы 77.
 Склавинія 74.
 Склавонія 77.
- Склады 122.
 Скрва, р. 95.
 Славяне (на берегу Балтійскаго мо-
 ря 17. 18—19, въ Пелопоннесѣ
 62—63. 71, въ Дакии 71, въ Си-
 рии 74, въ Греціи—гл. VIII, на
 островахъ Эгейскаго моря 83—84,
 въ Баваріи 63. 71. 141, въ Юж-
 ной Италіи 84, въ Гассенгау 121,
 около Магдебурга 122, въ Бран-
 денбургѣ 128—132, въ Меклен-
 бургѣ 132—133, въ Тюрингіи
 133—134, въ Верхней Франконіи
 113—138, около Вюрцбурга и
 Эйхштета 138, въ Нижней и Сред-
 ней Франконіи 138, на Рейнѣ 135,
 въ Баденѣ и въ Швейцаріи 138,
 въ Чехіи и Моравіи 139—141, въ
 Австріи 141, въ Польшѣ 142).
 Славяне (на римскихъ и греческихъ
 надписяхъ 1, на Певтингеровыхъ
 таблицахъ 8. 9. 10—11, въ «Во-
 просахъ и отвѣтахъ Кесарія»
 49—50, у Иордана 25, въ стихо-
 твореніи епископа Мартина 50,
 у византийцевъ 54, 56, 61, 64,
 74 и др., у Иоанна Эфесскаго 62,
 у Иоанна Биллярскаго 62, у Иси-
 дора 71, у Евagriя 62, у Льва
 Діакона 71, у Константина Багря-
 народнаго 72. 75, у Вибія Се-
 квестра 132, у географа Равен-
 скаго 135).
 Славяне (ихъ движеніе на Дунай
 29, на Западъ 120—121).
 Славянскіе походы на Византію (въ
 527 г. 51, въ 534 г.—52, въ
 548 г.—55, въ 551 г.—55—58.
 въ 575 г.—62, въ 578—62, въ
 588—62, въ 589 г.—62—63, въ
 577 г. 63—64, съ 597 г. по 602 г.—
 64—71).
 Славянскій элементъ (въ новогре-
 ческомъ тинѣ 83, въ греческомъ
 фольклорѣ 77—78, въ географи-
 ческой номенклатурѣ Греціи 78—
 80, въ греческихъ фамиліяхъ 77,
 въ греческомъ языкѣ 80—81. 84,
 въ юридическомъ строѣ средне-
 вѣковой Греціи 81—82).
 Славянское племя (родина его 19.
 90. 97. 100. 94. 105. 108. 111;
 типъ его—18).
 Славянскія мѣстныя имена (ихъ иска-

- женіе въ устахъ нѣмцевъ 124—126. 128. 129).
Славянскія названія рѣкъ (въ бассейнѣ Вислы 97, въ бассейнѣ Одера 102—103).
Славянская одежда 98. 155. 157.
Соль (въ Польшѣ) 146.
Sorabi, Sorbi 122.
Σποράδες 23.
Столь въ мѣстныхъ названіяхъ 131.
Stör 124.
Страва 37. 41.
Стурмъ (его встрѣча со славянами) 133—134.
Стырь, р. 124.
Судоходство у славянъ 83.
Сѣверо-восточная Европа (незнакомство грековъ съ ней) 5—6.
Сѣрадзане 143.
Татры (Тоутры) 89.
Траянъ 9—10. 28.
Tsierna 27.
Тугю 44. 45.
Турки 44—47.
Тюринги въ Лужицахъ 128.
Тысьменица р. 101.
Уга, р. 93.
Уйгуры 47—48.
Улла, р. 92.
Ungani 135.
Уна, р. 92.
Уроги 47.
Уша (Уса), р. 92.
Ушена р. 93.
Фальмерайеръ (теорія его) 76—77.
Финны 15.
Фисонъ, р. 50.
Fichtel-Gebirge 124. 136. 137.
Фредегаръ 152—153. 154.
Фульдскіе славяне 134.
Харватъ 88—89.
Harpii 87.
Hassengau 121.
haeredes 150—151.
Хильвудій 52.
Chimabes 135.
Холмъ въ мѣстныхъ названіяхъ 131.
Хорватія (Бѣлая) 72—73.
Хорватъ 87. 88—89.
Хроватія (Бѣлая) 87.
Хроваты 87—88.
Хунну 30—31. 44.
Хърватъ 89.
Hüne 60.
Церковь 79.
Civitas (у Тацита) 106—107.
Cylipenus (sinus) 13.
Цинна, р. 101.
Цна, р. 92—93. 94. 101.
Чешско-моравская полоса славянской колонизаціи 139—141.
Численность населенія (въ Фульдѣ 134, въ Польшѣ) 145.
Чичина, 100—101.
Ша, суф. (въ названіяхъ рѣкъ) 92. 95.
Шацка, р. 92—93. 104.
Schwaben-Gau 121.
Schwedt, городъ 130.
Шино, оз. 93.
Языкъ полабскихъ славянъ 98.
Янтарь (балтійскій) 7.
Эльба 17. 132.
Эпидеміи (въ древней Германіи) 116.
Эриданъ, р. 7.
Эрманарихъ 21. 32. 113.
Эфеалиты 38.
Фракійцы 8—9.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6753

1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF

Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

JAN 5 1991
